

Финансовый университет при правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт РАН
Ереванский государственный университет (Армения)
Армянское отделение Института стран СНГ
Национальный аграрный университет Армении
Российско-армянский (славянский) университет (Армения)
Краснодарский университет МВД России
Кубанский государственный технологический университет
Кубанский институт международного предпринимательства и менеджмента
Международный союз экономистов и предпринимателей «Круг Кондратьева»
(Франция)
Краснодарский региональный общественный благотворительный фонд
«Научно-образовательные инициативы Кубани»
Краснодарское региональное отделение
Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»
Краснодарская региональная просветительская общественная организация
«Общество «Знание»

**ПОИСК МОДЕЛИ
ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ:
ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник статей международной научно-практической конференции

*под редакцией Г.Б. Клейнера, Э.В. Соболева,
В.В. Сорокожердьева*

Краснодар
2015

ББК 65.9 (2Рос)+67.4

П 47

Редакционно-издательский совет сборника научных статей:

А.Ю. Архипов, С.И. Берлин, А.В. Бузгалин, В.В. Долинская,
Л.Л. Игонина, А.Н. Ильяшенко, А.О. Иншакова, П.В. Каленский,
Р.М. Качалов, Г.Б. Клейнер, А.А. Кизим, Х.А. Константиныди,
Р.М. Нуреев, С.С. Слепаков, Э.В. Соболев, В.В. Сорокожердьев,
З.М. Хашева, Л.Я. Чикарина, Л.П. Шульгатый, М.Б. Щепакин

Ответственный редактор:

В.В. Сорокожердьев

По итогам Международной научно-практической конференции «Поиск модели эффективного развития: экономико-правовые аспекты социохозяйственной модернизации на постсоветском пространстве», проведенной в г. Ереване, Армения 2–9 ноября 2014 г.

П 47 Поиск модели эффективного развития: экономико-правовые аспекты социохозяйственной модернизации на постсоветском пространстве. Сборник статей международной научно-практической конференции / под ред. Г.Б. Клейнера, Э.В. Соболева, В.В. Сорокожердьева. – Краснодар, 2015. – 418 с.

ISBN 978-5-9266-0852-3

В настоящем сборнике статей представлены материалы, подготовленные участниками Международной научно-практической конференции «Поиск модели эффективного развития: экономико-правовые аспекты социохозяйственной модернизации на постсоветском пространстве», проведенной в г. Ереване, Армения 2–9 ноября 2014 г.

Для научных работников, специалистов в области экономики и права, студентов экономических и общественных специальностей, всех, кто интересуется проблемами экономики, права и экономической политики.

ISBN 978-5-9266-0852-3

ББК 65.9 (2Рос)+67.4

© Оформление, Краснодарский
университет МВД России, 2015
© Коллектив авторов, 2015

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМОВ ВАС РФ И ВС РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В СВЕТЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

*Абесалашвили М.З., к.ю.н., доцент,
Шадже А.М., д.ю.н., профессор
Адыгейский государственный университет*

Предметом активной дискуссии, как в среде научного сообщества, так и в среде практикующих юристов был и остается вопрос о месте и роли судебных актов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в правовой системе российского государства.

Проходящая в настоящий момент в нашей стране судебная реформа в очередной раз заставляет обратить внимание на необходимость решения данной проблемы.

Традиция российской правовой системы связана с ее приверженностью романо-германской правовой семье. Но сложное историческое наследие российского государства, пережившего в XX веке колоссальные социокультурные потрясения, привело к разрыву единой парадигмы развития российского права. В современном российском государстве нет четко сформулированного подхода к пониманию места и роли высших судебных инстанций РФ в правовой системе страны [5, с. 121].

На современном этапе судебная система Российской Федерации переживает серьезные структурные изменения. Реформа высших судебных инстанций привела к упразднению Высшего Арбитражного суда Российской Федерации и созданию единого Верховного суда Российской Федерации, в составе которого появилась коллегия по экономическим спорам.

Необходимость подобных преобразований неоднократно озвучивалась как представителями научного сообщества, так и практикующими юристами, которые обращали внимание на расхождение позиции Высшего Арбитражного суда Российской Федерации и Верховного суда Российской Федерации, как в вопросах толкования норм права, так и в вопросах понимания места и роли высшей судебной инстанции в правовой системе российского государства.

Несмотря на тот факт, что реформа в основном затронула систему высших судов Российской Федерации, она породила ряд вопросов затрагивающих деятельность всех судебных инстанций. Одним из таких вопросов является место и роль «наследия» Высшего Арбитражного суда Российской Федерации и дореформенного Верховного суда Российской Федерации в судебной системе российского государства.

Актуальность этого вопроса обуславливается еще и тем, что произошедшие преобразования в судебной системе страны привели к изменению подведомственности некоторых категорий дел. Изменения затронули дела об оспаривании нормативных правовых актов и кадастровой стоимости.

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ п. 1.1 ст. 29 АПК РФ изложен в новой редакции, вступающей в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня вступления в силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ[1], с этого момента дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти отнесены к компетенции судов общей юрисдикции.

Исключение сделано лишь для дел об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, если рассмотрение таких дел в соответствии с АПК РФ отнесено к компетенции Суда по интеллектуальным правам.

Также изменения затронули ГПК РФ, ст. 6 Федеральный закон от 04.06.2014 № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением подведомственности некоторых категорий дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами» были внесены изменения в часть первую ст. 26 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации дополнив ее пунктом 8 [2]. Таким образом, Верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа рассматривают в качестве суда первой инстанции гражданские дела об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости.

Изменение подведомственности указанных категорий дел приводит к необходимости создания новых правовых подходов в

области как материального, так и процессуального права. Особенно остро эта проблема затронет дела по оспариванию результатов определения кадастровой стоимости, так как рассмотрения указанной категории дел в нынешних условиях, особенно с учетом процедуры обжалования судебных актов, может затянуться на длительный срок.

Еще одним важным моментом, на который необходимо обратить внимание является отличие подходов Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от практики Верховного суда Российской Федерации не только в части материального, но и процессуального права. Если обратиться к постановлениям Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации то можно увидеть, что многие из них содержат оговорку о том, что вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов по делам со схожими фактическими обстоятельствами, принятые на основании нормы права в истолковании, расходящемся с содержащимся в настоящем постановлении толкованием, могут быть пересмотрены на основании п. 5 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, если для этого нет других препятствий [3].

При этом постановления Президиума Верховного суда Российской Федерации подобные оговорки не содержали, не смотря на тот факт, что п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ предусмотрено, что к новым обстоятельствам относится определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В настоящий момент возникает противоречие между гражданским и арбитражным процессуальными кодексами, так как п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ указывает, что новыми обстоятельствами является определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или в постановле-

нии Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, если в соответствующем акте Верховного Суда Российской Федерации содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства. Таким образом, возможность пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в арбитражном процессе ставится в зависимость от наличия специальной оговорки, в то время как в гражданском процессе, подобных ограничений нет.

Необходимо также учитывать, что в соответствии с ч. 4 ст. 3 АПК РФ Судопроизводство в арбитражных судах осуществляется в соответствии с федеральными законами, действующими во время разрешения спора и рассмотрения дела (далее – рассмотрение дела), совершения отдельного процессуального действия или исполнения судебного акта. Таким образом, указание Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации о возможности пересмотра вступивших в силу судебных решений, вынесенных до 06.08.2014 г., утратили силу.

Так же необходимо обратить внимание на сложившуюся неопределенность в отношении правовых подходов разработанных Высшим Арбитражным судом российской Федерации в период его деятельности.

Законодатель по этому вопросу высказался достаточно туманно. В ст. 3 Федерального Конституционного Закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» указано, что разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Такая формулировка не дает ответа на вопрос, какими постановлениями пленума и президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации должны руководствоваться участники правоотношений в своей деятельности. Не вносит ясности и положения ч. 4 ст. 170 АПК

РФ, в которой указано, что в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Таким образом, можно лишь утверждать о безусловном приоритете решений Верховного суда Российской Федерации в случае возникновения коллизии с правовой позицией Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Надо понимать, что произошедшие изменения в структуре высшей судебной инстанции нашей страны затрагивают и вопрос организации принципов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Не является тайной, что судьи арбитражных судов в своей деятельности фактически игнорировали разъяснения Верховного суда Российской Федерации, тогда как их коллеги в судах общей юрисдикции не придавали значения практике Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. В нынешней ситуации, сохранение подобного положения вещей является недопустимым. Произошедшие изменения в законодательстве должны привести к формированию единых подходов в работе всех судебных инстанций.

Хотелось бы отметить, что создание единого Высшего суда Российской Федерации в некоторой степени решает только проблему единообразия судебной практики в применении норм права, тогда как вопрос о понимании места и роли высшей судебной инстанции в правовой системе нашей страны, затрагивающий фундаментальные основы государственного устройства, остается не решенным.

Необходимо, прежде всего, разобраться с тем, чем по своей правовой природе являются решения высших судов Российской Федерации (носят ли они характер нормативно-правового акта).

Знаковым моментом в обсуждении места и роли судебных актов высших судов Российской Федерации в правовой системе российского государства стала речь А.А. Иванова произнесенная

на третьих «Сенатских чтениях» в Конституционном суде РФ. В ней председатель Высшего Арбитражного суда РФ указал, «Если с точки зрения дихотомии «прецедент – не прецедент» мы посмотрим на нашу судебную систему, то окажется, что она находится где-то посередине, причем довольно давно. С того момента, как наши высшие суды получили право принимать постановления пленумов о толковании законов, они перешли от классического континентального подхода, согласно которому судебный акт влияет только на то правоотношение, которое подвергалось анализу суда, к более широкому влиянию на социальные отношения» [4].

Учитывая происходящие в судебной системе Российской Федерации изменения, направленные по сути, на формирование единообразной судебной практики, кажется логичной потребность в разрешении сложившейся неопределенности в отношении статуса правовых позиций формируемых высшими судебными инстанциями Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»// Российская газета. – 2014. – № 148.

2. Федеральный закон от 04.06.2014 № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением подведомственности некоторых категорий дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами»// Собрание законодательства РФ.- 2014.- № 23. – Ст. 2928.

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.02.2012 № 13763/11 по делу № А43-22536/2010 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 6.

4. Сайт Конституционного суда РФ – <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceIvanov.aspx>

5. Рамазанова И.И. Место и роль судебных актов высших судебных инстанций в правовой системе российского государства Юридическая наука и правоприменительная практика: состояние и тенденции развития: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, посвященный 150-летию судебной реформы 1864 года (24 октября 2014 г.). – Майкоп. С. 121–124.

РЫНОК СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ КАК СЕГМЕНТ РЫНКА КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

*Алексеевко А.Г., аспирант,
Зыза В.П., к.э.н., профессор
Кубанский государственный
технологический университет*

Сфера обращения прав корпоративного контроля имеет множество различных толкований и взглядов в ее отношении. Под корпоративным контролем следует понимать возможность оказывать влияние на процесс принятия управленческих решений, принимаемых органами корпорации, участвуя в принятии такого решения, связанного с деятельностью корпорации. Однако корпоративный контроль может являться ценным активом. Впервые термин «рынок корпоративного контроля» был использован в 1965 г. американским экономистом Г.Манне, который, анализируя проблему повышения эффективности корпоративного сектора национальной экономики США, предположил существование прямой связи между эффективностью управления компанией и рыночной стоимостью ее акций. По гипотезе Манне, если цена акций компании ниже средней по сектору рынка, то это станет сигналом для всех участников рынка о неэффективности управления ею, слабости менеджмента, недооцененности активов. Следовательно, такая компания будет являться целью для более эффективной команды менеджеров другой компании [2]. В результате, выгодное приобретение недооцененной компании путем слияния или поглощения позволит не просто увеличить активы другой корпорации, а достигнуть синергетический эффект от объединения этих активов.

На рынке корпоративного контроля совершаются также операции по ликвидации сегментов бизнеса. Причинами этого может служить неэффективное управление данными сегментами, либо смена интересов компании из-за переориентации на другие сферы бизнеса, либо данный сегмент не дает должной отдачи на вложенные в его поддержание и развитие средства. Таким образом, можно сделать вывод, что на рынке корпоративного контроля существуют разнонаправленные процессы интеграции и де-

зинтеграции. Интеграционные процессы реализуются в слиянии и поглощении компаний; обратный же процесс отражается в выделении и разделении компаний.

Зарубежная и российская экономическая теория и практика расходятся в толковании понятия рынка корпоративного контроля. Западная научная мысль под рынком корпоративного контроля понимает процессы слияния и поглощения, выкупа с использованием рычага, выделения и разделения. Данные процессы рассматриваются в рамках получения полного контроля над компанией через получение не менее 50%+1 акций/долей компании [7, 22].

Российская экономическая мысль исследует аналогичные процессы, при этом классифицируя их на технику экспансии (слияния и поглощения) и технику сжатия (продажа, выделение, разделение), и отдельно выкуп долговым финансированием. В российском законодательстве под слиянием понимается реорганизация юридических лиц, при которой права и обязанности каждого из них переходят ко вновь возникшему юридическому лицу в соответствии с передаточным актом. Необходимым условием оформления сделки слияния компаний является появление нового юридического лица, при этом новая компания образуется на основе двух или нескольких прежних фирм, утрачивающих полностью свое самостоятельное существование. Новая компания берет под свой контроль и управление все активы и обязательства перед клиентами компаний, ставших ее составными частями, после чего последние распускаются. Следовательно, если компания А объединяется с компаниями Б и В, то в результате на рынке может появиться новая компания Д ($Д = А + Б + В$), а все остальные ликвидируются.

В зарубежной практике под слиянием может пониматься объединение нескольких фирм, в результате которого одна из них выживает, а остальные утрачивают свою самостоятельность и прекращают существование. В российском законодательстве этот случай попадает под термин «присоединение», подразумевающий, что происходит прекращение деятельности одного или нескольких юридических лиц с передачей всех их прав и обязанностей обществу, к которому они присоединяются ($А = А + Б + В$).

В западной практике понятия «слияния» и «поглощения» не имеют настолько четкого разграничения, как предусматривает российское законодательство. Ряд специалистов считают, что дефиниции «слияние» и «поглощение» являются одинаковыми и взаимозаменяемыми. Известная и привычная аббревиатура M&A (merger and acquisition) переводится как «слияние и поглощение». При этом под термином «merger» понимается поглощение путем приобретения ценных бумаг или основного капитала, слияние, объединение компаний. Под понятием «acquisition» понимается приобретение, завладение, поглощение (компания) [1, 50].

Обобщая, можно сделать вывод, что в настоящее время в экономической науке рынок слияний и поглощений является частью рынка корпоративного контроля или рынка обращения прав контроля над компанией, т.е. совокупности экономических и юридических прав, дающих возможность новым собственникам влиять на стратегическое развитие и текущую деятельность компании. Рынок слияний и поглощений не имеет строго оговоренных географических и отраслевых границ. Следовательно, под российским рынком слияний и поглощений можно условно подразумевать всю совокупность внутренних и трансграничных сделок по корпоративной интеграции, осуществляемых через механизмы установления корпоративного контроля, реструктуризации собственности и реорганизации бизнеса, участниками которых являются отечественные компании.

Согласно основным положениям экономической теории, функцией любого рынка является эффективное распределение ограниченных ресурсов для наиболее рационального их использования. На рынке слияний и поглощений сделки, прежде всего, нацелены на повышение микроэкономической эффективности деятельности компании и достижение стратегических конкурентных преимуществ за счет развития различных видов интеграционной синергии. Синергетический эффект выражается в том, что компании после объединения будут стоить дороже по сравнению с суммой их стоимостей до слияния, так как каждая приобретает то, чего ей не хватало, причем получает эти ресурсы дешевле, чем они обошлись бы ей, если бы пришлось их создавать самостоятельно [7, 29].

Реализация эффекта синергии приводит к тому, что стоимость объединенной компании для общества растет как в силу соответствующего увеличения рыночной стоимости, так и в результате роста скрытой общественной стоимости компании. Рассмотрим, в чем различие понятия стоимости компании для рынка и общества. Рыночная стоимость компании отражает ее ценность для частного сектора. Поскольку компания платит налоги (или может платить их в будущем), она также имеет дополнительную ценность для общества в виде приведенной стоимости ее налоговых платежей. Сумма рыночной стоимости в частном секторе и этого «скрытого» значения налоговых платежей представляет собой полную стоимость компании для общества. Однако в том случае, когда единственной причиной слияния компаний оказывается снижение налогов, стоимость объединенной компании с позиции общества оказывается в точности равной сумме стоимости для общества двух отдельных компаний. Это объединение не повышает общей стоимости с точки зрения общества. Происходит просто перераспределение общей стоимости между акционерами и обществом, рассчитывающим на определенные налоги.

Также целью интеграционных процессов на рынке слияний и поглощений может быть увеличение доли рынка, снижение взаимной конкуренции и укрепление конкурентных позиций объединенной компании на рынке, что способствует высвобождению части ресурсов компании и снижению издержек на конкурентную борьбу. Слияния в данном случае дают возможность компаниям обуздать ценовую конкуренцию: цены из-за конкуренции могут быть снижены настолько, что каждый из производителей получает минимальную прибыль. Иногда конкуренты могут быть приобретены и затем закрыты, потому что выгоднее выкупить их и устранить ценовую конкуренцию, чем опустить цены ниже средних переменных издержек, заставляя всех производителей нести существенные потери.

Устранение конкурентов и монополизация отраслевого рынка как цель и как результат возможны при соответствующих количественных и качественных параметрах рынка и отрасли, поэтому эффект монополизации отрасли является негативным результатом в критериях оценки макроэкономической эффективно-

сти и социально-экономических последствий функционирования рынка слияний и поглощений.

Позитивная макроэкономическая динамика является определяющим фактором развития рынка слияний и поглощений. Вместе с тем из факторов количественного развития рынка, необходимо выделить рост стоимости российских компаний (как технический фактор применительно к количественной динамике рынка), доступность кредитных средств, активизацию деятельности банков и инвестиционных фондов как участников рынка, продажу активов в рамках «расчистки балансов» и урегулирования долговых обязательств (компаниями и банками), деятельность иностранных инвесторов [4, 87].

Однако, специфичность российского рынка слияний и поглощений и перспективы его дальнейшего развития (причем независимо от конкретной фазы подъема или спада) в значительной степени обусловлены целым рядом обстоятельств качественного характера.

Такие общие институциональные факторы, как относительно слабое развитие рыночных институтов и низкая эффективность работы судебной системы, высокая концентрация собственности, непрозрачность прав собственности и коррупция, оказывают системное влияние на все стороны деятельности на российском рынке слияний и поглощений. Также, низкий уровень прозрачности информации о сделках, недостаток профессиональных посредников в данной области, низкая вовлеченность инструментов организованного фондового рынка в процесс слияний и поглощений, слабость прямого государственного регулирования, активное участие в данных процессах государственных компаний свидетельствуют, в частности, о проблемах эффективности рынка корпоративного контроля.

Несовершенства существующего отечественного правового института реорганизации также могут помешать росту числа эффективных сделок слияний и поглощений. Невозможность удовлетворения всех потребностей отечественных предпринимателей в установлении контроля над бизнесом объясняется комплексом причин: необходимостью соблюдения сложной процедуры; дополнительными издержками, связанными с получением разрешения

антимонопольных органов; фактором времени; появлением дополнительных обязанностей; информационной открытостью процесса реорганизации; появлением дополнительных предпринимательских рисков [3]. Данные несовершенства препятствуют как и неэффективным, так и обоснованным и эффективным сделкам слияний и поглощений, что может нанести вред рыночной среде.

Фактор государства имеет особое значение для рынка слияний и поглощений в России. Проблема конфликта интересов, возникающего у государства как регулятора, с одной стороны, и активного участника рынка слияний и поглощений с другой, стала очевидной [6]. Усиленное внимание к интересам госкорпораций и стратегических предприятий приводит к ухудшению качества общего государственного регулирования корпоративной сферой вследствие того, что узкоспециальные нормы, призванные обслуживать интересы государственного сектора, распространяются на все субъекты хозяйственной деятельности. При этом активное использование административного ресурса и вне-рыночных методов для приобретения государством и государственными компаниями активов означает переход системы недружественных поглощений на новый – государственный уровень.

Необходимо отметить, что сделки слияний и поглощений приобретают решающее значение по целому ряду направлений, обеспечивающих формирование эффективной инновационной системы. Освоение инноваций в научно-технической области, обеспечивающих сравнительные конкурентные преимущества, часто достигается посредством приобретением специализированных компаний, преуспевших благодаря венчурному финансированию. Следовательно, эффективный рынок слияний и поглощений позволяет оптимизировать использование не только реального, но и «организационного» капитала, который принадлежал компаниям, проигрывающим в конкурентном соперничестве.

Существенным является принятый в современной теории фирмы тезис о том, что появление радикальных инноваций, принципиально новых научно-технических разработок менее вероятно в устоявшейся крупной корпорации [5]. Напротив, инерционность в функционировании крупных компаний, прежде всего обусловленная проблемой «принципал–агент», может также

существенно тормозить распространение инновационных процессов. Моральное устаревание традиционно используемых технологий и прежних продуктов (особенно при экономической поддержке этих компаний государством) на практике оказывается одной из важнейших форм неоптимальной аллокации ресурсов в современной экономике. Тем самым именно функционирование финансовых рынков оказывается по существу одной из главных движущих сил обновления технической базы и вывода ресурсов из сферы их менее эффективного использования [4, 60].

Итак, корпоративный контроль является ценным активом, с чем и связано существование соответствующего рынка. Отдельным сегментом рынка корпоративного контроля предстает рынок слияний и поглощений. Данный рынок призван обеспечивать эффективное перераспределение прав собственности. Сделки, совершаемые на рынке, приводят к достижению стратегических конкурентных преимуществ за счет синергетического эффекта от интеграции. Однако данный рынок порождает и отрицательный эффект – усиление монополизации отраслей, в которых происходят крупные сделки, соответственно, требуется эффективное государственное регулирование этих процессов. Российский рынок слияний и поглощений на настоящее время характеризуется отсутствием должного государственного регулирования, в то время как государство принимает активное участие в интеграционных процессах. В результате действия государства как регулятора рынка слияний и поглощений с одной стороны, и как активного рыночного субъекта с другой, порождают конфликт интересов, снижающий эффективность функционирования отечественного рынка слияний и поглощений.

Литература

1. Гвардин С.В. Создание добавленной стоимости компании при сделках слияний и поглощений. Российский опыт. – М.: Эксмо, 2008. – 224 с.
2. Игнатишин Ю.В. Слияния и поглощения: уровень корпоративного контроля. URL: <http://gaar.ru> (дата обращения: 12.10.2014 г.).
3. Константиныди Х.А. Маркетинговый потенциал региона. Подходы к формированию региональной экономической политики //

Проблемы формирования эффективной социально ориентированной модели хозяйственного развития России / под ред. Г.Б. Клейнера, С.И. Берлина, Х.А. Константиныди. – Краснодар, 2014. – С. 201–227.

4. Радыгин А.Д., Энтов Р.М. Рынок слияний и поглощений: новые теоретические подходы // Экономическая политика. – 2010. – № 5. – С. 67–90.

5. Рубин А.Г., Рубина Р.Я. Механизм реализации инновационной стратегии развития экономики (глава 2 монографии) // Стратегия современного социохозяйственного развития России: экономические и правовые аспекты: монография / под ред. В.В. Долинской, А.О. Иншаковой, В.В. Сорокожердьева. – Краснодар, 2014. – С. 40–76.

6. Сорокожердьев В.В., Пименов Г.Г., Солонина С.В. Содержание, принципы и цели осуществления государственной экономической политики в современных условиях // Проблемы формирования эффективной социально ориентированной модели хозяйственного развития России / под ред. Г.Б. Клейнера, С.И. Берлина, Х.А. Константиныди. – Краснодар, 2014. – С. 58–97.

7. Хасаншина Н.Б. Основные этапы и особенности развития российского рынка М&А // «Современная конкуренция». – 2012. – № 1. – С. 21–31.

ОЦЕНКА РИСКА ИСКАЖЕНИЙ ПРИ АУДИТЕ

Арженовский С.В., д.э.н., профессор

*Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)*

Бахтеев А.В., к.э.н., доцент

Южный федеральный университет

Принципиальные изменения методики и методологии оказания профессиональных аудиторских услуг на современном этапе базируются на применении нового риск-ориентированного концептуального подхода.

Ключевую роль в интегральной оценке риска играет определение перечня факторов, которые в итоге свидетельствуют о существенном искажении аудируемой бухгалтерской отчетности. Рассмотрим оценку рисков на примере идентификации и

определения наличия и значимости факторов риска существенного искажения вследствие недобросовестных действий руководства клиента. Структурируем совокупность факторов риска в соответствии с базовым постулатом теории мошенничества, известному как «треугольник мошенничества». В соответствии с ним мошенничество осуществимо только при наличии мотивов для его совершения, подразумевающих под собой, в том числе, и давление, оказываемое на руководство составителем бухгалтерской отчетности. При этом наличие мотивов становится условием для совершения мошенничества в случае, если лицо, имеющее мотивы, знает о наличии возможности совершения недобросовестных действий и способно их скрыть или завуалировать. Исходя из этих дедуктивных выводов, в федеральных стандартах аудиторской деятельности структурированы признаки, наличие которых может свидетельствовать о риске совершения недобросовестных действий аудируемого лица [1]. Целесообразно использование аналогичной структуризации признаков наличия недобросовестных действий для построения методики оценки интегрального риска в аудите.

Предлагается систему факторов, свидетельствующих о наличии риска недобросовестных действий в рамках теории мошенничества, методологической основой которой является треугольник мошенничества, представить в виде матрицы, изображенной на рисунке 1.

Элементы «треугольника мошенничества»	Недобросовестное составление отчетности	Присвоение активов
Мотивирующие факторы	1	4
Осознанная возможность	2	5
Способность вуалирования	3	6

Рис. 1. Матричная модель структуризации факторов интегрального риска

В области значений матрицы, проставлены порядковые номера групп, на которые подразделяются факторы риска недобросовестных действий.

Так, в первую группу входят факторы, указывающие на наличие риска существенного искажения бухгалтерской отчетности вследствие ее недобросовестного составления. Факторы, входящие в эту группу, подразделяются на две подгруппы – «мотивирующие факторы» и «факторы необычного давления на руководство аудируемого лица». В первую подгруппу, по-нашему мнению, должны быть включены факторы, в частности, указывающие на финансовую нестабильность деятельности аудируемого лица или высокую вероятность такой нестабильности. Вторая подгруппа первой группы должна включать, факторы необычного значительного давления, вызванного, например, нереальными ожиданиями положительной динамики интегральных показателей деятельности аудируемого лица третьими лицами и т.п.

Вторая группа включает в себя факторы, свидетельствующие о наличии возможности недобросовестного составления бухгалтерской отчетности, осознаваемой лицами из состава высшего руководства компании. Факторы, входящие в данную группу, по нашему мнению, также целесообразно разделить на две подгруппы – «факторы, связанные с характером деятельности» и «факторы, свидетельствующие о недостатках внутреннего контроля и корпоративной структуры» клиента по аудиту. В первую подгруппу этой группы, в частности, могут быть включены такие факторы как наличие значительного количества существенных и необычных операций. Во вторую подгруппу целесообразным представляется включить признаки, свидетельствующие об отсутствии контроля за деятельностью руководства экономического субъекта.

В третью группу следует аккумулировать факторы, свидетельствующие о чрезмерной заинтересованности руководства аудируемого лица в сохранении на прежнем уровне или повышении цен на акции и динамики прибыли, и т.д.

Факторы риска, включаемые в четвертую группу, свидетельствуют о наличии у руководства аудируемого лица мотивов и давления, побуждающих к недобросовестному присвоению активов. При идентификации признаков, свидетельствующих о наличии недобросовестных действий, следует рассмотреть, например, личные финансовые обязательства сотрудников, имеющих доступ к активам с высокой степенью риска присвоения.

Пятая группа состоит из признаков, указывающих на наличие осознаваемой возможности для недобросовестного присвоения активов. Факторы, входящие в данную группу, по аналогии со структуризацией признаков, входящих во вторую группу, целесообразно разделить на две подгруппы. По нашему мнению, при формировании набора признаков, входящих в первую подгруппу пятой группы, следует сконцентрировать внимание на наличии активов, имеющих в силу своих свойств всеобщую ценность в сочетании с малым физическим объемом и т.д. Во вторую подгруппу пятой группы следует включить явные признаки неэффективности совершенства системы внутреннего контроля аудируемого лица, связанные с ошибками в ее организации или погрешностями функционирования, создающие возможность, присвоения активов, такие, как несоблюдение или игнорирование принципа разделения обязанностей.

В шестой группе аккумулируются признаки, свидетельствующие о способности завуалировать совершение недобросовестных действий, находя им логическое обоснование. Здесь рассмотрению аудитора подлежат факты игнорирования необходимости контроля за рисками, связанными с присвоением активов, манера поведения, указывающая на неудовлетворенность сотрудника работой в аудируемом лице и т.д.

В отношении сгруппированных в соответствии с описанным алгоритмом факторов риска проводится анализ, предполагающий привлечение всех участников аудиторской группы, имеющих право профессионального суждения. Рассмотрим способ формирования оценочного суждения о наличии риска недобросовестных действий, основанный на обобщении суждений группы из m аудиторов.

Каждый из факторов риска в определенной группе из шести указанных выше измеряется с помощью порядковой шкалы Лайкерта. Предполагается, что каждый из m аудиторов выражает свое согласие или несогласие с каждым суждением из группы по шкале оценок.

Оценки по шкале Лайкерта выражаются в категориях согласия: (5) Полностью согласен – (4) Согласен – (3) Нейтральное отношение – (2) Не согласен – (1) Полностью не согласен.

Таким образом, по каждому фактору внутри определенной группы имеем распределение оценок m аудиторов закодированных числами от 1 до 5.

Далее для перевода порядковых оценок из шкалы Лайкерта в интервальную шкалу используем модель Раша. Единицей шкалы Раша является логит d , вычисляемый по формуле $d = \ln(P/(1-P))$, где P – вероятность выбора фактора риска. Чем больше вероятность риска по данному фактору, тем большее значение он будет иметь по шкале Раша.

Например, для мотивирующих факторов присвоения активов четвертой группы, состоящей из четырех факторов для коллектива из шести аудиторов, получим в качестве исходных данных распределение:

Факторы	ПНС(1)	НС(2)	Н(3)	С(4)	ПС(5)	S	P	D
1	1	2	1	1	1	17	0,57	0,27
2	1	1	1	1	2	20	0,67	0,69
3	1	2	2	1	0	15	0,50	0
4	0	0	3	1	2	23	0,77	1,19

Так, например, с тем, что «снижение сумм вознаграждения руководящих работников, и работников, имеющих доступ к активам с высокой степенью риска присвоения» имеет место быть полностью не согласен 1 аудитор, не согласны – 2 аудитора, нейтральны – 2 человека, согласен – 1 аудитор, полностью согласных нет.

Алгоритм дальнейших действий по переводу данных в количественную шкалу такой. Рассчитывается балл соответствующего пункта – S как сумма произведений количества аудиторов, выбравших ту или иную категорию на балл этой категории. Например, для четвертого пункта получим $0 \times 1 + 0 \times 2 + 3 \times 3 + 1 \times 4 + 2 \times 5 = 23$. Максимальный балл для каждого пункта составляет $6 \times 5 = 30$. Тогда вероятность выбора четвертого пункта получаем как $23/30 = 0,77$. Значение этого пункта в шкале Раша: $d = \ln(P/(1-P)) = 1,19$. Аналогично агрегируются оценки по остальным пунктам.

После получения количественных оценок для каждого фактора риска в группе вычисление интегрального показателя риска

по группе осуществляется простым суммированием. Итоговая оценка риска является результатом суммирования (простого или взвешенного) оценок шести групп. Для улучшения интерпретируемости она может быть приведена в интервал от 0 до 1 (путем нормирования на максимальное значение риска).

Предлагаемый подход к процедуре оценки рисков представляется целесообразным с позиции реализации элемента системы внутреннего контроля качества работы аудиторской компании – информация и коммуникации, рекомендуемого к использованию в процедурах оценки рисков документом [2]. Указанный правовой акт предлагает использовать коммуникации в аудиторской группе в форме обсуждения в качестве методического инструмента идентификации рисков существенного искажения бухгалтерской отчетности аудируемого лица [2].

По нашему мнению, использование формального методического аппарата позволит достичь следующих преимуществ: упрощение процедуры сбора информации о рисках в аудиторской группе до вынесения перечня идентифицированных факторов риска на обсуждение; снижение трудозатрат на процедуры идентификации риска; повышение эффективности аудита, проводимого на основе риск-ориентированного подхода; всесторонний охват совокупности признаков, свидетельствующих о рисках существенного искажения бухгалтерской отчетности; подготовка участников аудиторской группы к обсуждению факторов риска существенного искажения, которым подвержена аудируемая бухгалтерская отчетность.

Литература

1. Федеральный стандарт аудиторской деятельности «Обязанности аудитора по рассмотрению недобросовестных действий в ходе аудита» (ФСАД 5/2010). Утвержден приказом Минфина РФ от 17.08.2010 г. № 90н (ред. 16.08.2011).

2. Федеральное правило (стандарт) аудиторской деятельности № 8 «Понимание деятельности аудируемого лица, среды, в которой она осуществляется, и оценка рисков существенного искажения аудируемой финансовой (бухгалтерской) отчетности». Утвержден Постановлением Правительства РФ от 23.09.2002 № 696 (в ред. 27.01.2011).

НЕФОРМАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

*Аскеров Н.С., к.э.н., профессор,
ФГБОУ ВПО «Дагестанский
государственный университет»*

На постсоветском пространстве в современных условиях соседствуют различные национальные экономические системы, с присущими исключительно для них условиями географического, климатического, политического, этнопсихологического характера и ресурсного потенциала. В условиях поиска модели социоэкономической модернизации на постсоветском пространстве возникла необходимость реактуализации науки «Политическая экономия» как в целом, так и того ее направления, которое когда-то получило название «национальной политэкономии».

Впервые это было разработано представителями исторической школы политэкономии во главе с Ф. Листом. Принципиально то, что у национальной политэкономии (национально-ориентированного подхода) есть свой собственный предмет, вписывающийся в общее предметное пространство политэкономии и в целом экономической теории. Таким предметом выступает национальная экономическая система как система экономических отношений в единстве с присущими стране национально-специфическими факторами, отражающая воздействие этих факторов на экономику страны, обеспечивающая ее устойчивое функционирование и развитие, поддержание жизнедеятельности и расширенного воспроизводства на национальной территории и реализующая стоящие перед страной долгосрочные цели развития и национальные интересы. Использование национально-ориентированного подхода позволит политэкономии дать ответы на многие вопросы, имеющие для России и стран постсоветского пространства исключительное значение.

Новый политэкономический подход необходим для определения эффективных стратегий развития экономики России и стран постсоветского пространства. Этот подход должен определить

модель эндогенного, т.е. предполагающего опоры на собственные силы, инновационного роста, при одновременном взаимодействии национальной экономики с внешней средой (экзогенными факторами). При этом современная модель экономического устройства России и других постсоветских стран должна включать две взаимосвязанные стороны: частнособственнические отношения как основа развития экономики государства – с одной стороны и механизм реализации государственных интересов – с другой.

С этой точки зрения, современная модель экономического устройства республик Северного Кавказа предполагает с одной стороны – эндогенное развитие республиканских экономик и, с другой – механизм интеграции в общероссийское экономическое пространство. Применительно к Республике Дагестан эти задачи должны решаться, на наш взгляд, прежде всего через: 1) стимулирование развития горных территорий; 2) стимулирование различных механизмов межрегиональной интеграции. Примером последнего может служить, например, практика заключения договоров с другими регионами страны на поставку рабочей силы, избыточной в регионе.

Использование государством в качестве теоретической основы для управления народным хозяйством политической экономии, включающей неоклассическую и другие современные экономические теории, диктуется самой логикой экономического развития и необходимостью достижения целей модернизации. Оно также обусловлено необходимостью разрешения противоречий, возникающих в условиях действия свободного рынка.

Реактуализация политэкономии вызвана ее востребованностью при объяснении целого ряда современных проблем (сложность мировых процессов, неясность сложившегося в России строя, дотационность большинства регионов России, определение вектора развития и т.п.). В этих условиях особое значение приобретают такие ее характеристики, как системность анализа, акцент на сущностных свойствах и причинно-следственных связях, обоснование объективных законов, указание на связь с развитием производительных сил, выделение этапов развития, воспроизводственный подход и т.п., не представленные в господствующем ныне направлении экономической теории.

Политическая экономия – наука, ставящая своей задачей выявление единых законов функционирования и взаимодействия многочисленных субъектов экономики. Решению этой задачи главным образом способствует основной метод науки – метод научной абстракции. Законам политической экономии подчинено поведение всех субъектов экономики в любом регионе мира. Однако на их поведение влияет комплекс особенностей, присущих каждому конкретному региону, от которых уже нельзя абстрагироваться.

Реактуализация политической экономии обусловлена ещё и тем, что в современной парадигме методологии исследования экономической теории имеется дефицит национальной специфики, который выражается:

- 1) в тотальном господстве универсальных научных парадигм;
- 2) в слабой связи экономического анализа с национально-специфическими факторами и целями национального экономического развития;
- 3) в недостаточном учете особенностей национального экономического мышления и научно-образовательных традиций страны, в структуре сложившейся системы учебных экономических дисциплин.

В этой связи возникает, на мой взгляд, необходимость национального синтеза, в котором нашло бы свое выражение сочетание разных научных школ, наиболее адекватно отражающих специфику страны, и выводы этих школ выглядели бы как научные спецификации одного и того же предмета – национальной экономики России.

Как же соотносятся между собой Политическая экономия как классическая научная дисциплина и современный курс Экономикс, признанный как *mainstream*? Предмет Экономикс, как известно – анализ проблем эффективного использования ограниченных ресурсов в целях максимального удовлетворения безграничных потребностей в условиях альтернативного выбора. Следует заметить, что такой подход к определению предмета Экономикс не исключает её связи с предметом исследования науки «Политэкономия». Наоборот, предмет исследования Политэкономии как общетеоретической дисциплины включает в себя и весь спектр исследований Экономикс.

В этой связи не лишним будет напомнить высказывание Дж.М. Кейнса, отца знаменитого экономиста Дж.М. Кейнса, который писал, что «цель политэкономии состоит не в получении осязаемых результатов, не в доказательстве каких-либо определённых тезисов, не в защите каких-либо практических планов, а в том, чтобы пролить свет на происходящее, выявить законы природы, какие явления связаны между собой и какие следствия вызывают те или иные причины».

В составе Российской Федерации в современности присутствует ряд регионов со специфическими особенностями, к числу которых можно отнести республики Северо-Кавказского федерального округа. Для них характерна особенная система экономических отношений и специфическое поведение субъектов экономики, являющиеся предметом политэкономического исследования. Особенный характер системы общественных отношений в названном регионе состоит во влиянии на их функционирование институтов традиционной системы экономических отношений, сохраняющих своё значение на современном этапе исторического развития. Их можно назвать элементами неформального механизма регулирования общественных отношений. Они характерны для общественных отношений многих стран постсоветского пространства, особенно для регионов восточного типа, как то Армения, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан и др.

К указанным элементам следует относить отношения, укоренившиеся и передающиеся из поколения в поколение, такие как: родственные, этнические (национальные), общинно-родовые (джамаатские, тухумные) и др. При этом система традиционных отношений оказывает влияние на весь спектр отношений в обществе: политических, социальных, культурных, экономических и т.д.

Одним из важнейших элементов неформального механизма регулирования общественных отношений является институт старшинства. Причиной сохранения этого явления является консервативный, неизменяющийся характер традиционного общества. В этих условиях опыт, навыки, знания и умения, накопленные старшим поколением, передаются молодому поколению. Создается ситуация, что опыт и знание старших представляют особую ценность молодому поколению. Старейшина в традиционном

обществе пользуется непререкаемым авторитетом. Уважение к старшему – необходимое условие устойчивого существования консервативного общества. Однако, наряду с позитивной стороной, в институте уважительного отношения к старшему присутствует и негативная сторона, проявляющаяся в возникновении отношений власти-подчинения между двумя взаимодействующими сторонами. Слова и распоряжения старшего не подвергаются сомнению, не обсуждаются и выполняются младшим неукоснительно.

Весьма высока роль другого элемента неформального механизма регулирования общественных отношений – института родства или родственных связей в традиционных обществах. Особое значение придается кровному родству и происхождению. Как правило, родственники встречаются довольно часто, чтобы обмениваться подарками, планировать семейную стратегию, обучать младших членов семьи, надзирать и контролировать деятельность и поведение друг друга. Однако эти частые контакты и контроль ограничивают сферу частной жизни членов семьи.

Следующий институт – институт взаимопомощи, взаимоподдержки и взаимовыручки, осуществляемый в традиционном обществе. Иначе это называется семейным страхованием и осуществляется путем дарения, кредитования членов семьи, находящихся в тяжелом положении, оказания различных услуг и т.д.

Картина современного Северо-Кавказского региона такова, что институты модерна и традиционные институты «мирно сосуществуют». Они сосуществовали и в советский период, хотя на официальном уровне этот факт не признавался. Их сосуществование связано с множеством противоречий. Например, институт старшинства, как было отмечено выше, противоречит принципам равноправия индивидуумов в гражданском обществе; институт родства может выступать проводником клановых и коррупционных отношений; к институту взаимопомощи прибегают представители традиционных обществ при возникновении уголовно-правовых отношений, что вступает в противоречие с требованиями объективного и справедливого ведения уголовного делапроизводства.

Многие из традиционных институтов сегодня не включены в формальный (официальный) механизм правового регулирова-

ния общественных отношений, что, естественно, вызывает целый ряд вопросов как теоретического, так и практического характера. Без учёта факторов традиционного или неформального регулирования общественных отношений сегодня невозможно выстроить упорядоченную систему экономики. Более того, невозможно найти объективные причины общественно-политических проблем, обуславливающих кризисный характер.

Например, в современных условиях, Северо-Кавказские республики позиционируются в общероссийском и мировом информационном пространстве как регионы неустойчивые и нестабильные с характерными проблемами коррупции и криминала, клановости и этноцентризма.

Фундаментальными причинами этих явлений, на наш взгляд, являются:

- недостаточный теоретический анализ специфики системы экономических отношений исследуемой территории,

- чрезмерная централизация политической и экономической власти в России, отсутствие ясных правил и принципов финансовых, в т.ч. межбюджетных взаимоотношений федерального центра и регионов;

- отсутствие продуманной государственной политики в сфере межэтнических и религиозных отношений на территории республики;

- наличие противоречий между формальной правовой системой, действующей на всей территории России и неформальной правовой системой, включающей в себя системы адата (обычного права) и шариата (религиозного права), характерной для территории Республики Дагестан и ряда других регионов Северного Кавказа и страны.

Решение комплекса проблем состоит, на наш взгляд, в модернизации общественно-экономических институтов, которая в соответствии с нашими исследованиями представляет собой общественно – исторический процесс, в ходе которого традиционные общества переходят в состояние прогрессивных и индустриально развитых. Или, *модернизация* есть усовершенствование всей системы общественных отношений в соответствии с требованиями современности. Она означает придание совре-

менного характера всем государственным и гражданским институтам, их приспособление к новым вызовам, потребностям, взглядам, идеям. При этом происходит процесс вытеснения традиций современностью или восходящее развитие от традиционного общества к современности [7].

Ранее процесс перехода от традиционного общества к современному характеризовался как революционный, сложный, системный, глобальный, длительный, поэтапный, необратимый и прогрессивный. Традиция подразумевалась как тормоз в истории, как консервативная сила.

Однако такой подход к традиции был отвергнут самим ходом исторического развития человечества, когда модернизация, например в Японии, была осуществлена в рамках национальной традиции, не сопровождаясь ее радикальной ломкой, как это ранее утверждалось. В традиции были обнаружены значительные адаптивные способности, порождавшие национальные формы модернизации. Исследователями было показано, что механистическое уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов нередко влекло за собой социальную дезорганизацию, хаос, рост преступности, а потому прямое противопоставление традиций и современности – ошибочно.

В качестве критериев модернизации современная наука выделяет следующие: 1) индивид как базовая социальная единица; 2) дифференциация (при которой происходит передача отдельных функций, ранее принадлежавших семье, специализированным социальным институтам); 3) формализация (т.е. переход к социальным институтам как действующим на основе абстрактных и универсальных законов и правил); 4) разделение сфер частной и общественной жизни; 5) ослабление родственных уз; 6) развитие рынка товаров и денег [6].

Научный анализ институтов традиционного общества, определение путей их модернизации должны стать краеугольным камнем исследований региональной экономической науки [4]. Определение путей гармоничного сосуществования традиции и модерна – именно такова должна быть красная линия научных исследований экономистов, историков, социологов, психологов,

этнологов и специалистов других профессий, анализирующих традиционные общества в истории и современности.

Литература

1. Аскеров Н.С. Институционально-теоретические основы реализации стратегии развития кризисной территории. // Региональная экономика: теория и практика. – М.: Финансы и кредит, 2013. – № 47 (326). – С. 19–24.

2. Аскеров Н.С. Модернизация как политэкономический инструмент реализации стратегии развития региона // Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке: Материалы международной научной конференции / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2014. – С. 160–162.

3. Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории. // Вопросы экономики. – 2013. № 6. – С. 4–28.

4. Константиныди Х.А. Маркетинговый потенциал региона. Подходы к формированию региональной экономической политики // Проблемы формирования эффективной социально ориентированной модели хозяйственного развития России / под ред. Г.Б. Клейнера, С.И. Берлина, Х.А. Константиныди. – Краснодар, 2014. – С. 201–227.

5. Озвучены приоритетные проекты Президента Республики Дагестан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.e-dag.ru/novosti/v-centre-vnimaniya/> / 19 марта 2013.

6. Рубин А.Г., Рубина Р.Я. Механизм реализации инновационной стратегии развития экономики (глава 2 монографии) // Стратегия современного социохозяйственного развития России: экономические и правовые аспекты: монография / под ред. В.В. Долинской, А.О. Иншаковой, В.В. Сорокожердьева. – Краснодар, 2014. – С. 40–76.

7. Сорокожердьев В.В., Пименов Г.Г., Солонина С.В. Содержание, принципы и цели осуществления государственной экономической политики в современных условиях // Проблемы формирования эффективной социально ориентированной модели хозяйственного развития России / под ред. Г.Б. Клейнера, С.И. Берлина, Х.А. Константиныди. – Краснодар, 2014. – С. 58–97.

8. Харстад Р.М., Зельтен Р. Модели ограниченной рациональности: пути достижения интеллектуальной конкурентоспособности. // Вопросы экономики. – 2014. – № 5. – С. 5–26.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА КОМПЕТЕНЦИИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

*Аутлева Р.В., к.ю.н., доцент
Адыгейский государственный университет*

Международная компетенция является одним из сложных вопросов международного гражданского процесса, поскольку наиболее тесно связана с правилами национальной судебной организации и отражает сложность судоустройства того либо иного государства. Под международной подсудностью понимается компетенция суда одной страны, конкурирующая с судами другой страны. Поэтому ее не следует смешивать с национальной подсудностью, которая разграничивает компетенцию по различным делам только между судами одной страны. Многие международные договоры, в частности Минская, Луганская конвенции, Киевское соглашение, Регламент 44/2001 и др., подробно регулируют вопросы подсудности, посвящая решению данных вопросов достаточно большое количество статей.

Вопрос выбора компетентного суда имеет формально-юридические и тактические аспекты.[3]. Такая взаимосвязь процессуального, коллизионного и материального права называется проблемой форум-шоппинга (forum shopping) или проблемой выбора лучшего суда. Истец будет обращаться в суд того государства, где он получит оптимальные юридические и фактические условия защиты своих интересов. От выбора компетентного суда зависит и способ исковой защиты.

Можно сказать, что для международной компетенции характерны те же самые виды подсудности, что и для внутренней, поскольку с формально-юридической стороны они представляют собой одинаковые по содержанию правовые конструкции. Выделяются общая территориальная подсудность (критерий домицилирования), альтернативная, договорная, исключительная и подсудность по связи дел.

Все указанные правила национальной подсудности одинаково применимы и к делам с иностранным элементом. Все это

показывает достаточную условность термина «международная компетенция», поскольку она тесно связана с национальными правилами подсудности. Во всех перечисленных случаях, независимо от субъектного состава, если иное не установлено международным договором Российской Федерации, иностранные лица обращаются в российские арбитражные суды, что вытекает из начала национального правового режима. Поэтому возможно и другое, более узкое понимание международной подсудности – как совокупности правил, разрешающих конфликты компетенций судов различных государств. В этом будет более четко разделяться национальная и международная подсудность, которая в таком случае сосредоточена в специальных статьях процессуальных кодексов и международных соглашениях.

В ч. 1 ст. 247 АПК РФ отражены общие правила международной компетенции арбитражных судов, указывающие на возможность обращения за судебной защитой по самым различным критериям: в зависимости от места нахождения одной из сторон, наличия имущества и права на территории России, характера требования либо тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации. Поэтому многое зависит от толкования этих оценочных категорий в судебной практике.

Общие правила компетенции арбитражных по делам с участием иностранных лиц отражены в ст. 247 АПК РФ. Согласно правилам ч.1 указанной статьи арбитражные суды рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, с участием иностранных лиц в случае, если:

- ответчик находится или проживает на территории Российской Федерации либо на территории Российской Федерации находится имущество ответчика;
- орган управления, филиал или представительство иностранного лица находится на территории Российской Федерации;
- спор возник из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации;
- требование возникло из причинения вреда имуществу действием или иным обстоятельством, имевшими место на тер-

ритории Российской Федерации или при наступлении вреда на территории Российской Федерации;

– спор возник из неосновательного обогащения, имевшего место на территории Российской Федерации;

– истец по делу о защите деловой репутации находится в Российской Федерации;

– спор возник из отношений, связанных с обращением ценных бумаг, выпуск которых имел место на территории Российской Федерации;

– заявитель по делу об установлении факта, имеющего юридическое значение, указывает на наличие этого факта на территории Российской Федерации;

– спор возник из отношений, связанных с государственной регистрацией имен и других объектов и оказанием услуг в международной ассоциации сетей Интернет на территории Российской Федерации;

– в других случаях при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации.[2].

Исключительная компетенция арбитражных судов может быть ограничена только международными договорами Российской Федерации. Поэтому суды других государств не вправе принимать к рассмотрению соответствующие категории дел. В этом случае вступает в силу норма п. 3 ч. 1 ст. 244 АПК РФ, согласно которой арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, если рассмотрение дела относится к исключительной компетенции суда в Российской Федерации. Если тождественный иск по делу, отнесенному к исключительной компетенции арбитражных судов России, принят к рассмотрению судом иностранного государства, то в этом случае российский суд продолжает рассмотрение дела (ч. 2 ст. 252 АПК РФ).

К исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации по делам с участием иностранных лиц отнесены дела:

– по спорам в отношении находящегося в государственной собственности Российской Федерации имущества, в том числе по спорам, связанным с приватизацией государственного

имущества и принудительным отчуждением имущества для государственных нужд;

– по спорам, предметом которых являются недвижимое имущество, если такое имущество находится на территории Российской Федерации, или права на него;

– по спорам, связанным с регистрацией или выдачей патентов, регистрацией и выдачей свидетельств на товарные знаки, промышленные образцы, полезные модели или регистрацией других прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые требуют регистрации или выдачи патента либо свидетельства в Российской Федерации;

– по спорам о признании недействительными записей в государственных реестры (регистры, кадастры), произведенных компетентным органом Российской Федерации, ведущим такой реестр (регистр, кадастр);

– по спорам, связанным с учреждением, ликвидацией или регистрацией на территории Российской Федерации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также с оспариванием решений органов этих юридических лиц.

В исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации находятся также предусмотренные в разд. III АПК РФ дела с участием иностранных лиц, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

Согласно ст. 249 АПК РФ в случае, если стороны, хотя бы одна из которых является иностранным лицом, заключили соглашение, в котором определили, что арбитражный суд в Российской Федерации обладает компетенцией по рассмотрению возникшего или могущего возникнуть спора, связанного с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности, арбитражный суд в Российской Федерации будет обладать исключительной компетенцией по рассмотрению данного спора при условии, что такое соглашение не изменяет исключительную компетенцию иностранного суда.

Здесь идет речь о пророгационных и дерогационных соглашениях. Возможность их заключения связана с диспозитивным характером процессуальных и материальных гражданских прав, что позволяет изменить соглашением сторон установлен-

ную законом компетенцию суда и определить ее иным образом. В силу пророгационного соглашения неподсудное определенному арбитражному суду дело становится ему подсудным, а на основании дерогационного соглашения исключается подсудность дела арбитражному суду, к ведению которого оно отнесено законом. Однако такими соглашениями о договорной подсудности нельзя менять исключительную и родовую подсудность, определенную в законе.

Арбитражные суды РФ могут рассматривать дела и в случаях, предусмотренных международными договорами, при наличии письменного (пророгационного) соглашения участников сделки из других иностранных государств о передаче экономического спора в российский арбитражный суд (ст. 21 Минской конвенции, п. 2 ст. 4 Киевского соглашения и другие международные соглашения о правовой помощи).

К форме пророгационного соглашения применимы требования, установленные российским законодательством для формы внешнеэкономических сделок. Исключительная компетенция арбитражных судов РФ, установленная российским законом или международным договором Российской Федерации, не может быть изменена пророгационным соглашением.

Согласно ст. 250 АПК РФ по делам с участием иностранных лиц, отнесенным к компетенции арбитражных судов, арбитражный суд может принять обеспечительные меры по правилам гл. 8 АПК РФ. В данной статье речь идет о распространении на дела с участием иностранных лиц обеспечительных мер, предусмотренных в гл. 8 АПК РФ. При этом могут применяться как меры обеспечения иска, так и предварительные обеспечительные меры. В отношении российских ответчиков обеспечительные меры могут применяться по заявлениям иностранных лиц без каких-либо препятствий по обращению истца.

Определения иностранных судов о применении обеспечительных мер (как предварительных, так и обеспечения иска) не подлежат признанию и принудительному исполнению на территории Российской Федерации, поскольку не являются окончательными судебными актами по существу спора, вынесенными в состязательных процессах.[1].

В отношении иностранных лиц обеспечительные меры могут применяться в отношении их имущества и денежных средств, находящихся на территории Российской Федерации.

Действие обеспечительных мер, принимаемых российскими арбитражными судами в отношении иностранных лиц, на территории иностранных государств возможно только на основании международных договоров Российской Федерации.

В соответствии со ст. 252 АПК РФ последствия рассмотрения иностранным судом тождественного дела различаются следующим образом. При рассмотрении в иностранном суде тождественного дела иск следует оставлять без рассмотрения по основаниям гл. 17 АПК РФ. Ведь процесс в другом государстве по целому ряду причин может завершиться без результатов, например, иск может быть не рассмотрен вследствие правил о судебном залоге и т.д. При наличии решения иностранного суда, исполнение которого может быть возможным в Российской Федерации, следует прекращать производство по делу (гл. 18 АПК РФ).

Отметим, что процессуальные последствия, связанные с оставлением иска без рассмотрения либо прекращением производства по делу, наступают только при условии возможности придания судебному решению, которое может быть вынесено за рубежом, равной юридической силы с российским судебным решением на основе двустороннего или международного договора о взаимном признании и исполнении судебных решений.

Хотя в ч. 2 ст. 252 АПК РФ прекращение производства по делу в российском арбитражном процессе связывается с наличием оснований ст. 244 АПК РФ, при этом следует учитывать и правила ч. 1 ст. 241 АПК РФ, согласно которой признание и приведение в исполнение решений иностранных судов возможно только в том случае, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом.

Последнее положение имеет принципиальное значение, поскольку до настоящего времени Россия имеет не так много договоров о взаимном признании и исполнении решений государственных судов, в связи с чем норма ч. 2 ст. 252 АПК РФ подлежит применению во взаимосвязи с соответствующим международным договором Российской Федерации об исполнении судебных актов.

Литература

1. Туманова, Л.В. Арбитражный процесс / под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. – М.: ЮНИТИ, 2007.
2. Пучинский, В.К. Производство по делам с участием иностранных лиц / В.К. Пучинский // Хозяйство и право. – 2009. – № 4.
3. Ярков, В.В. Компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 3.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАМЕНЫ ТРАНСПОРТНОГО НАЛОГА

*Бабаян Л.Э., студент,
Седых Н.В., к.э.н., доцент
Кубанский государственный
технологический университет*

В современном мире перед людьми стоит задача поиска путей решения глобальных проблем, от которых зависит существование жизни на земле. Исчерпаемость ресурсов, глобальное потепление, озоновые дыры, астероидная опасность не так приковывают на себе внимание, как катастрофическое загрязнение окружающей среды. Невозможно не заметить рост различных транспортных средств на дорогах, о чем свидетельствуют и данные статистики о продаже транспортных средств за последние годы. В связи с этим, растет и уровень выброса углекислого газа в атмосферу, что является одним из показателей загрязнения окружающей среды. Разумное изменение в области налогообложения транспортных средств может несколько улучшить ситуацию.

На данный момент в Российской Федерации действует транспортный налог – налог, взимаемый с владельцев зарегистрированных транспортных средств. Он был введен в ходе налоговой реформы с 2003 года, и на протяжении десяти лет этому налогу так же, как и всем остальным налогам, отводилась роль пополнения бюджетов субъектов РФ. Но нельзя сказать, что поступления от транспортного налога занимают самую значительную часть от всех поступлений в региональный бюджет (около 3-4%),

поэтому вот уже несколько лет ведутся дискуссии по поводу замены или вовсе отмены транспортного налога [4, с. 56].

Предложения отмены транспортного налога вносились не один раз. Говоря о несправедливости исчисления налога с авто-владельцев подобным образом, инициаторы изменений предлагали заменить его налогом на реализацию горюче-смазочных материалов (ГСМ). Проще говоря, заложить налог на дороги в цену бензина, продаваемого на автозаправках. В США, например, транспортный налог много лет собирается именно по такой схеме, но помимо этого, во всех штатах установлен ежегодный сбор за регистрацию транспортного средства.

Стоит вспомнить, что в ноябре 2010 года было принято постановление, определившее базовые ставки транспортного налога и позволившее регионам увеличивать или уменьшать их не более чем в 10 раз. Кроме того, документ разрешил отмену налога для автомобилей с двигателями мощностью до 150 л.с. Однако одновременно с этим в России резко выросли акцизы на ГСМ, что косвенно привело к топливному кризису весны 2011 года [2].

Сторонники законопроекта об отмене транспортного налога полагают, что по мере реализации новых законов собираемость налога приблизится к 100%, так как налог нужно будет собирать с меньшего количества юридических лиц по сравнению с большим числом автомобилистов. Сейчас его собираемость составляет примерно 60%, и по данным подсчетов государство ежегодно недополучает 20 млрд. руб. При включении налога в стоимость топлива налог будет поступать в бюджет того региона и муниципального образования, на территории которого эксплуатируются автомобили, в том числе, где они находятся транзитом. Стоит отметить, что в случае принятия данного законопроекта фактическими плательщиками налога станут водители транспортных средств, а не лица, на которых зарегистрированы автомобили. Также у владельцев автомобилей появится стимул для приобретения транспорта с меньшим объёмом двигателя и мощности [1, с. 105].

Проблема также состоит в том, что сборы акцизов в разных регионах разные, и непонятно, как их распределять, отметил Владимир Путин. «Нужно это отработать и в этом направлении двигаться. Более справедливо: сколько человек ездит – столько и

покупает дизельного топлива и бензина, и больше платит», – заключил президент.

Ранее аналогичную точку зрения высказывал российский политик и предприниматель, основатель и председатель партии «Гражданская платформа», Михаил Прохоров. «Во многих странах есть налог на имущество, налог на роскошь и акцизы на топливо. Именно в них заложена социальная справедливость: платит больше тот, кто больше ездит и тем самым амортизирует дорожную сеть».

В настоящее время все владельцы автомобилей платят налог одинаково. Введение нового налога позволит меньше платить водителям, редко пользующимся автомобилем. Тем самым, наметится прогресс в производстве автомобилей, появится стимул для инновационных технологий.

Противники принятия такого законопроекта уверяют, что с подорожанием топлива увеличится стоимость проезда в общественном автотранспорте, повысится цена и на солярку для машин сельского хозяйства. Возникнет проблема со сбором налога с некоторых транспортных средств, использующих альтернативные виды энергии (трамваев и троллейбусов), а также с самолётов, катеров, снегоходов, гидроциклов и др., на которые налоги сейчас весьма внушительны. Если транспортный налог будет включён в стоимость топлива, то с владельцев катеров и яхт вовсе снимается обязанность платить этот налог [5]. Повышение акцизов, которое повлечет рост на нефтепродукты, затем приведет к увеличению цен на весь объем потребляемых товаров, так как транспортная составляющая присутствует в цене в обязательном порядке.

Против отмены транспортного налога и включения его в стоимость топлива выступила и Федеральная налоговая служба, аргументируя это тем, что пострадают регионы, чьи бюджеты во многом формируются за счет этого сбора.

Предложение Министерства промышленности и торговли РФ и Министерства финансов о замене транспортного налога экологическим также достойно внимания. Все автомобили при эксплуатации выбрасывают в атмосферу большое количество углекислого газа. Это неблагоприятно влияет на экологию в городах и, соответственно, негативно отражается на здоровье людей, живущих в них.

В связи с этим и с целью стимулирования покупки автолюбителями более экологичных автомобилей Министерство промышленности и торговли предложило отменить транспортный налог и заменить его экологическим налогом. Новый экологический налог будет зависеть не от лошадиных сил, как транспортный, а от количества выбросов углекислого газа в атмосферу, объема и экологического класса двигателя, а также от возраста автомобиля.

Высокий экологический налог, считают в Министерствах, будет стимулировать граждан пересаживаться на более «чистый» транспорт. По подсчетам экспертов, в Москве ежедневно в атмосферу выбрасывается до трех тысяч тонн выхлопных газов. В других российских мегаполисах этот показатель ниже, но тоже не является идеальным. Так как полное исключение автомобилей из жизни людей невозможно, то исправить ситуацию может только замена старых «грязных» автомобилей на новые – «чистые». На данном этапе удельный вес таких «грязных» автомобилей на российском автопарке составляет около 50% тогда как в европейский странах лишь 6–9%. Следствием введения экологического налога, по мнению ее сторонников, будет также рост желающих купить более современные машины, потребляющие меньше бензина, и появление возможности обложить реальным сбором физических лиц, которые используют личный транспорт в коммерческих целях.

Как считают в Министерстве промышленности и торговли РФ, можно заставить людей пойти на такие изменения только одним способом – сделав использование старых автомобилей как можно более невыгодным.

В качестве еще одной меры, направленной на обновление автомобилей, предлагается введение запрета на въезд в центр города неэкологичных транспортных средств и выделение субсидий гражданам для приобретения новых экологичных автомобилей.

Наиболее перспективным видится замена транспортного налога экологическим сбором. Необходимо отметить, что сначала это коснется грузовых автомобилей, автобусов, лёгкого коммерческого транспорта. Так как величина сбора напрямую будет зависеть от возраста машины и экологического стандарта (Евро-5, Евро-4 и т. д), данный подход принесёт наибольшую выгоду для окружающей среды и страны в целом, также это поможет обно-

вить автопарк. Практически половина автомобилей (47%) России старше десяти лет, при этом средний возраст автотранспорта составляет 8 лет (82% автомобилей РФ). Особенно сложная ситуация на Дальнем Востоке, куда ввозятся поддержанные иномарки из Японии. Важно подчеркнуть, что параллельно с экологическим сбором будет взиматься и утилизационный сбор, который применяется на практике на сегодняшний день. Суть данного сбора заключается в том, что взамен старой машины владельцы, как отечественного, так и зарубежного авто, могут получить солидную компенсацию или получить скидку при покупке нового авто (АвтоВАЗ). Тем самым, власти стимулируют замену старых машин на новые. Согласно новому сбору, при расчёте налога будет учитываться не мощность, как сейчас, а объём двигателя. Кроме того, не исключается появление коэффициентов, которые будут учитывать экологический класс и возраст автомобиля. Половина российского автопарка относится к категории Евро-1, что наносит экологии значительный вред, особенно в городах-миллионерах, где на транспорт приходится около 60% выбросов в городах. Минпромторгом предлагается ограничить сроки эксплуатации автомобилей, в первую очередь, лёгкого коммерческого транспорта. Однако министерством отмечается, что будет также учитываться мнение тех, кто собирается покупать поддержанные иномарки только при одном условии: если они соответствуют экологическим нормам.

Таким образом, замена транспортного налога на экологический налог приведет к сокращению поступлений от данного налога, но в то же время, уменьшит негативное влияние на окружающую среду.

Литература

1. Берестовой, А.А. функции транспортного налога / А.А. Берестовой // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 5. – С. 104 – 107.
2. Камара С. Транспортный налог сливают в бензин [Электронный ресурс] / С. Камара // Газета.ru: сайт. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/financial/2010/05/28/3375969.shtml> (дата обращения: 09.01.2012)

3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Текст]: федеральный закон Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 06.12.2011 № 405-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340; Российская газета. – 2011.

4. Семенихин В.В. Транспортный налог. – М.: Налоговый вестник, 2011. – С. 56.

5. ФНС: Отмена транспортного налога повысит акцизы на нефтепродукты [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/06/14/fns-anons.html> (дата обращения: 20.12.2011).

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ УРОЖАЙНОСТИ ПОДСОЛНЕЧНИКА

*Барановская Т.П., д.э.н., профессор,
Познышева Н.О., ст. преподаватель
Кубанский государственный аграрный университет*

Высокая достоверность прогнозирования является обязательным условием принятия адекватных управленческих решений. Например, решение о целесообразности выращивания подсолнечника обычно принимают на основе прогноза его урожайности, учитывая также имеющуюся информацию о затратах на выращивание и цене фьючерсных сделок на продукцию. В результате можно спрогнозировать возможную прибыль или убытки и рентабельность вложения средств в это мероприятие. Ясно, что цена ошибки, допущенной при прогнозировании урожайности, может быть очень высока, так как вместо получения прибыли может привести к убыткам. Поэтому большую роль для науки и практики играет повышение достоверности прогнозирования. Однако традиционно применяемые для этой цели методы технического анализа временных рядов, по-видимому, уже достигли предела своих возможностей. Поэтому решение проблемы повышения достоверности прогнозирования целесообразно искать на пути разработки и применения новых методов.

Классификация традиционных методов прогнозирования приведена в таблице 1.

Таблица 1

Классификация экономических прогнозов

Признак классификации	Вид прогноза	Описание прогноза
1. По продолжительности периода упреждения	оперативный прогноз	прогноз с периодом упреждения до одного месяца
	краткосрочный	прогноз с периодом упреждения от 1-го месяца до 1-го года
	среднесрочный	прогноз с периодом упреждения от 1-го года до 5 лет
	долгосрочный	прогноз с периодом упреждения от 5 до 15 лет
2. По масштабности объекта прогнозирования	глобальные	рассматривают общие тенденции и закономерности, относящиеся к Земле и Человечеству в целом
	макропрогнозы	служат для прогнозирования на уровне страны
	региональные	служат для прогнозирования на уровне региона
3. По виду представления результатов прогноза	микропрогнозы	составляются по отраслям народного хозяйства, предприятиям, отдельным видам продукции и т.п.
	точечный прогноз	результат представлен в виде единственного значения характеристики объекта прогнозирования без указания достоверного интервала
	интервальный прогноз	результат представлен в виде доверительного интервала характеристики объекта прогнозирования
4. По способу представления результатов прогноза	количественные	имеют четко различимые и исчисляемые параметры
	качественные	не имеют числового выражения
5. По назначению прогноза	прогнозы общего назначения	производятся специализированными службами прогнозов для широкого круга потребителей
	прогнозы специального назначения	производятся в соответствии с требованиями потребителей прогностической информации
6. По цели проведения прогноза	конфирмативные	с помощью прогноза подтверждается либо отвергается гипотетическая информация об объекте прогнозирования
	планификационные	производятся с целью создания фундамента для планирования

Для практиков особенно важны краткосрочные прогнозы, которые не только позволяют вносить коррективы в составленные ранее среднесрочные и долгосрочные прогнозы урожайности сельскохозяйственных культур, но и обоснованно принять само решение о производстве той или иной продукции, но и призваны помочь подготовиться к уборке урожая: привлечь необходимое количество техники, трудовых и финансово-кредитных ресурсов. Поэтому именно этому виду прогноза автором уделено особое внимание в работах [1–4].

В работе [1] использован подход, основанный на применении клеточных автоматов и математического аппарата нечетких множеств. Предлагается концепция снижения агроэкономического риска за счет возможностей более точного прогноза урожайностей следующего года, а так же математическая модель и метод для прогнозирования ожидаемой в наступающем году урожайности сельскохозяйственной культуры, рассматриваемой в процессе решения задач землепользования для отдельного хозяйства, района, региона и т.д. Исходными данными для модели служат элементы временного ряда урожайностей. Результатом применения предлагаемого метода к указанному ряду является значение ожидаемой в наступающем году урожайности в виде нечеткого множества. Данная работа нацелена не только на получение максимально более точного прогноза ожидаемой урожайности, но и на обеспечение возможно более адекватного отражения стохастической природы моделируемого процесса. Достижение этих целей становится исключительно актуальным в случае практического решения задач землепользования, относящихся к зоне рискованного земледелия. Причем, полученные более точные прогнозные значения могут быть использованы в качестве входных данных для построения модели верхнего уровня. Так же они обеспечат реализацию главной задачи научно-информационного обеспечения, а именно эффективного функционирования сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях изменчивости внешней и внутренней среды, связанной с погодным разнообразием, динамикой рыночной конъюнктуры, возможным изменением экологической обстановки, инфляцией и другими внеплановыми факторами.

В работе [2] в общем виде сформулирована проблема создания научно-обоснованного и эффективного *инструмента прогнозирования* динамики урожайности подсолнечника по районам Краснодарского края и краю в целом. Предложена и обоснована возможность прогнозирования сценария изменения урожайности подсолнечника путем применения технологий искусственного интеллекта, в частности метода системно-когнитивного анализа [5], отличающаяся от традиционных тем, что обеспечивается построение и адаптация модели сложного динамического территориально распределенного нелинейного объекта прогнозирования непосредственно на основе фрагментированной и зашумленной эмпирической информации о нем. На основе этой модели могут решаться задачи идентификации, прогнозирования, поддержки принятия управляющих решений и научного исследования объекта моделирования путем исследования его модели.

В работах [3, 4] впервые осуществлен синтез и верификация системно-когнитивной модели искусственной экосистемы насаждений подсолнечника Краснодарского края (на уровнях районов и края в целом).

На основе созданной модели решены задачи:

1. Прогнозирование сценария изменения урожайности подсолнечника на период от 1 до 5 лет.
2. Научное исследование искусственной экосистемы насаждений подсолнечника Краснодарского края (на уровнях районов и края в целом).

Предложена и обоснована возможность прогнозирования сценария изменения урожайности подсолнечника путем применения технологий искусственного интеллекта, в частности метода системно-когнитивного анализа, отличающаяся от традиционных тем, что обеспечивается построение и адаптация модели сложного динамического территориально распределенного объекта управления и прогнозирования.

Осуществлен синтез системно-когнитивной модели искусственной экосистемы насаждений подсолнечника Краснодарского края, отличающейся от традиционных высокой размерностью и адекватностью. Данная модель впервые обеспечивает возможность не только оперативного, но и среднесрочного (тактическо-

го) количественного решения задачи прогнозирования сценариев изменения урожайности подсолнечника на уровне региона и его районов. Кроме того, так как данная модель имеют высокую адекватность, то ее исследование корректно считать исследованием самой моделируемой предметной области.

Предложены технология и методика постановки и решения задачи прогнозирования сценариев изменения урожайности подсолнечника на уровне региона и его районов на основе системно-когнитивной модели, отличающиеся от традиционных:

- высокой степенью формализации модели знаний;
- возможностью синтеза матричной передаточной функции объекта прогнозирования непосредственно на основе эмпирических данных;
- корректной работой при неполных (фрагментированных) и зашумленных исходных данных.

Впервые проведено исследование системно-когнитивной модели искусственной экосистемы насаждений подсолнечника Краснодарского края, которое корректно считать исследованием самой экосистемы, так как верификация данной модели показала ее высокую адекватность.

На основе этих результатов можно обоснованно сделать главный вывод о том, что найдено новое, ранее не описанное в специальной литературе, общее научное и практическое решение проблемы *прогнозирования* динамики урожайности подсолнечника по районам Краснодарского края и краю в целом.

В основе этого решения – применение методов системно-когнитивного анализа, обеспечивающих как синтез и верификацию системно-когнитивной модели искусственной экосистемы насаждений подсолнечника Краснодарского края, так и решение задач прогнозирования и исследования на ее основе.

При решении проблемы была проведена многоэтапная многоуровневая детализированная декомпозиция цели, в результате которой поставлены задачи, являющиеся этапами ее достижения, разработаны соответствующие методики решения поставленных задач, которые не остались чисто теоретическими разработками, но были реально применены на практике.

Сформулированы требования к методу решения проблемы, рассмотрены недостатки традиционного подхода и предложено ее общее решение путем применения системно-когнитивного анализа (СК-анализ), проведена когнитивная структуризация объекта управления.

Осуществлены когнитивно-целевая структуризация и формализация предметной области: проанализированы исходные данные для построения системно-когнитивной модели искусственной экосистемы насаждений подсолнечника Краснодарского края, поставлена и решена задача их автоматизированного преобразования к виду, непосредственно воспринимаемому интеллектуальной системой «Эйдос» с помощью одного из ее стандартных программных интерфейсов; приведен алгоритм и исходный текст программы, обеспечивающей эти функции, а также результаты ее работы и автоматически сформированные на их основе системой «Эйдос» справочники классов и факторов, а также обучающая выборка.

Приведена классификация исследовательских задач, которые можно решать с помощью созданной системно-когнитивной модели искусственной экосистемы насаждений подсолнечника Краснодарского края, включающая, в частности, следующие задачи:

- информационные портреты классов и факторов;
- кластерный анализ и семантические классы и факторов;
- когнитивные диаграммы классов и факторов;
- нелокальные нейроны и нейронные сети;
- когнитивные функции;
- простые и интегральные когнитивные карты.

Приведены общие методики и конкретные примеры решения некоторых из этих задач.

Таким образом, практическое использование результатов, получаемых на выходе прогнозных моделей, и последующие построение и реализация адекватных моделей верхнего уровня позволит хозяйственнику принимать обоснованные управленческие решения и обеспечивать возможность маневрирования ресурсами и технологиями, стимулировать поиск гибких производственных решений.

Литература

1. Попова Е.В., Позднышева Н.О., Савинская Д.Н., Кумратова А.М., Терехов А.Г. Теория нечетких множеств и клеточных автоматов как инструментарий прогноза и адекватного отражения стохастической природы экономических процессов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2011. – № 03(067). С. 293 – 314. – Шифр Информрегистра: 0421100012\0088, IDA [article ID]: 0671103020. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2011/03/pdf/20.pdf>, 1,375 у.п.л.
2. Позднышева Н.О. Прогнозирование урожайности подсолнечника по Краснодарскому краю с применением системно-когнитивного анализа (Часть 1-я: Проблематика исследования) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – № 10(084). С. 367–383. – IDA [article ID]: 0841210030. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2012/10/pdf/30.pdf>, 1,062 у.п.л., импакт-фактор РИНЦ=0,346
3. Луценко Е.В. Прогнозирование урожайности подсолнечника по Краснодарскому краю с применением системно-когнитивного анализа (Часть 2-я: Формальная постановка задачи и преобразование исходных данных в информацию, а ее в знания) / Е.В. Луценко, Н.О. Позднышева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – № 10(084). С. 384–409. – IDA [article ID]: 0841210031. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2012/10/pdf/31.pdf>, 1,625 у.п.л.
4. Луценко Е.В. Прогнозирование урожайности подсолнечника по Краснодарскому краю с применением системно-когнитивного анализа (Часть 3-я: Решение задач прогнозирования и исследования предметной области) / Е.В. Луценко, Н.О. Позднышева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – № 0(084). С. 410–435. – IDA [article ID]: 0841210032. – Режим доступа: <http://j.kubagro.ru/012/10/pdf/32.pdf>, 1,625 у.п.л.
5. Луценко Е.В. Автоматизированный системно-когнитивный анализ в управлении активными объектами (системная теория информации и ее применение в исследовании экономических, социально-

психологических, технологических и организационно-технических систем): Монография (науч. издание). – Краснодар: КубГАУ, 2002. – 605 с.

ФАКТОР КРЕАТИВНОСТИ ПЕРСОНАЛА В УСТОЙЧИВОМ И УСПЕШНОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАНИИ¹

*Бархатов В.И., д.э.н., профессор,
Дьяченко О.В., к.э.н.,
Челябинский государственный университет*

В современной академической науке все чаще можно услышать разговоры о крахе либеральной парадигмы, о пределах капиталистического способа производства. Аналитики и практики всего мира в поисках модели оптимального развития, которая бы учитывала интересы населения, предпринимателей, элит, а также окружающей среды. В качестве такой альтернативы все чаще предлагают рассматривать концепт устойчивого развития.

В статье уделено внимание актуальной проблеме – переходу к устойчивому типу развития на основе замещения ручного труда творческим. Мы стоим на позиции того, что фактор креативности персонала, его потребности, условия воспроизводства передают кардинально новый импульс развитию как предприятия, так и национального хозяйства; обеспечивают возможность сглаживания социально-экономических провалов рыночно-капиталистической системы [1], выражаемых в социальном неравенстве, эксплуатации, фундаментализме частной собственности, экологическом барьере дальнейшего развития; составит основу формирования устойчивой экономики.

Устойчивость национального хозяйства

Под устойчивым развитием все чаще понимают такое развитие, которое не только приводит к экономическому росту, но и к

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда – проект № 14-18-02508.

справедливому распределению его результатов, которое благоприятствует восстановлению окружающей среды, а не уничтожает ее, повышает ответственность людей, а не превращает их в бездушных исполнителей. Такое развитие уделяет первостепенное внимание бедным, повышая их возможности и обеспечивая им участие в принятии решений, которые влияют на их жизнь. Такое развитие – развитие для людей, для природы, для увеличения количества рабочих мест и улучшения положения женщин в обществе. Данная трактовка понятия на сегодняшний день принята во многих странах. Природные, включая экосистемные, ресурсы обеспечивают три важные функции жизнедеятельности человека: основы его жизни как биологического организма, удовлетворение материальных потребностей и его духовное и социальное развитие [2]. Таким образом, рассматривается необходимость обеспечения неубывающего во времени – от поколения к поколению – качество жизни людей и состояние природно-ресурсного потенциала.

Современные технологические перемены бросают вызов застывшим архаичным структурам общественного организма. Те, кто не ответит на эти вызовы, не подстроится под быстро сменяющиеся друг друга тенденции – обречены. Первый шаг к более устойчивой глобальной архитектуре мира сделан – выстраивание би-полярного мира.

Однако более сложной задачей является переход национальных хозяйств к устойчивой стратегии социально-экономического развития. В данном случае, без активного вмешательства государства в экономические отношения, затрагивающие интересы национальной безопасности, формирование устойчивой экономики невозможно. Мифология, навязываемая либеральными идеологами свободного рынка, о возможности прогрессивного, демократического развития рушится. Модель М. Фридмана была выгодна нескольким субъектам: финансовым и политическим элитам США, поскольку она предоставляла рычаги манипулирования развитием слаборазвитых экономик – позволяла выкачивать ресурсы из стран доноров; а также проамерикански настроенным элитам стран, где эта модель насаждалась. Подавляя идею о необходимости вмешательства государства в хозяйственную

жизнь общества, либеральные сторонники делали акцент на роли отдельного индивида. Они считали, что эгоистические интересы, экономическая мотивация позволит решить различные экономические проблемы и перейти к прогрессивному развитию. Личный интерес, а точнее жадность выставлялась как двигатель прогресса, что способствовало накоплению капитала и обогащению общества (хотя давно известно, что увеличение количества денег в экономике страны не приводит к обогащению всего общества). Только вот не всего общества и даже не столько отдельных корпораций, сколько отдельных лиц. Для последних данная модель олицетворяется как формат устойчивого и эффективного «собственного» роста, однако остальными она воспринимается иначе. Из-за поляризации бедных и богатых, по причине несправедливого распределения созданного богатства в обществе, вытекающих из-за этого всего социально-экономических катаклизмов, либеральная модель капиталистического развития является ущербной.

Второй, более важной причиной, указывающей на несостоятельность данной модели экономического развития, видится в противоречии, возникающем между стремлением капитала к накоплению и ограниченностью природной среды, как одного из основных источников капитала. Таким образом, задача перехода национальных хозяйств к устойчивой траектории развития тем и сложна, что общественным и индивидуальным ориентиром, мериллом успеха является всепроникающая идея прибыльности, рентабельности, эффективности.

Американские исследователи активно используют термин «оппортунизм», указывая на то, что это природная сущность человека. А так ли разительно «оппортунизм» отличается от «эгоизма»? А от «жадности»? Так, что «жадность» – это природная черта человека? Это двигатель завтрашнего прогресса? Это то, что прогрессивная демократическая западная цивилизация предлагает культивировать. Считаем, что российские ценности, видение прогрессивного развития от этих стандартов полярны и имеют потенциал стать основой и примером устойчивого развития.

Так, где научному сообществу искать ответы на вопросы дальнейшего развития? Очень часто в научной литературе встречается тезис о том, что необходимо переориентировать стратегию

экономического роста на стратегию экономического развития. Надо сказать, что ученые умы бьются в крайностях: либо то, либо это. Считаем, что для перехода к устойчивой экономике, необходимо обратить внимание на тезис: «через социально-экономическое развитие к новому качеству экономического роста».

Творческий труд как элемент устойчивости и успешности компании и всего хозяйства в целом

Устойчивая система отдельной компании – это важнейший элемент устойчивости всего национального хозяйства. Однако какие факторы в современных быстроменяющихся условиях могут обеспечить данную устойчивость? Безусловно, необходимы оговорки: в какой среде компания работает, ее масштабы, сфера деятельности, тип руководства и многое другое. Тем не менее, если вести речь о долгосрочном развитии компании, о понимании ее места в хозяйстве на перспективу, в первую очередь необходимо обратить внимание на ее творческое социальное ядро. Именно нестандартные идеи людей могут обеспечить конкурентные преимущества и в целом успех компании в будущем.

В данном случае, считаем актуальной постановку вопроса об основных целях деятельности компании в условиях поиска нового типа экономического роста, а также обсуждение приоритетности категорий «эффективная» и «успешная» компания. В экономической науке термин «эффективность» имеет достаточно вариативное значение, тем не менее в общепризнанном варианте ее трактуют как максимальный эффект при минимальных затратах факторов производства¹. Для компаний, основывающих свою деятельность на технологиях 3 и 4 уклада, критерий эффективности является обоснованным. Однако если вести речь об экономике, базирующейся на технологиях более высокого уровня развития, где основной производительной силой начинает выступать коллектив с уникальным накопленным интеллектуальным потен-

¹ В условиях российской экономики, стоит признать, что большую роль играет не то, как наука трактует явление, а как бизнес и государство воспринимают тот или иной феномен и, в силу ряда обстоятельств, реализуют свою экономическую политику.

циалом, то примат критерия эффективности видится не приемлемым. «Необходимо эффективное использование человеческого капитала» – очень часто приходится слышать из выступлений представителей частного бизнеса. При всех смысловых нагрузках и философских спекуляциях в отношении этого тезиса его суть неизменна, т.е. в не завуалированном виде это видится как: «В современных условиях, когда товар, с высокой вложенной в него интеллектуальной составляющей, приносит более высокую добавленную стоимость, необходима более эффективная эксплуатация творческих способностей человека».

Переходя к категории «успешная» компания обратимся к работе С.С. Сулакшина «Теория и феноменология успешности сложной социальной системы» [4]. Автор преломляет проблему успешности на государство – «сложную социальную систему». Успешность он характеризует следующим образом: «главная и первичная составляющая успешности сложной социальной системы заключается в том, что человеческая (индивидуумная и коллективная) субъектность должна быть. Если нет человека и его общества, то нет и вопроса об успешности... Очевидно, что это понятие субъектно: должен быть интересант, живой субъект, носитель потребностей, о которых говорилось выше. Успешность присуща только активному субъекту, который может делать выбор своих действий для достижения тех или иных целей. Успешности без целей не бывает. Собственно успешность и понимается как степень достижения целей деятельности субъекта» [4, с. 6]. Разрабатывая эту тему, автор пытается «нащупать» показатель успешности деятельности государства, сводящийся к оптимальному агрегированному показателю. «Что в случае экономического состояния и развития подразумевается под успехом? Это валовые и структурные показатели, делающие национальную экономику эффективной, динамичной, конкурентной, гуманистической, экологичной. В пирамиде включенности экономики в обеспечение жизнеспособности страны под успехом понимается вклад в обороноспособность, государственное бюджетообразование и иное ресурсное обеспечение, в обстоятельства, формирующие возможности воспроизводства человеческого капитала [4, с. 111]. Экономика необходима не сама по себе, она важна для обеспечения жизне-

способности страны». В определенной степени «успешность» модели развития системы им синонимизируется с «оптимальностью». По мнению С.С. Сулакшина современная российская либеральная экономическая модель является глубоко неоптимальной с точки зрения наиболее сбалансированных в триаде «человек–общество–государство» критериев успешности.

Таким образом, вклад С.С. Сулакшина в разработку вопроса успешности государства достаточно актуален и методологически полезен для дальнейшего углубления этого направления в сферу микроэкономики.

В данный момент мы находимся на пике противоречия, возникающего между жадностью собственника и интересами наемных работников, индивидуализмом и коллективизмом. Те компании, а их количество растет, которые смогли преодолеть это противоречие (как в пользу собственника, так и в пользу коллектива, общества), обеспечили себе относительно прозрачное будущее.

Концепт креативной компании научной публике известен давно. Основную, но не исчерпывающую характеристику можно свести к следующим пунктам:

1) креативные компании строятся вокруг креативной личности, именно в этом своем качестве гарантирующей им устойчивость и процветание;

2) преодолевают внешние черты экономической целесообразности и отвечают в первую очередь постматериалистическим устремлениям и идеалам ее создателей;

3) как правило, не следуют текущей хозяйственной конъюнктуре, а сами ее формируют;

4) имеют высокую адаптивность и гибкость в технологической структуре, системе горизонтального управления, формах организации труда;

5) формируют новые потребности и определяют новые цели общественного производства;

6) свойственна идея социальной ответственности, в которой цель максимизации прибыли отходит на второй план, выдвигая вперед решение человеческих проблем;

7) главная цель развития – генерация новых идей, а не совершенствование старых;

8) действуют в условиях высоких рисков.

Основной и центральной идеей создания таких компаний является то, что интересы работодателя и служащего имеют один вектор, поскольку труд вторыми воспринимается как деятельность, развивающая их компетенции и способности, а основным мотивом достижения хозяйственного результата является возможность получения уникального жизненного опыта от реализации проекта [3]. Экономические мотивы в структуре потребностей работников отодвинуты на более низкие места.

Данный концепт в большей степени характерен для компаний, существующих в сфере услуг, задействованных в нематериальном производстве. Однако данный концепт вступает в противоречие с природой развития предприятий из сферы материального производства, промышленного сектора народного хозяйства. Это объясняется тем, что за пределы капитализма выходят сферы именно нематериального производства, а также те сферы, в которых велика инновационная составляющая в конечном продукте. Причина в том, что в нематериальной сфере физический, рутинный, малокомпетентный, тяжелый труд замещен интеллектуальным, творческим. На этой основе размывается стоимостная природа продукта, меняется восприятие рабочих к процессу эксплуатации, трансформируется и структура мотивов индивидов, занятых творческим трудом с экономических на более высокие – на саморазвитие.

Таким образом, противоречия, возникающее между промышленными компаниями (производство, которых относится к 4, 5 технологическим укладам) и устойчивым развитием, вероятнее всего будет разрешаться лишь по одному сценарию: замещение рутинного труда, творческим, т.е. инноватизации производственного процесса за счет включения в работу компетентного, неординарно мыслящего профессионала. В свою очередь параллельным ходом должно идти научное обоснование того, что индивидуализм, либерально-рыночные ориентиры, стремление к максимальной эффективности в России не решает тех проблем, которые перед нами стоят. Успех отдельного предпринимателя, занятого как в материальном, так и в нематериальном производстве будет зависеть от того насколько скоррелированы его интересы

и наемных рабочих. В XXI веке идеи, подобные тому, что необходимо освободиться от материальной производственной сферы, поскольку она низкоэффективна, перенося ее в слаборазвитые регионы и страны, о том, что будущее лишь за компаниями, которые создают информацию, образы, символы – это путь к паразитизму, тупику цивилизационного развития, неустойчивому и неуспешному будущему.

Литература

1. Бузгалин, А.В. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии [Текст]: избр. тексты / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М.: Культур. революция, 2009. – 680 с.
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. [Текст] / Под общей редакцией С.Н. Бобылева – 2013. – 202 с.
3. Кинсли, М. Креативный капитализм [Текст] / М. Кинсли, К. Кларк. – Минск: Попурри, 2010. – 336 с.
4. Сулакшин С.С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы [Текст] / С.С. Сулакшин. – М.: Научный эксперт, 2013. – 232 с.

ОБ УСЛОВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «МАЖОРИТАРНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА АБСОЛЮТНОГО БОЛЬШИНСТВА» В СОВРЕМЕННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИИ

*Барчо А.А., студентка юридического факультета,
Дьякова Т.Ю., ст. преподаватель
Кубанский государственный аграрный университет*

В юридической литературе вопрос о понятии «избирательная система» не исчерпал своей актуальности в современный период. К сожалению, все дефиниции в рамках тех или иных подходов не могут объективно претендовать на статус унификационно-обоснованной, полноценной и востребованной категории. Приобретению единых очертаний содержания данного понятия,

на наш взгляд, препятствует отсутствие признанного ориентира в осмыслении соотношения избирательного права и избирательной системы, что, в свою очередь, способствует такой многообразной палитре позиций учёных. Авторы рассматривают категорию в широком и узком смысле. На наш взгляд, такой подход размывает содержание термина, позволяет его неоднозначно толковать, что должно расцениваться наукой как недопустимый факт. Трактуются избирательная система как совокупность демократических принципов; как механизм формирования органов государственной власти и местного самоуправления с помощью выборов; как порядок предоставления избирательных прав и т.д. И всё же когда говорят о типах (видах) избирательной системы – мажоритарной, пропорциональной в их модификациях большинство учёных, солидаризируясь во мнениях, соглашаются, что в этом смысле под избирательной системой следует понимать закрепляемые способы выдвижения (на наш взгляд, и способы поддержки выдвижения) кандидатов, голосования за них и определения результатов выборов. В таком теоретическом осмыслении мы и будем употреблять категорию «избирательная система».

Важно отметить, что поиск оптимальной для государства избирательной системы всегда чрезвычайно сложен. Появление мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства – это результат довольно поздней эволюции семьи мажоритарных систем. Её появление стимулировалось поисками модели в рамках мажоритарной системы, которая позволила бы минимизировать очевидные недостатки мажоритарной системы относительного большинства. В первую очередь речь идёт о повышении уровня легитимности избранных кандидатов, увеличения их репрезентативности [4, с. 182]. Данная разновидность мажоритарной системы возникла во Франции и традиционно там используется. В рамках этой системы кандидату для победы необходимо набрать 50% + 1 голос. Причём, указанная цифра привязывается не к количеству голосов избирателей в округе, что объективировало бы истинность поддержки кандидата абсолютным большинством граждан избирательного округа, внесённых в списки избирателей, а подсчёт происходит от количества пришедших на выборы.

В Российской Федерации используется модификация указанной системы – это мажоритарная избирательная система абсолютного большинства с перебаллотировкой, которая фактически, в варианте заимствованной французской модели, не отражает волю истинного большинства. Это характерно и для других стран. Так, например, если на выборах кандидата на должность Президента РФ придет на избирательные участки 30% избирателей, то победит кандидат, за которого проголосовало 15% + 1 голос. Если кандидат не наберёт необходимого числа голосов (так называемого большинства), то проводится повторное голосование, в котором участвуют два кандидата, набравшие большее количество голосов в рамках основного голосования. В этом случае уже будет применена мажоритарная избирательная система относительного большинства и одному из двух кандидатов достаточно набрать большее число голосов, чем другой. Пусть даже это будет разница всего в один голос.

Конечно, такая модификация мажоритарной системы с перебаллотировкой позволяет уйти от затяжных циклов выборов, поскольку, как показывает избирательная практика, в первом туре редко кто сразу набирает необходимое количество голосов избирателей. А это значит, что в своё время предложенный А.Х. Саидовым принцип экономичности избирательной системы в таком варианте реализован [5, 9].

Парадоксальность же ситуации заключается в следующем: конструкция «мажоритарная система абсолютного большинства» вводит в заблуждение избирателя, полагающего, что, если объявлен победитель, который набрал 90% голосов избирателей, то это фиксирует заслуженную победу кандидата, подтверждает его авторитетность. А на самом деле пришлось проголосовать, например, 10 % граждан, внесённых в списки избирателей по избирательному округу. Получается, что кандидата не поддержали 90% избирателей. Да, они не проголосовали против него, однако и не за него. К слову сказать, среди 300 опрошенных нами респондентов более 70 % определили избирательную систему абсолютного большинства как голосование более половины граждан в округе за кандидата. Поэтому не удивительно, что в зарубежных странах устанавливают нередко «пороги» признания выборов состояв-

шимися в 40%, 30%, а то и 25% от общего числа избирателей. Порог явки избирателей – не менее 20 % был установлен и в России до декабря 2006 г. [1]. Хотя, надо заметить, его закрепление противоречило принципу свободы выборов.

В связи со сказанным переименование рассматриваемой разновидности мажоритарной системы в контексте отражения фактического, а не мнимого её потенциала, завуалировано искажающего смысл и предназначение такой системы, снимет все вопросы о недемократичном её характере, обусловит истинность её природы. Представляется, что данная категория должна именоваться как мажоритарная система политически активного большинства. Действительно, на избирательные участки приходят граждане, проявляющие гражданскую позицию, реализующие конституционное политическое право избирать. От их числа, т.е. пришедших проголосовать, и определяются итоги голосования и результаты выборов.

Принципиальным является вопрос о таком элементе избирательной системы, как способы выдвижения и поддержки выдвижения кандидатов. Анализ норм действующего избирательного законодательства показывает, что политические партии как коллективные субъекты избирательного процесса являются единственным видом общественных объединений, обладающих правом выдвигать кандидатов на выборах. Поскольку рассматриваемая избирательная система используется только по выборам единовременно органов – Президента РФ, глав субъектов РФ, глав муниципальных образований, ограничимся её комментированием применительно к указанным выборам.

В современный период политические партии, представленные в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ, в представительных органах местного самоуправления, а также выдвигаемые ими кандидаты, обладают рядом преимуществ и льгот в избирательной кампании по сравнению с кандидатами-самовыдвиженцами, кандидатами от молодых партий, в частности, например, они не собирают подписи избирателей.

В п. 3 ст. 18 Федерального закона от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представи-

тельных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. от 21.07.2014) зафиксировано, что кандидаты на должность высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) выдвигаются политическими партиями. Партия вправе выдвинуть кандидатом на указанную должность лицо, являющееся членом данной политической партии, либо лицо, не являющееся членом данной или иной политической партии. Законом субъекта РФ может предусматриваться выдвижение кандидатов на указанную должность в порядке самовыдвижения [2].

Исходя из этой федеральной нормы в законах субъектов РФ о выборах главы конкретного субъекта РФ, как правило, закрепляется, что кандидаты на данную должность могут выдвигаться только политическими партиями. Положения, определяющие, что этими кандидатами могут быть и беспартийный граждане, конечно, выступают в качестве гарантии реализации гражданами пассивного избирательного права, однако, достаточно сомнительной. Напрашивается вопрос: а надо ли это партии? Считаем, что в таком варианте реализация пассивного избирательного права беспартийными гражданами затруднена либо вообще невозможна.

Отдельного внимания заслуживает положение, закрепленное в п. 3 ст. 18 названного выше Федерального закона: выдвижение кандидата политической партией и выдвижение кандидата в порядке самовыдвижения должны поддержать от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта РФ [2]. Одним из главных публичных аргументов в поддержку идеи «муниципального фильтра» стали соображения о необходимости для кандидатов осуществлять поездки по районам и городам региона в процессе сбора подписей. Предполагалось, что эти поездки (своего рода «праймериз») позволят претендентам на губернаторский пост познакомиться с реальными проблемами территорий, найти общий язык с местными депутатами и при желании сторон – позволят провести встречи с избирателями на местах [3, 24].

Однако, как показала избирательная практика, личные поездки совершают ограниченное число кандидатов. Взаимодействие с депутатами представительных органов местного самоуправления осуществляются преимущественно членами штабов кандидатов, причем чаще всего через глав муниципальных образований. И касается это в основном кандидатов от правящей партии, которых, безусловно, поддержат на муниципальном уровне. К сожалению, «муниципальный фильтр» становится непреодолимым барьером для всех кандидатов, выдвинутых иными политическими партиями, не столь широко представленными в органах государственной власти и местного самоуправления.

Следовательно, наблюдается перекося в обеспечении равенства участников выборов. В этой связи все партии, все кандидаты должны обладать одинаковым объёмом прав и обязанностей в избирательном процессе на всех его стадиях, включая стадию выдвижения и регистрации кандидатов. Только в такой концепции, т.е. одинакового обеспечения избирательных прав граждан, независимо от того, как и кем они выдвинуты, предоставления возможности всем без исключения собирать подписи избирателей либо не собирать их вовсе и др., рассмотренный элемент избирательной системы будет характеризоваться как отражающий демократическую природу выборов.

Мажоритарная избирательная система абсолютного большинства с перебаллотировкой обладает и другими недостатками. Так, она допускает несовпадение воли и волеизъявления избирателя при повторном голосовании, когда кандидат, за которого голосовал избиратель, не проходит во второй тур и при голосовании во втором туре данный избиратель, не голосовавший в первом туре за потенциальных победителей, прошедших во второй тур, вынужден голосовать за одного из победителей вопреки своей воле [4, 182].

Подводя итог, следует сказать, что условный характер категория «мажоритарная избирательная система абсолютного большинства» очевиден, в таком наименовании и содержательном наполнении система менее рациональна и прогрессивна.

Литература

1. Федеральный закон от 05.12.2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5303.
2. СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2014. № 30. (Ч.1). Ст. 4256.
3. Аналитический доклад Фонда «Институт социально-экономических и политических исследований» «Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 г.: влияние на развитие политической системы и направления совершенствования». М., 2012.
4. Избирательное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / В.О. Лучин и др.; под ред. В.О. Лучина. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.
5. Саидов А.Х. Избирательное право в Республике Узбекистан. Вопросы реформы, законодательства и зарубежный опыт. Ташкент: Информ, 1993.

ОТЧУЖДЕНИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ ВЫКУПА В СВЯЗИ С ИЗЪЯТИЕМ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

*Буркова Л.Н., к.ю.н, доцент кафедры
гражданского и трудового права
Адыгейский государственный университет*

Изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд, в том числе и тех, которые находятся в частной собственности или используются на иных титулах, является тем правовым инструментом, с помощью которого государство имеет возможность принудительно отчуждать земельные участки с тем, чтобы использовать их в общественных интересах.

Общие положения, касающиеся определения порядка изъятия (выкупа) земельных участков для государственных или му-

ниципальных нужд, отражены в Земельном кодексе Российской Федерации. Так, ст. 9 ЗК РФ относит к сфере полномочий Российской Федерации в области земельных отношений установление порядка изъятия земельных участков, в том числе путем выкупа, для государственных и муниципальных нужд и изъятие земельных участков, в том числе путем выкупа, для нужд Российской Федерации [1]. К полномочиям субъектов РФ относится изъятие, в том числе путем выкупа, земель для нужд субъектов РФ. К полномочиям органов местного самоуправления в области земельных отношений относится изъятие, в том числе путем выкупа, земельных участков для муниципальных нужд.

Изъятие в форме выкупа осуществляется в том случае, когда земельный участок принудительно отчуждается у его собственника, и он переходит в собственность другого лица. Это случаи принудительного отчуждения частного земельного участка для нужд Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования или случаи принудительного отчуждения, например, муниципального земельного участка для нужд Российской Федерации. Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд возможно только при условии предварительного и равноценного возмещения. Это означает, что земельный участок может быть изъят у собственника при соблюдении обязательных условий: только по решению суда; только в целях использования изымаемого земельного участка для публичных интересов, т.е. для удовлетворения государственных или муниципальных нужд; убытки должны быть возмещены собственнику до момента фактического изъятия; размер возмещенных убытков должен быть равноценным, т.е. справедливым – соответствующим рыночным ценам на данный земельный участок.

Для государственных или муниципальных нужд могут быть изъяты земли любых категорий, кроме тех, в отношении которых установлены ограничения или запрет на изъятие. Например, согласно п. 4 ст. 79 Земельного кодекса РФ особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья, в том числе сельскохозяйственные угодья опытно-производственных подразделений науч-

но-исследовательских организаций и учебно-опытных подразделений образовательных учреждений высшего профессионального образования, сельскохозяйственные угодья, кадастровая стоимость которых существенно превышает средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (городскому округу), могут быть в соответствии с законодательством субъектов РФ включены в перечень земель, использование которых для других целей не допускается.

Пункт 4 ст. 58 Федерального закона «Об охране окружающей среды» запрещает изъятие земель природно-заповедного фонда, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами [7]. Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» запрещается изъятие или иное прекращение прав на земельные участки и другие природные ресурсы, которые включаются в государственные природные заповедники [4]. Нельзя также изъять земли запаса, поскольку они никому не предоставлены для использования.

Принудительное изъятие (выкуп) допускается только в исключительных случаях. Так, в соответствии с Протоколом о земельных участках, занимаемых Объединенным институтом ядерных исследований, к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Объединенным институтом ядерных исследований о местопребывании и об условиях деятельности Объединенного института ядерных исследований в Российской Федерации, подписанному в г. Дубне Московской области 23 октября 1995 г., Стороны признают за Объединенным институтом ядерных исследований право постоянного (бессрочного) пользования в соответствии с законодательством РФ земельными участками согласно Перечню земельных участков, приведенному в Приложении к настоящему Протоколу и являющемуся неотъемлемой его частью.

Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея об обмене земельными участками для строительства комплексов дипломатических представительств (Сеул, 24 июля 1997г.) предусмотрено, что Российская Сторона предоставляет Корейской Стороне земельный участок площадью в 8000 кв. м для строительства комплекса дипломати-

ческого представительства Республики Корея, включая другие связанные с ним сооружения, в целях надлежащего функционирования представительства на участке: 15, Тружеников 1-й пер., г. Москва.

В качестве второго основания принудительного изъятия (выкупа) признаются случаи, когда изъятие земельных участков обусловлено необходимостью размещения объектов государственного или муниципального значения. Речь идет об объектах федеральных энергетических систем и энергетических систем регионального значения; использования атомной энергии; обороны и безопасности; федерального транспорта, путей сообщения, информатики и связи, а также транспорта, путей сообщения, информатики и связи регионального значения; обеспечивающих космическую деятельность; обеспечивающих статус и защиту Государственной границы РФ. К ним относятся также линейные объекты федерального и регионального значения, обеспечивающие деятельность субъектов естественных монополий; объекты электро-, газо-, тепло- и водоснабжения муниципального значения; автомобильные дороги федерального, регионального или межмуниципального, местного значения [8, 27].

Для этих целей изъятие допускается только при отсутствии других вариантов возможного размещения объектов. Изъятие (выкуп) земельного участка возможно только в том случае, если какой-либо объект нельзя разместить, не изымая земли, находящиеся в пользовании, владении, аренде или собственности граждан и юридических лиц. Гарантией выполнения этих требований служат положения п. 2 ст. 31 Земельного кодекса РФ, который обязывает орган местного самоуправления обеспечить выбор земельного участка на вариантной основе размещения объектов [1].

Отдельные аспекты регулирования процедуры изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд регулируются рядом законодательных актов. Статья 32 Жилищного кодекса РФ касается обеспечения жилищных прав собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд [2]. Выкуп части жилого помещения допускается не иначе как с согласия собственника. В зависимости от того, для чьих нужд изымается зе-

мельный участок, выкуп жилого помещения осуществляется Российской Федерацией, соответствующим субъектом РФ или муниципальным образованием.

Выкупная цена жилого помещения, сроки и другие условия выкупа определяются соглашением с собственником жилого помещения. Соглашение включает в себя обязательство Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования уплатить выкупную цену за изымаемое жилое помещение. Если собственник жилого помещения не согласен с решением об изъятии жилого помещения либо с ним не достигнуто соглашение о выкупной цене жилого помещения или других условиях его выкупа, орган государственной власти или орган местного самоуправления, принявшие такое решение, могут предъявить в суд иск о выкупе жилого помещения [9, 33]. Иск о выкупе жилого помещения может быть предъявлен в течение двух лет с момента направления собственнику жилого помещения уведомления об изъятии жилого помещения.

В соответствии со ст. 12 Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» в случае изъятия земельных участков и других обособленных природных объектов, находящихся в пределах границ территорий традиционного природопользования, для государственных или муниципальных нужд лицам, относящимся к малочисленным народам, и общинам малочисленных народов предоставляются равноценные земельные участки и другие природные объекты, а также возмещаются убытки, причиненные таким изъятием [6].

Особая норма содержится в ч. 2 ст. 60 Водного кодекса РФ, согласно которой для строительства гидротехнических сооружений нового водохранилища осуществляется изъятие земельных участков, расположенных в границах зоны затопления, в соответствии с земельным и гражданским законодательством [3].

Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (п. 4 ст. 32) допускает возможность изъятия земельных участков, которые находятся в границах особых экономических зон. Так, земельный участок, расположенный в границах портовой особой экономической зоны, может быть изъят у

собственника для государственных или муниципальных нужд путем выкупа государством или продажи с публичных торгов в порядке, предусмотренном ст. ст. 279–282 и 284–286 Гражданского кодекса РФ.

В соответствии с п.п. 6 ст. 28 Федерального закона «О морских портах в Российской Федерации» земельный участок, расположенный в границах морского порта, может быть изъят у собственника для государственных нужд путем выкупа государством или продажи с публичных торгов в порядке, предусмотренном ст. ст. 279–282 и 284–286 Гражданского кодекса РФ. Федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные принимать решения об изъятии земельных участков, расположенных в границах морских портов, для государственных нужд, порядок подготовки и принятия этих решений определяют в соответствии с федеральным земельным законодательством.

Согласно ст. 10 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса РФ» изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд, предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, резервирование земель в связи с организацией и проведением XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи и развитием г. Сочи как горноклиматического курорта регулируются Земельным кодексом РФ, если иное не предусмотрено Федеральным законом «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5].

Особый порядок изъятия земельных участков предусмотрен в ст. 15 Федерального закона «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Решение об изъятии земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества в целях размещения олимпийских объектов федерального значения принимается администрацией

Краснодарского края на основании соответствующего заявления Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию г.Сочи как горноклиматического курорта, а в случае, если строительство олимпийского объекта федерального значения предусмотрено за счет средств федерального бюджета, – на основании заявления организации, осуществляющей такое строительство.

В соответствии со ст. 6.1 Федерального закона «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РФ» исполнение решения суда об изъятии земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества в целях размещения олимпийских объектов или развития территорий, прилегающих к олимпийским объектам, регулируется ГПК, если иное не определено Федеральным законом «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Согласно ст. 11.1 Федерального закона «О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» исполнение решения суда об изъятии земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества в целях размещения олимпийских объектов или развития территорий, прилегающих к олимпийским объектам, регулируется АПК, если иное не определено Федеральным законом «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Приоритет положений Закона «Об организации и проведении олимпийских игр», регламентирующих порядок изъятия земельных участков для строительства олимпийских объектов, усматривается в том, что указанным Законом (ст. 19, 22) внесены изменения в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса РФ», в Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса РФ» .

Согласно п. 3 ст. 279 Гражданского кодекса РФ собственник земельного участка должен быть уведомлен об изъятии земельного участка не позднее чем за год до изъятия земельного участка. Законом «Об организации и проведении олимпийских игр» предусмотрен предельно сокращенный срок такого уведомления. Согласно п. 18 ст. 15 Закона срок уведомления собственников, землепользователей, землевладельцев, арендаторов изымаемых земельных участков составляет семь дней со дня принятия решения об изъятии земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества в целях размещения олимпийских объектов [5].

Выкуп земельного участка до истечения предусмотренного п. 3 ст. 279 Гражданского кодекса РФ годичного срока со дня получения уведомления об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд возможен только с согласия собственника. Закон «Об организации и проведении олимпийских игр» иначе регламентирует порядок изъятия земельного участка и допускает изъятие земельного участка ранее предусмотренного Гражданским кодексом РФ годичного срока.

В соответствии с Федеральным законом «Об организации и проведении олимпийских игр» (ст. 23, 25) внесены изменения в Федеральный закон «О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса РФ» и в Федеральный закон «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РФ», согласно которым исполнение решения суда об изъятии земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества в целях размещения олимпийских объектов или развития территорий, прилегающих к олимпийским объектам, регулируются соответственно Арбитражным процессуальным кодексом РФ или Гражданским процессуальным кодексом РФ, если иное не предусмотрено Законом «Об организации и проведении олимпийских игр». В силу п. 33 ст. 15 Закона «Об организации и проведении олимпийских игр» предусмотрено немедленное исполнение судебных решений об изъятии земельных участков и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества в целях размещения олимпийских объектов.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Земельный кодекс: федер. закон от 25.10. 2001 № 136-ФЗ: принят Гос. Думой РФ 28 сентября 2001 г.: ред. от 21.07.2014 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
2. Российская Федерация. Законы. Жилищный кодекс: федер. закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ: принят Гос. Думой РФ 22 декабря 2004 г.: ред. от 21.07. 2014 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 14.
3. Российская Федерация. Законы. Водный кодекс: федер. закон от 03.06. 2006 № 74-ФЗ: принят Гос. Думой РФ 12 апреля 2006 г.: ред. от 28.06.2014 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
4. Российская Федерация. Законы. Об особо охраняемых природных территориях: федер. закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ: принят Гос. Думой РФ 15 февраля 1995 г.: ред. от 12.03.2014 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 12. – Ст. 1024.
5. Российская Федерация. Законы. Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 01.12.2007 № 310-ФЗ: принят Гос. Думой РФ 16 ноября 2007 г.: ред. от 28.06.2014 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6071.
6. Российская Федерация. Законы. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ: принят Гос. Думой РФ 4 апреля 2001 г.: ред. от 28.12.2013 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 20. – Ст. 1972.
7. Российская Федерация. Законы. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ: принят Гос. Думой РФ 20 декабря 2001 г.: ред. от 12.03.2014 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
8. Костина, О.В. Понятие и состав гражданского оборота земельных участков / О.В. Костина // Мировой судья. – 2011. – № 1. – С. 26–28.
9. Скловский, К. Некоторые проблемы права на нежилое помещение / К. Скловский // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 8 (129). – С. 32–34.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

*Гайдарева И.Н., к.соц.н., доцент
Адыгейский государственный университет*

В последние десятилетия в нашей стране были проведены реформы во многих сферах общественной жизни, которые не обошли стороной и сферу управления. Административная реформа была призвана решить ряд проблем:

– по созданию новой системы государственного управления, соответствующей требованиям всего общества и обеспечивающей права и свободы человека и гражданина;

– по построению стабильной и эффективной системы государственного (публичного) управления, повышению управляемости во всех сферах деятельности государства (экономической, социально-культурной и административно-политической), придания ему демократических и правовых основ;

– по совершенствованию системы и структуры органов исполнительной власти, устранению и ликвидации избыточных, дублирующих функций органов исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровнях;

– по совершенствованию института государственной службы, являющейся составной частью общей административной реформы.

Одной из главных задач, сформулированных в Концепции административной реформы в Российской Федерации, была переориентация деятельности органов управления на результат, на обеспечение законности и открытости публичного управления, на защиту прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и юридических лиц, на формирование действенной системы контроля и надзора за частнопредпринимательской деятельностью и деятельностью публичных служб [2].

В современном мире заметны тенденции нового понимания роли государства, его функций, взаимоотношений общества и государства, его органов. И, следовательно, ряде стран в результате этого возникла необходимость проведения административных

реформ. Опыт стран, в которых проводились административные реформы, показывает, что это длительная, сложная работа, требующая усилий всего общества и, что важно, открытости власти для диалога с ним. В то же время поспешные и непродуманные решения могут привести к значительным экономическим и социальным потерям [4, с. 304–312].

Каждая страна, проводящая реформу, накопила собственный опыт в сфере административных реформ [4, с. 304–312], обусловленный политическими, историческими, правовыми и культурными особенностями данного государства. Вместе с тем направление административных реформ можно считать общим, что позволяет сравнивать преобразования, проводимые в Российской Федерации, с аналогичными процессами в других странах и попытаться понять, в чем состоят успехи и неудачи нашей страны на этом пути.

Тем не менее, хотелось бы отметить, что касается радикализма проводимых изменений, то некоторые страны сосредоточились на всестороннем преобразовании (Великобритания, Канада, Венгрия, Польша и др.), в то время как другие стремились сохранить существующий порядок и считали его приемлемыми только незначительными модификациями (Германия, Франция и другие.). Масштаб реформ, выполненных в Российской Федерации, по нашему мнению, нужно рассмотреть как уникальный с точки зрения начальных условий, в которых начали административную реформу и объем проблем, которые будут решены в процессе проведения административной реформы в России [4, с. 304–312].

По сути, повсеместно страны, проводящие административные реформы, стремились сократить государственные расходы и улучшить качество оказываемых государственных услуг.

В процессе административной реформы является поиск оптимальной модели местного самоуправления взаимоотношения с правительством и другими органами государственной власти. Если местное самоуправление прочно входит в систему государственного управления, она теряет свою автономию и, следовательно, перестает существовать, как уровень публичной власти, которая обеспечивает самостоятельное решение населением под свою ответственность вопросов местного значения. На местном уровне

должно быть столько полномочий, сколько необходимо для жизнеобеспечения муниципального образования и решать вопросы государственного управления, которые с точки зрения эффективности управления целесообразно решать на местах.

Одно из направлений современных административных реформ – децентрализация, при которой полномочия, выполняемые ранее централизованной администрацией, передаются на местный уровень. Многие эксперты констатируют, что в результате децентрализации улучшается уровень оказания государственных услуг. Однако этот вывод справедлив при условии, что круг вопросов местного значения и полномочий, переданных государством, адекватен материальным и финансовым возможностям местных органов по их решению. Если полномочия местных органов не обеспечены соответствующими ресурсами, то у граждан появляется недоверие к местным органам. Тем самым дискредитируется одна из идей административной реформы и сводятся на нет ее результаты.

В ходе процедурных реформ меняются порядок принятия управленческих решений и соответственно место и роль государственных служащих в этом механизме.

Таким образом, условия для осуществления административной реформы в каждой стране особенные, так что решения, принятые в зарубежных странах, не должны быть скопированы. Тем не менее, опыт зарубежных стран, которые решают похожие с задачей России Федерации или ведет нашу страну по пути реформ, могут быть полезны в качестве точки отсчета с указанием текущих реформ в системе государственного управления.

Как нами понимается, реформа управления – не только изменения структуры и государства, так и пересмотр полномочий исполнительных органов, совершенствование механизмов реализации этих полномочий и функций. С другой стороны, перераспределение полномочий, устранение дублирования, устранение ненужных функций – не самоцель, но объективно необходимую составляющую административной реформы. В то же время, это сложная и ответственная задача должна быть решена в отношении недопустимости «потери» важным и необходимым для функций общества.

Преобразования должны способствовать снижению административного давления на бизнес-структуры, чтобы восстановить порядок в районах, где есть избыточное государственное вмешательство. Эффективность государства определяется не столько широтой охвата, контролируемых, а насколько реально уважение общественных интересов, эффективность политических и правовых механизмов в стране.

Реформы, присущие каждому государству и требуют огромных усилий и последовательных действий при их проведении. Все государственные реформы будь то федеральная, судебная, административная или муниципальная всегда нацелены на обновление многих сторон организации и деятельности государства и его институтов. Цели, этапы и мероприятия указанных реформ должны быть тщательно выверены и последовательно реализуемы. Для реформ нужна сильная общественная поддержка, и только тогда мы можем ожидать успешных результатов. Получать во многом зависит от использования достижений науки, и особенно юридических наук.

Как нам представляется проведение административных реформ в России есть долгая и кропотливая деятельность государственных органов. Перестройки центрального аппарата государственного управления были выполнены и в Российской империи, и в дни советской власти. После краха СССР было необходимо осознать по-новому ситуацию и роль исполнительной власти в российском государстве, преодолеть упрощенное отношение на государство как совокупность органов и учреждений, понять, что исполнительная власть – независимая ветвь государственной власти и правительства, неразрывно связанного с интересами общества, и вся ее работа должна быть направлена на максимальное удовлетворение требований различных групп населения. В этом отношении к концу 90-го из прошлого века мысль о потребности выполнения в России реформ, и в первую очередь административных реформ была наконец одобрена. Тогда в связи с глобальной перестройкой политических и экономических процессов в стране определенные меры для преобразования государственных органов, состоящих, в первую очередь, в деполитизации правительственных учреждений, были предприняты.

Основная идея трансформации государственного аппарата и формирования новой системы исполнительной власти впервые на государственном уровне нашла свое отражение в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 1997 г. «Порядок во власти – порядок в стране», но на практике она не получила своего развития и была отложена в силу ряда объективных причин, связанных в том числе с необходимостью кардинального пересмотра структуры, функций органов исполнительной власти [1].

Административная реформа в Российской Федерации, проведенная в 2006–2010 годах, была направлена на достижение следующих целей:

- повышение качества и доступности государственных услуг;

- ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования;

- повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Важным результатом стало принятие Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», явившегося правовой базой для реализации основных мероприятий административной реформы [3].

Хотелось бы отметить, что административная реформа является наиболее трудным и сложным процессом в истории современной России. Подчеркнем еще раз, что научные, теоретические основы административной реформы на момент ее создания и проведения в жизнь, не существует. Только тот факт, что существует необходимость формирования исполнительного аппарата, адаптированного для нового типа экономики, соответствующего условиям и требованиям нового экономического порядка было очевидно в тот момент. Это обстоятельство, на наш взгляд, стало причиной некоторой непоследовательности, прерывания и торможения определенных направлений административной реформы.

Не секрет, что порой ожидаемые результаты существенно отличаются от реальных. Такое происходило и в процессе проведения мероприятий по снижению административных барьеров, и при введении режима «одного окна», и в других случаях.

Здесь, как нам представляется, исключительно важно организовать мониторинг за эффективностью разработанных и проводимых мероприятий с тем, чтобы своевременно принять меры, провести их корректировку для достижения поставленных целей [4, с. 304–312].

От последовательности и результативности проведения административной реформы во многом зависит и достижимость целей иных реформ (федеративной, государственной службы, социальной и др.), потребность в координации с которыми в настоящее время ощущается все яснее. Изначальное отсутствие координации указанных мероприятий привело к тому, что решения о передаче полномочий с одного уровня власти на другой через некоторое время подлежали ревизии.

Однако, ожидаемые результаты административной реформы отвечают скорее идейным требованиям реформирования, чем реальным попыткам совершенствовать систему органов исполнительной власти по существу [5, с. 215-222].

Тем не менее, нельзя не отметить тот факт, что, несмотря на все проблемы, с которыми пришлось столкнуться в ходе проведения реформы, была проделана огромная работа, сформирована нормативная и методическая база повышения качества и предоставления государственных и муниципальных услуг, а также созданы механизмы управления и стимулирования реализации административной реформы. Однако все еще необходимо вносить коррективы в действующее законодательство на основе изучения опыта зарубежных стран и Российской Федерации для того, чтобы модернизация управленческой системы, сформированная в концепции административной реформы, реализовалась как можно быстрее и эффективнее.

Нам представляется, что проведение современной административной реформы в России необходимо обосновывать со стратегическими целями развития, более тщательно увязывать подготовку и проведение самих реформ, математически рассчитывать ресурсные возможности и последствия.

Поскольку общественная поддержка имеет влияние на успех реформ, и реформы эффективно реализуются усилиями правительства и государственных учреждений, важно юриспруденции

присоединиться к обсуждению процессов, происходящих во время административной реформы.

Представляется, потенциал правовой науки позволит найти оптимальные пути дальнейшего проведения реформы в интересах всего общества, разрешить возникающие в ее ходе и ожидаемые проблемы.

Литература

1. Российская Федерация. Президент. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. «Порядок во власти – порядок в стране» (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации) // Российская газета. – 1997. – № 47.

2. Российская Федерация. Правительство. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах: распоряжение: принято 25 октября 2005 г. № 1789-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 46. – Ст. 4720.

3. Российская Федерация. Правительство. Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011-2013 годы: распоряжение: принято 10 июня 2011 г. № 1021-р: ред. от 28 августа 2012 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 26. – Ст. 3826.

4. Гайдарева И.Н. Основные направления административной реформы на современном этапе (опыт зарубежных государств) / И.Н. Гайдарева // Вестник АГУ. – 2008. – № 8. – С. 304-312.

5. Гуменова, Л.Т., Чехлань, Е.Ю. Административная реформа в России / Л.Т. Гуменова, Е.Ю. Чехлань // Актуальные проблемы и перспективы развития государственного управления: сборник научных статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции от 23 ноября 2013 г. (под ред. С.Е. Прокофьева, О.В. Паниной, С.Г. Еремина). – М: «Юстицинформ», 2014.

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*Горобенко Т.В., аспирант
Адыгейский государственный университет*

Региональная экономика, являясь подсистемой народного хозяйства, на территории отдельно взятого региона развивается как система связей и зависимостей между хозяйствующими субъектами и организациями.

Региональная экономика в большей степени связана с природно-климатическими факторами – наличием полезных ископаемых, других природных ресурсов, благоприятных условий географической среды и др. Это обуславливает более сильную зависимость уровня развития региона от природных факторов и состояния окружающей среды. Регионы как субъекты национальной экономики на мезоуровне непосредственно реализуют социально-экономическую политику государства, через регионы осуществляется управление всей страной, в регионах находит воплощение государственная стратегия [6].

Разработка стратегии социально-экономического развития региона начинается с установления цели. Стратегическая цель развития региона представляет собой долгосрочные ориентиры, реализация которых обеспечивает переход всей региональной системы в новое качественное состояние, соответствующее интересам населения, делового сообщества и органов управления [1].

В общем виде процесс стратегического управления развитием региона включает в себя постановку генеральной цели и выделение подцелей в зависимости от выбранных ориентиров развития сфер и отраслей региональной экономики, а также методы, инструменты и механизмы для достижения установленных количественных и качественных параметров нового состояния региональной системы. Цели и подцели развития региона должны быть согласованы во внешней (на национальном и международном уровнях) и внутренней среде (интересы населения, делового сообщества и т.д.) [1].

Достижение такого согласования возможно через коммуникационные каналы системы стратегического управления через представителей целеносителей региона с представителями внешней и внутренней среды. Возможность обеспечения развития региона зависит от согласованности действий на всех уровнях управленческой иерархии – на уровне региона и страны в целом, на уровне отраслей и предприятий [1].

Главными целями регионального управления, по мнению большинства исследователей, выступают [1]:

- обеспечение роста экономики на базе разумного сочетания рыночных механизмов и целевого регулирования органами власти;
- укрепление финансового положения региона за счет его деятельности, привлечения частных и иностранных инвестиций;
- повышения уровня жизни населения;
- сокращение безработицы, в том числе за счет развития малого и среднего бизнеса;
- выравнивание уровня экономического развития между регионами посредством их экономического взаимодействия, а также взаимоотношений с федеральным центром.

Стратегия социально-экономического развития регионов представляет собой систему мероприятий, направленных на реализацию долгосрочных задач социально-экономического развития государства с учетом рационального вклада регионов в решение этих задач, определяемого реальными предпосылками и ограничениями их развития.

Стратегия развития регионов меняется в зависимости от социально-экономической и политической ориентации государства на конкретном этапе развития.

В последние годы увеличивается самостоятельность регионов, которые несут все большую ответственность за результаты регионального экономического развития. При этом социально-экономическое состояние регионов определяется как объективными (макроэкономические условия, положение региона в общественном разделении труда, отраслевая структура, географическое положение, природные ресурсы), так и субъективными факторами, и в первую очередь – методами регионального управления [5].

Экономические реформы показали, что регионы, которые применяют прогрессивные методы управления своим развитием, в меньшей степени подвержены кризисным тенденциям. В сложных условиях выхода из кризиса относительное преимущество имели, прежде всего, те регионы, которые использовали адекватные методы и инструменты управления своим развитием.

Социально-экономическое развитие региона – это центральная функция органов власти региона, которая становится особенно актуальной во время кризиса и постоянных структурных изменений.

Выход из этого состояния может оказаться весьма болезненным, если экономические процессы будут пущены на самотек; в то же время он может сопровождаться минимальными издержками, если администрация будет активно воздействовать на процессы экономического развития, используя имеющиеся местные преимущества и создавая новые.

Управление развитием региона может осуществляться с помощью широкого спектра конкретных действий, посредством которых местная администрация стимулирует развитие экономики региона, создает новые рабочие места, увеличивает налоговую базу, расширяет возможности для тех видов экономической активности, в которых заинтересовано местное сообщество.

Тенденции экономического развития современного общества позволяют сделать вывод о том, что нематериальное производство представляет собой сферу занятости, преимущественное направление инвестиций и фактор процветания современного общества. Иными словами, нематериальное производство – это парадигма современного экономического развития.

В России в настоящее время происходят два противоположных по направленности процесса: деиндустриализация и рост удельного веса сектора услуг. Первая тенденция – падение удельного веса перерабатывающих отраслей с одновременным укреплением добывающих – является отчасти вынужденной и в целом с точки зрения перспектив дальнейшего развития отечественной экономики носит негативный характер. Эта тенденция смещает отечественную экономику с преимущественно индустриальной на доиндустриальную стадию развития, что свидетельствует не о прогрессе, а скорее о регрессе. В то же время в рос-

сийской экономике происходит рост удельного веса услуг, торговли и финансовых учреждений, что характерно в целом для постиндустриальной стадии развития общества. В ближайшие годы в России прогнозируется весьма существенное перераспределение трудовых ресурсов [2].

Главным фактором сегодня становится не наличие ресурсов, а эффективность их использования.

В первые годы экономических реформ в России особое положение сложилось в сырьевых отраслях. Именно экспорт нефти, газа, черных, цветных металлов и леса обеспечивал основную массу валютных поступлений и не давал окончательно разрушиться всему промышленному потенциалу страны.

В России в 1990-е гг. экспорт расширялся в основном благодаря заниженному обменному курсу рубля, при этом увеличивался импорт сложных товаров. Это направление развития внешней торговли оказывало негативное воздействие на уровень жизни в стране, дополнительно снижая его.

Относительные преимущества сырьевых отраслей были обусловлены более низкими издержками, в первую очередь издержками на заработную плату. По мере укрепления реального курса рубля и повышения заработной платы в экспортных производствах данное преимущество постепенно стало сходиться на нет. Поэтому ориентация экономического развития России на традиционные сырьевые экспортные отрасли бесперспективна: бывшие преимущества постепенно перестают быть таковыми.

Информационные технологии начинают играть ведущую роль. Эффективность общественного производства в значительной мере определяется степенью использования средств обработки информации (вычислительной техники, ксероксов, телефонов, программного обеспечения), плотностью потока изобретений новых продуктов и новых технологий с помощью компьютерных программ. Более того, весь современный бизнес представляет собой информационный процесс, создающий связи между организациями и людьми, для того чтобы продукт оказался в нужной точке, в нужное время и нашел своего потребителя.

В экономике любой развитой страны или развитого региона манипулирование информацией становится базисом любого про-

движения вперед. Информационная компонента начинает доминировать в любом производстве и в любом бизнесе. Развитость информационной компоненты становится одновременно фактором, индикатором и результатом развития страны или региона. Другими словами, развитость информационной инфраструктуры (которая одновременно является инфраструктурой бизнеса) становится фактором притяжения и развития деловой активности. Компьютерные сети, вычислительная техника, компьютерный дизайн, средства связи сегодня становятся тем, чем были в конце XIX в. железные дороги, – катализатором и фактором социально-экономического развития всего общества. Информация становится сегодня ресурсом развития, а зрелость информационных технологий определяет темп этого развития.

Сложившаяся мировая практика признает за государством региональную политику, направленную на поддержание, прежде всего, депрессивных и проблемных регионов, при этом стратегия развития благополучных регионов является прерогативой самих регионов.

На наш взгляд, такая позиция не всегда является верной. Так, одновременно с поддержкой проблемных регионов должна формироваться единая общегосударственная стратегия, учитывающая множество позиций участников регионального развития.

Ряд исследователей выделяют в качестве наиболее действенных инструментов управления экономическим развитием региона стратегическое планирование и региональный маркетинг.

Стратегическое планирование и стратегическое управление – это испытанные методы современного менеджмента. Практика доказала высокую эффективность, а в ряде случаев настоятельную необходимость применения стратегического планирования не только в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, но и в других видах человеческой деятельности. Стратегическое планирование может успешно использоваться не только при разработке комплексных программ социально-экономического развития регионов, но и при осуществлении антикризисных мер в регионах и городах, в управлении масштабными инфраструктурными проектами и других направлениях развития в регионах.

Главный вопрос, на который отвечает стратегический план регионального развития сегодня, – это как выйти из кризиса, повысить уровень благосостояния жителей и заложить прочные основы для его дальнейшего повышения. Приоритет отдается цели всех преобразований – созданию условий, обеспечивающих достойные уровень и качество жизни человека.

Цикл стратегического планирования экономического развития региона можно представить в следующем виде [3]:

1. Определение целей развития.
2. Анализ внешней среды развития региона.
3. Определение сильных и слабых сторон региона.
4. Использование имеющихся и создание новых местных преимуществ.
5. Разработка концепции развития.
6. Разработка плана конкретных действий и осуществление стратегии.
7. Анализ эффективности и результативности, корректировка целей и методов их достижения.

В современных условиях, когда в ряде регионов проявляются постиндустриальные тенденции социально-экономического развития, важно определить региональные преимущества не только в производстве материальной продукции, но и в сфере услуг. Регион должен научиться «экспортировать» услуги другим регионам. Производство услуг может притягивать ресурсы и содействовать благосостоянию так же, как и производство материальных ценностей. Финансовые, страховые, консультационные, аудиторские, услуги связи, информатики, образования, медицинские услуги – все эти виды экономической активности в современных условиях могут способствовать региональному развитию [4].

Важнейший современный фактор развития региона – наличие качественной инфраструктуры связи – современных коммуникационных линий региональных компьютерных сетей, свободного доступа в Интернет.

В рамках данной стадии стратегического планирования социально-экономического развития региона рассматриваются возможности максимально использовать сильные стороны региона, а слабые нейтрализовать или превратить в преимущества.

Планы стратегического развития региона служат основой для разработки программ социально-экономического развития. Такие программы составляются по основным сферам деятельности человека с учетом разумных соотношений государственного регулирования и рыночных отношений. Программы обычно содержат целевые проекты и поэтапные планы их реализации.

Планирование экономического развития региона – это непрерывный процесс, задающий ориентиры для принятия любых, в том числе тактических, текущих решений. Наличие долгосрочного плана экономического развития позволяет осуществлять текущие решения на обоснованной и проработанной базе. Сам процесс планирования в качестве результата имеет отнюдь не план, а само экономическое развитие региона, которое, в свою очередь, является результатом конкретных управленческих действий, предпринятых в определенных рамках, определяемых стратегическим планом.

Стратегическое управление развитием региона является основой создания динамичной и эффективно функционирующей экономики. Разработка системы стратегического управления основывается на следующих принципах:

- комплексное и системное моделирование направлений социально-экономического развития региона;
- определение необходимости осуществления изменений в сферах и отраслях экономики;
- использование экономико-математических методов в процессе выбора стратегии развития как региональной экономики в целом, так и отдельных ее сфер и отраслей, что позволяет максимально полно учитывать воздействие факторов внутренней и внешней среды [3].

Возрастание роли и значимости регионов, глобализация мировой экономики и развитие интеграционных процессов, повышение рисков функционирования региональной системы предопределяют необходимость применения стратегического подхода при определении направлений социально-экономического развития и достижения конкурентоспособной экономики субфедерального образования. В целом, эффективность осуществляемых мероприятий в рамках стратегического управления определяется степенью

соответствия потенциальной и реальной конкурентоспособности экономики региона, достигнутыми показателями деятельности субъектов хозяйствования и состояния социальной сферы.

Таким образом, главной целью стратегии социально-экономического развития региона является обеспечение устойчивого динамичного и эффективного функционирования экономики и повышения уровня жизни населения региона.

Стратегия социально-экономического развития региона – это общее направление достижения целей, которые предполагают не столько количественный рост показателей, сколько качественные изменения состояния, в котором находится регион как социально-экономическая система. Это находит свое отражение и в приоритете целей всех преобразований – создание условий, обеспечивающих достойный уровень жизни населения.

Литература

1. Видяпина, В.И., Степанова, М.В. Региональная экономика / [Текст]: учебник / В.И. Видяпина, М.В. Степанова. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С. 74.

2. Боташева Л.С., Боташева Л.С., Стратегические цели социально-экономического развития региона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uecs.ru/logistika/item/371-2011-04-04-08-34-05>

3. Селюков М.В., Скачков Р.А. О теории и практике стратегического управления социально-экономическим развитием региона // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 6 (часть 2). – С. 516–519.

4. Ханиев Р.Р., Дышекова А.А. Стратегия управления социально-экономическим развитием региона // Экономика управления. – 2009. – № 3/6 (44).

5. Чайникова Л.Н. Формирование системы управления стратегической конкурентно-способностью региона: монография / Л.Н. Чайникова. – Тамбов: зд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 264 с.

6. Чуб Б.А. Оценка инвестиционного потенциала субъектов российской экономики на мезоуровне [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.uamconsult.com/book_544_chapter_9_2.1._KHarakternye_osobennosti_regionalnoj_ekonomiki.html

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ ПОДДЕРЖКИ ПРИОРИТЕТНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ

*Григорьева И.Ю., к.э.н., доцент,
Швецова Е.А., к.э.н., доцент
ЧОУ ВПО «Сочинский институт
моды, бизнеса и права»*

Гигантскими перспективами можно считать инновации в сфере бизнеса. Они последовательно и активно завоевывают рынок. Во время кризисов и динамично меняющихся условий хозяйствования на современном этапе экономического развития постоянно возрастает роль инноваций, которые становятся определяющим фактором в успешном функционировании любого региона.

Введенные в 2014 году экономические санкции США и ЕС против Российской Федерации, вывели Краснодарский край в новое актуальное русло по разработке мер, позволяющих снизить риски и обеспечить поиск новых инструментов устойчивого роста экономики региона и России в целом.

Сегодня одной из приоритетных составляющих экономики стала инновационность. Резко активизировались рационализаторы и изобретатели Краснодарского края, который вошел в число регионов с высокой инновационной активностью. На Кубани был создан Совет по инновационному развитию для увеличения внедрения передового опыта, модернизации производства, доли уникальных технологий, совершенствования системы управления. На сегодняшний день инновации не только становятся главными движущими силами развития бизнеса, но и являются самым затратным его элементом. Средства, выделяемые инноваторам в последние годы, только поддерживали их, не позволяя развиваться. А ведь потенциал у предприятий Кубани для роста весьма высок, но интенсивное развитие инновационной инфраструктуры с выходом продукции на общероссийский рынок требует значительных финансовых вложений [5].

На данном этапе венчурный капитал занимает ведущее место в системе финансирования инновационной деятельности.

Только совокупность двух субъектов – носителей капитала и инновационных идей, служит катализатором инновационного бизнеса, является финансовым звеном инновационной инфраструктуры. Радует то, что существенную финансовую поддержку инновационному бизнесу оказывает региональный венчурный фонд.

Великолепным стимулом для развития инновационных проектов стало принятие Закона «Об инновационной деятельности в Краснодарском крае», предусматривающего развитие механизмов трансферта новых технологий посредством их передачи от разработчиков к организациям, применяющим результаты научной деятельности в производстве. [1].

Весьма важно и то, что программа развития инновационной деятельности на Кубани предусматривает субсидирование из бюджета части затрат, которые связаны с производством инновационной продукции, а также субсидирование части процентной ставки по кредитам. Рациональное и эффективное использование научно-технического потенциала, действительно настоящая интеграция науки, образования и производства, вдумчивая и серьезная технологическая модернизация на базе инновационных технологий – вот те основные задачи, которые решает программа «Развитие инновационной деятельности в Краснодарском крае».

Кубань, являясь одним из наиболее инвестиционно привлекательных регионов РФ, обладает и своими довольно специфическими условиями и факторами. Исходя из этого самыми важными отраслями для развития инноваций являются: промышленность; агропромышленный комплекс; топливно-энергетический комплекс; строительство; здравоохранение; курортно-рекреационный и туристский комплекс; транспорт и связь; наука и образование; ЖКХ. Крупнейшие промышленные и научные центры региона – Краснодар, Новороссийск, Армавир, Туапсе. Необходимо учитывать и то, что сформирована самая авторитетная в России научно-исследовательская база в области переработки сельхозпродукции (производство пищевых продуктов, вина) [2].

Таким образом, выделим теперь внутренние и внешние составляющие инновационного потенциала края (рис.1).

Главные внутренние составляющие региона: научно-исследовательская база, финансово-кредитная система, хозяйственная

структура, система формирования и развития кадрового потенциала Кубани. Во внешние составляющие входят: интеграционное взаимодействие с другими регионами, социально-экономическая конкурентоспособность, возможности выхода на высокий мировой уровень. [5].

Рис. 1. Инновационная инфраструктура Краснодарского края

Таким образом, главными целями современной региональной инновационной политики Краснодарского края стали:

- разработка и создание новых и комфортных экономических, правовых и организационных условий для инновационной деятельности;
- значительное и непереносимое повышение эффективности производства и конкурентоспособности продукции отечественных товаропроизводителей на основе создания и распространения современных базисных и улучшающих инноваций;
- активное и профессиональное содействие активизации инновационной деятельности, целенаправленное развитие рыночных отношений и предпринимательства в инновационной сфере;
- мощное и последовательное расширение государственной поддержки инновационной деятельности, значительное повышение эффективности использования государственных ресурсов, направляемых на развитие инновационной деятельности.

На нынешнем этапе инновационная инфраструктура Кубани решает следующие задачи:

- серьезная информационная поддержка субъектов инноваций;
- необходимая производственно-технологическая поддержка инноваций;
- четкое проведение технологической экспертизы проектов;
- создание новой системы продвижения на рынки наукоемкой продукции;
- грамотное финансово-экономическое обеспечение инновационной деятельности.

Главной основой поступательного развития новой экономики является мощный потенциал региона – информационные и биотехнологии, оказание инжиниринговых услуг, проведения фундаментальных и прикладных научных исследований [4]. Нужна поддержка конкурентоспособности инновационного сектора, создание новых инновационных кластеров, современная инфраструктура инновационной системы и стимулирование технологической модернизации отраслей краевой экономики, что обеспечит активное инновационное развитие. Администрация края способствует повышению эффективности и поддержке существующих и новых элементов инновационной системы, расширению государственно-частного партнерства в сфере развития инновационного сектора, созданию новых инновационных кластеров; финансированию инновационной деятельности, исследований и разработок на основе долевого участия в проектах. Комплекс этих мер обеспечит рост конкурентоспособности отраслей экономики, запустит механизмы модернизации промышленности на основе инноваций [3].

Сегодняшняя государственная инновационная политика ставит цели современной инновационной стратегии и новых механизмов поддержки приоритетных инновационных программ и проектов, сводится к созданию условий для формирования инновационного рынка и поддержки на нем приоритетных направлений и критически важных технологий [6]. При этом региональная инновационная политика является составной частью экономической политики краевых органов власти по созданию благоприят-

ных условий для торгово-производственной, строительно-промышленной, агропромышленной и научно-производственной интеграции всех институциональных форм хозяйствования для осуществления инновационной деятельности. Новые программы повышения конкурентоспособности потенциала приоритетных для региона производств посредством привлечения частных институциональных инвесторов к реализации инноваций, формирование режима экономического стимулирования инновационной деятельности являются мерами реализации региональной инновационной политики.

Главная задача на ближайшую перспективу – перевод экономики Кубани на инновационный путь развития.

Этому активно способствует государственное стимулирование инновационной деятельности путем:

- субсидирования из краевого бюджета части затрат, связанных с производством инновационной продукции, понесенных организациями,
- субсидирования из бюджета части процентной ставки по кредитам, полученным организациями, внедряющими инновационные проекты,
- проведения краевого конкурса «Лучший инновационный проект»,
- серьезного стимулирования внебюджетного финансирования,
- развития грамотного венчурного инвестирования в наукоемкие проекты,
- создания системы информационной поддержки инноваций.

Сочетание промышленности, сельского хозяйства, транспорта, научно-образовательного и инновационного комплексов, с одной стороны, и высокая инвестиционная привлекательность Кубани – с другой, определяют реальные и необходимые предпосылки для создания в регионе кластеров альтернативной энергетики, логистик, деревопереработки, экологии, рекреации, сельскохозяйственного кластера.

Наболевшая проблема развития инновационного процесса, как в условиях страны, так и на территории региона – явный недостаток развитых связей и взаимодействия науки с производст-

вом, механизмов, обеспечивающих своевременное коммерческое применение научно-исследовательских и инновационных разработок [7]. Только кластерная программа позволит преодолеть этот разрыв между фундаментальными, поисковыми работами и непосредственно внедрением в производство и коммерциализацией на рынке полученных результатов. Кластеры позволят быстрее решать задачи повышения производительности, конкурентоспособности и качества производимой продукции в Краснодарском крае.

Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г. говорит о том, что необходимой платформой для образования инновационных кластеров в регионе и единых технологических цепочек по производству продукции с высокой добавленной стоимостью, формирующих основной вклад в экономику Кубани, призваны стать зоны опережающего роста (территории с потенциалом ускоренного развития в долгосрочной перспективе) [6].

В Краснодарском крае есть интересные технологические проекты и малые инновационные фирмы, имеющие экспериментальные образцы продукта и новые технологические решения. Администрация края последовательно и внимательно развивает этот потенциал и помогает в налаживании взаимодействия между изобретателями, бизнесом, финансово-кредитными организациями, оказывает всемерную поддержку инновационной деятельности, использует конкурентные преимущества Кубани: мощный интеллектуальный, промышленный потенциал и благоприятный инвестиционный климат. Вне всякого сомнения, все это внесет существенный вклад в дальнейшее экономическое развитие Краснодарского края.

Стоит отметить, что быстрое достижение высоких и устойчивых темпов экономического роста невозможно без поддержки инноваций.

В заключении стоит подчеркнуть, что реализация инициатив по созданию инновационных кластеров на Кубани обеспечит:

- динамичное развитие устойчивых научно – производственных кооперационных связей и инновационных сетей;
- необходимое взаимопроникновение знаний; поддержку совместных исследований;

- современную интеграцию инновационных предприятий и компаний в цепочки формирования стоимости;
- взаимовыгодное развитие кооперационной сети «наука и образование – инновационный бизнес – отрасли»;
- грамотное распространение знаний из сектора исследований и разработок и их капитализацию, а также сформирует благоприятную среду для успешного функционирования инновационных предприятий, объектов региональной инфраструктуры и других организаций.

Краевые власти, поддерживая кластерные инициативы, способствуют модернизации Кубани через соответствующие политические инициативы, развитие торгового потенциала и человеческого капитала, механизмов государственно-частного партнерства. При этом кластеры стали катализатором формирования общественного понимания и поддержки в реализации экономических реформ через развитие связей со СМИ, университетами, исследовательскими центрами, научными и технологическими фондами, крупнейшими отраслевыми предприятиями, государственными структурами.

Литература

1. Закон Краснодарского края от 5 апреля 2010 г. № 1946-КЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Краснодарском крае».
2. Васильева Л.Ф., Васильев С.К., Уфимцев Г.С. Оценка инвестиционной привлекательности пищевых предприятий. Проблемы, противоречия и перспективы развития России в современном мире: экономико-правовые аспекты. Сборник статей международной научно-практической конференции. Ч. 1 / под общ. ред. Э.В. Соболева, С.И. Берлина, В.В. Сорокожердьева. – Краснодар, 2014. – С. 60–61.
3. Константиныди Х.А., Сутаева П.А. Развитие субрегиональных систем в Южном макрорегионе России // Terra Economicus. 2008. Т. 6. № 3-2. С. 279-282.
4. Рубин А.Г. Особенности инновационной составляющей операционной стратегии предприятия // Проблемы достижения экономической эффективности и социальной сбалансированности: императивы, правовые и хозяйственные механизмы (сборник статей междуна-

родной научно-практической конференции) / под общ. ред. Э.В. Соболева, С.И. Берлина, В.В. Сорокожердьева. – Краснодар, 2014.

5. Шевченко И.В. Совершенствование программы инновационного развития Краснодарского края / И.В. Шевченко, Е.Н. Александрова, Н.В. Андреева // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 3. – С. 2–9.

6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020г., <http://www.economy.gov.ru>

7. <http://sci-innov.ru/> – сайт Федерального портала по научной и инновационной деятельности

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ АРМЕНИЯ

*Григорян К.Г., к.э.н., доцент
Армянский государственный
экономический университет*

Развитие экономических отношений между Российской Федерацией (РФ) и Республикой Армения (РА) обусловлено исторически сложившимися тесными и многосторонними производственными, а также научно-техническими связями, совместными стратегическими интересами. Целью статьи является оценка современного этапа экономического развития Армении, анализ внешнеэкономического сотрудничества с Россией и выявление возможностей развития интеграции двух стран. Объектом исследования являются внешнеэкономические связи Армении с Россией, а предмет исследования составляют характер и направления экономического сотрудничества Армении и России, перспективы и механизмы развития такого сотрудничества.

Следует отметить, что торговля Российской Федерации с Республикой Армения регламентируется двусторонним Соглашением между Правительством РФ и Правительством РА о свободной торговле от 30 сентября 1992 г., Протоколом о поэтапной отмене изъятий из режима свободной торговли от 30 января 2004 г. к этому соглашению, протоколом от 6 февраля 2008 г. о внесении изменений

в Соглашение о свободной торговле, Соглашением между Правительством РФ и Правительством РА о принципах взимания косвенных налогов во взаимной торговле от 20 октября 2000 г. и Протоколом о внесении в него изменения от 25 сентября 2007 г.

Кстати, взаимный товарооборот с 2004 по 2013 год постоянно увеличивался. Если в 2004 году он составил 208,4 млн. долл. США, то в 2012 году превысил 1 млрд. 200 млн. долл. США [5].

Вместе с тем, основу российского экспорта в Армению составляют поставки минеральных продуктов, машин, оборудования и транспортных средств, продовольственных товаров и сельхозсырья, металлов и изделий из них, продукции химической промышленности, каучука, драгоценных камней, драгметаллов и изделий из них. В структуре импорта преобладают продовольственные товары и сельхозсырье, изделия из драгметаллов, текстиль, текстильные изделия и обувь.

Кроме того, по состоянию на 1 января 2014 г., общее число предприятий и обособленных подразделений с российским капиталом в Армении составило более 1200. Их удельный вес в общем количестве предприятий с участием иностранного капитала составил 27,6%. Российские компании представлены в основных секторах экономики республики – энергетическом, транспортном, телекоммуникационном, банковском, страховом, горнодобывающем.

Следует подчеркнуть, что перспективные направления совместной деятельности определены в подписанной 26 сентября 2000 г. Декларации о союзническом взаимодействии между Россией и Арменией, ориентированном в XXI век.

Конечно, существенный вклад в поддержание национальной экономики Республики вносят и функционирующие на ее территории российско-армянские предприятия, крупнейшие из которых традиционно находятся в списке основных налогоплательщиков страны. При этом их совокупные налоговые выплаты в государственную казну РА составляют не менее 15% от всей доходной части бюджета Армении [5]. Из крупных российских предприятий, работающих в Армении, можно выделить следующие: ЗАО «Электрические сети Армении», ЗАО «Международная энергетическая корпорация», ЗАО «Газпром-Армения», ЗАО «Русал-Арменал», ООО «Геопромайнинг голд Армения», ЗАО

«Южно-Кавказская железная дорога», ЗАО «АрменТел», ОАО «Мобильные ТелеСистемы», ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», ЗАО «Арэксимбанк – группа Газпромбанка», ЗАО «Росгосстрах-Армения», ЗАО «Инго Армения» и ЗАО «Ситроникс Армения».

Кроме того, что касается осуществления двусторонних совместных программ, нужно подчеркнуть прогресс, зафиксированный в работах, проводимых в направлении задействования принадлежащих российской компании «Ситроникс» свободных экономических зон на территориях ЗАО «РАО Марс» и Ереванского научно-исследовательского института математических машин (ЕрНИИММ). Эти программы являются одним из ведущих факторов сотрудничества между Арменией и Россией в сфере высоких технологий и инноваций [3].

В добавление к вышесказанному, Россия и Армения активно сотрудничают в решении международных проблем на основных международных площадках – в ООН, в рамках Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности. В 2013 году Армения подтвердила вектор своего развития, отдав приоритет евразийскому направлению.

Следует отметить, что на пути экспортоориентированного роста экономики Армении основной проблемой является инфраструктурная недостаточность и относительно слабая связь рыночной динамики с институциональной средой. Географическая структура прямых зарубежных инвестиций в экономику Армении характеризуется наличием многочисленной армянской диаспоры в стране-эмитенте [5]. Также, существует разрыв между потенциалом Армении в квалифицированной рабочей силы, и его содержание в экспортном секторе Армении [4, 76].

Между тем, государственный долг Армении за поставки российских энергоносителей был покрыт путем передачи России пяти армянских предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) и электронной промышленности по схеме «инвестиции в счет долга». Эти предприятия из-за отсутствия государственного заказа простаивали, а их передача России способствовала не только решению проблемы задолженности, но и открывает возможности для реализации производственных возможностей этих предприятий и созданию рабочих мест.

Кроме того, армянская диаспора в России насчитывает более 2,3 млн. человек, а размер ее ежегодных денежных переводов составляет более 700 млн. долл. США. Потери Армении от эмиграции связаны с «утечкой умов» и принципом обмена средствами во времени между поколениями. До достижения трудового возраста эти мигранты воспользовались бюджетными средствами Армении, но в возрасте трудовой активности они участвуют в формировании бюджета России. Экономия затрат на подготовки этих кадров является одной из ключевых видов выигрыша России от иммиграции [1].

В целом значительные различия между Арменией и Россией в обеспеченности факторами производства обусловили межотраслевой обмен товарами, а в химической и электронной промышленности, благодаря эффекту экономии от масштабов производства, существуют признаки внутриотраслевой торговли.

Вместе с тем, Российская Федерация остается лидером среди стран-инвесторов в армянскую экономику и занимает первое место среди крупнейших иностранных инвесторов. Доля России в привлеченных в Армению инвестициях составляет порядка 38,5%. Кроме того, в общем объеме поступающих в Армению из-за рубежа частные трансферты из России занимают первое место (около 1,445 млн.долл.США в 2013 г.) [5]. За сравнительно небольшой период с 2007 по 2012 год они увеличились в 5,2 раза. Согласно российским данным по региону СНГ в 2012 год Армения находилась на 3-м месте по накопленным инвестициям (после Беларуси и Украины) и на втором по прямым [2].

Нужно отметить, что большая часть иностранных инвестиций в Армении из других стран, например Европы и США, являются портфельными, в то время как инвестиции из России преимущественно прямые.

Действительно, инвестиционное сотрудничество в разнообразных его формах генерирует, гармонизирует, сближает интересы участников экономического процесса, определяет новые возможности для взаимной проектной деятельности и развития конкурентоспособных производств.

Как видим, внешнеэкономические связи между Россией и Арменией развиваются по многим направлениям, создан доста-

точно мощный задел и существуют большие резервы углубления сотрудничества.

В то же время, необходимость и понимание важности согласованных действий вылились в разработку и принятие Программы долгосрочного экономического сотрудничества РФ и РА на период до 2020 года, которая была подписана осенью прошлого года на межправительственном уровне. В этом документе сконцентрирована вся совокупность многопрофильного и многогранного сотрудничества.

В указанной Программе обозначен ряд амбициозных целей, главная из которых – совместными усилиями укрепить наши конкурентные позиции на мировом рынке. Предстоит сконцентрировать усилия на ряде прорывных направлений, имеющих стратегическое значение для обеих стран и обеспечивающих условия для предпринимательской деятельности, расширения потребительского рынка и повышения национальной конкурентоспособности.

Конечно, объединение усилий в рамках вышеназванных институтов позволит укрепить наши позиции на пространстве СНГ, обеспечит распространение общепринятых базовых принципов научно-технологического и инновационного сотрудничества, гармонизацию нормативной правовой базы и основных подходов к формированию национальных инновационных систем, переход на показатели научно-технологического и инновационного развития, принятые на общем европейском пространстве.

Наконец, практический пример наполнения интеграции экономическими интересами и содержанием, созданный Таможенный союз и Единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Объединение потенциалов трех евразийских государств уже дало положительный экономический эффект. Достаточно сказать, что объем взаимной торговли в рамках Таможенного союза, по данным Евразийской экономической комиссии, в 2012 году достиг \$68,6 млрд. Тем самым в сравнении с предыдущим 2011 годом зафиксировано заметное увеличение – на 8,7%. Тогда этот показатель составил по \$63,1 млрд., а прирост по отношению к 2010 году составил почти 34% с уровня в \$47,1 млрд [2].

Соответственно, значительно расширяются возможности кооперирования, обмена технологиями и инвестициями. В результате ликвидации многих ограничительных барьеров и появившейся возможности создавать на территории одного из государств Таможенного союза производства, ориентированные на рынок Таможенного союза, существенно повысилась привлекательность экономик России, Белоруссии и Казахстана для инвесторов из третьих стран.

Более того, формирование Единого экономического пространства дает еще большие возможности для более содержательного и полноценного сотрудничества, дальнейшего формирования благоприятной рыночной среды и условия для роста взаимной торговли и инвестиций. С созданием ЕЭП формируется благоприятная конкурентная среда на всей территории экономического пространства по единым принципам и правилам. Эти правила для участников экономической деятельности станут более стабильными и привлекательными, поскольку они разрабатываются с учетом опыта Европейского союза, действующих норм и правил Всемирной торговой организации.

Также, создается единый рынок с гармонизированной макроэкономической политикой, унифицированными правилами конкуренции, системами технического регулирования, транспортного сообщения и транзита, тарифов естественных монополий, сельскохозяйственных и промышленных субсидий. Субъектам хозяйственной деятельности облегчен доступ к богатым человеческим, промышленным и природным ресурсам, которыми располагают страны ЕАЭС.

Ясно, что экономическое содержание сближения состоит в устранении в интересах каждой из сторон препятствий во взаимной торговле и инвестициях. Представляется целесообразным уже сейчас идти по пути создания и использования непротиворечивых норм в соответствующих областях, обеспечивающих свободу перемещения товаров и равные условия доступа. Это, прежде всего, должно быть направлено на ликвидацию барьеров в области технического регулирования, санитарного и фитосанитарного контроля, что будет стимулировать торговлю со странами-членами Таможенного союза. Затем можно будет

обеспечить совместимость с тем, что мы уже имеем или разрабатываем в рамках ЕЭП на основе пакета секторальных (горизонтальных) соглашений, обеспечивающих равные условия конкуренции.

Вместе с тем, отталкиваясь от субъективного и чисто прагматического подхода у стран, не входящих в указанные интеграционные образования уже сегодня отсутствует возможность разрешения вопросов по ряду направлений взаимной торговли на двустороннем уровне, поскольку полномочия с национального уровня переданы на наднациональный в Евразийскую экономическую комиссию. Очень важно перевод всей системы экономических российско-армянских связей в новое качество, включая налаживание схемы и механизмов взаимоотношений с Таможенным союзом и Единым экономическим пространством.

Таким образом, можно с достаточной точностью сделать вывод, что только через дальнейшее углубление интеграции в рамках этих интеграционных объединений Армения может обеспечить дальнейшее поступательное развитие своей экономики, в полной мере использовать преимущества международного разделения труда путем включения в соответствующие технологические, производственные и организационные структуры.

Исследование позволяет сделать следующие основные выводы и рекомендации:

Современная структура экономики Армении имеет смешанный индустриально – аграрный характер, в значительной степени сложившийся в предыдущие десятилетия. Трудности внешней торговли Армении обусловлены ограниченным количеством конкурентоспособных на мировом рынке товаров, ее географическим положением и проблемами транспортной инфраструктуры, являющиеся результатом блокады со стороны Турции и Азербайджана. Существенные различия в обеспеченности факторами производства обусловили межотраслевой характер внешней торговли Армении и России. Отсутствие общей границы и региональные конфликты (абхазский, южноосетинский, нагорно-карабахский конфликты, напряженные отношения России и Грузии) сделали надежным экспорт только тех товаров, перевозка которых возможно воздушным транспортом.

Армяно-российское экономическое сотрудничество охватывает все базовые отрасли экономики Армении, наиболее важными из которых являются топливно-энергетический комплекс, электротехническая отрасль, транспорт, строительство, машиностроение и связь.

Армения имеет значительные резервы повышения эффективности решения важнейших для республики задач, в частности экономического роста, привлечения зарубежных инвестиций, интеграции с Россией. Мобилизация этих резервов требует переосмысления целого ряда вопросов современной экономической политики, проводимой в республике, от решения которых будет во многом зависеть будущее развития Армении, ее место и роль на международной арене. В выборе модели экономического развития приоритетным для Армении является развитие экспортных отраслей с внедрением институтов инновационного развития. Например, выбор моделей (Ирландия, Израиль), которые смогли бы обеспечить наиболее высокие результаты экономического роста Армении предполагают развития интеграции с Россией [1].

Армянская диаспора в России стала одним из важнейших факторов, содействующих интенсификации сотрудничества между нашими странами, развитию их интеграции.

Прямые зарубежные инвестиции являются важным источником капитальных вложений, открывают возможность приобретения к новейшим иностранным технологиям, привлечения высококвалифицированных специалистов и управленцев, расширения экспортных поставок, реализации правительственных программ социально-экономического развития.

Литература

1. Джалоян, А.Г. Перспективы развития экономических отношений Армении и России, автореферат диссертации, 2005. <http://www.dissercat.com/content/perspektivy-razvitiya-ekonomicheskikh-otnoshenii-armenii-i-rossii>

2. Доклад заместителя директора департамента экономического сотрудничества и интеграции со странами СНГ Минэкономразвития России Андрея Анатольевича Цемаховича на конференции «Эконо-

мические аспекты Евразийской интеграции и Армения». http://www.soyuzinfo.am/rus/conferences/detail.php?ELEMENT_ID=265

3. «Подписана программа долгосрочного экономического сотрудничества между Арменией и Россией до 2020 года». <http://www.gov.am/ru/news/item/6454/>

4. Grigoryan Karen, (2012): «Study of the Peculiarities of Export Developments in EU Member Countries and in Armenia», working paper, “Romanian Journal of European Affairs”, Vol. 12, No. 3, September 2012, pages 65-82, http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2142370

5. <http://embassyru.am/page.php?id=37>

ДИНАМИКА ПОЛОЖЕНИЙ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

*Демидова Г.С., к.ю.н., доцент,
ЮУрГУ, г. Челябинск*

Право как надстроечная категория отражает экономическое состояние общественно-политического уровня развития общества. Наследственное право, наиболее тесно связанное с правом собственности, несмотря на известный консерватизм, достаточно чутко реагирует на экономические, политические и социальные преобразования. По точному выражению С.А. Смирнова «характер наследственных норм показывает с экономической точки зрения особенности перераспределения материальных благ, а с правовой – является звеном, логически завершающим цепочку цивилистических связей лица и общества» [6, с. 18].

Наиболее характерны в этом плане метаморфозы наследования в России в начале XX века. Перерыв постепенности в развитии российской государственности и права в связи с установлением советской власти не мог не отразиться и на наследственном праве. В соответствии с программной установкой марксистов – уничтожение частной собственности – был принят один из первых декретов советской власти от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования». Основной идеей большевиков являлось стремление к тотальному обобществлению имущества, и отмена наследо-

вания рассматривалась как одно из средств «бескровного» изъятия ценностей, принадлежащих отдельной личности, с последующей передачей их советскому государству [4, с. 9].

Взятый в начале 1920-х гг. курс на ускоренное восстановление народного хозяйства предусматривал обширные экономические преобразования, которые не могли не отразиться на сфере частного и, конечно, наследственного права [5, с. 16]. Сначала декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», а затем Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. восстановил право наследования, хотя и в ограниченном варианте.

В последующие годы происходило совершенствование норм о наследовании, направленное на расширение и гарантированность наследственных прав граждан.

С переходом России к рыночной экономике произошли глобальные изменения правовой системы, на качественно новый уровень поднялось законотворчество. Наиболее масштабная трансформация произошла в гражданском законодательстве. Коренным образом изменилось правовое регулирование собственности, получила нормативное закрепление автономия воли участников гражданских правоотношений, утвердилось положение о беспрепятственном осуществлении гражданских прав, значительно расширился круг объектов, находящихся в собственности граждан. Стало очевидным, что, Гражданский кодекс РСФСР 1964 неспособен в новых экономических условиях обеспечить эффективность наследственно-правового регулирования. Тезис о том, что «подавляющему большинству населения нечего завещать», уже не отвечал действительности, и для советских граждан перестал быть безразличным вопрос о том, к кому и по каким правилам их имущество перейдет после смерти [1, с. 4]. Исходя из объективной потребности, существенными новеллами пополнилось наследственное право.

Третья часть Гражданского кодекса РФ, вступившая в силу с 1 марта 2002 г., ознаменовала новый этап в развитии наследственного права России.

Обновленное наследственное право, базируясь на классических понятиях, реципированных из римского частного права, со-

хранив преемственность положений российского права, адекватно отразило политическое, экономическое и социальное состояние российского общества в начале XXI века.

Прежде всего, обращает на себя внимание увеличение объема третьей части ГК РФ по сравнению с ГК РСФСР, более совершенная структура раздела V кодекса, появление принципиально новых норм, например, о наследовании отдельных видов имущества, разделе наследства с учетом преимущественных прав отдельных наследников.

Общие положения о наследовании (основания наследования, время и место открытия наследства) в целом сохранены, хотя и урегулированы более скрупулезно. Так, правило о факультативном месте открытия наследства, сформулировано с учетом деления имущества на движимое и недвижимое. Закрепляя положения о времени открытия наследства, законодатель специально оговорил ситуацию с коммориентами. Иначе обозначен круг лиц, имеющих право наследования. Появление большого числа юридических лиц, прежде всего, основанных на частной собственности, послужило поводом для указания их в качестве допустимых наследников по завещанию. Констатирована возможность наследования публично-правовыми образованиями, причем также иностранными и международными по завещанию, а выморочного имущества – по закону Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями.

Удачным дополнением общих положений о наследовании можно считать введение статей о характере универсального правопреемства при наследовании (ст. 1110 ГК РФ) и о закреплении состава наследства (ст. 1112 ГК РФ).

Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав и их реализация правообладателями по собственной воле и в своем интересе нашел наиболее широкое закрепление в главе 62 ГК РФ «Наследование по завещанию». В ст. 1119–1122 предусматривается возможность завещать любое имущество, не предоставляя доказательств наличия его у наследодателя на момент совершения завещания, распределить имущество в любых пропорциях между любыми лицами, независимо от включения их в круг наследников по закону, лишать права наследования любого из на-

следников по закону без объяснения причин, подназначить наследника, отменить и изменить завещание. Зафиксирован приоритет наследования по завещанию перед наследованием по закону. Закреплена допустимость совершения завещания в простой письменной форме, путем составления закрытого завещания и завещания в чрезвычайных обстоятельствах. Как конкретное проявление принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела можно рассматривать норму о тайне завещания (ст. 1123 ГК РФ). Следует указать и на дополнение ст. 1123 положением о расширении круга субъектов, обязанных сохранять эту тайну личной жизни завещателя за счет лиц, осуществляющих обработку данных единой информационной системы нотариата, а также о том, что не является разглашением тайны завещания предоставление нотариусом, другим удостоверяющим завещание лицом сведений об удостоверении завещания, отмене завещания в единую информационную систему нотариата в порядке, установленном Основами законодательства Российской Федерации о нотариате. Эти изменения вызваны принятием Федерального закона от 02.10.2012 № 166-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым создана единая информационная система нотариата. Внедрение такой системы, во-первых, не нарушает права наследодателя в силу ее закрытости, а, во-вторых, гарантирует исполнение последней воли завещателя, поскольку теперь не составит труда найти все завещания, совершенные у разных нотариусов или не по месту жительства наследодателя и открытия наследства.

Заботой об осуществлении воли завещателя продиктованы нововведения относительно обязательной доле в наследстве. Снижение размера обязательной доли до $\frac{1}{2}$ от законной доли, выделение ее из незавещанной части имущества даже в ущерб интересам других наследников по закону, включение в нее всего, что может получить обязательный наследник по какому-либо основанию, свидетельствует о закреплении приоритета интересов завещателя, назначившего конкретное лицо в качестве потенциального обладателя наследственным имуществом. Принципиально новой является норма пункта 4 статьи 1149 о том, что, если осу-

ществление права на обязательную долю в наследстве повлечет за собой невозможность передать наследнику по завещанию имущество, которым наследник, имеющий право на обязательную долю, при жизни наследодателя не пользовался, а наследник по завещанию пользовался для проживания (жилой дом, квартира, иное жилое помещение, дача и тому подобное) или использовал в качестве основного источника получения средств к существованию (орудия труда, творческая мастерская и тому подобное), суд может с учетом имущественного положения наследников, имеющих право на обязательную долю, уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении. Как справедливо отметил А.А. Демичев: «Наследственные отношения порой настолько сложны, что в отдельных случаях применение общих норм, жестко установленных законом, может оказаться несправедливым. По этой причине нам представляется совершенно правильным, что суду предоставляется право, исходя из конкретных обстоятельств дела, решать вопрос об уменьшении размера обязательной доли или отказе в ее присуждении» [3, с. 20].

Статья 1119 ГК РФ содержит норму, согласно которой свобода завещания ограничивается правилами об обязательной доле в наследстве (статья 1149). Однако такое указание не является ограничением для завещателя в момент совершения завещания, поскольку получив разъяснения от нотариуса о правах обязательных наследников, он вовсе не должен корректировать свое волеизъявление и непременно включать обязательных наследников в завещание. Поэтому можно выразить полную солидарность с А.В. Трапезниковой, утверждающей, что «положение об обязательной доле не является ограничением свободы воли и волеизъявления завещателя, а устанавливает правовые рамки реализации выраженной в завещании воли» [7, с. 38].

Существенные изменения произошли и в наследовании по закону. Интересы государства перестали быть главенствующими. Частная собственность названа в Конституции РФ первой среди других форм собственности. Закреплено, что право частной собственности охраняется законом, а право наследования – гарантируется (ст. 35). Вполне логичным в свете таких установлений стало увеличение числа очередей наследников по закону. Теперь

родственники достаточно отдаленных степеней родства, вплоть до пятой, могут получить наследственное имущество.

Нашли отражение в законодательстве и изменения социального характера. Рост количества разводов, неоднократное вступление в брак привело к тому, что помимо кровного родства широкое распространение получило родство социальное. Реакцией законодателя на это явление стало указание в качестве наследников седьмой очереди пасынков и падчериц, отчимов и мачех.

Учитывая такое большое число очередей наследников, выморочного имущества практически не остается. Более того, предусматривается обязательное включение в соответствующий жилищный фонд социального использования выморочных жилых помещений, перешедших в порядке наследования в собственность публично-правовых образований. Это также свидетельствует о социальной направленности норм наследственного права.

Реакцией законодателя на снятие ограничений права частной собственности стало специальное урегулирование наследования отдельных видов имущества, прежде всего таких, которые в доперестроечный период не могли принадлежать гражданам – земельных участков, предприятий, прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах и обществах, производственных кооперативах. Причем эти нормы сформулированы таким образом, что позволяют учесть интересы и отдельных наследников и гражданского оборота в целом. Так, особые правила наследования предприятия как имущественного комплекса направлены на сохранение его целостности, передачу предприятия тому из наследников, который имеет опыт предпринимательской деятельности и способен обеспечить продолжение функционирования предприятия. Более гибкими стали нормы о наследовании имущества крестьянского (фермерского) хозяйства, что особенно актуально сейчас, когда государство заинтересовано в развитии отечественного сельскохозяйственного производства из-за введения экономических санкций в отношении России. В соответствии с первоначальной редакцией ст. 1179 ГК РФ имущество крестьянского (фермерского) хозяйства не подлежало разделу лишь при

том условии, что среди наследников единственного члена хозяйства не находилось лиц, желающих продолжить ведение сельскохозяйственной деятельности. Теперь же сохранение крестьянского (фермерского) хозяйства без дробления его имущества допустимо, если среди наследников найдутся лица, заинтересованные в продолжении крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности. Такой наследник, не занимаясь сельскохозяйственной деятельностью непосредственно, вправе создать юридическое лицо в особой организационно-правовой форме – крестьянское (фермерское) хозяйство. Это вытекает из толкования п. 3 ст. 1179 и п. 5 ст. 86.1 ГК РФ.

Учитывая, что долевая собственность, возникающая у наследников, может оказаться неудобной для них и осложнять участие в гражданском обороте наследственного имущества, законом предусмотрены преимущественные права отдельных наследников на закрепление за ними вещи в натуре при разделе неделимой вещи.

В силу системности права и согласованности норм отдельных институтов в рамках одной отрасли, изменения общих положений гражданского права влечет закономерное изменение институциональных норм. О.Е. Блинков приводит два конкретных случая экстраполяции нововведений общей части Гражданского кодекса на наследственное право. Первый касается принципа добросовестности при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей, второй – нового способа защиты гражданских прав: «...став одним из основных начал гражданского права, добросовестность распространяется и на наследственные правоотношения, обязывая действовать добросовестно наследников в наследственном процессе. Законом в ст. 16.1 ГК РФ вводится новый источник наследственной массы в виде права на компенсацию ущерба имуществу наследователя, нанесенного правомерными действиями органов публичной власти или их должностных лиц, а также иных лиц, которым государство делегировало властные полномочия» [2, с. 3].

Проанализировав лишь некоторые изменения наследственного права Российской Федерации за последнее столетие, увязав трансформацию норм наследственного права с социально-

экономическими изменениями российского общества, следует сделать вывод о том, что оно освободилось от идеологических ограничений и устаревших подходов, сформировавшихся в советское время, однако, в целом сохранило преемственность в отношении традиционного понимания справедливости и социально оправданного решения вопросов наследования [1, с. 47].

Литература

1. Барков Р.А., Блинков О.Е. Эволюция основных положений о завещании: общие тенденции и перспективы их унификации на постсоветском пространстве // *Наследственное право*. – 2014. – № 3. – С. 3–6.
2. Блинков О.Е. О добросовестности и иных изменениях в Российском гражданском праве (в наследственно-правовом аспекте) // *Наследственное право*. – 2013. – № 1. – С. 3
3. Демичев А.А. Свобода завещания в российском праве в контексте правила об обязательной доле в наследстве // *Наследственное право*, 2013. – № 1. – С. 17–20.
4. Лисицына Е.А. Проблемы наследственного права в первых декретах советской власти (1918–1920 гг.) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право»*. – 2014. – № 3. – С. 9–11
5. Лисицына Е.А. К вопросу об особенностях правового регулирования наследования в условиях новой экономической политики // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право»*. – 2014. – № 1. – С. 16–22.
6. Смирнов С.А. Теория и история наследственного права России: вопросы развития // *Наследственное право*. – 2014. – № 3. – С. 18–21.
7. Трапезникова А.В. Обязательная доля в наследстве: монография. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2012. – 166 с.

МАРКЕТИНГОВАЯ ПОДДЕРЖКА И ПРОДВИЖЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ

*Иващенко К.Ю. , студентка,
Седых Н.В., к.э.н , доцент
Кубанский государственный
технологический университет*

Подавляющее большинство экспертов в сфере маркетинга замечают динамично растущую роль Интернета, как новейшего канала маркетинговых коммуникаций. Таким образом, нельзя недооценивать возможности Интернет- маркетинга, а значит актуальность маркетинговой поддержки в сети Интернет ощутима:

– аудитория Интернета является самой активной, платежеспособной из всего населения. Трудно представить сейчас любого делового человека, который не прибегает к поиску информации в Интернет;

– интернет имеет возможности, не свойственные ни одному из средств СМИ – высокая оперативность обновления информации, удобство пользования информацией;

– реклама в Интернет очень эффективна, так как человек пользуется Интернетом в основном в двух ситуациях: поиск информации и развлечение. В обоих случаях реклама в сети воспринимается намного лучше и не раздражает как, к примеру, телевизионная реклама;

– интернет является очень удобным, а главное дешевым средством взаимосвязи между партнерами, филиалами, дочерними кредитными организациями. Невозможно переоценить возможности, которые дает нам e-mail переписка, сервис ICQ, прайс-листы на товары и услуги и различные информационные базы. Кроме того, что особенно важно в «эру правления потребителя», предприятиям существенно легче наладить обратную связь с потребителями, например, через WEB-сайт;

– в настоящее время все крупные компании имеют свои корпоративные сайты, и даже фирмы мелкого и среднего бизнеса, понимая преимущества данного средства, стремятся заполнить

данный «пробел». К тому же, любое уважающее себя СМИ имеет виртуальное представительство в Интернет. Кроме этого в Интернет существует большое количество разной статистической информации. Все это дает неограниченные возможности для маркетинговых аналитиков, но необходимо понимать, что в мире Интернет информации очень много и легко запутаться, поэтому данную работу лучше доверить профессионалам, которые знают все «входы» и «выходы» в данной сфере.[1]

Так, например, социальными сетями уже пользуется сервис «Золотая Корона – Погашение кредитов» готов оказывать своим партнерам (финансовым организациям и торговым сетям) маркетинговую поддержку: предоставление POS-материалов, размещение информации на интернет-ресурсах, организация СМС-рассылок и другие мероприятия, направленные на информирование клиентов о партнерстве финансовой организации с сервисом «Золотая Корона – Погашение кредитов».[2]

При поддержке маркетинговых услуг в социальных сетях и сети Интернет возникает возможность:

- разработки концепций и обоснование для кредитных организаций – на основе изученных рыночных реалий в сети Интернет осуществляется подробная аналитика и выдвижение эффективных концептуальных решений по поводу принятия кредитно-финансовых операций в области деятельности бизнеса в сети Интернет с полной сметой расходов, перспектив и прибыльности предлагаемых услуг на web-сайтах банков в социальных сетях благодаря рекламе т.е маркетинговой поддержке;

- на основании проведенного анализа активности спроса и предложения услуг той или иной кредитной организации необходимо выдвинуть предложения по подбору целевой аудитории, для которой предназначена реклама услуг данной финансовой организации;

- предложить методический подход к комплексной оценке эффективности использования рекламы в социальной сети;

- исследовать механизм создания и продвижения рекламной компании в сети Интернет кредитных организаций;

- разработать модель эффективного, продуктивного, концептуального, яркого, привлекающего интерес потребителей фи-

нансовой организации, сайта, предоставляющего большое количество информации по интересующим вопросам и качественный спектр услуг;

– продвинуть данный сайт в поисковых системах – значит провести комплекс всех маркетинговых мероприятий для продвижения сайта в Интернете, чтобы ресурс стал известен целевой аудитории и был посещаем клиентами:

– раскрутка сайта (наращивание ссылочной базы);
– оптимизацию сайта под поисковые системы;
– реклама в Интернете;
– проведение опросов, поддержка общения с клиентами (организация эффективной обратной связи с клиентами, оперативное изучение их потребностей);

– постоянная поддержка сайта, поисковая оптимизация и мониторинг эффективности его функционирования;

– изменение маркетинговых планов в соответствии с меняющейся ситуацией[1]

Инновационная часть проекта:

– в предложенном механизме проведения маркетингового исследования дистанционно и в электронном виде;

– в появлении возможности анализа месторасположения и активности конкурентов, для этого проводится постоянный или разовый мониторинг основных конкурентов. Мониторинг проводится только на основе информации, размещенной на официальных сайтах конкурирующих компании, а также в СМИ. На основе данного мониторинга выявляются основные конкуренты в сети Интернет, анализируется их активность в данной сфере, предлагаются меры по улучшению конкурентоспособности;

– в обеспечении создания клиентской базы данных и организации работы с этой базой для персонализации взаимодействия с клиентами, например почтовая рассылка;

– в снижении транзакционных издержек;

– в изменении способов ведения кредитного бизнеса, а именно интерактивный канал взаимодействия компаний с бизнес-партнерами и клиентами, осуществление прямых онлайн-делок и финансовых услуг [4].

Рассматривая данный вид услуг можно обосновать практическую значимость статьи, которая заключается в реализации разработанных решений в области создания, продвижения, активизации целей и предложений по созданию Web-сайта для кредитно-финансовой организации. Маркетинговая поддержка, а именно рекламная компания предназначенная для сайта компании, будет являться неотъемлемым фактором в привлечении потребителей и партнеров[3].

Маркетинговая поддержка (интернет-реклама) в действительности считается – новой технологией целевой рекламы. Одной из важнейших движущих сил стремительного развития сети Интернет в мире стало признание рекламодателями нового средства массовой информации, каким конечно может считаться Интернет, как исключительно удобной технологии для проведения целевой рекламы и контроля за эффективностью рекламных кампаний.

Безусловно, ведение маркетинговых коммуникаций по продвижению финансовых услуг кредитной организации, дают положительные результаты. Так, например, мнение нескольких «друзей» о кредитных услугах в социальной сети может повлиять на выбор потребителя сильнее; социальные медиа предоставляют возможность общения с потребителями, выясняя их предпочтения, рассказывая им о деятельности компании, так как правильно выстроенный диалог будет работать на узнаваемость компании и увеличение спроса в других каналах; главными преимуществами пользователи называют экономию времени[1].

Помощниками стали революционные разработки в области рекламной технологии, предложенные на рынке в 90-х годах, центральным положением этих разработок во всех случаях стало создание для рекламодателей уникальных возможностей размещать рекламу, ориентированную на тщательно отобранную и точно оцениваемую рекламную аудиторию. Так маркетологи кредитных организаций вполне смогут рекламировать свои услуги только тем пользователям сети Интернет, которые действительно интересуются данной информацией так, что на нее «наткаться» будут только пользователи, ищущие возможности кредитных операций. Именно благодаря тому, что современная интернет-технология позволяет автоматически накапливать базы

данных адресов интернет-пользователей, интересующихся той или иной темой, а также размещать рекламную информацию по интернет-серверам в зависимости от их тематики, маркетологи получили возможность ориентировать свою рекламную кампанию на чрезвычайно узкие и корректно определенные группы потребителей – в нашем случае на потребителей имеющих отношение к бизнесу, кредитам, вложениям, партнерству[2].

Литература

1. <http://ournet.biz/ru/departamenty/programmnoeobespechenie/uslugi/marketingovye-issledovaniya-v-seti-internet.htm>
2. <http://www.credit-korona.ru/Partners/Pages/credit.aspx>
3. Библиографическое описание: Мальченко О. Н. Роль социальных сетей в развитии рынка он-лайн торговли в отечественном сегменте интернета [Текст] / О. Н. Мальченко // Молодой ученый. – 2012. – №5. – С. 382-383. И САМА ПИСАЛА.
4. http://www.coolreferat.com/Значение_и_использование_Интернета_в_маркетинге_часть=3

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ МЧП

*Инишаква А.О., д.ю.н., профессор
Волгоградский государственный университет*

Международное частное право, как и право в целом, – явление не статичное. Оно видоизменяется, развивается, отражая социальные потребности мирового сообщества, формирующейся экономики нового типа, а также нарастающей интернационализации делового оборота, и трансформируется соответственно перечисленным факторам развития современной действительности. Еще в 1956 г. французский исследователь Анри Батиффоль указывал на три основные цели международного частного права: защита интересов общества, международная гармония решений и уважение частного интереса [4, с. 41–51]. Именно в русле наибо-

лее гармоничного сочетания этих целей – примата интересов сторон при неукоснительном соблюдении правопорядка, обеспечения баланса частного и публичного – и на сегодняшний день протекает эволюция данной отрасли.

В конце прошлого столетия со всей очевидностью обнаружила себя явная недостаточность международных коллизионных и материально-правовых конвенций в сфере регулирования международных коммерческих отношений. Это привело к расширению сферы применения торговых обычаев, усилению частноправовых начал. Появление и распространение доктрины *lex mercatoria* под влиянием глобализации и «денационализации» международных коммерческих контрактов стало средством восполнения пробелов в национальных правовых системах и внесло дополнительную гибкость в процедуру разрешения споров [5, с. 33–41]. Эволюция международного частного права затронула и сферу его принципов, выдвинув на передний план диспозитивность (см. подробнее § 4.1.2), автономию воли сторон (см. подробнее § 4.1.3), гибкость правового регулирования и вывела их реализацию на качественно новый уровень. Произошел переход от государственно-правового регулирования к саморегуляции международных коммерческих отношений самими сторонами контрактов.

Таким образом, одной из наиболее заметных тенденций развития международного частного права на сегодняшний день является стремление к более гибкому регулированию правоотношений. Это проявляется, прежде всего, в появлении и распространении новых коллизионных правил, основанных на предоставлении сторонам отношения права самостоятельного выбора применимого законодательства – автономии воли сторон. К ним относятся, в частности, такие коллизионные привязки, как собственное право контракта; закон, наиболее благоприятный для стороны (*lex benignitatis*); закон существа отношения (*lex causae*); принцип наиболее тесной связи (*proper law*). Терминологически предпосылку для реализации автономии воли сторон создают такие формулировки, как «если иное не установлено договором», «если стороны не договорились об ином» и т. п. В целом можно говорить о том, что автономия воли сторон является наиболее актуальным и перспективным коллизионным началом в силу того,

что позволяет осуществлять наиболее гибкое, мягкое регулирование правоотношений в сфере международного частного права.

Благодаря принципу гибкости, присущему международному частному праву, стороны правоотношения могут самостоятельно определить условия, которые позволяют наиболее эффективно защищать и обеспечивать именно их права и интересы по конкретной сделке. Эволюционируя, международное частное право демонстрирует наиболее очевидные результаты этого процесса в сфере международного коммерческого оборота, где все в большей степени отходит от жестких коллизионных формул и императивных норм, отдавая предпочтение рамочному регулированию, установлению неких «правовых границ», в которых стороны вправе конструировать свои отношения так, чтобы они в наибольшей степени отвечали существующим задачам и удовлетворяли их интересам. При этом коллизионное регулирование предоставляет сторонам возможность выхода за рамки национальных правовых систем, придавая правоотношению транснациональный, изолированный от государственного регулирования характер.

Принцип гибкости в международном частном праве абсолютно адекватен концепции *lex mercatoria* (от лат. «торговый закон»), в соответствии с которой международные торговые сделки подвергаются обособленной, автономной от внутригосударственного регулирования регламентации. Одним из основных положений *lex mercatoria* как раз и признается наличие элемента саморегулирования в деятельности участников внешнеэкономических связей; при этом в понятие «право» включаются не только юридические нормы, но и различные регуляторы социального поведения, в основе которых лежат общечеловеческие представления о добросовестности, справедливости, порядочности [1, с. 193–195].

Таким образом, можно говорить о принципе гибкости как об основополагающем начале и актуальной тенденции, отвечающей перспективам развития международного частного права, содержанием которой является предоставление сторонам правоотношения возможности самостоятельно, руководствуясь собственными интересами определять многие его существенные положения, такие, как применимое право, вопросы ответственности и др. [2, с. 66–71].

Что касается специальных принципов международного частного права, то к ним традиционно относят:

Автономию воли участников правоотношения. Это основной специальный принцип МЧП (как и любой другой отрасли национального частного права) – принцип свободы договоров; свобода иметь субъективные права или отказаться от них; свобода обращаться в государственные органы за их защитой или терпеть нарушения своих прав.

Автономия воли, как институт международного частного права, обеспечивает сторонам гражданского правоотношения уникальную возможность самостоятельно выбрать не только применимое национальное право, которое в конечном итоге определит их права и обязанности, но и различные правовые системы. Кроме того, возможность выбора у сторон появляется и между источниками права в рамках одной правовой системы [10, с. 8–14; 21–24; 117–165].

Принцип предоставления определенных режимов: национального, специального (преференциального или негативного), режима наибольшего благоприятствования. Национальный и специальный режимы в основном предоставляются иностранным физическим лицам; режим наибольшего благоприятствования – иностранным юридическим лицам (хотя данное положение не является императивным, и юридические лица могут пользоваться национальным режимом, а физические – режимом наибольшего благоприятствования).

Принцип взаимности. В МЧП выделяют два вида взаимности – материальную и коллизионную. Проблемы коллизионной взаимности относятся к коллизионному праву и будут рассмотрены позже. Материальная взаимность в свою очередь также делится на два вида. Во-первых, это собственно материальная взаимность, при которой иностранным лицам предоставляется та же сумма конкретных прав и правомочий, которыми национальные лица пользуются в соответствующем иностранном государстве. И, во-вторых, это формальная взаимность, наделяющая иностранных лиц всеми правами и правомочиями, вытекающими из местного законодательства. По общему правилу предоставляется именно формальная взаимность, но в отдельных сферах – авторское и изобретательское

право, избежание двойного налогообложения – принято предоставлять материальную взаимность [9, с. 124–140].

Принцип недискриминации. Общепризнанной нормой международного частного права всех государств является абсолютная недопустимость дискриминации в частноправовых отношениях. Последняя представляет собой нарушение или ограничение законных прав и интересов иностранных лиц на территории какого-либо государства.

Право на реторсии. Реторсиями признаются правомерные ответные меры ограничительного характера одного государства против другого, если на его территории нарушаются законные права и интересы физических и юридических лиц первого государства. Целью реторсий положения ст. 1194 ГК РФ признают отмену дискриминационной политики.

По мнению М.М. Богуславского «возможность введения ответных ограничений непосредственно связана с реализацией в области МЧП принципа взаимности. Это объясняется тем, что хотя требование взаимности не установлено в отношении применения иностранного права, принцип взаимности применяется в отдельных определенных законом случаях определения гражданско-правового положения иностранных физических или юридических лиц» [3, с. 306].

Вместе с тем, не следует отождествлять изъятия из национального режима и реторсии. Как верно отмечают Н.И. Марышева и И.О. Хлестова – это различные институты. Реторсия – исключительная мера, применяемая крайне редко и касающаяся государств, дискриминирующих российских граждан. Данная мера вводится и отменяется постановлением Правительства РФ, как правило, вводится на определенный срок, до отмены дискриминационных мер в иностранном государстве. Что же касается национального режима, то в РФ таковой предоставляется иностранным гражданам вне зависимости от того, пользуются ли иностранцы, в том числе российские граждане, таким режимом в соответствующем иностранном государстве. Существование взаимности не проверяется [7, с. 5–12].

Между тем в доктрине существуют противоречивые мнения по данному вопросу [8, с. 36.]. Определенным отступлением

от сложившейся законодательной практики принятия актов об изъятиях из применяемого к иностранцам национального режима явилось принятие Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», который вводит ограничения в отношении возможности стать в России усыновителями российских детей не для всех иностранцев, а лишь для граждан одного конкретного государства – США. В доктрине уже отмечалось, что положение ст. 4 данного закона, вводящее запрет на усыновление российских детей гражданами США, хотя и носит по существу характер ответных мер, не может считаться принятым в рамках реторсий, предусмотренных ст. 1194 ГК РФ, прежде всего потому, что упомянутый акт принят не Правительством РФ [6, с. 74].

Так примером реторсии может служить указ Президента РФ В.В. Путина, подписанный 6 августа 2014 года о применении отдельных специальных экономических мер для обеспечения безопасности России [12]. В.В. Путин постановил запретить или ограничить сроком на год ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из стран, присоединившихся к экономическим санкциям против России. Правительство РФ 7 августа ввело полный запрет на поставки говядины, свинины, мяса птицы, рыбы, сыров, молока и плодоовощной продукции из Австралии, Канады, ЕС, США и Норвегии сроком на один год [11].

В контексте изучения общих и специальных принципов МЧП, следует принимать во внимание и зарубежную доктрину, сфера изучения принципов международного частного права которой представлена, например, исследованиями французского ученого Поля Лягарда. По его мнению, существует четыре принципа международного частного права, которые диктуют выбор тех или иных коллизионных привязок и соответственно требуют особого исследовательского внимания в свете данной статьи.

1. Принцип наиболее тесной связи – подчиняет правовое регулирование ситуации тому правопорядку, с которым она имеет наиболее тесную связь.

2. Принцип суверенитета – в нем проявляется воля каждого государства подчинить некоторые наиболее существенные вопросы собственному праву.

3. Принцип автономии воли – позволяет сторонам выбирать самостоятельно право, которое будет регулировать их правоотношения.

4. Принцип использования коллизионных норм, ориентированных на определенный материальный результат (*finalite materielle*) [13, с. 368].

Литература

1. Иншакова А.О. Международное частное право: учебник / А.О. Иншакова. – М.: Российский университет дружбы народов. – 2011.

2. Иншакова, А.О., Казаченок С.Ю. Арбитражное соглашение как договорный способ закрепления принципа гибкости в международном частном праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – № 1 (18). – 2013.

3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая / под ред. С.А. Степанова. М., 2009.

4. Крутий Е. А. Защитные оговорки в современных кодификациях международного частного права // Адвокат. – 2011. – № 4.

5. Мажорина М. В. Право международной торговли и *lex mercatoria* // Российский юридический журнал. – 2010. – № 1.

6. Марышева Н.И. Еще раз к вопросу о международном усыновлении // Журнал российского права. – 2013. – № 4.

7. Марышева Н.И., Хлестова И.О. Конституционный принцип национального режима иностранных граждан // Журнал российского права. – 2013. – № 8.

8. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – М.: Проспект, 2012.

9. Николюкин С.В. Взаимность в международном частном праве // Новый юридический журнал. 2012. – № 2; Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 3.

10. Николюкин С.В. Право, подлежащее применению к отношениям, осложненным иностранным элементом по российскому законодательству: материально-правовой и коллизионный аспект //

Международное публичное и частное право. – 2012. – № 2; Гетьман-Павлова И.В. Применение иностранных публично-правовых норм в международном частном праве // Журнал международного публичного и частного права. – 2013. – № 4; Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право России, Франции и Европейского союза: новые горизонты для совместного правосудия (обзор научно-исследовательского проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна) // Международное право и международные организации. – 2014. – № 1; Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. – Москва: Инфотропик Медиа. – 2012.

11. Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 (в ред. от 20.08.2014) «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «о применении отдельных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ» // Собрание законодательства РФ, 11.08.2014. – № 32. – ст. 4543.

12. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ» // Собрание законодательства РФ, 01.08.2014. – № 32. – Ст. 4470.

13. Lagarde P. Le ppe de proximite dans le DIP contemporain, R.C.A.D.I. 1986. I., № 41. Цит. по: Mayer P., Heuze V. Droit international prive. Montchrestein, 10e edition, 2010.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ КАРТА В СИСТЕМЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Каджебаш Н.Н.

Администрация города Шахты

Шевченко Е.В., к.э.н., доцент

ИСО и П (ФИЛИАЛ) ДГТУ

Проблема качества предоставления государственных и муниципальных услуг достаточно актуальна в России, поскольку касается миллиона ее граждан. От настойчивости и последовательности решения этой проблемы зависит социальное самочувствие населения. Главной задачей государства в этой связи является по-

строение работы аппарата всех уровней и всех чиновников таким образом, чтобы они были настроены на интересы общества [8].

Деятельность органов и должностных лиц государственного и муниципального управления сегодня направлена на повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг, выбор и использование оптимальных способов организации предоставления публичных услуг, внедрение и развитие прогрессивных рыночных механизмов в сочетании с мерами социальной поддержки населения [7]. Управление процессом организации и предоставлением государственных и муниципальных услуг является важнейшей составной частью государственного и муниципального управления [6].

В целях повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг принят Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Законом устанавливаются новые правила и нормы по оказанию услуг, предоставляемых органами власти, получение которых обычно вызывало множество проблем, связанных с необходимостью многочасового ожидания в очередях, сбора необходимых справок или оплатой услуг организаций, оказывающих посреднические услуги.

Главой 6 закона вводится понятие «Универсальная электронная карта», определяются цели её использования, а также порядок выпуска, выдачи и обслуживания.

Основной задачей универсальной электронной карты является идентификация пользователя и удостоверение его прав, в том числе, и на получение государственных и муниципальных услуг. Внедрение универсальной электронной карты является проектом «социальной инженерии».

В целях реализации Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и перехода на предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме утверждены планы внедрения универсальной электронной карты на всей территории Российской Федерации.

Введение универсальной электронной карты должно реализовать принцип «одного окна», улучшить качество государственных

ных услуг, упростить бюрократические процедуры [3], повысить информированность граждан о своих правах, развить безналичные расчёты, сократить количество чиновников, сократить расходы коммерческих организаций на содержание фронт-офисов, создать рынок электронных подписей для физических лиц [3]. Предполагается, что на открытом портале, у каждого обладателя УЭК будет личный кабинет. С его помощью человек сможет идентифицироваться, сможет подписать электронной подписью нужный документ, оплатить нужную услугу, а дальше система перенаправит его на ресурс, где он будет непосредственно взаимодействовать с тем органом, который оказывает услугу [5].

Электронная карта содержит сведения в визуальной и электронной формах. Визуальные (незащищенные) сведения должны быть напечатаны на самой карте и восприниматься зрительно. Это – фамилия, имя и отчество пользователя универсальной электронной карты; фотография заявителя; номер универсальной электронной карты и срок ее действия; контактная информация уполномоченной организации субъекта РФ; страховой номер индивидуального лицевого счета застрахованного лица в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации. Могут быть использованы и дополнительные визуальные сведения, это – дата рождения; пол пользователя универсальной электронной карты; номер банковской карты и трехзначный код проверки подлинности карты; логотипы банка – эмитента банковского приложения, универсальной электронной карты и платежной системы; образец подписи гражданина.

Сведения, доступные в электронной форме, считываются соответствующими аппаратными устройствами.

Правительством Российской Федерации в целях организации предоставления государственных и муниципальных услуг с использованием универсальной электронной карты выбрано ФУО ОАО «Универсальная электронная карта» – федеральная уполномоченная организация, осуществляющая функции координатора и оператора проекта по внедрению универсальной электронной карты.

В феврале 2013 года стало известно, что в части регионов РФ не хватает финансирования на изготовление и выдачу карт.

Кроме того, обращение заявителя, имеющего универсальную электронную карту, в МФЦ за получением той или иной услуги, предполагает, что рабочее место каждого сотрудника должно быть оборудовано специальным считывающим устройством, а гражданин является обладателем кард-ридера. Приобретение дополнительного оборудования, а также обучение специалистов МФЦ, требует дополнительных финансовых вложений [2]. В этой связи сроки проекта были перенесены. Этому послужило наличие ряда факторов и проблем, в том числе и «переход на межведомственное взаимодействие» всех региональных и муниципальных ведомств, предоставляющих услуги в электронном виде. Помимо выявленных технических и материальных проблем существуют и другие проблемные вопросы и недоработки закона. Так, получить все государственные и муниципальные услуги, доступные в электронном виде сможет каждый гражданин РФ достигший 14 лет. Получателями муниципальных и государственных услуг, могут являться как физические, так и юридические лица. Однако в законе ничего не говорится о возможности получения универсальной электронной карты юридическими лицами, следовательно, и получение услуг с помощью этой карты для юридических лиц будет не доступно.

К сведениям, которые должны быть отражены на универсальной электронной карте, отнесли и образец подписи гражданина. Проблемы, связанные с использованием электронной цифровой подписи при идентификации лица при получении той или иной услуги – одна из самых сложных и обсуждаемых проблем в юридической периодике последнего года. Основаниями для беспокойства стали следующие причины. Следует учесть, что подпись человека – это особое неотчуждаемое нематериальное благо, тесно связанное с правом на имя (п. 1 ст. 19 ГК РФ) и выражающее это право. Подпись позволяет индивидуализировать себя среди прочих лиц, а также выражать свою волю в сделках. Причем в ст. 19 ГК РФ (п. 1, 2, 4) законодатель даже обязывает гражданина приобретать и осуществлять гражданские права, а равно принимать на себя и исполнять свои обязанности только под собственным именем, а значит, и под своей подписью. Право на подпись, в том числе в виде электронно-цифровой подписи, – это

неотчуждаемое личное неимущественное право, защищаемое гражданским правом (ст. 150 ГК РФ). Электронно-цифровая подпись – не индивидуализирующий признак человека, а лишь некоторая совокупность информации. Закреплена ли она на материальном носителе (распечатке, дискете, карте), или существует только в памяти человека – в любом случае эта информация может быть передана третьим лицам как по воле, так и против воли (хищение носителя, перехват информации при вводе ее в компьютер) лица, которому электронно-цифровая подпись принадлежит. Не трудно представить какие последствия может носить «потеря» этой подписи. Если же законодательство будет доработано, и универсальная электронная карта будет выдаваться юридическому лицу, то утрата электронно-цифровой подписи обернется для такого лица катастрофой.

Сомнительно и то, что введение универсальной электронной карты способно, улучшить качество государственных и муниципальных услуг, упростить бюрократические процедуры. Получение услуг в электронном виде с помощью универсальной электронной карты должно быть прямо предусмотрено законодательством. Так, например получение гражданином или юридическим лицом услуг в электронном виде в сфере жилищных или земельно-имущественных отношениях законодательством не предусмотрено.

Также нельзя не отметить и наличие низкого показателя обеспеченности населения, пользующегося услугами, предоставляемыми, например, органами соцзащиты (пожилые граждане, малоимущие), средствами доступа к сети Интернет и малое количество точек общественного доступа к порталу госуслуг, где с помощью универсальной электронной карты возможно быстро получить необходимую услугу. На этом фоне формируется негативное общественное мнение по отношению ко всему проекту создания и развития инфраструктуры УЭК вследствие непонимания гражданами его целей и задач. Для разрешения такой ситуации, как минимум необходимо в опережающем режиме запустить программу подготовки граждан к использованию карт УЭК, при получении гражданином карты УЭК выдавать унифицированное Руководство по использованию «Универсальной электронной карты», содержащее порядок использования карт, описание пре-

имущество, правила безопасности использования карт, что в конечном результате должно привести не только к формированию у граждан навыков безопасного и грамотного использования карт УЭК, но и снижению количества случаев мошенничества в области использования карт УЭК, а также и позитивному отношению граждан к проекту внедрения карт УЭК.

Находящаяся на стадии доработки инфраструктура УЭК, недостаточная информированность граждан о возможностях карты, многократные переносы сроков запуска и длительное изготовление универсальной электронной карты – все это негативным образом сказывается на развитии проекта. Согласно результатам проведенного Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ) в 2013 году опроса, о существовании УЭК слышали 70% процентов россиян, при этом только 14% населения четко понимают особенности нововведения. 55% респондентов признались, что информированы об этой инициативе пока только в общих чертах, примерно столько же людей – 53% – одобрили появление УЭК. Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, составила 35%, еще 12% населения затруднились оценить нововведение.

Несмотря на все существующие проблемы и противоречия, УЭК и разрабатываемые в рамках проекта сервисы продолжают свое развитие и, лягут в основу удостоверения личности нового поколения – электронного паспорта.

По нашему мнению, внедрение универсальной электронной карты позволит применить в повседневной жизни более практичный, менее подверженный риску порчи документ, существенно снизить традиционный бумажный документооборот, и использовать карту как общепринятое удостоверение личности, в том числе в сети Интернет, как стандартный полис обязательной медицинской страховки, свидетельство обязательного пенсионного страхования, платежной банковской карты. Возможность реализации дополнительных услуг и функций в сферах медицины, жилищно-коммунального хозяйства, федеральной миграционной службы, транспортных услуг, делают универсальную электронную карту еще более привлекательной для населения. Все это, несомненно, позволит сократить появление

мошеннических и коррупционных схем при совершении юридически значимых действий и оказании государственных и муниципальных услуг

Международный опыт в сфере идентификации личности показывает, что большинство государственных и коммерческих услуг, требующих удостоверения личности, можно эффективно и быстро получать, не выходя из дома, при условии использования документа, позволяющего идентифицировать личность гражданина в электронной среде. Во многих странах мира (Бельгия, Германия, Эстония, Малайзия, Португалия, Испания, Швеция, Литва, Нидерланды, Пакистан и др.) в настоящее время используются многофункциональные идентификационные карты, которые обеспечивают возможность получения широкого спектра услуг в электронной форме.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 г. № 1021-р «Концепция снижения административных барьеров и повышение доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы» // «Собрание законодательства РФ». 27.06.2011. № 26. Ст. 3826.
2. Медведев Д.А. Выступление на Международном инвестиционном форуме «Сочи-2012». [Электронный ресурс] URL: http://pda.plusworld.ru/news_4/1/24661/ (дата обращения: 12.04.2013).
3. О стратегии развития России до 2020 года: выступление Владимира Путина на расширенном заседании Государственного Совета [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru
4. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг (в ред. от 28.07.2012): Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ // Российская газета. № 168. 30.07.2010.
5. Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации: проект Федерального закона. [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=102071> (дата обращения: 16.04.2013).
6. Айдинова А.Т., Попова А.С. Особенности функционирования локального рынка услуг- Экономический вестник Ростовского Государственного университета. – 2009. – Т. 7 № 4. – Ч 3. – С. 161–170.
7. Константиныди Х.А. Стратегия симметричной интеграции развития Южного макрорегиона России // Вестник Адыгейского госу-

дарственного университета. Серия 5: Экономика. – 2013. – № 2 (120). – С. 51–57.

8. Константиныди Х.А. Формирование стратегии развития Южного макрорегиона России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Адыгейский государственный университет. – Краснодар, 2008.

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

*Казарян Э.С., д.э.н., профессор,
Алексян В.С., к.э.н., преподаватель
Национальный аграрный университет Армении*

Несмотря на некоторые национальные особенности экономических реформ, для стран, находящихся в процессе перехода к рыночной экономике, типичны общие экономические условия, которые в первую очередь относятся к экономике, ценам, либерализации внутренней и внешней торговли, приватизации и ограничении роли государства.

Опыт развития различных стран, переходящих к рыночной экономике, показывает, что главнейшей составляющей экономических реформ являются реформы в сельском хозяйстве. Следовательно, экономические реформы в Армении начались с сельскохозяйственной отрасли.

В общей сложности, сельскохозяйственные реформы проводились с целью решения определенных проблем, которыми, согласно различным исследованиям, являются:

- структурное изменение отрасли, приватизация земли и материально-технических средств, перестройка субъектов производства сельского хозяйства,
- формирование новых рыночных и производственных инфраструктур, приватизация отраслей аграрного комплекса и либерализация экономики,
- формирование экономической (в том числе аграрной) политики в соответствии с проведенными реформами. [1, с. 6].

Аграрные реформы обусловлены макроэкономической ситуацией данной страны, поскольку без экономической стабильности обеспечение процесса аграрных реформ практически невозможно.

В экономических изданиях, посвященных аграрным реформам, изначально сформировалась идея о том, что принципиальным условием для реформ в этой отрасли должно быть изменение земельных отношений, утверждение приватизации земли и формирование семейных крестьянских хозяйств. Проведенные исследования, а также опыт середины 1990-х показывают, что подобное представление об аграрных реформах для стран с переходной экономикой особенно допустимо для аграрных стран. То есть, можно заключить, что в странах с аграрной экономикой земельные реформы равноценны аграрным реформам и в некоторой степени обеспечивают развитие аграрного сектора.

Однако для стран с промышленно-аграрной экономикой аграрные реформы, то есть лишь изменения земельных отношений, в частности переход с коллективного использования земли к крестьянским хозяйствам, однозначно не может привести к увеличению производства сельскохозяйственных продуктов и улучшению потребления продовольствия. В этих условиях увеличение личной заинтересованности собственника в семейной экономике не всегда помогает в решении сложных проблем, возникших вследствие перехода к другой экономике. [2, с. 7–8]

Относительно высокие рейтинговые показатели Армении, связанные с аграрными реформами, не сопровождались равноценным ростом показателей экономической эффективности отрасли. В числе причин, которые привели к данной ситуации, выделяется то, что эффективность реформ зависит не только от решения проблем аграрной отрасли, но и от макроэкономической стабилизации, а также от различных факторов макроэкономической ситуации.

В Армении аграрные реформы прошли в двух принципиально разных периодах для экономики страны. Можно выделить следующие этапы: первое, 1990–1994 годы, в которых наблюдался резкий спад экономических показателей, обусловленный целым рядом факторов, среди которых можно выделить нарушение функ-

ционирования основных транспортных путей Армении вследствие конфликтов в регионе, блокады, энергетического кризиса, разрыва существовавших ранее экономических связей и т.д. В контексте упомянутых факторов негативное воздействие оказали также неправильные подходы и упущения в экономической политике. В 1990–1994 гг. объем валового внутреннего продукта сократился более чем на 50%, была зафиксирована гиперинфляция. В следующем этапе, начиная с 1994-го года, в определенной степени удалось остановить экономический спад страны и обеспечить относительную макроэкономическую стабильность, которая выразилась некоторым ростом ВВП и очень низкой инфляцией.

На данном этапе развития агропродовольственной системы, когда с начала процесса приватизации прошло около 20 лет, можно оценить результаты этого процесса по некоторым параметрам не только для того, чтобы показать его сильные и слабые стороны, но и чтобы предопределить пути решения проблем агропродовольственной системы. В ней большую роль играют задачи по управлению сельским хозяйством, в частности, формы ведения хозяйства и увеличение эффективности производства.

Исследования показывают, что политика, проводимая в отрасли сельского хозяйства, обусловлена рядом факторов, которые можно разделить на следующие группы: политическую, экономическую и социальную. Среди экономических факторов выделяются преодоление трудностей, связанных с продовольственным обеспечением населения, возникших вследствие разрыва экономических связей, конфликтов в регионе, длительных блокад, а также первое проявление инициативы по проведению аграрных реформ и процесса приватизации.

Во время приватизации земельных участков в результате перехода от интенсивных форм ведения хозяйства к экстенсивным методам, высокий уровень безработицы в других отраслях экономики был смягчен ощутимым увеличением занятости населения в сельском хозяйстве. Сельскохозяйственное производство стала отраслью, привлекающей дополнительную рабочую силу. Об этом свидетельствуют статистические данные в сфере занятости. Если в 1989 году в отраслях сельского и лесного хозяйства занятость составляла лишь 17.5% от общей занятости в народном хо-

зяйстве, то в 2011 году количество людей, занятых в отрасли сельского хозяйства, составило 457.4 тысячи человек, или 38.9% общей занятости. [3, с. 57]

В результате аграрных реформ были сформированы много-тысячные крестьянские хозяйства, которые сегодня являются основными действующими производственными и организационными единицами в сельском хозяйстве.

В настоящее время в агропродовольственной сфере сформировалась регулируемая рыночными отношениями свободная экономическая система, в которой действуют приблизительно 340 тысяч крестьянских хозяйств, коммерческих организаций, занимающихся сельским хозяйством, а также частных предприятий, занимающихся обслуживанием сельского хозяйства, реализацией и переработкой сельскохозяйственной продукции. Абсолютная преобладающая часть валового производства сельского хозяйства (примерно 97%) производится крестьянскими хозяйствами. Эти хозяйства небольшие: на одно крестьянское хозяйство приходится 1.43 га сельскохозяйственного земельного участка, в том числе 1.11 га – пашни.

Фактически, на эффективное функционирование сельского хозяйства отрицательно влияют малые размеры земельных участков, их расчлененность, что препятствует механизации работ, применению севооборота и затрудняет проведение комплексных агротехнических мероприятий. В таких условиях проблема увеличения и оптимизации земельных участков остается актуальной.

В период перехода к рыночным экономическим отношениям, в связи с обеспечением населения республики необходимыми сельскохозяйственными продуктами, снабжением ресурсов, реализацией продукции, блокадой путей сообщения и других проблем, значительно изменились как сельскохозяйственные отраслевые, так и внутриотраслевые структуры растениеводства и скотоводства. По средним данным 2008–2013 годов отраслевые структуры сельского хозяйства определяются следующим образом: растениеводство – 61.3%, скотоводство – 38.7%, тогда как в 1990 году – 49.4% и 50.6% соответственно.

В сравнении с началом переходного периода посевные участки сельскохозяйственных культур изменились как в количествен-

ном, так и в качественном отношении. Так, в сравнении с 1990 годом, в 2013 году общая посевная площадь сократилась на 149.9 тысяч га и составила 286.7 тысяч га. При этом, посевная площадь зерновых культур увеличилась на 14.1%, картофеля – на 28.1%, а площадь участков, отведенных на выращивание овощей увеличилась на 38.8%. В то же время площадь, отведенная на выращивание кормовых культур сократилась в 3.7 раза. Сократилась также площадь многолетних насаждений, фруктовых и виноградных садов.

По данным 2013 года, в структуре посевной площади сельскохозяйственных культур значительную роль играют зерновые (55.0%), кормовые (23.1%), картофель (10.0%) и овощи (8.7%).

Одна из основных задач, связанная с реформами в аграрной сфере – оптимизация количества голов сельскохозяйственных животных и улучшение их породного состава. В период после начала аграрных реформ поголовье скота сократилось, однако тенденция уменьшения поголовья в хозяйствах всех типов наблюдалась еще с 1985 года. Так, количество голов крупного рогатого скота в период с 1986 по 1991 г. сократилось примерно на 221 тысяч. В 1991–1993 гг. поголовье крупного скота сократилось на 65.0 тысяч, свиней – на 143.0 тысяч, овец – на 287.1 тысяч. В последующие годы, особенно начиная с 1998 года, наблюдалась тенденция стабилизации, которая ощущалась почти во всех подотраслях. Например, в 2013 году в сравнении со средними данными 1995–1997 гг. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 21.2%, свиней – на 70%, птиц – на 38.4%, а овец и козлов – на 3.9%. Темпы роста объемов производства основных продуктов скотоводства – молока и мяса, стали особенно ощущаться после 1990-х. В результате, в конце 2013 года производство молока и мяса в сравнении со средними данными 1998–2003 гг. увеличилось соответственно на 25.9% и 42.3%, что в основном обусловлено ростом поголовья крупного рогатого скота, а также ввозом племенных высокопродуктивных голов скота из зарубежных стран в рамках государственных программ. Ввиду птичьего гриппа в других странах, в последние годы темпы роста производства яиц сильно колеблются. Например, в 2012 году в сравнении с предыдущим годом он возрос на 11.4%, а через год снизился на 10.8%. Исследования показывают, что организация наиваж-

нейших факторов увеличения эффективности скотоводства – выращивания племенного животноводства и воспроизводства стада, а также ветеринарии, неудовлетворительно. Это, наряду со скудными возможностями обеспечения кормами, отрицательно влияет на развитие скотоводства. Система искусственного осеменения сельскохозяйственных животных пока не функционирует достаточно эффективно, что отрицательно влияет на генофонд поголовья скота. Эффективность скотоводческой отрасли в республике обусловлена также состоянием производства корма, являющегося основным фактором, который как в количественном, так и в качественном отношении значительно ухудшился.

На повышение эффективности животноводческой отрасли отрицательно повлияли также сложности, связанные с реализацией животноводческой продукции, в частности, отсутствие бойен и других соответствующих инфраструктур.

Проблемы в сфере скотоводства частично обусловлены существующим пока несовершенством управления сельским хозяйством, что требует незамедлительного и приоритетного решения.

Наряду с упомянутым, в условиях многочисленных проблем, требующих решений, в сравнении с периодом проведения реформ в отрасли скотоводства республики наблюдаются определенные положительные сдвиги.

В 2009–2013 гг. поголовье сельскохозяйственных животных значительно сократилось. Так, в сравнении со средними данными 2004–2008 гг. в 2010 году количество крупного рогатого скота сократилось на 4.8%: коров – на 8.4%, овец – на 12.0%. А в 2013 году эти показатели почти сравнились с теми же показателями сравняемого периода. Эта тенденция сокращения поголовья не имеет обоснования и, по нашему мнению, частично связана с неправильным учетом.

Итак, в статистике животноводства, являющейся элементом управления сельским хозяйством, существуют проблемы. Необходимо срочно усовершенствовать систему учета сельскохозяйственной отрасли, одно из наиважнейших направлений которой считаем внедрение системы статистического административного регистра в систему Министерства сельского хозяйства Армении. Одной из направлений последующего совершенствования

воования системы учета станет внедрение программы повсеместного сельскохозяйственного учета, для которой в Армении созданы правовые основания.

Литература

1. Цпнецян Г. С. Проблемы формирования производственных инфраструктур в аграрной отрасли Республики Армения в условиях переходной экономики. – Ереван: Авторское издание, 2005.
2. Аветисян С. С. Основные задачи формирования аграрного рынка Республики Армения в условиях переходной экономики. – Ереван: Ваган, 2002.
3. Статистический ежегодник Армении. Национальная статистическая служба РА. – Ереван, 2014.

СОКРАЩЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ СПОРНЫХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*Казаченок С.Ю., к.ю.н., доцент
Волгоградский государственный университет*

По мнению М.А. Алексеева, «интенсификация развития третейской формы разбирательства споров, возникающих в сфере предпринимательской деятельности, в том числе и трансграничного характера, явилась объективным следствием современных рыночных преобразований. Традиционно превалирующая в России процедура разбирательства так называемых хозяйственных споров, сложившаяся в системе государственного арбитража, была приспособлена к потребностям планово-регулируемой экономики. Она основывалась на приоритетной защите интересов государства. В современной России, стремящейся к модернизации национальной экономико-правовой системы, происходит очевидная трансформация роли третейских форм разбирательства, становящихся все более предпочтительными способами урегулирования конфликтов между хозяйствующими субъектами» [1, с. 3].

На основе анализа доктрины и практики попробуем обозначить основные причины предпочтительности международного коммерческого арбитража над государственными видами судопроизводства в сфере урегулирования конфликтов из трансграничной хозяйственной деятельности.

С.В. Николукин указывает на тот факт, что в мировой истории сложились три основных подхода к разрешению конфликтов.

Первый подход – с позиции силы. Это может быть грубая физическая сила в драке, численное и техническое превосходство в войне, деньги или положение в деловом мире и т.п. Несмотря на то что в результате подобного подхода достигается быстрое разрешение проблемы, он крайне неэффективен, поскольку полностью разрушает имевшиеся деловые отношения и порождает обоснованное желание отомстить, ответить силой на силу.

Второй подход – с позиции права, а именно применение различных инструкций, нормативов, правил, а также использование закона в государственных судах. Данный подход вполне цивилизован и, как правило, справедлив, поскольку основан на законе, однако он создает множество проблем во взаимоотношениях сторон разрешенного конфликта. Кроме того, он длителен и дорог, а решения органов государственной юстиции трудноисполнимы. Так, в американской теории права юридические коллизии рассматриваются чаще всего либо через призму традиционного соотношения законов, либо в аспекте прецедентного права с широким судебным толкованием конституционных норм.

Третий подход – с позиции интересов конфликтующих сторон. При подобном подходе к урегулированию правового спора контрагенты стараются определить ущемленные взаимные интересы, послужившие основанием для возникновения конфликта, и по возможности удовлетворить их. Речь идет о неформальных способах и процедурах, которые, во-первых, более мягкие; во-вторых, рассчитаны на относительно доверительные отношения сторон и их намерения самостоятельно найти решения в коллизивной или конфликтной ситуациях [4, с. 20–23].

Одним из основных путей использования третьего подхода как раз и является урегулирование споров в международном коммерческом арбитраже. Возрастание социальной потребности в этом

виде третейского разбирательства объясняется усилением процесса глобализации во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Особое значение такой способ урегулирования конфликтов приобретает для России и других государств, составляющих альянс СНГ, а также в связи с активизацией деятельности страны на международной экономической арене и приобретением членства в ведущих межгосударственных экономических организациях, в том числе с вступлением России в ВТО (см. подробнее § 4.2).

Учитывая интенсивный рост экономики, развитие торговых правоотношений не только внутри страны, но и между субъектами разных государств, общая тенденция повышения интереса к альтернативным способам разрешения споров во всем мире за последние годы бесспорна.

Поэтому верно отмечает Н.Г. Семилютина, что «в настоящее время происходит возрастание роли и значения альтернативных форм разрешения споров как на внутринациональном уровне разбирательства споров между национальными предпринимателями одного и того же государства, так и на уровне международных хозяйственных связей. Данная тенденция проявляется не только в арифметическом увеличении количества споров, передаваемых для разрешения их посредством альтернативных форм, но и в возрастании внимания к проблемам урегулирования споров вне рамок государственных судов.

Причины этого следующие:

Во-первых, усложняется характер хозяйственных связей и, соответственно, правоотношений, опосредующих такие связи. Для разрешения спорных ситуаций привлечение узких специалистов определяется не столько их правовой специализацией, сколько обладанием дополнительными техническими неправовыми знаниями, пониманием того, как это делается на практике. В сочетании с пониманием юридических конструкций это позволяет найти справедливое решение в любой конфликтной ситуации.

Во-вторых, третейское разбирательство дает возможность каждой из спорящих сторон избрать арбитра для разрешения конкретного спора. Факт участия в процедуре арбитражного разбирательства арбитров, избранных сторонами, в определенном смысле дает «противокоррупционную» гарантию.

В-третьих, неформальный характер проведения процедуры разбирательства и участие в качестве арбитра специалиста, понимающего экономическую подоплеку, позволяют арбитру предложить сторонам поиск путей урегулирования конфликта при сохранении деловых связей. Иными словами, максимально используется возможность трансформации арбитражного разбирательства в примирительную процедуру (медиацию) и обратно: переход в стадию третейского разбирательства в случае, когда заключение мирового соглашения невозможно.

Наконец, в-четвертых, очень важна относительная простота (по сравнению с решениями государственных судов) зарубежного исполнения решений арбитражных (третейских) судов. Данная простота обеспечивается тем, что решения третейских (арбитражных) судов подлежат исполнению в соответствии с положениями Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенной в г. Нью-Йорке 10 июня 1958 года.

Названные особенности способствуют развитию третейского разбирательства и расширению областей применения как в отношении двусторонних договоров, так и в отношении разрешения споров, связанных с проведением операций на организованных рынках. Таким образом, система разрешения споров между профессиональными участниками соответствующего сегмента рынка становится инструментом саморегулирования и разрешения споров и конфликтных ситуаций, превращаясь в фактор, способствующий сближению рынков. При этом очень важно не разрушать, а использовать уже имеющийся накопленный потенциал интеграционного взаимодействия и прилагать все усилия по его дальнейшему развитию» [5, с. 123].

Именно по совокупности приведенных причин учащение использования сторонами внешнеэкономической деятельности процедуры МКАС как альтернативы государственному суду практически во всех развитых странах мира рассматривается как позитивное явление, способствующее значительному облегчению бремени, лежащего на государственном правосудии в сфере разрешения конфликтов, возникающих между участниками хозяйственного оборота. Большинство государств закрепило юридиче-

скую допустимость международного арбитражного производства. В концентрированном виде эти положения нашли свое отражение в таких нормативных источниках международного частного права, как Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже, Нью-Йоркская конвенция ООН 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, Женевская Европейская конвенция 1961 г. о внешне-торговом арбитраже [3, с. 30–39].

Специалисты отмечают тот факт, что современный международный коммерческий арбитраж в различных внутригосударственных правовых системах мира выступает как проводник принципа экономии государственной репрессии, заключающегося в применении публичной власти государством лишь в чрезвычайно дозированных размерах и в качестве крайней меры, когда все иные средства уже исчерпаны. Указывается также и на недопустимость использования мощного оружия государственного принуждения «всуе». Действительно, этот институт международного частного права оказался настолько эффективным на практике, что зачастую официально рекомендуется к использованию государственными органами [2, с. 120–131].

Действительно, правосудие по гражданским делам является сложной открытой социальной системой, успешное движение которой от исходного состояния к конечному зависит не только от внешнего управления, но в значительной степени и от внутреннего системного саморегулирования. Построенное исключительно на публичных началах и действующее в публичных интересах арбитражное судопроизводство не обеспечит достижение всех целей, которые ставит перед ним общество, не станет эффективным механизмом защиты прав и законных интересов субъектов права, разрешения юридических дел. Не имея возможности оказывать хотя бы в минимальной степени влияние на движение дела, нуждающиеся в защите лица с высокой степенью вероятности будут отказываться от обращения в суд при выборе способов удовлетворения своих интересов.

Ведь именно воля управляемых в рамках процесса, но самостоятельных, автономных в материальных отношениях субъектов права составляет основу для принятия решений о совершении

либо об отказе от совершения действий, с которыми процессуальное законодательство связывает наступление правовых последствий, в том числе и об обращении в суд. Саморегулирование свойственно арбитражному судопроизводству как открытой социальной системе, обусловлено природой его элементов и связей между ними. Полагаем, что только при сочетании управления и саморегулирования эта система способна достигать цели, которые поставлены перед ней обществом, обеспечивать защиту прав и законных интересов.

Литература

1. Алексеев М. А. Трансформация роли и правовых основ компетенции международного коммерческого арбитражного суда в современной экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2011. – С. 3.

2. Иншакова А. О. Компромисс в гибком регулировании внешнеэкономических споров в сфере инновационного предпринимательства // Вопросы правоведения. – № 2 (24). – 2014. – С. 120 – 131.

3. Иншакова А. О., Антипов И.В. Позитивные факторы и гибкие правовые средства развития международного коммерческого арбитража // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2014. – № 1. – С. 30–39.

4. Николукин С. В. Преодоление юридических коллизий посредством неформальных способов и процедур (на примере третейских судов) // Российский судья. – 2013. – № 7. – С. 20–23.

5. Семилютина Н. Г. Международный коммерческий арбитраж, третейское разбирательство и развитие интегрированных рынков на территории ЕврАзЭС // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 123.

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ЛОГИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЫНКА МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ

*Калашников С.А., д.э.н., профессор,
Геворгян А.С., аспирант
РГУ имени С.А. Есенина*

Для современного экономического развития приоритетное значение имеют техническое и технологическое «сопровождение» отраслей. Агропромышленный комплекс традиционно играл и играет в экономике России значительную роль. Однако начавшийся еще в период существования СССР процесс его отставания в материально-техническом развитии лишь более усугубился во время перестройки и достиг своего критического значения в современное время – в период глобализации экономических процессов, расширения и укрепления внешнеэкономических связей, что стало особенно актуально в связи со вступлением России в ВТО.

Основным направлением государственной поддержки является переход от прямой государственной помощи сельхозтоваропроизводителю к средствам косвенной поддержки молочной отрасли, включающим следующие мероприятия:

- субсидирование процентных ставок по кредитам на техническую модернизацию и строительство новых современных животноводческих комплексов, предприятий по первичной переработке молока;

- представление государственных субсидий на приобретение высокопродуктивного племенного скота и селекционные племенные работы;

- осуществление мер таможенно-тарифного и технического регулирования, в т.ч. в рамках Таможенного союза;

- реализация, софинансирование отраслевых региональных программ, направленных на рост производства молока и молочных продуктов.

В последние годы в рамках программы государственной изменился сам подход к предоставлению помощи товаропроизводителю: в целях повышения эффективности расходования государственных средств и достижения реальных производственных

результатов был изменен ключевой показатель результативности госпрограммы: в целях повышения товарности молока (т.е. отношение объема реализованного молока к надою, выраженное в процентах), выравнивания сезонности его производства и повышения инвестиционной привлекательности молочного животноводства сейчас осуществляется субсидирование производства одного литра товарного молока.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство используемых в настоящее время основных средств и производственных объектов молочного животноводства обладает высокой степенью морального и физического износа, ведение высокоэффективного и конкурентоспособного производства на данной основе является невозможным, требует дополнительных материальных и трудовых затрат.

Кроме того, за последние годы в связи с преодолением последствий мирового финансово-экономического кризиса выросли цены на строительные материалы, транспортное и технологическое оборудование для современных животноводческих комплексов, племенной скот, медицинские препараты и комбикорма и премиксы, вследствие этого резко снизились темпы модернизации существующих и строительство новых животноводческих комплексов, выросли сроки окупаемости инвестиционных проектов. Поэтому Правительством РФ было принято решение о продлении периода государственной поддержки и увеличении срока субсидирования инвестиционных кредитов под развитие молочного животноводства до 15 лет, с компенсацией за счет Федерального бюджета затрат на уплату процентов по кредитам в размере 100% ставки рефинансирования ЦБ РФ [1].

Государственная поддержка молочного животноводства охватывает в комплексе несколько смежных мероприятий, среди которых можно выделить: развитие племенного животноводства, собственно развитие молочной отрасли, поддержка региональных экономически значимых программ, господдержка кредитования животноводства, переработки, развития инфраструктуры и логистики животноводства, программа управления рисками в животноводстве и регулирование рынков продукции животноводства.

Племенное животноводство является одним из важнейших направлений реализации комплексной программы государственной поддержки подотрасли животноводства, в рамках реализации мероприятий государственной поддержки запланировано осуществление ряда мероприятий:

1. Развитие специальных селекционно-генетических центров по разведению высокопродуктивного скота,
2. Рост производства адаптированной к местным условиям высококачественной племенной продукции и ее реализация на внутреннем рынке;
3. Стимулирование приобретения высококачественной племенной продукции, отвечающей высоким мировым стандартам качества;
4. Стимулирование селекционной работы.

Субсидирование из Федерального бюджета планируется предоставлять субъектам РФ на условиях софинансирования, при этом получатели субсидий (сельскохозяйственные предприятия и крестьянские/фермерские хозяйства должны иметь животных, зарегистрированных в государственном племенном регистре министерства сельского хозяйства РФ.

Развитие молочного животноводства. Основными задачами государственной поддержки молочного животноводства являются:

1. Рост производства молока и молочных продуктов;
2. Повышение инвестиционной привлекательности молочной отрасли;
3. Выравнивание сезонности производства молока;
4. Рост поголовья высокопродуктивного молочного стада;
5. Создание условий для воспроизводства в животноводстве;
6. Стимулирование роста товарности молока во всех типах хозяйств.

Субсидирование бюджетов субъектов РФ планируется осуществлять при условии долевого финансирования, причем субсидии выделяются сельхозпроизводителям на производство 1 литра товарного молока не ниже 1-го сорта.

Поддержка экономически значимых региональных программ в области животноводства подразумевает создание и развитие на

региональном уровне экономических, технологических, социальных и прочих условий для устойчивого поступательного развития отрасли животноводства с учетом местных условий и проблем.

Государственные бюджетные средства предполагается выделять на поддержку крупных, экономически значимых для регионов программ развития животноводства, причем средства планируется выделять на конкурсной основе после анализа представленных регионами комплексных региональных программ, подготовленных с учетом Государственной программы. Основными мероприятиями, финансируемыми в рамках данной программы, могут быть:

1. Развитие молочного животноводства;
2. Развитие мощностей по переработке и сбыту продукции животноводства;
3. Прочие мероприятия по развитию смежных и поддерживающих производств (сельскохозяйственные, перерабатывающие, логистические и пр.), оказывающих существенное влияние на социально-экономическое развитие сельских территорий субъектов РФ и поддержание традиционной для субъектов подотрасли животноводства.

Реализация мероприятий по развитию молочного животноводства предусматривает рост поголовья коров, повышение их продуктивности за счет обновления пород, приобретения высокопродуктивного скота, совершенствования технологии их содержания и кормления. Господдержка будет осуществляться с помощью компенсации части затрат по следующим направлениям:

- создание сервисных центров искусственного осеменения;
- закупка высокопродуктивного скота для формирования товарного стада;
- улучшение естественных кормовых угодий, расширение посевов кормовых культур;
- приобретение современного оборудования, высокопроизводительных машин и механизмов для молочного животноводства;
- строительство, реконструкция и модернизация комплексов и ферм по производству молока на базе современных технологических решений.

Реализация комплекса мероприятий по развитию мощностей переработки и сбыта животноводческой продукции предусматривает формирование в регионах продовольственных кластеров, представляющих собой производственные цепочки и поддерживающие отрасли, состоящие из региональных производителей, перерабатывающих предприятий, снабженческих, сбытовых, транспортно-логистических и пр. предприятий, совместно работающих на производство продукции животноводства. Создание условий для формирования и развития продовольственных кластеров включает в себя урегулирование отношений между производителями продукции животноводства, их подрядчиками и снабжающими предприятиями, переработчиками животноводческой продукции на основе формирования региональных систем заготовки мяса и молока, их первичной и глубокой переработки, хранения, транспортировки и поставки продукции в торговые сети.

Планируется осуществлять господдержку посредством предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на частичное возмещение затрат по формированию региональных продовольственных (мясных и молочных) кластеров при условии софинансирования.

Поддержка кредитования отрасли животноводства, переработки, развития инфраструктуры и логистического обеспечения рынков продукции животноводства. Основные направления реализации мероприятий по поддержке кредитования, развития инфраструктуры и логистического обеспечения рынков продукции животноводства следующие:

– обеспечение свободного доступа к краткосрочным займам российских банков и сельскохозяйственных потребительских кооперативов на закупку племенных животных, молодняка скота, кормов, ветеринарных продуктов и прочих необходимых предметов для развития животноводства;

– обеспечение доступа к инвестиционным кредитным ресурсам отечественных банков и прочих кредитных учреждений для расширения производства, реконструкции, строительства и модернизации объектов животноводства, в том числе ферм, перерабатывающих производств, комбикормовых заводов и пр.

Порядок предоставления господдержки в виде субсидий, а также перечень объектов финансирования, направлений кредитования, получателей кредитов определяет Правительство РФ. Планируется, что господдержка будет осуществляться в виде предоставления субсидий на условиях софинансирования из региональных бюджетов на возмещение части затрат на уплату процентов по краткосрочным и инвестиционным кредитам, открытым в российских кредитных организациях.

В рамках реализации мероприятий по *развитию переработки животноводческой продукции* предполагается:

- модернизация существующих и строительство новых производств по первичной переработке продукции животноводства, в том числе по производству цельномолочной продукции, сливочного масла и сыров, производств по переработке сыворожки на основе инновационных ресурсосберегающих технологий;

- расширение ассортимента производимой продукции за счет внедрения передовых технологий, сохраняющих полезные свойства продукции, применения современных упаковочных материалов;

- внедрение инновационных безотходных технологий переработки продукции животноводства;

- снижение ресурсоемкости перерабатывающих производств, повышение экологичности и экономичности перерабатывающих предприятий.

Предполагается, что реализация программных мероприятий по господдержке будет осуществляться на основе софинансирования путем предоставления субсидий на возмещение части затрат по уплате процентов по краткосрочным и инвестиционным кредитам в российских кредитных учреждениях.

Мероприятия по *развитию инфраструктуры и логистического обеспечения рынка молочной продукции* направлены на рост оснащенности сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий по приемке и первичной переработке молока, включая холодильную обработку и хранение молочной продукции. Данные мероприятия предусматривают:

- строительство новых, реконструкцию и модернизация существующих приемных пунктов, цехов и предприятий по пер-

вичной переработке молока, в том числе цехов по холодильной обработке и хранению молочной продукции;

– приобретение молоковозов для транспортировки молока.

Предполагается, что господдержка будет осуществляться путем возмещения части затрат по процентам, выплачиваемых российским кредитным организациям по инвестиционным кредитам.

Программные мероприятия по управлению рисками в подотрасли животноводства включают в себя:

– рост доли застрахованного поголовья скота в общем поголовье;

– снижение страховых премий по договорам сельхозстрахования;

– снижение уровня отказов от выплат по наступившим страховым случаям;

– повышение инвестиционной привлекательности отрасли животноводства.

Предполагается, что господдержка будет осуществляться в соответствии с Федеральным законом «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» в виде субсидий из Федерального бюджета региональным бюджетам на возмещение части затрат сельхозпредприятий на уплату страховых премий по договорам страхования, заключенным со страховыми компаниями, входящими в профессионально объединение страховщиков. Размер субсидии при этом составит половину стоимости страховой премии.

Реализация программных мероприятий по регулированию рынков продукции животноводства, направленных на повышение конкурентоспособности российской молочной продукции в целях импортозамещения, предусматривает:

– создание условий равной конкуренции отечественной и импортной продукции;

– повышение инвестиционной привлекательности молочной отрасли.

Основными мерами господдержки молочного рынка предполагается принятие мер тарифно-таможенного регулирования (в том числе в рамках Таможенного союза), направленных на про-

гнозирование спроса и предложения на рынке, прогнозирование структуры производства молока и молочных продуктов, обеспечение достаточной для процесса воспроизводства рентабельности реализации молочной продукции.

Предполагается создание системы мониторинга происхождения продукции животноводства на основе применения современных средств идентификации как животных, так и продуктов животноводства, а также развитие системы аттестации предприятий переработки молочной продукции. Указанные меры позволят улучшить конкурентоспособность отечественных производителей и расширить рынок сбыта продукции животноводства за пределы Таможенного союза.

Применение мер технического регулирования в пищевой и перерабатывающей промышленности будет закреплено в новых технических регламентах на пищевую продукцию, разрабатываемых в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Литература

1. Распоряжение от 19 октября 2013 года № 1908-р «О распределении субсидий по возмещению части процентной ставки по инвестиционным кредитам на развитие растениеводства и животноводства» // http://government.ru/dep_news/7664

ПРОБЛЕМНЫЙ ХАРАКТЕР МЕЖДУНАРОДНЫХ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ

*Кизим А.А., д.э.н., профессор,
Лепетухина М.В., студентка
Кубанский государственный университет*

На сегодняшний день, в условиях глобализации и интеграции экономик мира, экономическую деятельность государства невозможно представить без ведения внешнеторговых операций. Поэтому не стоит игнорировать и существование рисков, связанных с международными коммерческими операциями. Необходи-

мо учитывать валютные риски, кредитные, риски, связанные с логистикой и политикой для того, чтобы обезопасить внешнеторговые сделки от непредвиденных убытков и угрозы расторжения.

Несомненно, международная торговля играет важную роль в системе мирового хозяйства. Производство со временем становится все более масштабным, и излишки продукции уходят за пределы национальных рынков, попадая на мировой рынок. Мировой рынок практически не знает дефицита, он представляет собой совокупность национальных рынков разных стран и всегда насыщен товарами, а значит, и поддерживать конкурентоспособность товара на нем задача не из легких.

Мировой рынок характеризуется своим спросом, предложением, конкуренцией и мировыми ценами, складывающимися из взаимодействия мирового спроса и предложения. На мировом рынке экономические субъекты разных стран обмениваются технологиями, ведут совместное производство и внешнеторговую деятельность. В процессе осуществления международного экономического взаимодействия представители различных национальных рынков сталкиваются с рядом проблем, к которым относятся барьеры выхода на мировой рынок, зависимость от политического климата, валютные риски.

Актуальность данной темы обусловлена развитием международной экономической кооперации, расширением производства и выхода компаний на мировой рынок. Вместе с тем существуют факторы, препятствующие проведению международных торговых операций и развитию международных коммерческих отношений.

Целью научной работы является изучение международных внешнеторговых операций и выделение факторов, оказывающих негативное влияние на их проведение. Цель работы определила решение следующих задач: раскрыть содержание понятия «международные внешнеторговые операции», выделить классификацию внешнеторговых операций, проанализировать влияние политических санкций на международную торговлю, проанализировать влияние других факторов негативно влияющих на взаимодействие экономических субъектов.

Для того, чтобы лучше понять проблематичный характер внешнеторговых операций следует рассмотреть значение этого

термина. Согласно О.И. Дегтяревой международная коммерческая деятельность представляет собой ряд взаимосвязанных операций, обслуживающих международный обмен материальными ценностями и услугами [1].

На основе рассмотренных дефиниций, нами уточнено понятие «международная внешнеторговая деятельность», под которой следует понимать коммерческие операции между субъектами разных национальных рынков, подразумевающие обмен товарами и услугами на основе международных договоров (контрактов), в определенном интервале времени, с учетом положений международного свода правил «Инкотермс» и др.

Для более полного понимания элементов, приведенной выше дефиниции следует рассмотреть следующую классификацию внешнеторговых операций, приведенную О.И. Дегтяревой и С.В. Саркисовым в книге «Международная торговля» [1].

Экспортные операции подразумевают деятельность, связанную с продажей и вывозом за границу товаров для передачи их в собственность иностранному контрагенту;

Импортные операции – деятельность по закупке и ввозу иностранных товаров для последующей реализации их на внутреннем рынке своей страны.

Реэкспортные операции предусматривают вывоз за границу ранее купленного на другом рынке товара, не подвергшегося в реэкспортирующей стране какой-либо переработке.

Реимпортные операции связаны с ввозом из-за границы ранее вывезенных отечественных товаров, не подвергшихся там переработке. Ими могут быть товары, не проданные на аукционе, возвращенные с консигнационного склада, забракованные покупателем и др.

Товарообменные сделки предполагают обмен различными товарами между сторонами сделки. Все виды товарообменных сделок объединяются понятием «встречные сделки».

Встречные сделки: *торговая компенсация* и *промышленная компенсация*.

Торговая компенсация – одна краткая операция на небольшую или умеренную сумму, включающая обмен крайне разнородными товарами, обычно органически не связанными между собой. Эта сделка завершается в пределах 36 месяцев.

Промышленная компенсация – сделка на более крупную сумму, обычно соответствующую продаже промышленного оборудования или готовых предприятий; при этом существует связь между продаваемыми товарами.

Внешнеторговые сделки по купле-продаже услуг подразумевают:

Инжиниринговые сделки – производственно-технические услуги, представляющие собой комплекс услуг коммерческого характера по подготовке и обеспечению процесса производства и реализации продукции, обслуживанию строительства и эксплуатации промышленных, инфраструктурных, сельскохозяйственных и других объектов.

Арендные сделки – сдача внаем товара иностранному контрагенту.

Туристические услуги – широко распространенный в современных условиях вид деятельности [1].

На основе предложенной О.И. Дегтяревой и С.В. Саркисовым классификации, представим следующую схему (рис. 1).

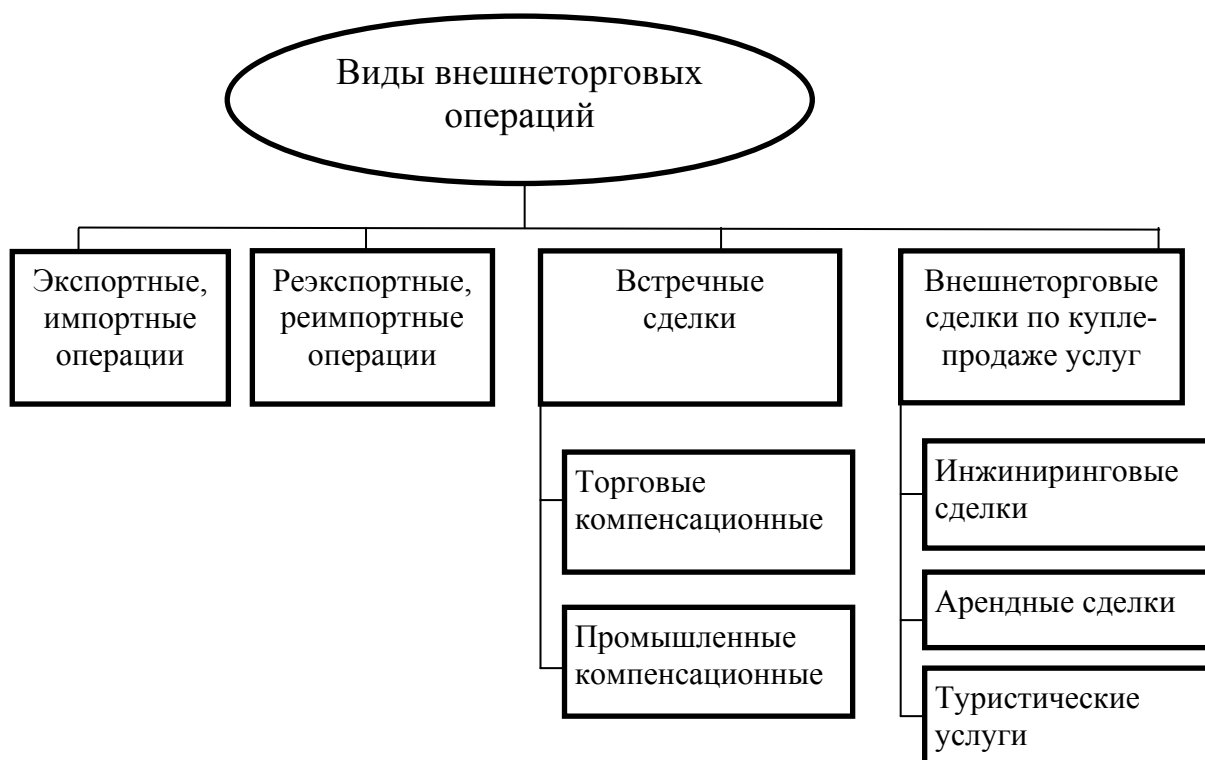

Рис. 1. Авторская схема классификации внешнеторговых операций на основе работы [1]

В основе внешнеторговых операций лежат, как правило, риски: кредитный риск и время выполнения контракта, валютный риск, различия в законах и правилах стран покупателей и продавцов, правительственные постановления и ограничения, угроза политических переворотов, наложение запретов на импорт/экспорт продукции.

Выполнение условий международного торгового контракта требует иногда больше времени, чем было запланировано. Зачастую доставка товара происходит с опозданием из-за большого расстояния между поставщиком и покупателем. В процессе транспортировки товара на большие расстояния может произойти повреждение товара вследствие произошедших форс-мажорных обстоятельств (к примеру, суровых климатических условий). Все это предполагает знание и использование элементов и принципов логистики.

Время и расстояние создают кредитный риск для экспортеров. Экспортер вынужден продлять кредит на оплату из-за задержки доставки товара покупателю. Возможно, понадобится дополнительное финансирование на покрытие издержек, связанных с транспортировкой «опаздывающего» товара в другую страну.

Существует риск, что покупатель не оплатит поставленный товар. Для предупреждения неоплаты в международном контракте очень подробно описываются условия оплаты и доставки товара. Надежным видом платежа, применяющимся для расчетов по обязательствам международных контрактов, является аккредитив, гарантирующий платеж поставщику. Если был выбран менее надежный способ расчетов, то в случае неоплаты товаров покупателем возникают судебные разбирательства в иностранном суде, требующие дополнительных расходов.

В международной торговле расчеты могут вестись в валюте продавца, покупателя или в валюте третьей страны. В любом из представленных вариантов расчетов имеется риск изменения курса валюты, невыгодного для какого либо участника сделки.

Внезапный политический переворот (например на Украине в 2014 году) может «заморозить» сделку на неопределенное время, что приведет к дополнительным расходам. Ухудшение политического климата между странами экспортера и покупателя, ведет к введению запрета на импорт/экспорт определенных

видов продукции, а значит, международное экономическое сотрудничество будет прекращено. Примером данной ситуации на мировом экономическом рынке может служить введение экономических санкций странами Западной Европы, США, Японией и Австралией против России и ответные запреты на ввоз товаров со стороны России.

Данная проблема требует решения. Санкции со стороны западных стран сподвигают Россию искать новых партнеров для сотрудничества в Китае. Потенциал сотрудничества Китая и России очень велик. Это и взаимодействие в энергетическом секторе, и совместные проекты в сфере лесного хозяйства на Дальнем Востоке в КНР, а также проекты минерального сектора. В статье О.В. Дёминой выделено энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем как значимое, а именно за 2000–2012 гг. объемы экспорта электроэнергии из России в Китай увеличились в 25 раз [2].

Таблица 1

**Объемы экспорта электроэнергии из России в Китай
в 2000–2012 гг. [2]**

Год	Объем экспорта, млн кВт/ч	% от выборки
2000	104	0,4
2001	164	0,7
2002	151	0,7
2003	162	0,7
2004	339	1,4
2005	492	1,9
2006	523	2,0
2007	0	0,0
2008	0	0,0
2009	854	3,1
2010	983	3,4
2011	1238	4,2
2012	2630	8,2

В газовом секторе, как и в энергетическом, между странами существует тесное сотрудничество. Как пишет в журнале «Эхо планеты» Дмитрий Докучаев, «Газпром» и китайская нефтегазовая корпорация CNPC подписали контракт на поставку в КНР 38

миллиардов кубометров газа в год в течение 30 лет. И по словам председателя правления «Газпрома» Алексея Миллера, это самый крупный контракт российской газовой компании [3].

Китай является активным потребителем лесопромышленной продукции Дальнего востока и как отмечается в статье Н.Е. Антоновой в межправительственной Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.) намечено на российской территории производить в основном плиточную продукцию и пиломатериалы, а Китае – конечную продукцию: мебель, продукты лесохимии, а также создавать логистические центры по обработке и продаже российской древесины [4]. В этой программе большое внимание уделяется также проектам о сотрудничестве в минеральном секторе. Успешным примером реализации проекта с участием китайских инвестиций является, приведенный в статье Н.В. Ломакиной, изучение недр в Магаданской области с объемом затрат около 3 млрд. руб. К началу 2013 г. было освоено более 350 млн. руб., лицензии на проведение работ приобретены горнодобывающими предприятиями, созданными с участием капитала ООО «Горно-промышленная компания Тонхуа Минбан» (КНР) [5].

Помимо Китая партнерами российских компаний во внешней торговле являются остальные страны БРИКС. Так, в статье Я.Лексютиной «Китай в БРИКС: мотивация участия», говорится о инициативе создания странами группировки Банка развития, схожего по функциям с Всемирным банком, но контролируемого странами БРИКС. Это отличная возможность снизить влияние Всемирного банка на развивающиеся страны и оказывать экономическую поддержку «восходящими странами» менее развитым странам. В сентябре 2013 года Брикс решил разместить определенную альтернативу МВФ пул валютных резервов общим размером 100 млрд. долл. Он будет состоять из вклада Китая в размере 41 млрд. долл., России, Бразилии и Индии по 18 млрд. долл., ЮАР-5 млрд. долл. [6]. Кроме того страны группировки БРИКС могут применять встречные сделки на безвалютной основе, которые используются как инструмент расчетов по внешнеторговым контрактам в условиях нестабильности курса валют. В свете сегодняшних геополитических причин встречные сделки способст-

вуют расчетам без финансовых потерь при конвертации мировых валют в национальные. (Например между Россией и Ираном заключается сделка, по которой Россия будет поставлять Ирану зерно и другие сельскохозяйственные продукты , а взамен будет получать от Ирана нефть).

Для решения проблемы зависимости от американского доллара страны группировки в ходе последних политических событий(применение экономических санкций против России) активно ведут расчеты во внешней торговле в национальных валютах. Согласно Я. Лексютиной в 2011 г. в ходе саммита в г. Санья страны БРИКС заключили соглашение о межбанковском сотрудничестве, расширяющем масштабы взаимных расчетов и кредитов в национальных валютах [6]. Также могут широко применяться встречные сделки(на безвалютной основе) во внешнеторговых операциях, способствующие защите от колебаний курса мировых валют.

На наш взгляд, решение проблем внешнеторговых операций заключается в хеджировании рисков: валютного, кредитного, также риска, связанного с логистикой и политическими факторами, за счет использования различных инструментов. Чтобы предупредить последствия возможных возникающих рисков необходимо четко прописывать все пункты международного контракта согласно Инкотермс, предусмотрев изменения курсы валюты, условия оплаты, поставок, форс-мажорные обстоятельства.

Литература

1. Дегтярева О.И., Саркисов С.В. Внешнеэкономическая деятельность. 1999.
2. Дёмина О.В. Энергетическая сфера Азии: экспорт электроэнергии из России в Китай // ЭКО. 2014. № 6.
3. Докучаев Д. Газ уходит на Восток.// Эхо планеты. 2014. № 20.
4. Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. 2014. № 6
5. Ломакина Н.В., Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // ЭКО. 2014. № 6.
6. Лексютина Я. Китай в БРИКС: мотивация участия // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4.

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

*Кильчукова А.Л., к.э.н., с.н.с.
ИИПРУ КБНЦ РАН*

На российский рынок труда в ближайшие годы преобладающее воздействие будут оказывать демографические факторы. Интенсивное старение населения, сопровождаемое низким уровнем рождаемости, в ближайшие годы обернутся резким снижением предложения труда и усилением демографической нагрузки на работающее население. Осуществление эффективной и продуманной политики на рынке труда требует исследований в этой области.

По данным ФСГС, за прошедшие 2003–2012 гг. численность населения Российской Федерации сократилась на 1,3% (на 1,9 млн. человек). Между тем, меры по стимулированию рождаемости и сокращению смертности дали свои результаты: численность населения с 2009 года стала немного расти (табл. 1).

Таблица 1

Структура изменения общей численности населения (тыс. чел.)

Годы	Числ. населения	Изменения за год			Общ. прирост за год, %
		Общ. прирост	Естеств. прирост	Мигр. прирост	
2003	144963,6	-795,4	-888,5	93,1	-0,43
2004	144333,6	-532,6	-793,0	260,4	-0,37
2005	143801,0	-564,4	-846,5	282,1	-0,39
2006	143236,6	-373,9	-687,1	313,2	-0,26
2007	142862,7	-115,2	-470,3	355,1	-0,08
2008	142747,5	-10,3	-362,0	351,7	-0,01
2009	142737,2	96,3	-248,9	345,2	0,07
2010	142833,5	31,9	-239,6	271,5	0,02
2011	142865,4	191,0	-129,1	320,1	0,13
2012	143056,4	290,7	-4,3	295,0	0,20

Источник: ФСГС

Тем не менее, численность трудоспособного населения, которая сократилась сильнее в предыдущие десять лет, упав на 3,5%

(3 млн. чел), продолжила снижаться с ускорением. В 2006–2008 гг. сокращение населения в трудоспособном возрасте составило ежегодно 270 тыс. чел., в 2009–2011 гг. – 750 тыс. чел. (каждый год), а в 2012 г. – уже более чем 900 тыс. чел. Старение населения выступает основной причиной снижения численности трудоспособного населения. За 2009–2012 гг. численность населения старше трудоспособного возраста увеличилась на 8,4%, или на 2,6 млн. человек, тогда как численность населения младше трудоспособного возраста выросла только на 5,5%, или на 1,3 млн. человек.

Но стоит отметить, что часть отрицательного воздействия на рынок труда от сокращения численности населения в трудоспособном возрасте была восполнена ростом экономической активности населения, которая возросла на 2,1% до 69,2 млн. человек. В 2003–2012 гг. численность экономически неактивного населения в трудоспособном возрасте сократилась с 22 до 17 млн. человек. Трансформация населения из категории экономически неактивного в экономически активное представляет собой существенный резерв для увеличения численности рабочей силы в стареющей экономике. Наличие объективных возможностей для трудоустройства и отсутствие существенных барьеров на этот переход являются определяющими факторами для этих 17 млн. потенциальных работников. Можно сказать, что период легкого и быстрого роста экономической активности уже заканчивается [1].

Новая пенсионная формула предполагает более высокие пенсии при добровольной отсрочке выхода на пенсию. Этот факт также может стать дополнительным стимулом роста экономической активности среди пенсионеров более молодого возраста.

Для того чтобы выявить дополнительные резервы экономической активности населения, необходимо рассмотреть структуру экономически неактивного населения (табл. 2). Анализ показал что, одной из основных причин экономической неактивности граждан является ограничение здоровья. Так, по данным Министерства труда и социальной защиты РФ, на начало 2013 г. число инвалидов в трудоспособном возрасте составляло 3,39 млн. человек. Из них трудоустроено только 816 тыс. человек и вряд ли в ближайшие годы состояние инфраструктуры позволит сильно увеличить число занятых в этой группе.

Таблица 2

Численность экономически неактивного населения в трудоспособном возрасте по категориям (тыс. чел.)

	Всего	ИЗ НИХ											
		не выразили жела- ние работать	в том числе				выразили желание работать	в том числе					
			студенты очного вида обучения	пенсионеры	лица, ведущие дом. хоз-во	другие		ищут работу, но не готовы прислупить	не ищут работу	из них отчаялись найти работу			
Экон. неакт. население в трудосп. возрасте – всего													
2003	20746	15310	8344	2855	2238	1872	5436	536	4901	1274			
2007	20229	15796	9066	2951	1897	1882	4433	413	4020	1056			
2012	17825	14587	7908	2655	2648	1376	3238	239	2999	529			
Мужчины													
2003	9340	6807	4065	1643	75	1023	2533	248	2285	681			
2007	9281	7244	4431	1837	62	914	2037	200	1837	542			
2012	7902	6467	3867	1722	115	763	1435	119	1316	292			
Женщины													
2003	11406	8503	4279	1212	2163	849	2903	288	2615	592			
2007	10948	8552	4636	1115	1835	968	2395	213	2183	514			
2012	9923	8120	4041	933	2533	613	1803	120	1682	236			

Источник: ФСГС

Общедоступность высшего образования в стране повлияло на увеличение доли студентов очного вида обучения, в структуре экономически неактивного населения с 40,2% в 2003 году до 44,4% в 2012 году.

За последнее десятилетие наибольший прирост в экономически неактивном населении произошел за счет роста числа лиц, ведущих домашнее хозяйство, их доля увеличилась с 10,7% в 2003 г. до 14,9% в 2012 г.

Также возросла до 6% (около 1 млн. чел.) доля женщин, ведущих домашнее хозяйство. Но самая «перспективная» для увеличения экономической активности часть включает желающих работать, но не готовых приступить к работе (0,2 млн. человек) или отчаявшиеся найти работу (около 0,5 млн. человек). Их доля составляет 4,3% от экономически неактивных. Численность этой группы сократилась за 2003–2012 гг. в 2,4 раза, а, следовательно, этот резерв близок к исчерпанию. Еще 3 млн. экономически неактивных человек сообщают, что не готовы искать работу.

Таким образом, легкий резерв привлечения в экономическую активность составляет 4,7 млн. человек, или +10% от формально занятых в экономике. Это существенно, но недостаточно для изменения ситуации качественно.

Уменьшение экономически неактивного населения на 5 млн. человек в 2003–2012 годах полностью произошло за счет увеличения уровня занятости на 5,2%. Кроме того, уровень безработицы за тот же период снизился до 5,5%. Но, если изучить структуру роста занятости, то выясняется, что большая часть прироста произошла за счет расширения неформальной занятости.

Приведем цитату заместителя Председателя Правительства РФ О. Голодец: «Наш рынок труда сегодня фактически не легитимизирован. Очень небольшая часть рынка труда работает по прозрачным правилам. 48 млн. человек работают в секторах, которые нам видны и понятны. Где и чем заняты все остальные, мы не понимаем».

Численность экономически активного населения на 2013 г. по РФ составляет 75,5 млн. чел., т.е. по словам О. Голодец, 36,4% от э.а.н. скрыты от радаров государства.

Часто неформальность называют «серой» зоной рынка труда. Этот феномен имеет разные проявления и включает разные «оттенки серого». С одной стороны – полное существование вне зоны видимости для радаров государства и вне регулирующих институтов, с другой – неполное соблюдение отдельных частных регуляций.

По методологии Росстата, к неформальному сектору относятся все работники, занятые в производственных единицах, не имеющих статуса юридического лица (будь то индивидуальные предприниматели, кооперативы, фермерские хозяйства и т.д.). Дополнительные ограничения (например, минимальная численность персонала или официальная регистрация в соответствии с действующим законодательством) при этом не используются. В результате официальные оценки неформальной занятости для России оказываются мало сопоставимы с аналогичными оценками по большинству других стран, где следуя методологическим рекомендациям МОТ, такие дополнительные фильтры применяют в обязательном порядке.

Неформальность, по определению, трудно наблюдаема и прячется «в тени». Однако статистики обладают набором измерительных инструментов, позволяющих (пусть, и с определенной погрешностью) ее и наблюдать, и измерять.

Одним из таких инструментов выступают представительные обследования домохозяйств. По результатам опроса населения по проблемам занятости, численность неформально занятых в РФ в 2013 г. составила чуть больше 14 млн. человек, или 20% от общей численности занятого населения. При этом за период 2003–2012 гг. численность занятых в неформальном секторе увеличилась на 3,6 млн. человек.

Поскольку данная оценка не учитывает неформальную занятость на предприятиях формального сектора, например занятость без оформления трудового договора или контракта, мы получаем нижнюю границу неформальной занятости.

Также к оценке размера «тени» можно подойти и с другой стороны, используя своего рода остаточный метод. Оценка по остаточному методу рассчитывается как разница между численностью занятого населения по опросам и численностью занятого

населения на предприятиях и в организациях всех видов. За период 2003–2012 гг. численность занятых в организациях сократилась на 4,7 млн. человек (-9,3%). В итоге, неформальная занятость увеличилась с 16,5 до 25,6 млн. человек (+55%). Что составляет почти треть от занятых в экономике. Это и есть верхняя цифра масштаба неформальной занятости. Здесь необходимо учесть, что Росстат при подсчете занятости в корпоративном секторе основывается на среднегодовой среднесписочной численности работников. Значит, в эту оценку неформальной занятости попадают все, кто работает по гражданско-правовому договору и по совместительству. Более того, те, кто работают неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, учитываются в среднесписочной численности пропорционально отработанному времени. Это также приводит к некоторому завышению оценок неформального сектора занятости при этом методе расчета.

Расхождения в оценках неформальной занятости составляют 11–12 млн. человек в 2011–2012 годах. Если считать, что истина где-то посередине, то неформальная занятость в России близка к 20 млн. человек. Отсюда вычитаем 4 млн. человек, которых Росстат относит к самозанятым. Оставшиеся 16 млн. человек, в разной степени являются резервом, который необходимо привлечь на формальный рынок труда.

Сектора экономики с высокой долей неформальной занятости достаточно типичны для любых экономик мира и характерны для таких отраслей, как торговля, сельское хозяйство и строительство [1].

Высокий уровень занятости, не регламентированный формальными контрактами является достаточно весомой проблемой для пенсионной системы РФ. Численность пенсионеров в 2012 г. превысила 40 млн. человек, тогда как численность работающих на предприятиях и организациях снизилась до 45,5 млн. человек. То есть демографическая нагрузка на работающее население очень высока и, вероятно, вырастет еще. Расчеты показывают, что, если сокращение численности занятых в организациях продолжится средними за 2003–2012 гг. темпами (-1%), а численность пенсионеров будет нарастать такими же темпами, что и в 2003–2012 гг. (+0,4% ежегодно), то число пенсионеров

сравнивается с числом занятых в организациях всех видов уже к 2021 г. Такая демографическая нагрузка неподъемна ни для какой пенсионной системы.

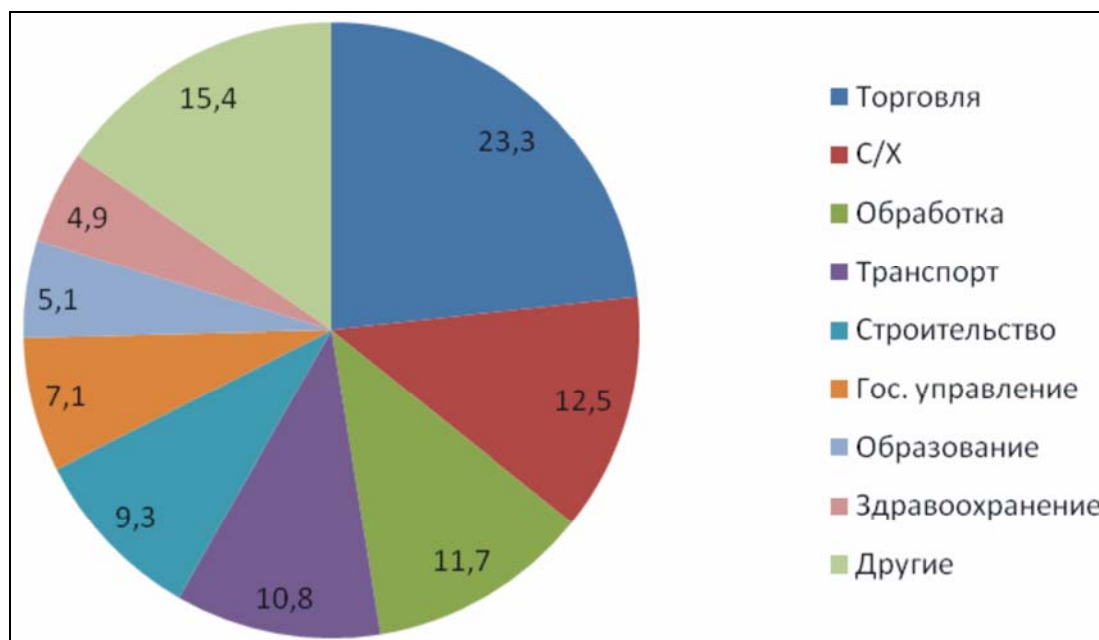

Рис. 1. Структура неформальной занятости, %

Если произвести несложные расчеты, взяв относительно невысокую оплату труда неформально занятых (55% от оплаты труда формально занятых работников за 2013 г.) и их численность по нашим оценкам (20 млн человек) за вычетом самозанятых 4 млн. человек. Мы получим оценку «потерь» доходов пенсионной системы в размере 710 млрд. руб. в год. Безусловно, это – существенный резерв для повышения доходов ПФ РФ, а также стимул для осуществления мероприятий по выводу рынка труда из тени.

Расширение неформальности при наличии значительного человеческого капитала – явный симптом институционального «провала» государства. Оно не исполняет свою часть неявного социального договора. Такой контракт предполагает, что в обмен на выполнение определенных обязательств перед государством (уплату налогов, соблюдение законов и административных ограничений и т.д.) индивиды получают от него набор общественных благ и услуг (по защите прав собственности, страхова-

нию рисков и т.д.) [3]. В итоге компании ограничивают свой спрос на труд, а высвобожденные работники «выдавливаются» в неформальность – единственно доступную им сферу получения дохода [2]. Издержки жизни «на свету» оказываются намного выше ожидаемых там выгод. Поэтому разрастание неформальности дает ясный сигнал об искаженности системы стимулов и о необходимости ее перенастройки. Для ограничения неформальной занятости в первую очередь требуются системное совершенствование институциональной среды и повышение качества государственного регулирования. Необходимо снижать административные барьеры разного рода, защищая собственность, облегчая вход в бизнес, стимулируя создание новых и расширение действующих предприятий [5].

Литература

1. Аскеров Н.С. Институционально-теоретические основы реализации стратегии развития кризисной территории // Региональная экономика: теория и практика. – М.: Финансы и кредит, 2013. – № 47 (326). – С. 19–24.
2. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Жить «в тени» или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда // Вопросы экономики. – 2013. – № 11.
3. Константиныди Х.А. Стратегия симметричной интеграции развития Южного макрорегиона России. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2013. № 2 (120). С. 51–57.
4. Россия: неформальная занятость как новый феномен. // Центр макроэкономических исследований Сбербанка России. 2014.
5. Спирина С.Г., Калайдин Е.Н. Формализация задач оптимизации управления социально-трудовыми отношениями с качественной категорией цели. // Экономика устойчивого развития. 2012. № 10.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА ОБ ИННОВАЦИОННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

*Колтырин В.И., аспирант,
Иншакова А.О., профессор, д.ю.н.
Волгоградский государственный университет*

Развитие Российской Федерации не только как ресурсодобывающей страны, основным источником дохода которой является продажа полезных ресурсов, но и как страны с современной экономикой – экономикой знаний, является наиболее актуальной задачей, стоящей перед всеми без исключения органами государственной власти. Указанная задача должна решаться посредством «развития научно-технического и инновационного потенциала». [1, с. 37–43].

В обеспечении устойчивого социально-экономического развития России немаловажную роль играют органы исполнительной власти, которые в соответствии с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» должны сформировать «новые технологические базы экономических систем, основанные на использовании новейших достижений в области биотехнологий, информатики и нанотехнологий, в том числе в здравоохранении и других сферах» [2].

Для реализации имеющихся целей, возложенных на Правительство Российской Федерации, министерство или ведомство, а также вновь возникающих задач в условиях развития государства необходимы инновационные исследования. Выполнение таких работ и услуг возможно путем заключения соответствующих договоров.

Такой тип договоров, в соответствии с ч. 2 ст. 421 Гражданского Кодекса РФ является непоименованным договором, однако, его заключение не противоречит как общим началам и принципам гражданского права, так и каким-либо законам или иным нормативно – правовым актам.

На наш взгляд, именно договор об инновационном исследовании, необходимо выбрать тому или иному органу власти, а не

предложенный некоторыми учеными договор инвестирования в инновации. [3, с. 41–43]. Такой вывод можно сделать исходя из определения термина «инвестиция» – передача денежных средств или иного имущества в денежной оценке одним лицом, именуемым инвестором, другому лицу – реципиенту инвестиций с целью извлечения прибыли. [4, с. 10–39]. Как следует из определения, целью инвестирования является получение прибыли, тогда как основными целями Правительства РФ, министерств и ведомств являются: реализация внутренней и внешней политики, регулирование социально-экономической сферы.

Договор инновационного исследования имеет ряд характерных особенностей и своей целью имеющий получение принципиально нового результата в соответствии с техническим заданием заказчика. Такими особенностями можно считать:

1) рисковый характер договора, в связи с тем, что заказчик, предлагая то или иное техническое задание – не может быть уверен в возможности его реализации в практическом смысле. В этом смысле, считаем возможным согласиться с М.И. Брагинским, полагающим, что при заключении исследовательских договоров принципиальным является не получение результата при осуществлении практических исследований, а сами исследовательские действия [5, с. 387], в связи с тем, что в инновационном исследовании вероятность не достижения поставленной задачи крайне высока;

2) конфиденциальность результатов проведенного исследования, то есть той технической, информационной и организационной составляющей исследовательского процесса, которая была получена в результате научных изысканий;

3) особая государственная значимость проводимого исследования, обусловленная особым субъектом, который выступает на стороне заказчика.

В связи с тем, что заказчиком при заключении договора инновационного исследования является орган государственной власти, предусмотрен и специальный порядок заключения такого договора, обеспечивающий, как реализацию принципов открытости и прозрачности, так и дополнительные гарантии соответствия исполнителей особым предъявляемым требованиям, посредством

получения дополнительного заключения от специально созданной комиссии на заключение сделки.

Как и любой договор, заключаемый для обеспечения государственных и муниципальных нужд договор инновационного исследования заключается в соответствии Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6].

При размещении заказа на заключение договора инновационного исследования государственный заказчик должен пройти несколько последовательных этапов:

- планирование заказа;
- выбор способа определения исполнителя;
- установление критериев оценки заявок;
- создание специальной комиссии по проведению конкурса для заключения контракта на инновационное исследование. Для создания такой комиссии необходимо дополнить ст. 39 Федерального закона ч. 4.1. и изложить ее в следующей редакции: «При проведении конкурсов для заключения контрактов на инновационное исследование в состав конкурсных комиссий должны включаться лица научных специальностей. Число таких лиц должно составлять не менее чем пятьдесят процентов общего числа членов конкурсной комиссии»;
- извещение об осуществлении закупки и подготовка конкурсной документации;
- получение заключения от специально созданной комиссии на соответствие исполнителя по договору инновационного исследования, предъявляемым требованиям. Для получения указанного заключения, необходимо изменить часть шестую ст. 56 Федерального закона и изложить ее в следующей редакции: «Заявка на участие в конкурсе с ограниченным участием наряду с информацией, предусмотренной ч. 2 ст. 51 настоящего Федерального закона, должна содержать документы, подтверждающие соответствие участников закупки дополнительным требованиям, или заверенные участником закупки копии таких документов. Соответствие представленных документов, требованиям заказчика должна оценить комиссия, созданная в соответствии с ч. 4.1 ст. 39 настоящего Федерального закона и дать заключение о возможности осуществления сделки».

Таким образом, создание дополнительного правового механизма, в виде специально созданной комиссии позволит обеспечить исполнение договора инновационного исследования. Особая социально-экономическая актуальность и государственная значимость последнего позволяют говорить о недостаточном внимании законодателя к существующим договорным конструкциям и соответствии их новым экономическим реалиям.

В качестве заключительного вывода, имеющего обобщающий характер и для данной статьи, следует напомнить об аргументированной ранее в тематических научных исследованиях необходимости дальнейшего стратегического развития законодательства в инновационном русле, которое возможно двумя корреспондирующими друг другу путями [7, с. 98–104]:

– учет и применение качественно новых международно-правовых норм, обеспечивающих эффективный переход к инновационной экономике;

– внесение изменений в уже существующие нормативно-правовые акты, а также принятие новых, системообразующих законодательных актов, и в первую очередь Федерального закона «Об инновационной деятельности».

Литература

1. Грибанов Д.В. Правовая модель инновационного развития общества // Правоведение. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011, № 1. – С. 37–43.

2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 24.11.2008. № 47. Ст. 5489.

3. Белецкая А.А., Тычинин С.В., Туранин В.Ю. Договорные формы инвестирования в инновации // Современное право. 2012. № 2. С. 41–43.

4. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Государство и регулирование инвестиций. – М., 2003. – С. 10–39.

5. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть вторая/ под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. – М., 1996. – С. 387.

6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

7. Иншакова А.О. Новые формы хозяйствования как слагаемые успеха интеграции РФ в единое экономическое пространство с ЕС // Право и государство: теория и практика. 2010. № 10 (70). С. 98–104.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК УСЛОВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

*Кортиаев Т.Ю., к.э.н.,
ст. преподаватель кафедры «Менеджмент»
Северо-Осетинский государственный
педагогический институт (Владикавказ)*

В условиях экономической и политической нестабильности особенно важна стабильность взаимоотношений между государством, бизнесом и гражданским обществом. Это тот фактор, который сильнее всего влияет на общество во времена кризиса.

Необходимым элементом стабильного демократического государства со здоровой экономикой выступает сильное гражданское общество [1, 2]. Оно одновременно выполняет две роли. С одной стороны, оно – партнер государства в реализации всех его начинаний. С другой стороны, оно отстаивает свободы и интересы каждого гражданина и различных групп общества, и, следовательно, может становиться на конструктивные оппонентские начала.

К проблеме гражданского общества исследователи в России обратились в 80-х годах XX века, что связано с активным процессом демократических преобразований и поиском эффективных механизмов обеспечения демократии и гражданских свобод. Переходная постперестроечная эпоха диктовала необходимость интенсивного созидания основ гражданского общества как пространства жизнедеятельности, в котором будут созданы предпо-

сылки для самоопределения человека, его свободного выбора. Уже в конце 90-х годов стало формироваться убеждение о самобытности российских политических процессов [2, 155].

Рассматривая процесс институционализации гражданского общества в России, можно определить два пути развития. Первый путь – сверху – от власти, где решающую роль играет государство. Этому утверждению соответствует следующая схема: государство -> третий сектор -> общество. Процесс институционализации снизу представляется такой схемой: государство -> третий сектор <- общество, когда само общество участвует в этом процессе и проявляет активность в общественной жизни, в построении новых структур [3, 35].

Очевидно, что конституционные права и свободы человека и гражданина нуждаются в эффективных механизмах их реализации, без которых само существование и законодательное закрепление прав и свобод становится правовой фикцией. Эффективность решения проблем обеспечения прав и свобод человека и гражданина в России зависит не только от усилий государства, но и активизации деятельности формирующихся институтов гражданского общества, помогающих государственным органам власти разрешать самые сложные задачи в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина [4].

Так, Л.Э. Либановой отмечается, что обеспечение гарантирования прав и свобод человека возможно лишь при наличии развитой системы конституционно-правовых гарантий, включающей не только деятельность государственных правоохранительных институтов, но и независимых от государства (экономически и организационно) профессионально-правовых правозащитных институтов гражданского общества [5, 130]. Это концептуальное положение отличается от мнения некоторых ученых, проводящих государственные исследования, полагающих, что только государство и его органы выступают единственным гарантом защиты прав и свобод личности [6, 226].

Анализ действующего законодательства позволяет выявить более 200 нормативных правовых актов, затрагивающих деятельность институтов гражданского общества только на федеральном уровне. Большой интерес представляют нормативные правовые

акты, в которых обозначаются формы взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти. Отношения государства с институтами гражданского общества можно определить как: поддержка, взаимодействие, право на получение информации, учет мнения, предложений и формула решение вопросов по согласованию», привлечение к участию в подготовке решений, привлечение к работе в государственных органах, наделение контрольными полномочиями.

Новый импульс дискуссии о гражданском обществе предали публичные выступления бывшего Президента России Д.А. Медведева, который заявил о необходимости модернизации общества и политической системы, о качественном рывке в сфере коммуникаций граждан и власти. Активность гражданского общества должна способствовать модернизации государства, развитию российской модели демократии, обеспечению прав и свобод человека. Эффективность власти, господство права, искоренение коррупции – те цели, достичь которые можно только путем сотрудничества государства с заинтересованными структурами гражданского общества [7, 22–24].

Произошедшие в России за последние десятилетия кардинальные трансформации поставили общество перед необходимостью разрешения новых проблем, одно из главных мест среди которых занимают проблемы демократизации.

Необходимым условием демократического развития страны становится формирование институтов гражданского общества. Одновременно процесс становления гражданского общества в немалой степени обусловлен действиями самих институтов государственной власти.

До недавнего времени было очевидно, что этот вопрос в стране не находится в системе главных задач государственной власти. Однако, ситуация в стране постепенно меняется. Появились социально-политические проекты, например, Гражданские форумы на федеральном и региональном уровнях, на которых власть вступила в диалог с многочисленными гражданскими объединениями о насущных проблемах социально-политической и экономической жизни страны, создана Общественная палата Российской Федерации. Возникает потребность в научном осмысле-

нии путей, способов и форм эффективного сотрудничества государственной власти и институтов гражданского общества, механизма их взаимодействия.

В работе различных органов государственной власти принимаются ведомственные акты, непосредственно регулирующие вопросы взаимодействия с институтами гражданского общества. Так, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 10 сентября 2008 г. № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» [8] органам прокуратуры предписано активно взаимодействовать с общественными объединениями; рассматривать разъяснение законодательства как деятельность, осуществляемую с целью правового просвещения граждан, в том числе при взаимодействии с различными общественными институтами, и считать ее неотъемлемой частью системы профилактики правонарушений, особенно в молодежной среде, противодействия экстремизму, ксенофобии, коррупционным проявлениям.

При Министерстве регионального развития Российской Федерации функционирует Общественный Совет Министерства регионального развития Российской Федерации. В соответствии с пунктом 2 положения об Общественном Совете Министерства регионального развития Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 574, Совет является постоянно действующим консультативно-совещательным органом, призванным содействовать поиску эффективных решений и разработке мер по реализации государственной политики в установленной сфере деятельности Министерства на основе взаимодействия граждан Российской Федерации, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, профессиональных объединений, предприятий и учреждений, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, средств массовой информации и Министерства [9, 10] и др.

Одним из недостатков этого переходного периода является незавершенность построения коммуникативного взаимодействия гражданского общества и структур государственной власти.

Встает задача не только укрепить общие управленческие коммуникации, но и добавить им недостающее качество (в том числе за счет гражданского ресурса, самодеятельности местного сообщества), то есть нужны новые коммуникативные средства. Государственные органы вынуждены признать, что своевременное и исчерпывающее информирование друг друга и общества в целом по вопросам выработки, реализации решений и оценки эффективности последствий реализованных действий, является определяющим для возникновения внедрения и укрепления в российском обществе атмосферы взаимного доверия государства и граждан.

В процессе развития отношений между государством и гражданским обществом на первый план выходят проблемы общественного участия населения в решении экономических, политических, социальных и духовно нравственных задач, утверждение новых подходов к сотрудничеству общественного и государственного секторов.

Может ли гражданское общество стабилизировать государство?

И Токвилль, и Путьнам подчеркивают важность сетей добровольных ассоциаций в поддержку культуры доверия и сотрудничества, которые существенны для успешного функционирования демократических учреждений. Однако, в многократных тестах регресса Инглегарта (Inglehart), хотя членство в добровольных ассоциациях действительно коррелировано с устойчивой демократией, эта переменная не обнаруживала статистически существенного воздействия на эффекты других переменных. Шмиттер также утверждает, что «гражданское общество... может затронуть консолидацию и последующее функционирование демократии многими отрицательными способами». Среди них он включает то обстоятельство, что это может оказаться не одно, а определенным числом гражданских обществ, – они все, занимая одну и ту же самую территорию и пространство государства, тем не менее, организуют интересы, которые являются этнически, лингвистически или культурно отличными и даже исключительными». Анализ стабилизировавшихся функций показывает только «парадокс гражданского общества», предложенный Фоли (Foley) и Эдвардсом: демократия и сильное государство зависят от эффектов предписания

гражданского общества, но такие эффекты зависят от предшествующего достижения и демократии сильного государства. Демократические функции гражданского общества кажутся издавна общепризнанными. Само гражданское общество характеризуется наличием политически-организованных участников, которые социально-активнее по сравнению с лицами, не являющимися членом какой-либо организации. Гражданин более компетентен, и потому – более активен как участник политической сферы. Участник, в отличие от лица, не являющегося членом какой-либо организации, близко стоит к тому, что мы называем «демократическим гражданином». Он компетентен, активен и открыт обществу своими мнениями, а не таит их из-за опасения преследования. Самый поразительный вывод состоит в обнаружении того, что любое членство – даже пассивное членство или членство в аполитичной организации – оказывает влияние на политическую компетентность, и, таким образом, на плюрализм – один из самых важных факторов политической демократии [10, 61–62].

Общей тенденцией для регионов можно считать изменения во взаимоотношении по линии «общество-государство». Взаимодействие в ряде регионов становится более интенсивным, разнообразным и содержательно наполненным. Так, выделяют четыре уровня взаимодействия власти и некоммерческих организаций в регионах и муниципальных образованиях:

1. Совместные мероприятия отдельных структур органов власти и отдельных некоммерческих организаций (кратковременно действующие общественные советы/комиссии при отдельных структурах органов власти),

2. Совместные мероприятия ряда органов и групп некоммерческих организаций (постоянные общественные советы/комиссии при структурах власти, специализация отдельных должностных лиц на работе с некоммерческими организациями),

3. Совместные проекты органов власти и некоммерческих организаций за счет средств внешних грантов (постоянные общественные советы при высшем органе исполнительной власти, специализированные подразделения по работе с некоммерческими организациями, финансирование программ и проектов некоммерческих организаций),

4. Совместная разработка и реализация программ (в том числе по развитию некоммерческих организаций и гражданского общества, социального партнерства) за счет средств бюджета и дополнительно привлеченного финансирования, взаимодействие независимых коалиций некоммерческих организаций с органами власти, финансирование программ и проектов некоммерческих организаций на условиях государственного/муниципального заказа и конкурсов проектов.

Для повышения эффективности взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества используются различные формы работы:

1. Поддержка деятельности профсоюзных, детских, молодежных, студенческих, женских, профессиональных, экологических организаций, объединений ветеранов, пенсионеров, инвалидов, работников культуры, науки, образования, здравоохранения,

2. Создание общественного собрания для обсуждения, консультаций и согласование позиции по важнейшим вопросам политической, социально-экономической, культурной жизни региона, координационного совета по работе с институтами гражданского общества, организация работы постоянно действующих круглых столов по направлениям деятельности институтов гражданского общества,

3. Участие институтов гражданского общества в региональных ярмарках, выставках, фестивалях, смотрах народных талантов и программ социального развития,

4. Участие институтов гражданского общества в разработке, реализации и экспертной оценке проектов законодательных актов и программ социального развития. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 851 Утвержден Порядок раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. Таким образом, При издании федеральными органами исполнительной власти нормативных правовых актов обеспечивается транспарентность за счет размещения информации о разрабатываемых проектах нормативных правовых актов на официальном и на специальном сайте regulation.gov.ru,

5. Проведение общественных слушаний на различных уровнях, взаимных консультаций по различным вопросам, областных конференций по общественно значимым вопросам,

6. Оказание содействию в осуществлении взаимного контроля деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и институтов гражданского общества, а также совместного общественно-государственного контроля (экологический, в сфере образования, молодежной политики, здравоохранения, антикоррупционная деятельность).

7. Проведение целенаправленной политики по подготовке кадров для работы с негосударственными некоммерческими организациями, обучение государственных и муниципальных служащих навыкам работы партнерства.

Таким образом, выделяются механизмы взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества:

– в целях обеспечения участия институтов гражданского общества в разработке проектов нормативных правовых актов, программ социально-экономического развития, региональных целевых программ при органах государственной власти создаются советы и другие консультативные и совещательные органы.

– в целях обеспечения учета общественного мнения, выявления социальных проблем и выработки рекомендаций по их разрешению органами власти могут проводиться общественные обсуждения актуальных вопросов развития регионов и др.

Для повышения эффективности диалога между государством и институтами гражданского общества необходимо развивать следующие направления:

1. Составление грамотной концепции эффективной социальной политики, четко ориентирующей деятельность всех участников социальной сферы.

2. Ускоренное формирование законодательной базы, в том числе возможное принятие базового федерального закона о взаимодействии органов государственной власти с институтами гражданского общества, предусматривающего конкретные формы взаимодействия.

3. Просветительская деятельность СМИ в доступной и убедительной форме стимулирующая развитие общественных ин-

ституты должна быть поставлена на регулярную основу. Как известно, сила управленческого воздействия на общество и институты публичной власти позволила закрепить за СМИ статус четвертой власти.

Государство заинтересовано во взаимодействии с гражданским обществом, что возможно объяснить следующими факторами:

- гражданское общество – основа легитимности действующей государственной власти;

- взаимодействие с институтами гражданского общества представляют собой крупномасштабный источник информации о состоянии общества, его интересах, настроениях, отношении к господствующей политической власти;

- в период войн, экономических кризисов институты гражданского общества могут стать мощной силой, поддерживающей государство.

Среди институтов гражданского общества немало нуждающихся в материальной поддержке со стороны государства, однако, есть и такие, которые оказывают финансовую помощь государству.

Специфика гражданского общества, автономный характер и независимость составляющих его институтов не исключает непредсказуемость их действий. Поэтому логичным являются усилия государства, направленные на создание различных форм контроля за его развитием. К таким формам относятся представительства различных организаций в различного рода властных структурах, создание совместных органов [11, 17–22].

Знаковым событием в плане развития диалога и гражданского общества в России стал общероссийский Гражданский Форум. Учитывая, что инициатива его проведения исходила от Главы государства, принимая во внимание масштабность проведенной акции и ее запланированность, можно с высокой долей уверенности заключить, что эта акция является отправной точкой новой политики государства в отношении институтов гражданского общества.

Выступление Президента на Форуме – это директива государственному аппарату в отношении гражданского общества.

Форум дал позитивные результаты, последствия которых предстоит еще оценить:

- механизм взаимодействия и сотрудничества осмыслен и признан необходимым различными общественными лидерами,
- при организации Гражданского форума были учтены все требования правозащитников: не было выборов каких-то руководящих структур, попыток создания каких-то организаций, принятия итогового документа,
- решение о создании Общественной палаты – гражданского института, выполняющего надзорные и консультативные функции при системе государственной власти и управления России.

Гражданский форум дал стимул к активизации общественного движения по всей России.

- принято решение об обеспечении открытости в отношениях с институтами гражданского общества. Сотрудничество с институтами гражданского общества должно стало правилом в работе министерств и ведомств.

Обобщая практику взаимоотношений государственных структур с институтами гражданского общества можно выделить причины отсутствия системного сотрудничества:

- большой объем дискреционных полномочий чиновников в области взаимодействия с гражданским сектором, увеличивающий субъективизм представителей власти по отношению к институтам гражданского общества.
- отсутствие гражданской активности населения,
- отсутствие опыта совместной работы с государственных служащих с институтами гражданского общества,
- недостаточная информированность населения об их гражданских правах и юридических возможностях [12, 29–35].

Требуется формирование четкого правового механизма и процедур взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества (установление на уровне подзаконного регулирования процедур взаимодействия, субъектов, определения заинтересованных органов, механизма участия общественности и общественных институтов) в сфере противодействия тоталитарным культам и деятельности организаций экстремистского толка. В основе же такого противодействия – форми-

рование духовной общности каждого гражданина России и ее многонационального народа [13].

Литература

1. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид.наук. – М., 2011
2. Сыромякина Е.Г. Российский социально-политический контекст становления гражданского общества: Философский анализ: дис. ... канд. фил. наук. – Томск, 2004.
3. Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. – СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2007.
4. Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / под ред. Н.А. Михалевой. – М.: Деловой двор, 2008 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
5. Либанова С.Э. – Указ.соч..
6. Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. – С. 226.
7. Пилипенко А.В. формирование гражданского общества в России: проблемы и перспективы // Формирование гражданского общества в России: проблемы и перспективы: сб. науч. трудов по материалам межрегиональной науч.-практ. конференции 17 декабря 2009 года / отв. ред. А.А. Головина. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2009.
8. Законность. – 2008. – № 10.
9. Нормирование в строительстве и ЖКХ. – 2014.
10. Кортиаев Т.Ю. Антикризисный потенциал экономики гражданского общества: дис. ... канд. экон. наук. – Владикавказ, 2009. – С. 61–62.
11. Логинов Н.В. Основные направления взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества // Формирование гражданского общества в России: проблемы и перспективы: сб. науч. трудов по материалам межрегиональной научно-практической конференции 17 декабря 2009 года / отв. ред. А.А. Головина. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2009. – С. 17-22.
12. Головина А.А. Развитие диалога между государством и гражданским обществом // Формирование гражданского общества в России: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам межрегиональной научно-практической конференции 17 де-

кабря 2009 года / отв. ред. А.А. Головина. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2009.

13. Васильева Л.Н. Гармонизация сферы межэтнических отношений: концептуальные подходы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 2. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

*Кясов Т.А., аспирант
КБГАУ им. В.М. Кокова*

В решении проблем модернизации особое место занимает аграрный сектор, который, с одной стороны, наиболее отягощен проблемами дисбалансов и неравенства, а с другой – может стать реальным фактором смягчения (и преодоления) этих проблем в России в целом.

Долгосрочный потенциал развития аграрного сектора значителен как в национально-государственном, так и в глобальном измерениях. Сельские территории занимают почти 75% площади России, на них проживает 27% населения страны, причем 63% экономически активных жителей сельской местности уже заняты в несельскохозяйственных отраслях. Россия располагает 10% площади мировых сельскохозяйственных угодий, в ее сельском хозяйстве заняты 7.1 млн. человек, ряд российских регионов (Юг России, некоторые регионы Сибири) уже превратились в производственно-экспортные центры мирового значения (по пшенице, подсолнечнику).

Однако существующие социально-экономические проблемы аграрного сектора, по сути, приобретающие черты системного кризиса – не менее значительны. При доле сельского хозяйства (на 2011 г.) в производстве ВВП 4,7% и в числе занятых 9,8% доля отрасли в общем объеме инвестиций в основной капитал составляет всего 3,1%. Номинальная зарплата в сельском хозяйстве достигает 65% среднероссийской. Снижается экономическая ак-

тивность сельского населения. Общий уровень занятости на селе не превышает 64%, в том числе молодежи – 42%. В общем числе безработных и живущих за чертой бедности жители сельской местности составляют примерно 37%.

Понижается и качество жизни занятых в сельском хозяйстве и проживающих в сельской местности в целом – техника и технология производства, инженерная и социальная инфраструктура не отвечают современным требованиям, снижается доступ сельских жителей к образованию и здравоохранению. Численность сельского населения сокращается в 84% регионов России, к 9% приблизилась доля сельских населенных пунктов без постоянных жителей (причем более 75% пустующих поселений находится в историческом и экономическом центре России – Центральном и Северо-Западном округах).

Преодоление этих дисбалансов и неравенства возможно лишь в рамках долгосрочной стратегии и основанной на ней среднесрочной политики, ориентированной на развитие аграрного сектора как многофункциональной системы, выполняющей наряду с производственной, социально-демографическую, экологическую, пространственно-коммуникационную функции, а также функции по сохранению социального контроля над территорией и социально-культурного генотипа России.

В условиях глобализирующейся мировой экономики только такой подход может обеспечить устойчивый (т.е. сбалансированный по производственным, социальным и экологическим параметрам) рост и повышение международной конкурентоспособности аграрного сектора, эффект которых будет «переливаться» в другие сегменты национальной экономики (в том числе топливно-энергетический комплекс, инновационные (прежде всего био- и нанотехнологические) производства, информационно-технологические услуги и др.).

Стратегия развития аграрного сектора как многофункциональной системы предполагает интегрированный подход к технологическо-производственному, организационному, инвестиционно-финансовому и человеческому компонентам его потенциала, что обеспечит синергетический эффект как внутри самого сектора, так и в экономике в целом. Приоритетом, однако, дол-

жен стать человеческий ресурс, так как без преодоления негативной демографической структуры занятых, деградации трудового потенциала села, общего низкого профессионализма, ухудшения морально-психологических качеств и творческого потенциала занятых в аграрном секторе его модернизация невозможна. В этом смысле аграрная стратегия России должна «идти навстречу» новой стратегии ЕС в рамках реформирования общей системы преференций Европейских сообществ (ОСП ЕС) в 2007–2013 гг. и особенно после 2013 г. Акцент в ОСП ЕС переносится на сельское развитие (включая комплексное развитие и использование человеческого ресурса), поскольку производство сельхозпродукции достигло (нередко превысило) желательный уровень, и ставится задача его стабилизации или снижения.

В России, наоборот, перспективный социально-гуманитарный акцент определяется тем, что развитие человеческого фактора – главное условие достижения внутри- и внешнеэкономически оправданных объемов сельхозпроизводства. Развитие человеческого капитала в аграрном секторе России должно быть дифференцировано в соответствии с будущими потребностями различных организационно-технологических форм производства. Крупные агрохолдинги и другие сельхозкомпании, ориентирующиеся на «высокоточные» технологии (космический мониторинг угодий и урожая, управление обработкой, поливом, внесением удобрений и др. информационно-коммуникативными методами, другие технологии минимальной обработки почвы и получения гарантированных урожаев) нуждаются в высококлассных наемных работниках узкой специализации, способных применять современные технико-технологические системы, и современных менеджерах различного уровня. КФХ, ЛПХ, созданные ими кооперативы и другие объединения, средние частные агрокомпании нуждаются в более универсальных специалистах (сейчас даже бригады китайских крестьян, арендующих сельхозучастки в России, включают людей с агрономическим образованием).

Для подготовки первой группы целесообразно создание сети современных профессиональных сельхозучилищ и бизнес-школ, для второй (наряду с этим) – широкой сети консультационных центров (включая ведение домашнего хозяйства, курсов повыше-

ния или изменения (на агротуризм и другие альтернативные сельхозпроизводству виды деятельности) квалификации и др. Базовым условием для развития этой качественно новой системы образования и подготовки является создание минимально отвечающей современным требованиям системы инженерной и социальной инфраструктуры на селе.

Стратегическими целями перспективной аграрной политики России должны стать:

- повышение рыночной ориентации и конкурентоспособности отечественного аграрного сектора на внутреннем и мировых рынках;
- обеспечение отечественным потребителям поставок продовольствия в необходимых объемах при гарантированном качестве и безопасности для здоровья;
- обеспечение стабильных доходов и справедливого уровня жизни для занятых в сельском хозяйстве и сельского сообщества в целом;
- ведение сельхозпроизводства экологически устойчивыми методами;
- создание альтернативных источников доходов и занятости для работников сельского хозяйства;
- сохранение существенных характеристик сельских территорий.

Реализация этих целей, как показывает мировой опыт, возможна лишь при массовой и целенаправленной господдержке развития аграрного сектора. По имеющимся оценкам, в среднесрочной перспективе такая поддержка должна составлять 3–3.5% ВВП России. Пока она не превышает 0.5% ВВП, что допустимо для ЕС с его совокупным валовым продуктом примерно в 13 трлн. долл. США (по ППС), но совершенно недостаточно для России с ее ВВП в 1,2 трлн. долл.

Что касается экономических инструментов господдержки, то необходимо создание взаимосогласованной системы ценового, налогового и кредитного регулирования, обеспечивающей в среднем оптимальную (по расчетам ведущих российских экспертов) рентабельность сельского хозяйства в 20–25% при гарантированном уровне оплаты труда не менее 75% общероссийского

показателя. Пока средняя рентабельность аграрного сектора России не превышает 8%.

В плане организационной структуры аграрного сектора целесообразно ориентироваться на достаточно крупные, но оптимальные с точки зрения внедрения современных (прежде всего био- и информационных) технологий, управляемости и рентабельности сельхозпредприятия. Это подтверждает опыт как ведущих мировых аграрных производителей и экспортеров (США, Канады, Бразилии), так и имевших ранее сходную с российской сельскохозяйственную модель стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Средний размер хозяйства в Канаде только за 2002–2007 гг. возрос почти на 8% (до 295 га), поголовье скота на 1 животноводческую ферму – на 13% (до 144 голов), свиноводческую – на 45% (до 1308 гол.).

После рыночного преобразования и присоединения к Общей сельхозполитике ЕС наиболее высокие темпы прироста производства и экспорта продукции сельского хозяйства показали те из стран ЦВЕ, которые сохранили относительно крупные сельскохозяйственные предприятия. За 2000–2007 гг. в странах с долей ферм площадью более 50 га в общем числе ферм 17,2–23,9% (при среднем по ЦВЕ – 12,3%) прирост сельхозпроизводства составил 18–37% (при среднем – 16%), экспорта – 100–150%, дохода сельхозпроизводителей – 14–91%.

В России пока идет быстрая поляризация оргструктуры сельхозпроизводства, на одном полюсе которой находятся агрохолдинги латифундистского типа площадью 100 тыс. га и более (примерно 250 таких холдингов уже контролируют свыше 25% производства зерна), на другом – масса КФХ и ЛПХ, а между ними – различного рода средние агрокомпании с годовым оборотом в 10 млн. долл. После завершения процесса поляризации, видимо, начнутся встречные процессы «сверху» путем оптимизации размеров хозяйств на основе трансформации большинства «сверхкрупных» агрохолдингов и совокупность управляющих и других агрокомпаний меньших размеров и «снизу» – путем объединения КФХ и ЛПХ, которые по сути являются «скрытыми» КФХ, в более крупные группы производителей и различные «неокооперативные» структуры.

В то же время необходимо предусмотреть меры по социальной нейтрализации последствий этих процессов, во многих случаях ведущих к монополизации владения земельной собственностью со стороны агрохолдингов (в том числе путем неприкрытого рейдерства), обезземеливанию и пауперизации значительной части нынешних работников сельского хозяйства.

Необходимо соблюдать основополагающие принципы господдержки и регулирования. Прежде всего, это стабильность организационно-экономического механизма поддержки, отказ от пересмотра соответствующих мер, по крайней мере, в течение 5 лет после начала позитивных изменений в аграрном секторе.

Важное значение имеет адресность поддержки, оказание ее селективно, на целевой конкурсной основе с ориентацией сельхозпроизводителей на конкретные параметры эффективности и прямую ответственность за целевое использование средств ценовой, кредитной и иных форм поддержки. Целесообразно ограничение господдержки размерами, не превышающими расчетного для каждого субъекта аграрного сектора норматива рентабельности, увязанного с обязательствами получателя по повышению экономической эффективности и выполнению экологических требований.

Гарантированность поддержки предполагает законодательное определение обязательств государства по финансовой и иной поддержке товаропроизводителей всех форм собственности и хозяйствования, а также ответственность органов управления всех уровней за выполнение этих обязательств. Следует строго соблюдать равные условия конкуренции сельхозпроизводителей и обеспечивать единство экономического пространства страны применительно к аграрному сектору, разрешая на уровне субъектов федерации и муниципальных образований применение дополнительных мер, не противоречащих федеральным программам поддержки.

Также считаем целесообразным формирование отвечающей потребностям многоукладного российского сельского хозяйства трехуровневой системы финансовой поддержки (микрокредитование – сельская кредитная кооперация – государственный сельхозбанк). Это позволит на микроуровне использовать упрощенные (в том числе небанковские) формы и освободить в перспек-

тиве «Россельхозбанк» от несвойственной ему функции госагентства по налаживанию и поддержке кредитной кооперации. Необходимо содействие активизации частного капитала в сфере банковских, страховых и лизинговых услуг для сельского хозяйства для создания эффективной конкурентной среды.

Литература

1. Денисов В. Инвестиции в АПК: игра на чужом поле // Мясная сфера. – 2010. – № 3 (76).
2. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс].

УПРАВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫМИ ИНТЕГРИРОВАННЫМИ СТРУКТУРАМИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ

*Макаревич О.А., к.э.н., доцент
Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических
связей, экономики и права, Филиал в Краснодаре*

Динамично идущие в сельском хозяйстве процессы концентрации собственности стимулируют вертикальную и горизонтальную интеграцию производства и особенно финансового управления. Они привели в настоящее время к возникновению и развитию агропромышленных корпораций, холдингов и других корпоративных структур. В современной научной литературе содержатся описания различных систем классификации корпоративных интегрированных структур и большое количество определений терминов их форм образования, что приводит к разночтению или неправильному толкованию этих терминов. Проведенный обзор научной литературы авторов Ю.Б. Винслава, В.Е. Дементьева, А.Ю. Мелентьева, Ю.В. Якутина, Т.В. Кашаниной, В.Н. Петухова, Н.Н. Пахомова, И.С. Шиткиной, Н.В. Козловой и др. позволил уточнить эти понятия [1–5].

Корпорация – это термин для обозначения любой интегрированной корпоративной структуры и может использоваться в

качестве синонима по отношению к любой организационной форме интеграции.

Холдинг – это система коммерческих организаций, которая включает в себя «управляющую компанию», владеющую контрольными пакетами акций и/или паями дочерних компаний, дочерние компании, деятельность которых организована на принципах вертикальной, горизонтальной или смешанной интеграции с целью эффективного управления создаваемыми преимуществами в организационной, финансовой, производственной, кадровой и других сферах.

Большой научный интерес изучения вопросов повышения эффективности управления корпорациями, холдингами и другими интеграционными структурами вызван их бурным развитием [2, 3].

На рисунке 1 приведены результаты оценки распространенности интегрированных корпоративных структур в Краснодарском крае. Отследить статистику этого процесса, используя организационно-правовые формы предприятий и организаций не предоставляется возможным, потому что в статистическом учете и наблюдении выделяются следующие формы: коммерческие организации (унитарные предприятия, хозяйственные общества и товарищества) и некоммерческие организации (потребительские кооперативы, фонды, учреждения). Тогда как, например, юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией и входящей в состав холдинга или другой управляющей структуры, отчитывается в органы федеральной статистики по итогам своей деятельности самостоятельно.

В связи с этим, для выделения такого сегмента экономики, как интегрированные корпоративные структуры, был использован метод экспертной оценки. В качестве экспертов выступили работники и руководители Территориального органа Федеральной Службы Государственной статистики по Краснодарскому краю, руководители, возглавляющие исследуемые структуры и ученые, исследующие вопросы и проблемы экономики Краснодарского края.

Из приведенного рисунка видно, что по экспертным оценкам 24% предприятий и организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Краснодарского края входят в состав корпораций, холдингов и других интегрированных структур.

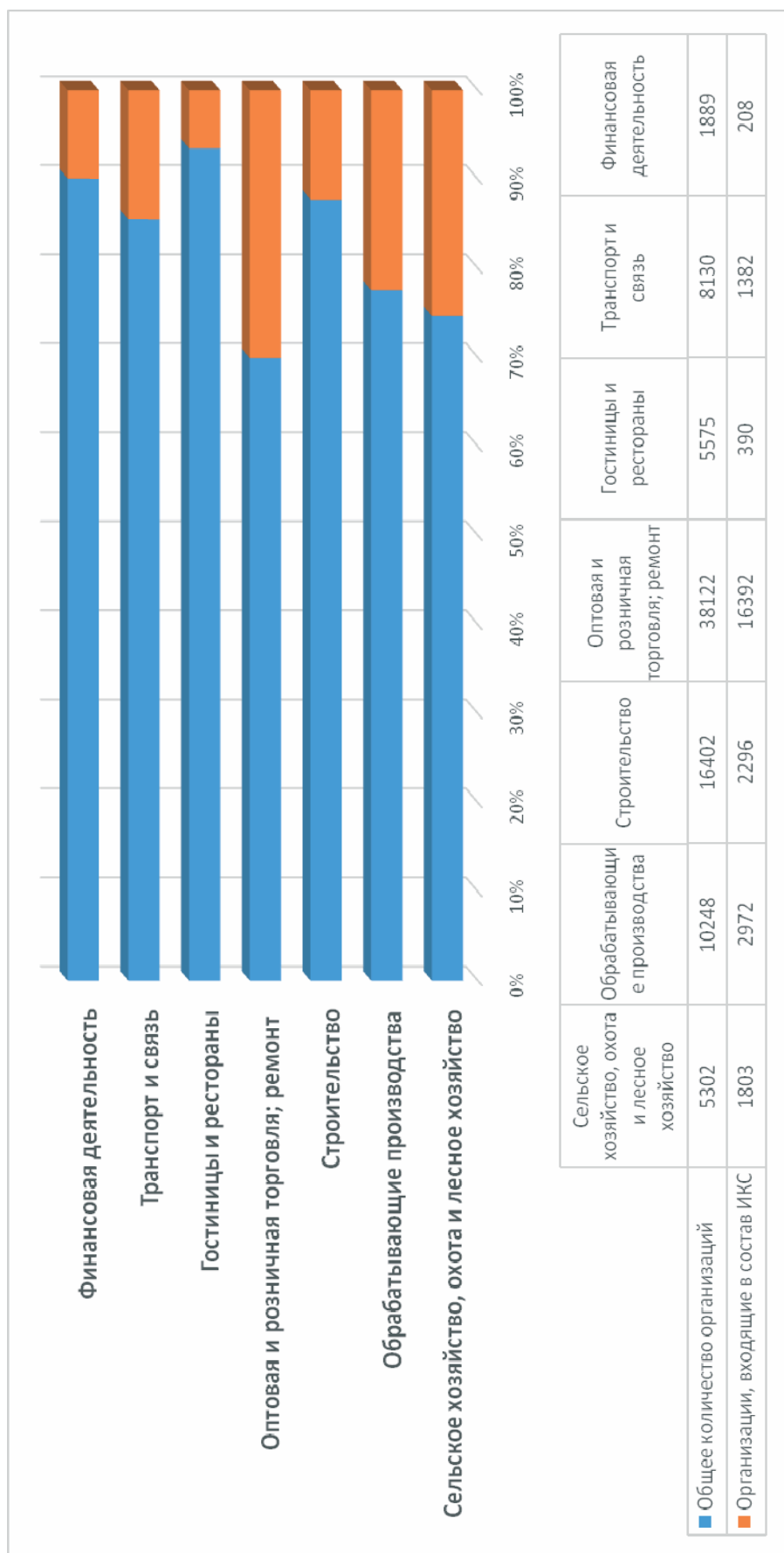

Рис. 1. Удельный вес организаций, входящих в состав интегрированных корпоративных структур (ИКС) в некоторых отраслях экономики Краснодарского края¹

¹ Рассчитано автором на основе экспертных оценок

Говоря о развитии интегрированных корпоративных структур, необходимо оценить их вклад в экономику региона.

В таблице 1 приведена динамика валового регионального продукта Краснодарского края за 2009–2013 гг. с выделением доли, формируемой по экспертным оценкам корпоративными интегрированными структурами.

Таблица 1

Динамика объемов ВРП Краснодарского края, млн. руб.

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Валовый региональный продукт	803834	861603	1028308	1229738	1438472
Темп роста, % к 2009 г.	100,0	107,2	127,9	153,0	179,0
в т.ч. ИКС ¹	225074	249865	308492	393516	489080
Темп роста, % к 2009 г.	100	111,0	123,5	127,6	124,3
Удельный вес ИКС в объеме ВРП края, %	28,0	29,0	30,0	32,0	34,0

По экспертным оценкам доля объема ВРП Краснодарского края, формируемая корпоративными интегрированными структурами по итогам 2013г. составляет 34%. В разрезе некоторых видов экономической деятельности удельный вес интегрированных корпоративных структур составляет: сельское хозяйство – более 30%, обрабатывающие производства – 29%, оптовая и розничная торговля – более 40%.

Анализ научной литературы, посвященной проблемам развития агропромышленных интегрированных структур позволил определить круг актуальных вопросов. Это стратегическое планирование, разработка и совершенствование организационных структур, отвечающих стратегическим целям и задачам, внедрение адаптивных систем управления, методы оценки эффективности деятельности интегрированных структур на основе системы сбалансированных показателей, управление финансовой устойчивостью, интеграция производственно-сбытовой деятельности, логистическая поддержка, моделирование материальных и фи-

¹ Рассчитано автором на основе экспертных оценок

нансовых потоков и их влияние на эффективность и устойчивость структур и др.

Методологическая база большинства затрагиваемых проблем несовершенна и требует систематизации и доработки, необходима адаптация существующих методик под опыт работы агропромышленных холдингов, осуществляющих свою деятельность в условиях современной российской экономики. Кроме того, требует разработки комплексная методика управления агропромышленным холдингом, базирующаяся на системных свойствах такой формы интеграции.

В качестве объекта исследования для обоснования выбора направлений совершенствования управления, являющихся основой для комплексной методики управления корпоративными интегрированными структурами, был выбран холдинг «Южная Многоотраслевая корпорация», который является интегрированной структурой полного цикла и занимает 15% рынка сельскохозяйственной продукции Краснодарского края.

Агропромышленный холдинг «Южная многоотраслевая корпорация (ЮМК)» представляет собой многопрофильную группу сельскохозяйственных, производственных, торговых компаний для совместной хозяйственной деятельности, уменьшения возможного риска при осуществлении капиталоемких направлений промышленной и коммерческой деятельности за счет концентрации капитала, централизации функций обеспечения ресурсами, сбыта продукции, овладения новыми рынками, реализации более экономически целесообразной стратегии развития, входящих в корпорацию хозяйственных единиц.

В состав агропромышленного холдинга «ЮМК» входит более 80 организаций. Среди них ЗАО «Мясоперерабатывающий комплекс «Динской», кондитерская фабрика ООО «Любимая Кубань», перерабатывающее предприятие ООО «Кормилица» и др. Кроме того, каждое из перечисленных организаций имеет в своей структуре сельскохозяйственные, обрабатывающие, транспортные, складские и торговые предприятия. В таблице 2 приведены объемы производства продукции холдингом «ЮМК».

Как видно из таблицы 2 на протяжении всего исследуемого периода наблюдается положительная тенденция роста показателя

объема производства продукции, как в целом по холдингу, так и в дочерних организациях. Наибольший удельный вес в структуре производимой продукции занимают колбасные изделия (31%), консервы (30,2) и кондитерские изделия (14,9%).

Таблица 2

Анализ динамики объемов производства продукции агропромышленным холдингом «ЮМК», млн. руб.

Наименование предприятий/ Вид продукции	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
ОАО «ЮМК» в том числе:	14751,6	16900,7	18118,5	19308,7	20743,2
Цепные темпы роста, %	100,0	114,6	107,2	106,6	107,4
ЗАО «Мясоперерабатывающий комплекс «Динской» в том числе:	4130,4	4816,7	5254,4	5792,6	6845,3
Цепные темпы роста, %	100,0	116,6	109,1	110,2	118,2
Колбасные изделия	3982,9	4647,7	5073,2	5599,5	6430,4
Мясные полуфабрикаты	147,5	169,0	181,2	193,1	414,9
ООО «Любимая Кубань» в том числе:	1917,7	2281,6	2482,2	2722,5	3090,7
Цепные темпы роста, %	100,0	119,0	108,8	109,7	113,5
Сахаристые кондитерские изделия	1304,0	1551,5	1687,9	1851,3	2101,7
Мучные кондитерские изделия	613,7	730,1	794,3	871,2	989,0
ООО «Кормилица» в том числе:	3835,4	4461,8	4892,0	5483,7	6264,4
Цепные темпы роста, %	100,0	116,3	109,6	112,1	114,2
Консервы овощных культур	1380,7	1606,2	1761,1	1974,1	2255,2
Консервы бобовых культур	1304,0	1517,0	1663,3	1864,5	2129,9
Фруктово-ягодные, грибные консервы	1150,6	1338,5	1467,6	1645,1	1879,3
Продукция прочих организаций	4868,0	5340,6	5489,9	5309,9	4542,8
Цепные темпы роста, %	100,0	109,7	102,8	96,7	85,6

Агропромышленный холдинг «ЮМК» является крупной социально-экономической системой. В исследуемой корпорации работают свыше 10 тыс. человек. Анализ динамики трудовых ресурсов представлен в таблице 3. Градация работников осуществляется по следующим категориям: Топ-менеджмент, административно-управленческий персонал, рабочие основного и вспомогательного

производства, служащие. На протяжении всего исследуемого периода наблюдается положительная динамика роста численности персонала холдинга «ЮМК», что связано с расширением сети сбыта продукции, ассортимента и видов деятельности.

Таблица 3

Анализ динамики трудовых ресурсов, чел.

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Отклонение 2013г. к 2009 г.	
						Абсол.	Относит.
Среднесписочная численность работников	8144	8921	9127	9842	10121	+1977	24,3
Численность работников ТОП-менеджмента	54	62	67	75	86	+32	59,0
Численность административно-управленческого персонала	1214	1329	1359	1465	1505	+292	24,0
Численность рабочих основного производства	3802	4164	4258	4590	4716	+914	24,0
Численность рабочих вспомогательного производства	1699	1860	1903	2051	2107	+408	24,0
Численность служащих	1375	1506	1540	1660	1706	+331	24,0

Анализ движения трудовых ресурсов (рис. 2) показывает наличие текучести кадров на уровне примерно 30%, тогда как значение коэффициента постоянства персонала находится в пределах 70%.

Следует заметить, что динамика показателей текучести кадров, постоянства персонала нестабильна и подвержена увеличению или уменьшению в пределах 10%, что на наш взгляд говорит о несовершенной системе управления.

В таблице 4 представлена динамика основных финансовых показателей деятельности агропромышленного холдинга «ЮМК» в целом и в разрезе дочерних организаций.

За исследуемый период практически все показатели финансовой деятельности ОАО «ЮМК» имеют положительную динамику. Однако, при положительной динамике показателей темпы

их роста – нестабильны. Тогда как видно из рисунка 3, рентабельность продаж агропромышленного холдинга имеет тенденцию к снижению.

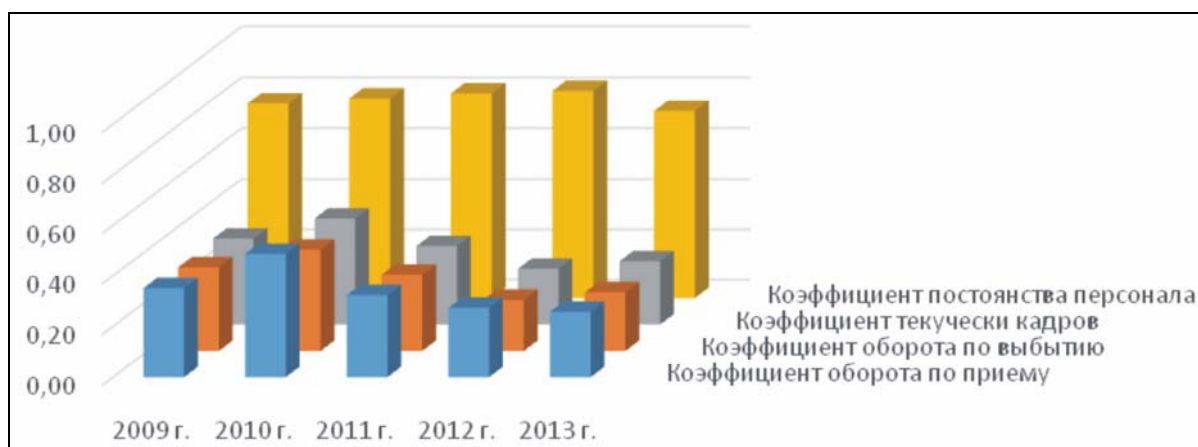

Рис. 2. Динамика движения трудовых ресурсов холдинга «ЮМК»

Таблица 4

Динамика основных финансовых показателей деятельности агропромышленного холдинга «ЮМК»

Наименование показателей / организаций	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Выручка ОАО «ЮМК», в том числе:	17 153	19652	21068	22452	24120
Цепные темпы роста, %	100,0	114,6	107,2	106,6	107,4
ЗАО МПК «Динской»	4 802,8	5 600,8	6 109,7	6 735,6	7 959,6
ООО «Любимая Кубань»	2 229,9	2 653,0	2 886,3	3 165,7	3 593,9
ООО «Кормилица»	4 459,8	5 188,1	5 688,4	6 376,4	7 284,2
Прочие организации	5 660,5	6 210,0	6 383,6	6 174,3	5 282,3
Себестоимость ОАО «ЮМК», в том числе:	13036,3	15132,0	16643,7	17961,6	19537,2
Цепные темпы роста, %	100,0	116,1	110,0	107,9	108,8
ЗАО МПК «Динской»	3 650,2	4 312,6	4 826,7	5 388,5	6 447,3
ООО «Любимая Кубань»	1694,7	2042,8	2280,2	2532,6	2911,0
ООО «Кормилица»	3389,4	3994,9	4493,8	5101,1	5900,2
Прочие организации	4302,0	4781,7	5043,0	4939,4	4278,6
Валовая прибыль ОАО «ЮМК», в том числе:	4 116,7	4 520,0	4 424,3	4 490,4	4 582,8
Цепные темпы роста, %	100,0	109,8	97,9	101,5	102,1

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5	6
ЗАО МПК «Динской»	1 152,7	1 288,2	1 283,0	1 347,1	1 512,3
ООО «Любимая Кубань»	535,2	610,2	606,1	633,1	682,8
ООО «Кормилица»	1 070,3	1 193,3	1 194,6	1 275,3	1 384,0
Прочие организации	1 358,5	1 428,3	1 340,6	1 234,9	1 003,6
Коммерческие расходы ОАО «ЮМК», в том числе:	2188,0	2391,8	2349,1	2383,6	2432,5
Цепные темпы роста, %	100,0	109,3	98,2	101,5	102,1
ЗАО МПК «Динской»	622,4	682,7	680,0	700,5	786,4
ООО «Любимая Кубань»	278,3	317,3	309,1	329,2	361,9
ООО «Кормилица»	567,3	620,5	609,2	637,6	692,0
Прочие организации	720,0	771,3	750,7	716,2	592,1
Чистая прибыль ОАО «ЮМК», в том числе:	1 928,7	2 128,1	2 075,2	2 106,8	2 150,3
Цепные темпы роста, %	100,0	110,3	97,5	101,5	102,1
ЗАО МПК «Динской»	530,2	605,4	603,0	646,6	725,9
ООО «Любимая Кубань»	256,9	292,9	297,0	303,9	320,9
ООО «Кормилица»	503,1	572,8	585,3	637,6	692,0
Прочие организации	638,5	657,0	589,8	518,6	411,5

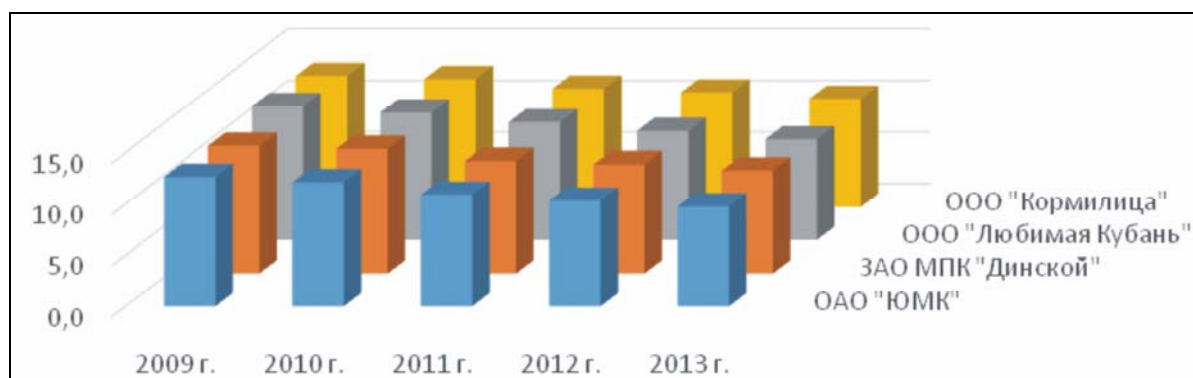

Рис. 3. Динамика рентабельности продаж агропромышленного холдинга ОАО «ЮМК», %

С одной стороны, на сложившуюся ситуацию влияют изменения, происходящие во внешней среде (повышение цен на ресурсы, страховые взносы и др.), приводящие к увеличению себестоимости, с другой стороны – нерационально построенная система управления, логистическая система, организация материальных потоков между организациями, входящими в состав хол-

динга, что приводит к увеличению коммерческих расходов. Как видно из таблицы 3 показатели себестоимость и коммерческие расходы имеют тенденцию к увеличению.

Проведенный анализ тенденций развития агропромышленного холдинга ОАО «Южная многоотраслевая корпорация», который является представителем интегрированной корпоративной структуры полного (смешанного) цикла и одним из лидеров среди подобных образований, осуществляющих свою деятельность на территории Краснодарского края, позволил выделить основные направления совершенствования его управлением:

- совершенствование организационных структур как управляющей компании, так и ее дочерних предприятий [7];
- поддержка принятия управленческих решений, позволяющая осуществлять прогнозирование, планирование и контроль в контексте основных финансовых показателей [7, 6];
- моделирование и управление материальными и финансовыми потоками между управляющей компанией и дочерними организациями [6].

Методологический аппарат и инструментарий выделяемых направлений совершенствования управления агропромышленным холдингом должны базироваться на системном подходе. В связи с этим для разработки комплексной методики совершенствования управления агропромышленным холдингом необходимо провести обзор научной литературы следующих предметных областей: системный подход к совершенствованию и оценке организационных структур, технология системно-когнитивного анализа для поддержки принятия управленческих решений, концепции и технологии современной логистики.

Литература

1. Винслав Ю., Лисов А. Становление холдинговых компаний: правовое и организационное обеспечение // Российский Экономический Журнал. – 2000. – № 5–6. – С. 62–68.
2. Алюшев Р.Ш. Организационно-экономические условия создания и функционирования объединений холдинговой формы в АПК [Электронный ресурс]: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – М.: РГБ, 2007.

3. Соловьева Н.В. Организационно-экономический механизм и имитационные модели формирования холдинговой структуры АПК [Электронный ресурс]: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – М.: РГБ, 2007.

4. Лозовский Л. Универсальный бизнес словарь / Л. Лозовский, Б. Райзберг, А. Ратновский. – М.: Библиотека словарей «Инфра-М», 2013.

5. Шиткина И.С. Объединения предпринимателей: ассоциации, холдинги, финансово-промышленные группы, простое товарищество: науч.-практ. пособие. – М., 2001.

6. Поточковая схема интегрированной производственной системы по переработке зерна пшеницы / Т.П. Барановская, В.И. Лойко, О.А. Макаревич, С.Н. Богославский // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – №08(082). С. 1098–1111. – IDA [article ID]: 0821208075. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2012/08/pdf/75.pdf>, 0,875 у.п.л., импакт-фактор РИНЦ=0,346

7. Лойко В.И. Управление экономической эффективностью технологически интегрированных зерноперерабатывающих производственных систем / В.И. Лойко, С.Н. Богославский, О.А. Макаревич // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2010. – № 06(060). – С. 641–659. – Шифр Информрегистра: 0421000012\0138, IDA [article ID]: 0601006041. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2010/06/pdf/41.pdf>, 1,188 у.п.л., импакт-фактор РИНЦ=0,346

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

*Маркарян В.Р., к.э.н., доцент
Краснодарский филиал Финуниверситета
при Правительстве РФ*

Ряд новых явлений в сфере международных экономических отношений, происходивших в последние два десятилетия XX века и получивших название «глобализация», привели к качествен-

ным изменениям в системе мирового хозяйства. Новые количественные и качественные характеристики мирохозяйственных отношений обусловили повышенный интерес к процессу глобализации, породившему множество вопросов и вызвавшему к жизни массу проблем.

Глобализация, являющаяся одним из основных направлений развития современного мира, несет в себе как позитивные, так и негативные элементы. Устраняя преграды на пути международной хозяйственной деятельности, она стимулирует развитие международного разделения труда и кооперации, международной торговли, мировой финансовой системы, способствует более эффективному распределению ресурсов, повышению производительности факторов производства и т.д. В то же время глобализация ослабляет способность национальных государств и международных организаций контролировать и регулировать международные экономические потоки. Кроме этого, воздействуя на экономическую, политическую, культурно-цивилизационную и др. сферы жизнедеятельности человека, она ставит под угрозу такие, казалось бы, устоявшиеся явления, как национальный суверенитет, национальная культура и т.д. [1].

Неся в себе много неясностей и противоречий, глобализация стала предметом острых дискуссий в академических, деловых и политических кругах, где зачастую сталкиваются диаметрально противоположные мнения, концепции и теории. Адепты глобализации считают ее необратимым процессом распространения либеральных ценностей и демократии. Противники же считают, что процесс глобализации связан с социально-политическими нарушениями и дисбалансами, которые таят в себе угрозу демократии.

В научной литературе экономическая глобализация определена как процесс интернационализации хозяйственной жизнедеятельности человека, основанный на культурно-институциональной конвергенции, под которой подразумевается процесс сближения исторически сложившихся систем институтов различных стран. Именно в этом состоит основное качественное отличие глобализации от интеграционных процессов, имевших место в мировой экономике ранее. Причем, как показывает европейский опыт, основным фактором, определяющим возможность включе-

ния национальной экономики в глобальное, единое мировое экономическое пространство, является степень адаптационной гибкости национальной культуры, ее способность к формированию новых институтов, обеспечивающих такое включение.

Начиная с 1947 г. на примере создания Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТТ/ВТО) место и роль международных организаций в процессе глобализации мировой экономики становится очевидной. Результаты проведения международных торговых переговоров и раундов под эгидой ГАТТ/ВТО, способствующие культурно-институциональной конвергенции, а также результаты подписания Соглашения по торговым аспектам инвестиционной политики, Соглашения по торговым аспектам нравственно-интеллектуальной собственности и т.д. показали тенденции и направления культурно-институциональной конвергенции в основных сегментах мирового хозяйства – в международной торговле, на рынках факторов производства и финансовом рынке. Поэтому тезис о том, что основой органичного включения российской экономики в глобальное мировое хозяйство должны стать глубинные культурно-институциональные трансформации, включающие создание институтов, присущих развитой рыночной экономике – выработку образа мышления, моделей «нормального» и оппортунистского поведения, соответствующей системы поощрений и санкций и т.д. становится бесспорным.

Происходящие сегодня в мире глобальные геополитические изменения и трансформации являются продуктом многих глубинных процессов. Идея вечного мира и единого мирового правительствования владела умами многих великих деятелей науки – от Канта, от создания концепции всемирной истории Гердером и Гегелем до Канта. К. Маркса также считал понятие «всемирности» прямым, естественным и необходимым следствием капиталистического способа производства и обмена [2].

Впервые термин «глобализация» был употреблен в 1983 г. Т. Левиттом, который подразумевал под ним процесс слияния рынков продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями. Впоследствии термин был популяризован консультантом Гарвардской школы бизнеса К. Ома в книге «Мир без границ». Сейчас это один из популярнейших терминов, ис-

пользующихся в самых разных науках. Но, несмотря на всеобщее внимание, за последние два десятилетия человечество так и не конкретизировало смысл данного термина. Представляется, что понимать под глобализацией только возможность беспрепятственного проезда через границы разных стран, способность передать за считанные секунды любую информацию в любую точку земного шара или увеличение объемов международной торговли и беспрецедентный размах операций на финансовых рынках было бы все-таки не совсем полной характеристикой этого обширного, культурно-цивилизационный, многомерного феномена.

Уроки мирового экономического кризиса 2008-2009 гг. свидетельствуют, что в современном мире ни одно государство, каким бы мощным экономическим и политическим потенциалом оно ни обладало, не способно самостоятельно преодолеть глобальные вызовы и угрозы. Поэтому одним из главных механизмов повышения экономической конкурентоспособности, усиления политического потенциала современных государств становится региональная интеграция. Мировая практика демонстрирует немало успешных примеров подобных интеграционных проектов: МЕРКОСУР, ШОС, ЕС, НАФТА и т.д. Интеграция на пространстве СНГ является объективным отражением общемировых тенденций. Попытки национальных элит ряда новых независимых государств самостоятельно преодолеть тяжелые последствия распада СССР и экономические потрясения начала 2000-х годов окончились неудачей и стали свидетельством несостоятельности дезинтеграционной политики. Поэтому первое десятилетие 21 века стало временем интеграции стран Содружества на равноправной и взаимовыгодной основе. Возникли новые эффективные форматы многостороннего взаимодействия новых независимых республик: ЕвразЭС, ШОС, ОДКБ. Главным императивом и движущей силой интеграционных процессов на пространстве СНГ в течение всего постсоветского периода оставалась экономика. К настоящему моменту, достигнув достаточного уровня развития национальных экономических и политических систем, государства СНГ переходят на качественно новый этап интеграции – создание Евразийского экономического союза, который призван стать эффективным ответом на глобальные угрозы и вызовы [3].

Экономическая целесообразность евразийского экономического проекта подтверждается мощными конкурентными преимуществами, присущими постсоветскому пространству. Во-первых, оно занимает важное геостратегическое положение, соединяя Европу, Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток. Консолидация потенциалов евразийских стран и формирование единой транспортной системы дает государствам региона возможность выполнять посредническую функцию в торгово-экономическом взаимодействии между европейской и азиатской частями света.

Во-вторых, на территорию Евразии приходится почти 1/6 часть Земли с населением 290 млн. человек. Наконец, евразийский регион является одним из наиболее энергонасыщенных в мире. Таким образом, формирование общей стратегии развития стран Содружества будет способствовать эффективному использованию указанных конкурентных преимуществ. В этом контексте ученые-экономисты и политические деятели стран СНГ пространства рассматривают интеграцию как важнейшее средство повышения конкурентоспособности государств, их эффективной модернизации, а также включения в мировое сообщество на более сильных позициях.

Практическое воплощение евразийского экономического проекта основывается на мощной институциональной базе. С 1 января 2012 года, когда в силу вступил Договор о создании Единого экономического пространства (ЕЭП), между «евразийской тройкой» (Россия, Казахстан, Беларусь) начали функционировать несколько десятков соглашений, регламентирующих ключевые вопросы взаимодействия стран-участниц ЕЭП – от координации макроэкономической политики до трудовой миграции. Соответствующие условия хозяйственно-экономической деятельности для членов интеграционного объединения в ближайшей перспективе могут стать более привилегированными, нежели для государств, не взаимодействующих с ЕЭП. Следовательно, усиливается поле притяжения евразийского проекта. Возрастает актуальность вопроса о расширении состава стран – участниц интеграционного объединения, прежде всего за счет государств СНГ. В октябре 2011 года было подписано многостороннее соглашение

о создании Зоны Свободной Торговли СНГ. В дополнение к нему государства-члены ТС установили отношения свободной торговли с Сербией и Черногорией. Евразийский интеграционный проект имеет несколько перспективных сценариев развития. При любой, даже неполной форме реализации проекта, неизбежно будут появляться новые рычаги, способствующие интенсификации социально-политического прогресса на пространстве СНГ.

Со временем интеграционные процессы в ядре (между Россией, Беларусью и Казахстаном, а с 1 января 2015 г. и Арменией) выйдут на новые рубежи, и это, безусловно, изменит социально-политические стандарты в СНГ в целом, и, в частности, реалии торгово-экономических отношений Армении с партнерами из числа государств-членов Содружества. В связи с этим высокой актуальностью обладает задача выработки оптимального формата сотрудничества Армении с евразийскими странами. Учитывая тесную экономическую кооперацию между Республикой Армения и странами евразийского проекта, а также тот факт, что на пространстве новой Евразии проживает многочисленная армянская диаспора, концентрирующая в этом регионе свои бизнес интересы, Еревану необходимо как минимум внимательно проанализировать достоинства и ограничения евразийского проекта, а как максимум, рассмотреть варианты наиболее выгодного для себя участия в интеграционных процессах. Барьером для успешного вовлечения Армении в евразийскую интеграцию служат несколько факторов объективно-экономического и субъективно-политического свойства. При устранении ряда из них вполне возможно воплотить сценарий, при котором Ереван становится участником Таможенного Союза, а затем активнее включается в евразийский интеграционный проект. Настоящий доклад посвящен обоснованию преимуществ и основных практических параметров сценария постепенного продвижения Армении от зоны свободной торговли к полноценному участию в Таможенном союзе, а затем в Едином Экономическом пространстве Евразии.

Реализация евразийского экономического проекта носит многоуровневый характер и предполагает последовательное воплощение нескольких этапов: ЕврАзЭС. Таможенный Союз, Единое экономическое пространство. Евразийский экономический союз.

Процесс формирования интеграционного объединения полностью не идентичен европейскому опыту, однако существует ряд соответствий и параллелей с моделью Европейского Союза. Первым этапом институционального воплощения идеи евразийской интеграции стало создание Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в 2000 г. усилиями России, Казахстана, Белоруссии, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана (приостановил членство 2008 г.). В рамках ЕврАзЭС за 10 лет существования организации были реализованы конкретные экономические проекты, среди которых: – создание реального режима свободной торговли; – отмена практики взимания таможенных пошлин на товары, производящихся на территории стран Сообщества, в их взаимной торговле; – формирование Антикризисного фонда ЕврАзЭС; – сооружение евразийских транспортных магистралей и т.д. Результатом предпринятых шагов стал, прежде всего, рост объемов взаимного товарооборота стран-участниц Сообщества. Этот показатель вырос более чем в 3 раза: с 31 млрд. долларов в 2001 году до 95.2 млрд. долларов в 2010 году. Удельный нес взаимных инвестиций государств ЕврАзЭС в общем объеме поступивших иностранных инвестиций повысился с 7% в 2007 году до 12% в 2010 году. Валовой внутренний продукт (ВВП) в среднем по ЕврАзЭС в 2010 году по сравнению с 2001 годом увеличился в 1,6 раза, производство промышленной продукции – в 1,5 раза, инвестиций в основной капитал – в 2,2 раза [3].

Следующим этапом реализации евразийского интеграционного проекта явилось создание в 2010 году Таможенного союза, в который вошли три наиболее близкие по типу экономики: Россия, Беларусь и Казахстан. Важным событием этого периода стало введение Единого таможенного тарифа на импортируемые товары, включающего более 11 тысяч единиц товарной номенклатуры, а также утверждение Единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (ТН ВЭД ТС) и Единого таможенного тарифа Таможенного союза (ЕТТ ТС). По итогам 2011 года товарооборот между Россией, Беларуссией и Казахстаном вырос более чем на 36% и превысил 100 млрд. долл., созданы предпосылки для роста конкуренции за капитал и квалифицированные трудовые ресурсы. С 2012 года функциони-

рует Единое экономическое пространство (ЕЭП), по сути, общий рынок России, Казахстана и Белоруссии. Эта более тесная форма интеграции трех стран включает такие составляющие, как: согласованная экономическая политика; свободное движение капитала; свободное движение услуг; свободное движение рабочей силы; доступ к инфраструктуре государств-членов ЕЭП. В рамках Единого экономического пространства функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, проводится согласованная политика, обеспечивающая свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Переход к более высокому уровню интеграционного взаимодействия евразийских стран потребовал формирования наднациональных институтов рамках ЕЭП, в результате чего была создана Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), в качестве регулирующего органа для обеспечения условий функционирования и развития Таможенного союза и Единого экономического пространства. О первых результатах функционирования ЕЭП можно судить по показателям товарооборота между странами-участницами объединения. Так, за первое полугодие 2012 года торговый оборот между Россией, Казахстаном и Белоруссией составил 125 млрд. долларов, что на 36% больше показателей за тот же период 2011 года. Причем этот рост обеспечен не за счет изменения стоимости энергоносителей или сырьевых продуктов [4].

Экономическая целесообразность евразийского проекта обусловлена рядом объективных преимуществ:

– Укрепление общих таможенных границ снизит давление внешнего рынка на развитие собственного производства стран ТС, даст возможность лучше подготовиться к глобальной конкуренции после вступления государств в ВТО.

– Сотрудничество в рамках Таможенного союза благоприятно скажется на продвижении экспортной продукции трех государств. По оценкам экспертов, развитие евразийской интеграции открывает перед странами региона доступ на огромный рынок в 170 млн. потребителей и общим объемом ВВП около 2 трлн. долл. США. По подсчетам ученых Российской академии наук, суммарный интеграционный эффект измеряемый дополнительным производством валового внутреннего продукта, к 2015 г. со-

ставит для России, Белоруссии и Казахстана примерно 400 млрд. долл. При этом каждая из стран будет иметь значительный интеграционный эффект. Россия за счет интеграционного фактора получит дополнительную 16,8 от современного уровня ВВП. Украина – 17%, Беларусь – 16%, Казахстан – 14,7% [5].

– Для предприятий евразийских стран устранение таможенных границ способствует созданию реальных условий для производственной кооперации при выпуске высокотехнологичных товаров и формированию масштабного рынка с едиными правилами игры, более эффективно обеспечивающего экономический рост и повышение благосостояния граждан государств ЕЭП. • Объединение стран-участниц евразийского проекта будет способствовать увеличению эффективности транзитного потенциала их территорий. Рост грузоперевозок будет достигнут за счет сокращения барьеров на внутренних границах. В будущем это преимущество откроет равный доступ к инфраструктуре.

– Осуществление экономической модернизации за счет инновации сбудет стимулировать развитие социальной сферы, что, в свою очередь, определит не только рост благосостояния населения, но и повышение уровня образования и культуры среди граждан евразийских стран.

– Система административного согласования, принятая в ЕЭП, демократичная по своей форме и прагматичная по своему содержанию, позволит эффективно решать задачи, стоящие перед государствами евразийского проекта. В целом, главной задачей, стоящей сегодня перед странами СНГ, является развитие инновационной экономики. Эта задача требует формирования рынка промышленной интеллектуальной собственности, что, в свою очередь, предусматривает наличие конкурентоспособного производства и значительного расширения рынка сбыта.

Таким образом, сотрудничество в рамках евразийского проекта будет способствовать экономической и социальной модернизации государств Содружества.

Литература

1. Мертарчян А. Ю. Процесс глобализации мировой экономики: институциональный аспект <http://diss.rsl.ru/> Научная библиотека Ки-

берЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-armenii-v-protsessah-globalizatsii#ixzz3LQ9rFHOof>

2. Михайленок О.М. Россия в глобализирующемся мире: поиски координат // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корреспондент РАН М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008.

3. Гаджиев Г.Н. Формирование приоритетов социально-экономической политики субъекта Федерации // Региональная экономика: теория и практика. – 2004. – № 8 (11).

4. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.

5. Армения и ЕАЭС: Проблемы и перспективы. <http://novostink.ru/analytics/92200-armeniya-i-eaes-problemy-i-perspektivy.html#ixzz3JjQ8oSEM>

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБРАЗОВАНИЮ

*Маркова-Мурашова С.А., д.ю.н., профессор
Кубанский государственный университет*

Во все времена культура не только оказывала воздействие на экономическую систему государства, но и тесно взаимодействовала с ней, эти процессы продолжаются и сегодня. В свою очередь культура общества напрямую связана с образованием. От уровня образования зависит уровень культуры общества и уровень развития экономики. Образование приносит как государству и обществу в целом, так и отдельному индивиду экономические и общекультурные выгоды.

Образование – важнейшая составляющая показателя «качество жизни». Индекс образования, в частности, учитывается при определении уровня экономического развития, который является ключевым критерием при ранжировании стран на развитые, развивающиеся и наименее развитые [1].

С позиций справедливости и морали образование воспринимается как потенциально мощный инструмент сокращения нера-

венства и повышения социальной мобильности. Доступность образования во многих случаях ставят во главу угла разнообразных политических инициатив, направленных на ликвидацию зависимости между доходами поколений в бедных семьях [2, 77–78].

Значимость образования для государства, общества и отдельного человека трудно переоценить, поэтому практически во всех современных правовых системах государство финансирует как начальное, среднее, так и высшее образование. Например, в России расходы на образование состоят из расходов на дошкольное, общее, начальное профессиональное, среднее профессиональное образование, расходы на переподготовку и повышение квалификации, высшее и послевузовское профессиональное образование, молодежную политику и оздоровление детей, прикладные научные исследования в области образования, а также другие вопросы в данной области [3]. Законом предусмотрено, что финансирование образования входит в компетенцию Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Финансирование образовательных учреждений осуществляется на основе бюджетной сметы, структура которой ежегодно меняется вследствие изменений, вносимых в бюджетную классификацию расходов бюджетов Российской Федерации, особенно – в ее экономическую часть. Финансирование расходов на реализацию государственных гарантий прав граждан на получение общедоступного и бесплатного общего образования осуществляется за счет субвенций из федерального бюджета, а также в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных в бюджете субъекта Российской Федерации [4].

Одним из важнейших конкурентных преимуществ современных правовых систем является интеллектуальный потенциал населения государства, что во многом определяется уровнем и качеством образования, по этой причине страны финансируют сферу образования, инвестируют в человеческий капитал, способствуя тем самым росту эффективности экономики.

Обычно целями государства при финансировании сферы образования выступают повышение доли грамотного населения, рост числа граждан, получающих среднее и высшее профессиональное образование, увеличение качества образования. Субсидируя разно-

уровневые системы образования, государство преследует и чисто экономические цели – инвестирует в человеческий капитал.

Образованные члены общества, используя свои знания на практике, способствуют развитию науки и техники, тем самым повышая эффективность экономики. Мудрые правители и государственные деятели всегда стремились повышать образованность своих граждан. Наиболее ярким примером в российской истории является реформаторская и просветительская деятельность Петра I, отправлявшего отечественных специалистов повышать свою квалификацию за рубежом. Это привело не только к повышению их теоретических и практических навыков, но и способствовало развитию науки права, поскольку, обучаясь в Европе, они знакомились на практике с римским правом и распространяли полученное знание на территории России, что привело к опосредованной рецепции римского права в нашей стране.

Сегодня государство уделяет значительное внимание развитию образования: реформируется школьное и высшее образование, направляются существенные средства на финансирование образования, действует система грантов для поддержки и развития научных исследований, как молодых, так и состоявшихся ученых, имеются широкие возможности для международного общения ученых в различных отраслях знания.

Вне всякого сомнения, все это способствует развитию системы образования и росту экономической мощи государства. Вместе с тем, следует обратить внимание, что в последние десятилетия XX в. и в начале XXI в., появилось много негосударственных, частных школ, институтов, университетов, которые используют рыночные механизмы в сфере образования. Государственные учреждения системы образования также приветствуют экономическую активность их структурных подразделений, активную модернизацию учебных планов, методов и даже профессорско-преподавательского состава в целях удовлетворения все возрастающей потребности населения получить современное и разнообразное образование. В Америке и Европе даже сформировалось такое понятие как предпринимательские университеты.

В XXI в. для университетов всего мира наступили сложные времена. Наукоемкие компании в экономике и соответственно, в

обществе, создают стремительно меняющийся рынок профессионального труда, а университеты должны готовить компетентных специалистов [5, 11].

При этом в современном конкурентоспособном мире требуются профессионалы, которые обладают фундаментальными, методологическими знаниями, которые могут мыслить и работать вне зависимости от юрисдикционных барьеров.

Исследовательская база университетского мира с внушительной скоростью вырабатывает новые знания и методы, но ни один университет не в состоянии даже серьезно замедлить международный рост знаний. Во всей этой достаточно напряженной ситуации, правительства надеются, что университеты и ученые будут способствовать в решении социальных и экономических проблем, но вместе с тем, «колеблются в том, что касается финансовой поддержки, и становятся ненадежными партнерами» [5, 11].

В связи с этим возникает практическая потребность подойти к вопросу об образовании с экономической точки зрения, а наиболее принятым среди экономистов подходом к образованию является концепция человеческого капитала. Поскольку государство не всегда в состоянии на все 100% финансировать образование, возникает вопрос об альтернативных способах финансирования и предоставления возможности реализации права на получение образования, плюсах и минусах «рыночного» обеспечения образования, возможности повышения эффективности и социальной справедливости в сфере образования.

В начале любого мероприятия необходимо определить его цели, методы осуществления, эффективность. Последняя определяется категориями затрат и получения прибыли. При этом практически всегда психологически трудным является осознание необходимости вложения капитала здесь и сейчас и туманных перспектив получения прибыли когда-то потом. В большей степени это относится к сфере образования, в которой затраты государства на обеспечение населения услугами образования достаточно ощутимы и конкретны, а именно, это строительство школ, колледжей, университетов, создание их материально-технической базы, оплата труда учителей и преподавателей. А получение выгоды носит отложенный характер, поскольку основная цель всей системы об-

разования – это подготовка будущей квалифицированной рабочей силы, способствующей росту производительности труда. Именно по этой причине затраты на образование нередко называют инвестициями в человеческий капитал, которые в будущем могут принести прибыль в виде прироста продуктивности.

Для анализа взаимосвязи уровня расходов на образование с достигнутыми результатами в данной сфере, следует обозначить количественные меры этих результатов.

Для оценки достигнутых результатов в области образования служит, разработанный учеными индекс образования, являющийся составным элементом Индекса развития человеческого потенциала, наряду с показателем валового внутреннего продукта и средней продолжительностью жизни. Индекс уровня образования рассчитывается как средняя величина двух индексов. Он рассчитывается по определенной формуле, общий вид которой представляет собой отношение разницы фактического значения показателя и его минимального значения к разнице максимального значения показателя и его минимального значения. Один из индексов характеризует уровень грамотности взрослого населения в возрасте 25 лет (составляет $2/3$ значения), другой индекс показывает долю обучаемых в общей численности населения в возрасте до 24 лет (его вес составляет $1/3$).

Уровень грамотности позволяет узнать, сколько процентов взрослого населения владеет чтением и письмом, а совокупная доля учащихся показывает процент обучающихся, начиная с детских садов и заканчивая послевузовским образованием.

На основе статистической информации ООН, ежегодно публикующей индекс развития человеческого потенциала, исследователями выяснена взаимосвязь государственных расходов на образование и результатов в данной области по 118 странам за 2008 год. Анализируя взаимосвязь между долей государственных расходов в ВВП на образование и Индексом образования, исследователи сделали вывод, что оптимальный уровень успехов в достижении высоких результатов в образовании для многих стран находится в диапазоне от 4 % до 8% [6].

К примеру, в Великобритании этот процент составляет 5 %, лидерами списка выступают США и Дания, расходующие на об-

разование более 7% ВВП [2, 77]. В России за последние годы также произошел рост доли расходов государства на образование в ВВП до 4,2% от ВВП. Однако, этого недостаточно, поскольку мировая практика показывает, что с таким уровнем расходов Россия не сможет конкурировать с развитыми странами в долгосрочной перспективе. На сегодняшний день Россия занимает высокие позиции в сфере образования, однако для их сохранения и для улучшения его качества необходимо увеличить расходы на образование до уровня развитых стран [7].

Соответственно можно сделать вывод о том, что эффективным будет такое образование, которое соответствующим объемом и уровнем образовательных услуг обеспечит максимизацию агрегированных выгод государства.

Вместе с тем необходимо говорить об эффективности образования с двух точек зрения: с точки зрения государства и с точки зрения индивида.

Так же как на уровне государства, на индивидуальном уровне вложение денежных средств в личное образование или образование членов своей семьи представляет собой инвестиции в человеческий капитал. На данном уровне уже индивид, самостоятельно, на свой страх и риск, определяет эффективность таких инвестиций. На первую чашу весов помещается возможность получить среднее, а затем и высшее образование и в итоге получить высокооплачиваемую работу, которая помимо чисто экономических выгод приносит ряд привилегий иного характера. В роли последних могут выступать улучшение социального статуса семьи, получение большей свободы выбора и возможность личностного роста.

На другой чаше весов оказываются издержки, которые требуют тщательного осмысления и грамотного вложения капитала.

Прежде всего, индивиду необходимо определиться с магистральным направлением – будет ли он получать образование в частном или государственном вузе. Однако вне зависимости от этого у индивида будут прямые затраты, связанные с приобретением учебно-методической литературы, платой за проезд и проживание, и собственно, платой за само обучение, если речь не будет идти о бюджетной форме обучения, численность выделяемых мест на которую сокращается год от года.

Вместе с тем, многие потребители образования как блага, просчитывая эффективность инвестиций в человеческий капитал, весомую роль отводят упущенному доходу, который индивид не сможет заработать, поскольку будет находиться на обучении.

Учитывая данные затраты и расчеты возможных потребителей, государство, используя рыночные механизмы и экономическую политику, должно скореллировать размер платы за обучение и проценты по образовательным кредитам, поскольку не все семьи в состоянии оплачивать высшее образование.

Вне всякого сомнения получение высшего образования способствует развитию правовой культуры человека, повышению уровня правосознания и как следствие, пониманию своей роли как члена общества, способного своими действиями влиять на развитие и сплочение социума и государства. Поэтому в связи с пониманием важности и преимуществ высшего образования, следует констатировать наличие государственного вмешательства в эту сферу, причем этот процесс характерен практически для всех стран.

Государство, проводя свою политику в области образования, должно обеспечивать рынок разнообразных образовательных услуг и учреждений, которые будут, с одной стороны, отвечать требованиям социально-эффективного качества производства по типам работ и услуг на уровне государства, а с другой стороны, образовательные учреждения рыночного типа будут вынуждены конкурировать друг с другом за учащихся, и следовательно, за доход. В итоге рынок образовательных услуг будет повышать качество и эффективность.

Появление в наши дни образовательных учреждений, основанных на рыночных механизмах, вызывают противоположные оценки у специалистов. Однако сегодня ясно лишь то, что государство в силу важности данного сегмента общественного развития, должно активно присутствовать на рынке образовательных услуг, определяя стандарты, контролируя качество, эффективность и соответствие предоставляемых услуг потребностям индивида и государства в целом.

В современный период мы живем в эпоху перемен и образование претерпевает воздействие различных реформ, порою разнонаправленных, многие из которых в процессе воплощения в

жизнь. Текущая ситуация в данной сфере явилась следствием причин разного характера. Это и недовольство имеющимися формами государственной политики в сфере образования, и присоединение к системе Болонского процесса, и стремление соответствовать европейским стандартам получения образования.

Любые реформы, стремящиеся улучшить качество жизни, можно только приветствовать. Но при этом необходимо проводить грамотную и осторожную политику в области образования, искать необходимый баланс либерализации и жесткого регулирования, чтобы не создать систему, которая будет противоречить ментальности народа, его историко-культурным корням и по сути будет лишь формально соответствовать не всегда нужным и эффективным европейским стандартам, предлагая потребителю лишь приятные ощущения получения высшего образования, преподносимого в красивой упаковке, а не действительные знания, получаемые порой тяжелым трудом, но являющиеся высокими дивидендами и для индивида, и для государства.

Литература

1. Индекс образования // <http://ru.wikipedia.org/wiki/25.05.2014>
2. Ле Гранд Дж., Проппер К., Смит С. Экономический анализ социальных проблем / под науч. ред. М.Г. Колосницыной; пер. с англ. Л.С. Засимовой. М., 2013.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. Ст. 3823. 03.08.1998. № 31. Ст.21, п.7.
4. Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.05.2014): Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 05.05.2014). <http://base.consultant.ru>. Ст. 7.
5. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер с англ. А. Смирнова. М., 2011.
6. Жабин И.И. Проблемы ресурсного обеспечения сферы образования в России. Международный экономический форум // <http://conference.be5.biz/r2012/2551.htm>
7. Жабин И.И. Проблемы ресурсного обеспечения сферы образования в России.

ОСОБЕННОСТИ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СТРАНАХ СНГ

*Мирзоян Р.Э., к.ю.н., доцент,
Адыгейский государственный университет*

Успешное развитие экономического сотрудничества стран СНГ невозможно без решения проблем международных валютно-кредитных и финансовых отношений. Учитывая экономический потенциал России и степень экономической взаимозависимости, унаследованную от СССР, возможности новых государств в проведении независимой экономической политики и обеспечении изоляции от экономических процессов, происходящих в России, весьма ограничены [9].

Во взаимном сотрудничестве стран СНГ, которое сейчас переживает непростой период, валютно-финансовые отношения в принципе призваны активно способствовать консолидации экономического взаимодействия заинтересованных стран.

В государствах Содружества всё больше осознают, что по мере становления национальных валютных систем взаимные связи в этих сферах приобретают всё возрастающее значение как фактор развития и модернизации экономики. В то же время роль финансового сотрудничества повышается перед лицом вызовов и опасностей, связанных с глобализацией мировой экономики и, особенно с наиболее динамично развивающейся финансовой глобализацией.

Поступательное движение по пути к взаимодействию национальных валют в рамках единой платёжной системы, обеспечению взаимосвязи валютных, кредитных и фондовых рынков стран СНГ, стремящихся к активизации такого взаимодействия, существенно осложняется разделением пространства Содружества на субрегиональные группировки, создающие известную хаотичность в торгово-политических и валютно-финансовых отношениях. В связи с этим на повестке дня стоит вопрос о необходимости упорядочения этих отношений.

Дискуссионным остается вопрос о природе валютного регулирования, которое реализуется посредством определенного на-

бора инструментов – тех рычагов, с помощью которых государство регулирует валютные отношения.

Важным элементом валютного регулирования выступают валютные ограничения, которые комплексно регулируются финансовым и административным законодательством в виде ограничений прав резидентов и нерезидентов при осуществлении ими валютных операций, как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

Валютные ограничения – это установленные валютным законодательством ограничения на валютные операции, выраженные в их прямом запрете, лимитировании объемов, количества и сроков проведения, определении валюты платежа, установлении требований получения специальных разрешений (лицензий) на их проведение, резервирования части или всей проводимой операции [1].

Следует отметить, что валютные ограничения в развивающихся странах, в отличие от развитых, охватывают более широкий круг внешнеэкономических операций и характеризуется жесткими административными запретами.

В современных условиях состояние валютной системы в большинстве стран СНГ регулируется ежегодно разрабатываемыми основными направлениями государственной денежно-кредитной политики [2]. Целями денежно-кредитной политики являются: защита и обеспечение устойчивости национальной денежной единицы, ее покупательной способности, обменного курса по отношению к иностранным валютам; развитие и укрепление банковской системы; обеспечение эффективного и безопасного функционирования платежной системы страны. Учитываются потребности экономики, стоящие перед ней в каждом новом году новые задачи.

На данном этапе, к нашему сожалению, еще не удалось преодолеть несоответствие между формальной и реальной конвертируемостью национальных валют государств Содружества. К преодолению такого несоответствия страны СНГ побуждают не только экономические, но и политические причины (поддерживать конвертируемость национальных валют по текущим международным операциям; не прибегать к множественности валютных

курсов своей денежной единицы; противодействовать кратковременным и случайным колебаниям валютного курса) [8].

Проанализировав основные направления денежно-кредитной политики можно сделать вывод, что в СНГ пока речь не идет о валютной интеграции. Сейчас можно говорить в лучшем случае о некоторых формах валютно-финансового взаимодействия стран региона.

В сфере взаимного валютно-финансового сотрудничества основные вопросы пока остаются нерешенными. К ним относятся повышение роли национальных валют во взаимных расчетах (пока эти расчеты осуществляются главным образом в долларах), создание общей современной платежной системы, координация валютной политики, преодоление обособленности национальных валютных и фондовых рынков.

В рамках исследования представляется необходимым исходить из того, что специфика процессов валютно-финансового взаимодействия на постсоветском пространстве, свидетельствует о невозможности непосредственной адаптации моделей, представленных мировой практикой формирования валютных союзов, к условиям СНГ.

С целью оптимизации разработки и проведения валютной и денежно-кредитной политики, целесообразно создание наднациональных финансовых институтов. Лишь после достижения высокой степени макроэкономической конвергенции, включающей в себя долгосрочное поддержание фиксированных валютных курсов странами-участницами, возможен переход к третьему этапу, предусматривающему введение в обращение на постсоветском пространстве единой валюты.

Обобщая практику функционирования внутренних валютных рынков стран СНГ, порядок формирования курсов их национальных валют, можно выделить следующие тенденции:

1. Во многих странах СНГ внутренний валютный рынок включает два сегмента: биржевой и межбанковский.

2. Использование электронных технологий, внедрение интернет-технологий в торговле валютами приводит к постепенному стиранию границ между биржевым и межбанковским сегментами валютного рынка. При этом в большинстве стран СНГ бир-

жевой сегмент валютного рынка активно содействует повышению стабильности, динамичности валютного рынка в целом, его взаимодействию с фондовым рынком. Это, в свою очередь, способствует укреплению устойчивости национальных валют, развитию экономики.

3. Официальные и рыночные котировки национальных валют в странах СНГ, как правило, близки по значению. Официальные курсы обычно устанавливаются на основе биржевых котировок и публикуются национальными банками. Рыночные курсы формируются на различных сегментах внутреннего валютного рынка: курсы безналичной валюты – на биржевом и межбанковском рынках; наличной валюты – в коммерческих банках и обменных пунктах.

4. Национальные банки почти всех стран СНГ ежедневно публикуют официальные курсы своих валют по отношению к российскому рублю, а также некоторым валютам других стран Содружества. В частности, публикуется курс узбекского сума к казахстанскому тенге [7].

В СНГ многие специалисты считают, что для создания благоприятных условий бизнес-сотрудничества в области курсообразования предстоит обеспечить:

1. Регулярные котировки курсов национальных валют (от ежедневных их котировок зависит бесперебойное проведение конверсионных операций с валютами государств Содружества, более активное их использование во взаимных расчетах).

2. Координацию мер в области политики валютного курса с целью повышения устойчивости национальных валют это важно для предотвращения резких колебаний обменных курсов, отрицательно влияющих на взаимные торгово-экономические связи, для защиты финансовых рынков государств от внешних шоковых воздействий или, по крайней мере, для их смягчения. Такая задача представляется реальной, если учесть, что основные характеристики валютных рынков государств СНГ во многом совпадают.

Основу валютной политики Российской Федерации составляет валютное регулирование, которое может быть определено как «совокупность целенаправленных действий государства по защите, изменению или прекращению существующих валютных

отношений и созданию новых путей применения к ним адекватных финансово-правовых мер» [6, с. 8].

В соответствии с Законом Республики Адыгея от 21.12.2004 г. № НО-135 «О валютном регулировании и валютном контроле» какое – либо ограничение на осуществление текущих валютных сделок применяться не может. ЦБ Республики Армения определил следующие основные положения валютной политики: проводит политику плавающего валютного курса национальной валюты; вмешательство ЦБ на валютном рынке ограничивается только целями денежно-кредитной политики и инструментами косвенного воздействия и т.д. [5]

Закон Республики Беларусь от 22.07.2003 № 226-З «О валютном регулировании и валютном контроле» является основным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность уполномоченных органов по осуществлению валютного контроля в Республике Беларусь, а также порядок обращения валютных ценностей, объем прав и обязанностей участников валютных операций и т.д.

Система валютного регулирования в Белоруссии включает комплекс правил, регулирующих валютные операции и деятельность органов и агентов валютного контроля, направленную на обеспечение выполнения резидентами и нерезидентами требований валютного законодательства Республики Беларусь и включает:

1. Органы валютного регулирования и валютного контроля – Совет Министров Республики Беларусь и Национальный банк Республики Беларусь;

2. Органы валютного контроля – Комитет государственной безопасности, и Государственный таможенный комитет;

3. Агентов валютного контроля – таможенные органы, банки, министерства, другие органы государственного управления, организации, подчиненные Совет Министров Республики Беларусь, областные и Минский Городской Исполнительный Комитет [3].

Валютное законодательство Республики Казахстан основывается на Конституции Республики Казахстан и состоит из Закона Республики Казахстан «О валютном регулировании и валютном контроле» и иных нормативных правовых актов Республики Казахстан [4]. В последнее время в республике большое внимание

уделяется Концепции либерализации валютного режима, инициированной Национальным Банком Республики Казахстан.

Целью валютного регулирования в Республике Казахстан является содействие государственной политике по достижению устойчивого экономического роста и обеспечению экономической безопасности.

Задачами валютного регулирования являются:

- 1) установление порядка обращения валютных ценностей в Республике Казахстан;
- 2) создание условий для дальнейшей интеграции Республики Казахстан в мировую экономику;
- 3) обеспечение информационной базы по валютным операциям и потокам капитала.

Основным органом валютного регулирования в Республике Казахстан является Национальный Банк Республики Казахстан. Правительство Республики Казахстан и иные государственные органы осуществляют валютное регулирование в пределах своей компетенции [4].

Вместе с тем в литературе высказывалась мысль, что правовые нормы государств – членов ЕврАзЭС направлены на либерализацию национальных законодательств в сфере валютного регулирования и валютного контроля и, в частности, по вопросам отмены ограничений по текущим операциям и операциям, связанным с движением капитала. Эти договоры предусматривают осуществление взаимных действий государствами – членами ЕврАзЭС по либерализации валютной политики, установлению единого порядка валютного регулирования внешнеторговых операций и принятию согласованных решений по его синхронному изменению и дополнению [8].

Согласно Соглашению об основных принципах политики в области валютного регулирования и валютного контроля в государствах – участниках СНГ основополагающим принципом проводимой Сторонами политики в области валютного регулирования и валютного контроля является постепенное ослабление и отмена валютных ограничений в отношении валютных операций, по которым применяются меры либерализации (ст. 4 Соглашения) [1].

Важно отметить, что данное соглашение не ограничивает возможности и полномочия Сторон по контролю за правомерностью осуществления валютных операций).

Вышеизложенное позволяет отметить, что современные международные валютные отношения характеризуются высоким уровнем напряженности и конфликтности валютных отношений. В странах СНГ, с нашей точки зрения, присутствуют условия, необходимые для формирования оптимального валютного пространства.

Литература

1. Об основных принципах политики в области валютного регулирования и валютного контроля в государствах-участниках СНГ: соглашение от 18 октября 2011 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – М., 2014.

2. Основные направления единой государственной денежно – кредитной политики на 2014 год и период 2015 и 2016 годов: утверждено Центральным банком РФ 8.11. 2013 г. // Консультант Плюс: справочно-поисковая система. – М., 2014.

3. О валютном регулировании и валютном контроле: закон Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3801&p0=1>

4. О валютном регулировании и валютном контроле: закон Республики Казахстан от 13 июня 2005 г. (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30013858

5. О валютном регулировании и валютном контроле: закон Республики Армения от 21 декабря 2004 г. (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <http://base.spinform.ru>

6. Артёмов Н.М. Проблемы и перспективы валютного регулирования в РФ (финансово-правовой аспект): монография. – М.: ПРОФОБРАЗОВАНИЕ, 2002.

7. Мамбеталиева А.Н. Валютное регулирование и валютный контроль в государствах – членах ЕврАзЭС // Финансовое право. – 2010. – № 11. – С. 17–23.

8. Основные тенденции развития денежно-кредитной и финансовой систем стран СНГ (аналитический доклад) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infinan.ru/economika>

9. Товмасян Р.Э. Механизм финансово-правового регулирования платежной системы Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств // Финансовое право. – 2010. – № 4. – С. 23–25.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ФАКТОРЫ, УСЛОВИЯ, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

*Молчан А.С., доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической безопасности
Кубанский государственный технологический университет
Крецу С.И., соискатель*

Процесс глобализации экономических отношений преобразует внутреннюю среду национальной и региональной экономик, коренным образом изменяя характер, формы, механизмы и инструментальное обеспечение стратегий устойчивого развития. Потребности экспансии глобального капитала становятся определяющим фактором процесса установления перспективных целей и выбора средств их достижения применительно к региональной экономике.

Вопросы обеспечения устойчивого развития регионов принадлежат к числу наиболее востребованных современной практикой государственного регулирования и находящихся в центре внимания экономической науки. Управление стратегическим развитием вышло за рамки государственного регулирования и приобрело характер многогранного процесса, учитывающего реальные интересы хозяйствующих субъектов, относящихся к различным формам собственности и экономическим укладам, интересы государственного сектора и населения. Актуальность этих процессов приобретает особую значимость в условиях рыночных преобразований, наблюдавшихся в российской экономике последнее десятилетие, которые внесли существенные изменения в условия формирования макроэкономических тенденций [1].

Регионы, являя собой «часть» глобального экономического пространства, становятся все более «открытыми», что проявляет-

ся в повышении значимости для них «внешних» связей и усилении их «присутствия» за пределами своей территории, усложнении связей между регионами и размывании их границ. В этой ситуации экономическое пространство все больше отрывается от понятия «территория» [3].

Необходимость формирования долгосрочных стратегических планов устойчивого развития регионов обусловлена также и глобальными факторами современного мирового хозяйства – расширением сферы международной конкуренции на рынках, продолжающейся дифференциацией потребительских предпочтений и запросов в условиях динамичного научно-технического прогресса, инновационным характером современного производственного процесса, цикличностью процесса развития конъюнктуры мирового рынка.

Наблюдающееся в настоящее время смещение центра стратегического планирования на региональный уровень отвечает интересам диверсификации национальной экономики и способствует достижению компромисса между национальными интересами и спецификой хозяйственного уклада территорий в рамках субъектов РФ [6].

Глобализация проявляет себя как несколько параллельно разворачивающихся процессов.

Во-первых, это усиление геополитических факторов при формировании единого экономического пространства стран и мира, проявляющееся в объективной необходимости глобального позиционирования стран и регионов, рассматриваемого как «такое развитие и функционирование конкретной территориальной социально-экономической системы, которое вмещает в себя и одновременно использование и изменение экономико-географического положения [4].

Во-вторых, параллельно, высокую значимость приобретают задачи расширения внешнего взаимодействия региональных социально-экономических систем с аналогичными им территориальными образованиями. Российская социально-экономическая система, сохраняя многие унаследованные от предшествующих периодов черты, трансформируется под влиянием рыночных субъектов и механизмов. Под воздействием рыночных отноше-

ний территории и соответствующие им территориальные социально-экономические системы становятся своеобразными «товарами», и одновременно вынуждены соотносить себя с аналогичными территориальными «товарами».

В этом контексте с точки зрения конкурентоспособности регионов становятся важными не столько само наличие либо отсутствие основных факторов производства (труд, земля, капитал, предпринимательство), (поскольку на любой территории (регионе, стране) обязательно они будут присутствовать в том или ином виде), сколько то, как они используются, т.е. их качественные характеристики, и даже возможности их изменять.

В-третьих, в условиях такой повышенной «открытости» региональных социально-экономических систем и объективных процессов расширения внешних по отношению к региону связей, реализация соответствующих стратегий развития во многом обуславливаются экономической обстановкой внутри региона[2].

Наиболее значимыми факторами в обеспечении конкурентоспособности становятся не столько наличие или отсутствие тех или иных природных и других экономических ресурсов, сколько возможности обеспечения роста их производительности, что во многом определяется в условиях глобализации принципиально новыми факторами.

Среди таких новых факторов следует особенно выделить следующие две группы, имеющие особое значение для Краснодарского края.

1. Факторы внутренней среды:

– специфика предпринимательской среды, обусловленная сложившимся в регионе институтом предпринимательства. Здесь особую роль играют не столько официально оформленные институциональные предпринимательские отношения (т.к. они в целом по всей территории РФ более или менее однородные), сколько неформальные институциональные нормы, сложившиеся под влиянием специфики развития местного сообщества;

– специфическое сочетание возможных видов предпринимательской деятельности, которая помимо «обычных» отраслей региональной экономики, развивающихся на базе соответствующего природно-ресурсного потенциала, может быть дополнена

производством ряда исключительных, характерных только для данного региона, экономических продуктов.

2. Факторы внешней среды – геоэкономическое положение региона и его «встраивание» в общую картину формирования единого геоэкономического пространства. Геоэкономическое положение региона уже рассматривается не только как изначально имеющийся у региона ресурс, обусловленный во многом его территориальным расположением, а как ресурс, который по возможности должен быть использован с максимальной эффективностью.

В контексте геоэкономического пространственного позиционирования в качестве основных потребителей регионального продукта могут быть рассмотрены:

– собственно население региона как основной потребитель результатов функционирования региональной социально-экономической системы;

– население других регионов и стран, потребляющее тот или иной региональный продукт (туристы, приезжие и временно проживающие на территории региона, а также зарубежные жители и жители других регионов, потребляющие региональный продукт (вывозимый за пределы региона и страны) по месту своего жительства);

– производственный сектор региона и других регионов и стран;

– другие регионы и страны (как субъекты экономических отношений).

Потребности вышеперечисленных групп потребителей регионального продукта должны учитываться при разработке стратегий развития региона. Особую значимость при этом имеют отношения региона с другими регионами, особенно с соседствующими, так как в рамках их взаимодействия, например, в границах федеральных округов, могут формироваться межрегиональные кластеры, что позволяет говорить о наличии кооперативных интересов не только между хозяйствующими субъектами территорий, но и между регионами как субъектами экономических отношений [8].

Проблема формирования и реализации эффективной региональной социально-экономической политики существенным образом актуализируется на современном этапе развития России,

поскольку продолжающиеся рыночные преобразования и интеграция национальной экономики в состав мирового хозяйства обуславливают качественно новые требования к следующим аспектам эволюционного процесса на мезоуровне [7]:

- конкурентоспособности способа организации хозяйственного пространства страны;
- оценке вклада регионов-субъектов РФ в развитие общей социально-экономической системы;
- результатам интеграционного взаимодействия между отдельными региональными комплексами и др.

Многообразие научных подходов к анализу региональной экономической политики ставит исследователей перед проблемой выбора, который должен быть сделан с учетом трех взаимосвязанных обстоятельств, играющих особенно важное значение на современном этапе регионального развития:

- необходимость учитывать отношение исследуемой региональной экономической системы и ее социально-экономической политики к определенному институциональному типу организации; институты играют определяющее значение в развитии современной экономики, а потому любая попытка абстрагироваться от их специфики приводит лишь к тупикам процесса познания;

– переходный характер многих территориальных экономических систем, в которых воплощены архаические, индустриальные и постиндустриальные уклады хозяйственной жизни, а элементы «экономики, основанной на знаниях» сосуществуют с остатками инфраструктуры и технологиями середины XX века;

- диверсифицированное функциональное содержание региональных экономических систем, существующих в условиях отечественной экономики; прежние устои централизованной и во многом унифицированной региональной политики (общая институциональная среда; огромное пространство хозяйственного взаимодействия; традиции «огосударствления» общественно-хозяйственной жизни) постепенно ослабляются и обуславливают дифференциацию вариантов региональной социально-экономической политики – например, дифференциацию политики моноотраслевых регионов и политики диверсифицированных в своем экономическом развитии регионов.

В рамках разработки проблемного подхода следует выделить следующие основные проблемы перехода Российской Федерации к устойчивому развитию:

- 1) приоритетное развитие социальных программ развития;
- 2) исчерпание имеющихся традиционных ресурсов индустриальной экономики;
- 3) нарушение (и даже разрушение их части) устойчивых природно-экологических систем.

Базируясь на выводах отдельных исследователей, устойчивое развитие должно включать в себя:

– сбалансированность экономики и экологии, то есть нахождение гармоничного уровня взаимоотношений, при котором естественный рост экономики не должен сопровождаться сколько-нибудь серьезными негативными последствиями для окружающей среды ни в настоящем, ни в будущем;

– гармонизация уровней экономического и социального развития, базирующаяся на максимальном и равно доступном использовании ресурсов экономического роста в интересах всех групп граждан;

– сочетание краткосрочных задач, направленных на удовлетворение потребностей современных поколений, а также стратегических аспектов развития, нацеленных на интересы будущих поколений.

Управление устойчивым развитием региона на основе стратегического планирования предполагает реализацию нескольких этапов:

- 1) ситуационный анализ состояния хозяйственных и социальных отраслей региона;
- 2) разработка типовой стратегии развития региона;
- 3) выделение конкретизированных направлений стратегии устойчивого регионального развития;
- 4) обоснование выработки программ, подпрограмм и проектов;
- 5) проведение систематического контроля за процессом реализации стратегии, мониторинг и внесение корректив в промежуточные и конечные результаты реализации стратегии.

Таким образом, можно рассматривать регион как системный объект стратегического планирования, включающий совокуп-

ность индикаторов, систему мероприятий по реализации региональной стратегии развития, условия, ресурсы и факторы процесса планирования развития региона и т.д., особое внимание при котором уделяется мониторингу реализации стратегии, проводимому с помощью систематического получения, использования и хранения информации о состоянии региона, что позволяет сочетать плановые и рыночные механизмы, отраженные в целях оперативного и стратегического управления[5].

Основными принципами управления устойчивым развитием региона являются:

1) долговременность устойчивого развития, предполагающая удовлетворение потребностей населения региона в настоящем, но при этом не ограничивая будущие поколения в их потребностях;

2) лимитированность роста, проявляющаяся в имеющихся ограничениях в эксплуатации природных ресурсов;

3) минимизация стандартов в социальной сфере, заключающаяся в необходимости удовлетворения элементарных потребностей населения региона и возможности реализации своего потенциала;

4) равновесное потребление, представляющее собой некий баланс средств и экологических возможностей биосферы;

5) гармоничное развитие, предусматривающее согласованность размеров и темпов роста численности населения региона с меняющимся производственным потенциалом и др.

Применение накопленного опыта в различных регионах страны должно сопровождаться предварительным и подробным проведением анализа реалий и специфики субъекта страны, которым предполагается разработка системы индикаторов устойчивого развития. Это обуславливается многими обстоятельствами, среди которых выделяют особенности экономики. Таким образом, можно рассматривать регион как системный объект стратегического планирования, включающий совокупность индикаторов, систему мероприятий по реализации региональной стратегии развития, условия, ресурсы и факторы процесса планирования развития региона и т.д., особое внимание при котором уделяется мониторингу реализации стратегии, проводимому с помощью

систематического получения, использования и хранения информации о состоянии региона, что позволяет сочетать плановые и рыночные механизмы, отраженные в целях оперативного и стратегического управления.

Устойчивое развитие региональных социально-экономических систем в современных условиях предполагает решение множества тактических задач на пути к достижению стратегических целей. Установление четко обозначенных стратегических приоритетов устойчивого развития с учетом локальной специфики будет способствовать определению векторов движения экономики региона с оценкой успешности достижения целей. В этой связи объективной потребностью сегодняшнего дня становится формирование на основе практического опыта теоретико-методических основ управления устойчивым развитием региона с учетом имеющегося у территорий ресурсного потенциала, структуры хозяйства и т.д., которая помимо ориентиров конечной и промежуточных целей должна включать обоснованное использование соответствующего инструментария по реализации намеченной цели, согласованность действий органов управления всех уровней и хозяйствующих субъектов на подконтрольных территориях.

Литература

1. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии: монография / А.Г. Дружинин. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.
2. Иншаков О.В. О проблемах интеграции теории хозяйства в условиях глобализации // Грани интеграции. – Волгоград, 2005.
3. Косолапов Н. Глобализация: территориально-пространственный аспект // МЭиМО. – 2005. – № 6.
4. Молчан А.С. Формирование точек экономического роста как базовая экономическая стратегия развития и модернизации региональной экономики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. – № 67. – С. 259–282
5. Молчан А.С., Тринка Л.И., Леошко В.П. Оценка состояния и перспективы развития макроэкономических факторов формирования воспроизводственного потенциала предприятий Краснодарского края //

Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. – № 65. – С. 226–241.

6. Молчан А.С. Воспроизводство и капитализация экономического потенциала региональных социально-экономических систем: монография / А.С. Молчан. Краснодар, 2011. – 305 с.

7. Хашева З.М., Молчан А.С. Стратегии и инструменты управления устойчивым развитием региональных социально-экономических систем: монография. – Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2014. – 297 с.

8. Щепакин М.Б. Системообразующий фактор устойчивого развития / М.Б. Щепакин, Г.М. Мишулин, Е.А. Кожура. – М.: Акад. пром. экологии, Сер. NaturaParendoVincitur, 2005.

9. Щепакин М.Б. Методологические и организационно-экономические аспекты обеспечения устойчивого развития депрессивного региона: монография / М.Б. Щепакин, В.Г. Боровиков, А.И. Маштаков; М-во сельского хоз-ва Российской Федерации, Дальневосточный гос. аграрный ун-т. Благовещенск, 2011. – 137 с.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

*Осадчук Л.М., к.э.н., доцент
Кубанский государственный
технологический университет*

Интеграция России в глобальную мировую экономику с учетом реализации национальных интересов является характерной особенностью ее современного развития. Важными организационными этапами последних лет в сфере внешнеэкономической деятельности стали вхождение России в ВТО и создание Таможенного союза [1].

С 2010 года начал функционировать Таможенный союз в составе трех государств – Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Беларусь, предусматривающий создание единой таможенной территории, в рамках которой не применяются таможенные пошлины, и действует особый механизм взимания косвенных налогов.

За 2010-2013 гг. сложилась определенная структура внешне-торговых потоков в рамках Таможенного союза. Общий объем внешней торговли Таможенного союза в 2013 году составил 931 млрд. долл., при этом достигнуто положительное сальдо внешней торговли в сумме 239,8 млрд. руб. По мнению специалистов это подтверждает устойчивость экономики Таможенного союза и увеличение налоговых поступлений. С 2009 по 2013 гг. объем взаимной торговли между странами увеличился в 1,8 раза и в 2013 году составил 64,1 млрд. долл. Во взаимной торговле в 2013 году увеличилась доля продовольственных товаров. Удельный вес поставок продукции несырьевых отраслей России (машиностроения, химической продукции) странам Таможенного союза значительно превышает экспорт в третьи страны [5].

В рамках Таможенного союза восстанавливаются прежние экономические связи, формируется не только общий рынок товаров, но и рабочей силы. Расширение экономического пространства положительно влияет на предпринимательскую активность, следовательно, способствует росту ВВП всех стран-участников ТС.

Вместе с тем после вступления России (единственной из участников Таможенного союза) в ВТО возникли определенные проблемы в регулировании взаимных внешнеторговых потоков Таможенного союза из-за обострения конкуренции со стороны иностранных компаний. Сохраняются также противоречия между национальным таможенным законодательством и нормами Таможенного кодекса Таможенного союза. Вследствие этого унифицированные торговые операции для стран Таможенного союза в ряде случаев не соответствуют особенностям российских процедур.

Важнейшей составной частью внешнеэкономической деятельности является налоговое регулирование экспорта и импорта товаров. Действующий механизм стимулирования экспорта товаров в России тесно увязан с порядком исчисления и уплаты НДС и включает три основных инструмента:

- применение ставки НДС 0% с возможностью возмещения НДС на ресурсы, потраченные на производство экспортной продукции;
- использование заявительного порядка возмещения НДС при определенных условиях;

– освобождение от НДС авансов или частичной оплаты экспортных товаров, облагаемых ставкой 0%.

В рамках Таможенного союза особенности налогообложения торговых операций регулируются международными договорами.

Одним из них является «Соглашение о принципах взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг в таможенном союзе» [4]. Соглашение содержит две основные нормы:

– при экспорте товаров применяется нулевая ставка НДС и освобождение от уплаты акцизов при условии документального подтверждения факта экспорта;

– при импорте товаров на территорию одного государства – участника Таможенного союза с территории другого косвенные налоги взимаются налоговыми органами государства – конечного импортера.

Механизм реализации указанных положений детализирован в соответствующих Протоколах:

– Протокол о порядке взимания косвенных налогов при экспорте и импорте [2]. Этот документ отражает особенности налогообложения товаров;

– Протокол о взимании косвенных налогов при реализации услуг, работ [3].

Протокол, посвященный порядку уплаты НДС при экспорте и импорте, содержит нормы, регламентирующие порядок определения стоимости продукции и налоговой базы по НДС при ее импорте. При этом под стоимостью приобретенных товаров, в том числе тех, которые являются результатом выполнения работ по договору об их изготовлении, является цена сделки, подлежащая уплате поставщику за товары, согласно условиям договора. Если же товары получены по договору товарного кредита, их ценой будет считаться стоимость, указанная в этих договорах. Налоговая база по НДС при импорте в Таможенном союзе определяется без учета транспортных расходов и затрат на упаковку.

Протокол о порядке взимания косвенных налогов при экспорте и импорте определяет также процедуру уплаты НДС при экспорте товаров. Операции по перемещению товаров, работ,

услуг с территории России в Белоруссию или Казахстан облагаются НДС.

К экспортным поставкам применяется налоговая ставка в размере 0 процентов. Но необходимо подтвердить факт экспорта. Для этого в налоговый орган участники ВЭД должны одновременно с декларацией представить пакет документов. В целом вышеназванный Протокол повторяет нормы статьи 164 Налогового кодекса РФ.

Что касается работ и услуг, то как правило, невозможно зафиксировать факт их перемещения в пространстве. Поэтому для расчета косвенных налогов требуется установить место, где эти работы или услуги оказаны. Участниками Таможенного союза определено, что при выполнении работ, оказании услуг организации будут уплачивать НДС в той стране, на территории которой эти работы и услуги реализованы. Если местом реализации услуг окажется Россия, то НДС рассчитывается по правилам статей 149, 153, 154, 164 Налогового Кодекса РФ. Эта договоренность стран Таможенного союза закреплена в п. 2 Протокола от 11.12.2009 «О порядке взимания косвенных налогов при выполнении работ, оказании услуг в Таможенном союзе», при этом правила определения места реализации работ, услуг практически дословно совпадают с соответствующими положениями статьи 148 Налогового кодекса РФ.

Так, местом реализации работ и услуг, связанных с недвижимостью, будет территория, где эта недвижимость фактически находится. Например, если белорусская строительная фирма строит производственное помещение в Орле, то работы этой фирмы облагаются НДС по нормам Налогового кодекса РФ. Если оказание работ и услуг касается движимого имущества, то местом их реализации будет территория той страны, где это имущество находится физически (подп. 2 п. 1 ст. 3 Протокола). Так, если российский машиностроительный завод выполняет работы по монтажу и пуску оборудования в Республике Беларусь, то в России эти работы облагаться НДС не будут. Белорусская фирма удержит НДС по налоговым правилам Республики Беларусь.

Нормы основных документов Таможенного союза – Соглашения о принципах взимания косвенных налогов при экспорте и

импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг [4], и Протокола о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров [2], применяются при заключении экспортных договоров только между хозяйствующими субъектами государств – членов Таможенного союза. Отсюда возникают проблемы контроля по количеству ввозимых товаров одним физическим лицом без уплаты пошлины, особенно при временном ввозе транспортных средств для личного пользования.

При внешнеторговых операциях внутри Таможенного союза важным документом является заявление импортера о ввозе товаров и уплате покупателем косвенных налогов в налоговый орган своей страны. Экспортер не сможет возместить НДС, если контрагент не выполнил свои налоговые обязательства. Одновременно перечень документов экспортера не является закрытым в соответствии с подп. 5 п.2 ст.1 Протокола [2], что позволяет налоговым органам требовать от экспортера не только документы, предусмотренные международным договором, но и документы, предусмотренные ст. 165 НК РФ. Данная проблема вызывает задержки с возмещением НДС экспортеру.

Важным моментом деятельности Таможенного союза является распределение ввозных таможенных платежей (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное значение) между странами-участниками. Распределение указанных платежей между бюджетами производится согласно установленным нормативам: для России 87,97%, Республики Казахстан 7,33%, Республики Беларусь 4,7%. В 2013 году фактические поступления составили 24,3 млрд. долл., в том числе в бюджет России 21,4 млрд. долл., Республики Казахстан 1,8 млрд. долл., Республики Беларусь 1,1 млрд. долл. В рамках трехсторонней коллегии было предложено при перечислений платежей применять национальные валюты без промежуточной конвертации в доллары США.

На распределение платежей между странами оказывает влияние национальное налоговое законодательство. Налоговые системы трех стран различаются между собой, особенно в части механизма исчисления и уплаты косвенных налогов. Так, в Казахстане применяются более льготные условия в части НДС. Со-

храняется проблема сбалансирования ставок акцизов в связи постоянной их индексацией по налоговому законодательству РФ. Не решен вопрос унификации налоговых ставок тех подакцизных товаров, по которым возможен нелегальный оборот без уплаты акцизов. Это требует сближения национальных норм в части применения косвенных налогов при налогообложении экспортно-импортных операций.

В декабре 2014 года парламент Армении ратифицировал договор и присоединении к Евразийскому экономическому союзу. Следовательно, Армения с 1 января 2015 года становится полноправным участником ЕАЭС. Это потребует дальнейшей проработки нормативной базы по взиманию косвенных налогов с учетом интересов всех участников Евразийского экономического союза.

Литература

1. Маркарян В.Р. Проблемы учета геозтноэкономического потенциала региона в условиях глобализации // *Journal of Economic Regulation*. – 2013. – Т. 4. – № 1. – С. 35–41.
2. Протокол о порядке взимания косвенных налогов при экспорте и импорте. Санкт-Петербург, 11.12.2009. <http://base.garant.ru>
3. Протокол о взимании косвенных налогов при реализации услуг, работ. Санкт-Петербург, 11.12.2009. <http://base.garant.ru>
4. Соглашение о принципах взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг в таможенном союзе. Москва, 25.01.2008 (с изменениями от 11.12.2009). <http://base.garant.ru>
5. Экономика Таможенного союза в 2013 г. демонстрирует его жизнеспособность // <http://www.ritmeurasia.org/news--2014-03-01--ekonomika-tamozhennogo-sojuza>.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА¹

Пономарева А.С., м.н.с.

*Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми
НЦ УрО РАН*

В настоящее время возрастает роль Севера как ресурсной кладовой экономики. Среди факторов, определяющих комплексное развитие северных территорий, важное значение принадлежит сельскому хозяйству, обеспечивающее население этой зоны свежими биологическими полноценными продуктами питания: мясом, рыбой, молоком, яйцом и овощами. Экономически оправданное производство продукции, главным образом, экологически безопасной, малотранспортабельной и скоропортящейся, для которой имеются благоприятные условия, высвобождает народное хозяйство других регионов России от необходимости заготовливать, перерабатывать и транспортировать ее эквивалентное количество.

Необходимость модернизации аграрного производства в районах Севера диктуется преодолением отсталости его технико-технологического уровня, обеспечением населения свежими биологически полноценными продуктами питания, рациональным использованием природного и человеческого капитала, повышением уровня и качества жизни крестьян.

Модернизация аграрного сектора представляет собой тип экономического развития, основанный на постоянном технико-технологическом совершенствовании, применении новых сортов растений, пород и видов скота и кроссов (гибридов) птицы, новых форм организации и управления, социальных и экологических инноваций. Модернизация на современном этапе развития производительных сил – это процесс глубоких изменений раз-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми, научный проект №13-12-11001 а/С, научного проекта УрО РАН №12-У-7-1013

личных сторон жизни на селе; она должна быть комплексной и не сводится к техническому и экономическому аспектам. Ее целями являются не только достижение роста аграрного производства, но и преодоление бедности сельского населения, повышение его благосостояния [7].

Научным объяснением понятия «модернизация» заняты философы, социологи, историки, экономисты, географы, экологи, политологи и другие специалисты, так что в целом эта проблематика становится междисциплинарной. Модернизацию аграрного производства следует осуществлять с пониманием, что она касается не только коллективных и крестьянских (фермерских) хозяйств, но и сельских домохозяйств, роль которых в продовольственном обеспечении в условиях циклических экономических кризисов вновь становится весьма существенной [6, с. 504].

Основой модернизации являются инновации, формирующие новый технологический уклад. Для осуществления инноваций определяющим является спрос на новшества, а не предложения со стороны науки. Н.Д. Кондратьев отмечал, что «научно-технические изобретения могут оставаться недействительными, пока не появятся необходимые экономические условия для их применения» [2, с. 210].

В качестве объекта исследования выступают хозяйствующие субъекты сельских периферийных районов Республики Коми. Опираясь на комплексную оценку периферийности территорий Республики Коми, сделанную под руководством Т.Е. Дмитриевой в коллективных исследованиях [1, с. 22], основываясь на оценочный процесс и структурированный набор показателей оценки периферийности ими было сформировано представление о территориальной структуре деприваций развития Республики Коми, в результате к периферийным сельским территориям можно отнести Усть-Цилемский, Ижемский, Удорский, Троицко-Печорский, Усть-Куломский и Койгородский районы (рис. 1).

Рассматриваемые территории входят в четыре агроклиматических района. Преобладающая часть Усть-Цилемского и Ижемского районов относятся к *I* холодному агроклиматическому району. В агроклиматический район *II* – умеренно холодный – входят также Удорский, южная часть Усть-Цилемского, Ижемского

и северо-восточная часть Троицко-Печорского. В *III агроклиматический район* входят Троицко-Печорский район (кроме северо-востока), северная часть Усть-Куломского района. В *IV агроклиматический район* (умеренно прохладный) входят Койгородский и южная часть Усть-Куломского района [9].

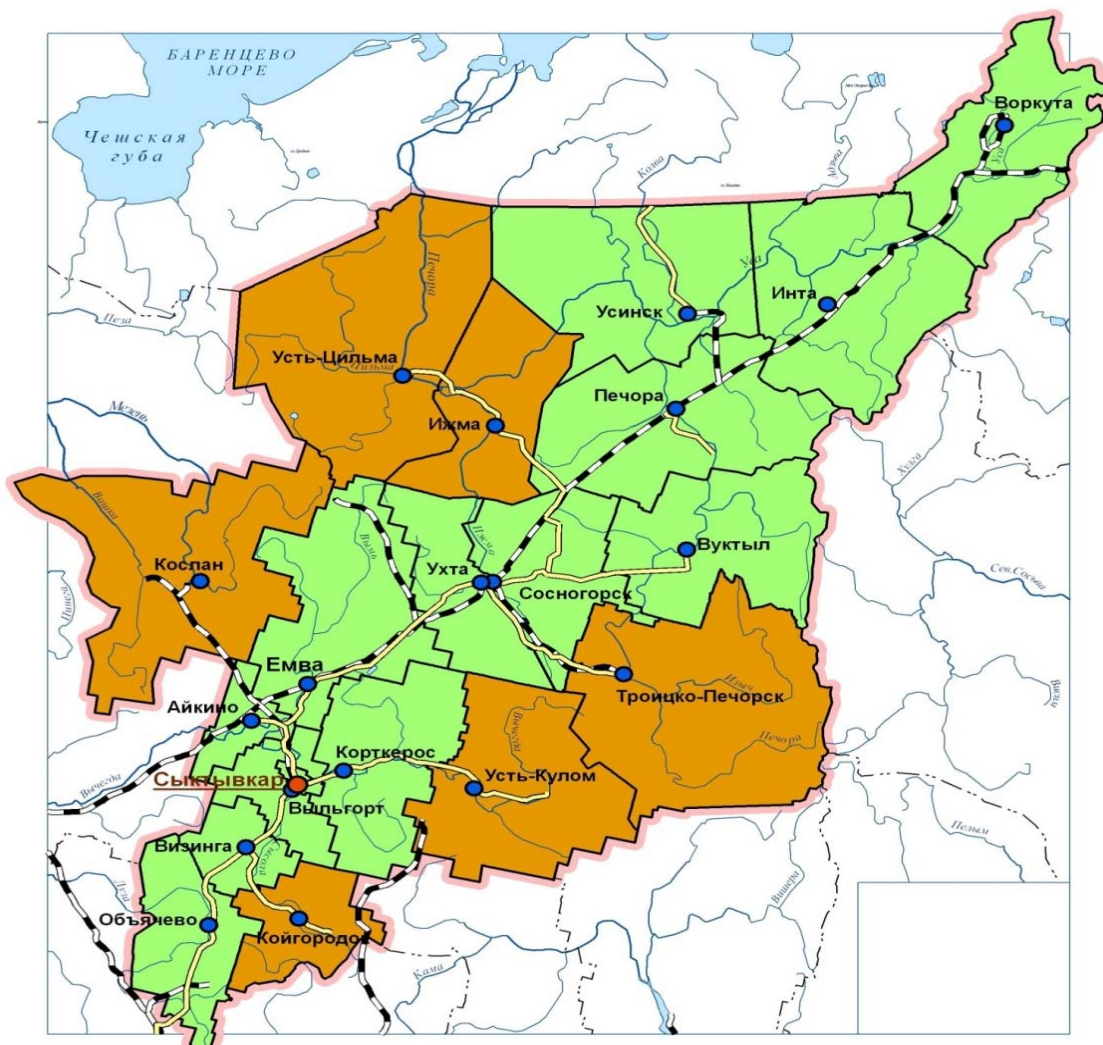

Рис. 1. Периферийные сельские районы Республики Коми

Периферийные сельские районы занимают 41,8% территории Республики Коми. Здесь проживало на 1 января 2012 года 98,6 тыс. чел., или 11,1% от общей численности населения и 41,1% сельского населения республики. В периферийных районах имеется 239 сельских населенных пунктов или 33,2% общей их численности. Муниципальное устройство представлено 75 поселениями. За 1991–2012 гг. численность населения периферийных

районов сократилось на 30,7%, а сельское население Республики Коми – на 32,5%. Самым большим по территории и слабозаселенным периферийным районом является Усть-Цилемский, самый северный. В среднем по периферийным территориям плотность населения – 0,6 человека, тогда как в республике – 2,2 человека.

При общей большой площади периферийных районов относительно небольшая часть территории (0,9 %) используется для сельскохозяйственных целей. Доля пашни составляет лишь 0,1%, а по республике это показатель равен 0,2%. Распаханность составляет 14%, против 24% в среднем по Республике Коми. Поскольку большая часть территории республики и этих районов занята лесом. Низкая освоенность территории республики объясняется неблагоприятными для сельского хозяйства природно-климатическими условиями и малой ее заселенностью.

За 1965–1990 гг. и в середине 1990-х гг. доля периферийных районов в производстве сельхозпродукцией была довольно значительной. В общем производстве мяса по республике их доля в 1980 г. составляла 26%, 1990 г. – 22, в 1995 г. – 21%, а в настоящее время она упала до 11%.

До 1990 гг. была характерна значительная помощь государства по техническому перевооружению села (покупке техники) и обеспечивался паритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, что позволяло большинству колхозам и совхозам иметь рентабельность производства, позволяющую вести расширенное воспроизводство. В 1990 г. все совхозы и колхозы, все основные виды продукции были рентабельны, уровень которой составил 44 %. Кроме того, значительное влияние в источниках расширенного воспроизводства сохраняли бюджетные ассигнования. В среднем за 1976–1980 гг. доля государственного бюджета в источниках формирования основных фондов и прироста собственных оборотных средств составила 43%, за 1981–1985 гг. – 37, за 1986–1988 гг. – 31%.

Доля этих районов в общереспубликанском производстве в 1990 г. по картофелю составляла 21%, мясу – 22 и молоку – 30%. Происходили положительные изменения в сближении условий и уровня жизни сельского и городского населения, а также в финансовом состоянии отрасли. В предреформенный период все

сельхозпредприятия периферийных районов были рентабельны. Уровень рентабельности агропроизводства соответствовал или был близок к оптимальной величине (40–50%), при которой осуществление процесса расширенного воспроизводства гарантировало устойчивость развития.

Таким образом, модернизация сельского хозяйства периферийных районов Республики Коми в дореформенный период свидетельствует о положительной динамике изменений не только в аграрном производстве, но и периферийных сельских районов в целом.

В ходе рыночных реформ в аграрном секторе происходят противоречивые социально-экономические процессы. Рыночные и аграрные преобразования сопровождались резким сокращением объемов инвестиций, господдержки, ускоренной либерализацией цен на материально-технические ресурсы для отрасли, приведшие к усилению диспаритета цен на аграрную и промышленную продукцию [3].

В период реформирования для сельского хозяйства в общем объеме инвестиций в основной капитал по экономике Республики Коми снизилась с 5,7% в 1990 г. до 1,2% в 1995 г. и до 0,3% в 2012 г.

Наблюдается организационное, техническое и технологическое отставание отрасли. Парк тракторов всех марок в сельскохозяйственных организациях периферийных районов за 1990–2012 гг. сократился с 1752 до 207 шт., внесение минеральных удобрений на 1 га посева в пересчете на 100% питательных веществ уменьшилось с 112,83 до 1,5 кг, органических – с 21,53 до 1,6 т. Имеющаяся техника катастрофически стареет. Данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. показали, что в сельхозорганизациях рассматриваемых районов лишь 3% тракторов в эксплуатации до 3 лет, доля техники 9 и более лет – 84%.

Важную роль в ускорении модернизации аграрного сектора играет кадровое обеспечение [5], но в это период произошел отток работников из сельского хозяйства, который привел к дефициту квалифицированных кадров в отрасли. За последние десятилетия резко сократилось количество специалистов в сельскохозяйственных организациях республики. В 2012 г. в аграрном секторе периферийных районов только 210 работников, занимавших должности руководителей и специалистов имели высшее образование,

53,9 – среднее специальное, а 27,3% являлись практиками. Низкий уровень образования у руководителей среднего звена – 2,4%.

«Рыночные преобразования» очень сильно повлияли на развитие сельского хозяйства в периферийных сельских районах, произошло сильное сокращение всех основных показателей сельскохозяйственного производства, резкое ухудшение социальной и производственной инфраструктуры, увеличился отток населения в города, острая проблема нехватки квалифицированных специалистов и т.д. (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели сельского хозяйства
и социальной инфраструктуры периферийных районов
Республики Коми за 1990–2012 гг.**

Показатели	1990 год	2012 год
Сельскохозяйственные угодья, га	18220	5653
Парк тракторов, шт.	1752	207
Поголовье КРС, гол.	56333	11492
Поголовье коров, гол.	22826	5871
Производство молока, т	63740	18753
Производство мяса (в живом весе), т	12795	3098
Производство картофеля, т	26681	28440
Производство молока на душу населения, кг	442	192
Производство мяса на душу населения, кг	89,9	31,7
Население, чел.	142,3	98,6
Миграционный процесс на 1000 чел.	-27,2	-124,6
Наличие ветхого жилья, тыс. кв. м	201,5	638,3
Ввод в действие объектов социального назначения, в том числе жилых домов, кв. м	53478	15847
Дошкольные образовательные учреждения, ед.	257	138
Больничные учреждения, ед.	42	16 ¹
Клубные учреждения, ед.	174	143 ²

1 – с 2005 г. включается филиалы, ранее как самостоятельные учреждения

2 – с 2007 г. изменилась методика учета количества организаций

Таким образом, «рыночные преобразования» в ходе которых практически отсутствовала какая либо модернизация, привели к резкому снижению уровня жизни, ухудшению среды обитания сельских жителей. Северное село переживает системный кризис,

основными проявлениями которого являются не только спад аграрного производства в результате, но и обострение демографической ситуации, высокий уровень безработицы сельского населения, проблемы его бедности, снижение качества жизни, разрушение производственной и социальной инфраструктуры.

Анализ господдержки сельхозпроизводителей Республики Коми показал, что из федерального бюджета в 2011 г. было выделено лишь 11,1% средств. Из общей суммы субсидий аграрному производству республики на финансирование сельского хозяйства периферийных районов республики направлено только 9,9% (табл. 2).

В 2012 г. господдержка сельскохозяйственных товаропроизводителей периферийных сельских районов Республики Коми составила 12,3% (102862 тыс. руб.) бюджетных средств от общего объема расходов Республики Коми на сельское хозяйство при их доле в объеме валовой продукции 18 %. Субсидии периферийным районам на продукцию животноводства составляют 49902 тыс. руб. (16,3%), из них на мясо крупного рогатого скота – 4668 тыс. руб. (16,9%), на молоко – 44664 тыс. руб. (20,8%) Субсидии на программные инвестиции в основной фонд, техническое и технологическое перевооружение – 19526 тыс. руб. (11,1%), субсидии на корма – 11074 тыс. руб. (12,1%), прочие субсидии и субвенции – 22360 тыс. руб. (9,4%).

Таким образом, существующие размеры государственной поддержки сельскому хозяйству периферии не позволяют, не только осуществлять модернизацию на инновационной основе, но и сдерживать падение аграрного производства. Для динамичного развития аграрного сектора требуется усиление государственной поддержки [4].

Проведенный анализ финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций периферийных районов за 2012 г. выявил только одну сельскохозяйственную организацию СПК «Агро-Центр» с абсолютной финансовой устойчивостью и ООО «Рыбак Печоры пром» с нормальной финансовой устойчивостью, остальные 18 сельскохозяйственных предприятий находятся в кризисном финансовом положении. В таблице 3 представлен сводный анализ финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций периферийных сельских районов Республики Коми за 2008–2012 гг.

Таблица 2

Субсидии из регионального и федерального бюджетов на целевое финансирование сельского хозяйства периферийных районов Республики Коми за 2011 г., тыс. руб.

Направления поддержки	Республика Коми		Периферийные районы Республики Коми
	всего	в т.ч. из фед. бюджета	
<i>Государственная поддержка программ и мероприятий по развитию растениеводства всего</i>	45378	11621	16914
<i>Государственная поддержка программ и мероприятий по развитию животноводства всего</i>	471317	45417	40342
В том числе: Субсидии бюджетам субъектов РФ на поддержку племенного животноводства	46890	24872	3792
Субсидии бюджетам субъектов РФ на поддержку северного оленеводства и табунного коневодства	38502	20545	-
Субсидии на продукцию животноводства (без субсидий на переработку)	259036	-	18803
Из них на: молоко	200940	-	1278
мясо	42803	-	-
Другие субсидии на поддержку животноводства	30988	-	3851
Субсидии на комбикорма	95901	-	10205
Субсидии на возмещение сельхозтоваропроизводителям, части затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам, полученным в 2007–2011 гг. на срок до 8 лет на строительство, реконструкцию и модернизацию комплексов по осуществлению рыболовства)	192	157	-
Дотации бюджету Республик Коми на поддержку мер по обеспечению его сбалансированности	35986	35986	-
Федеральная целевая программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006–2010 гг. и на период до 2013 г.»	13570	2204	-
<i>Всего</i>	<i>1253480</i>	<i>138621</i>	<i>123507</i>

Таблица 3

**Сводная таблица по финансовому состоянию
сельскохозяйственных организаций периферийных районов
Республики Коми за 2008–2012 гг.**

Года	Количество сельско- хозяйственных организаций	Тип финансовой устойчивости			
		Абс. фин. уст. (1,1,1)	Норм. фин. уст. (0,1,1)	Неуст. фин. сост. (0,0,1)	Криз. фин. сост. (0,0,0)
2008	20	3	2	0	15
2009	19	7	0	0	12
2011	18	4	5	1	8
2012	19	1	1	0	17

Для обеспечения финансовой устойчивости функционирования хозяйств аграрного сектора периферийных районов, которая позволит проводить модернизацию сельского хозяйства, господдержка должна составлять 430-450 млн. руб. в год.

Следует отметить значимость модернизации производственной базы скотоводства для северных территорий с использованием инновационных технологий. Обусловлено необходимостью сохранения и развития важнейшей жизнеобеспечивающей отрасли скотоводства для периферийных сельских районов Севера, которая имеет важное и многофункциональное значение. Она обеспечивает население малотранспортабельными молоком и молочными изделиями, свежим мясом, круглогодovou занятость, а также позволяет рационально использовать природные кормовые угодья (сенокосы и лесные участки).

Развитие скотоводства в решающей степени зависит от роста инвестиций и перехода модернизации на инновационную основу. Так, инвестиции в основной капитал сельского хозяйства Республики Коми в общей сумме снизились за 1992–2012 гг. с 5,7 до 0,8%, при удельном весе сельского хозяйства в валовом региональном продукте, равном 2,4%. Темпы снижения инвестиций в аграрный сектор более чем в четыре раза выше, чем в целом по республике.

Автором был проведен расчет экономической оценки инновационно-инвестиционных проектов по строительству молочных

ферм на 100 и 200 коров на примере СПК колхоз «Чернутаевский» и СПК «Вашка» Удорского периферийного сельского района, с использованием новейших технологий, а также при достижении высокой продуктивности коров (5500 кг) и соответствии принципам производства органической продукции, показала следующее. При существующей, достаточно неплохой господдержке инновационно-инвестиционной деятельности и доходов сельхозпроизводителей, указанные проекты окупятся через 12,5 и 11,3 года при сроке предоставляемого кредита на 8 лет. Только при достижении сельхозорганизациями оптимального уровня рентабельности (40–50%) и сохранении нынешней господдержки на инновационные цели срок окупаемости проекта будет ниже предоставляемого кредита – 7,1 и 7,4 года (табл. 4).

Таблица 4

**Оценка эффективности
инновационно-инвестиционных проектов**

Проект		Чистый дисконтированный доход (NPV), тыс. руб.	Чистая прибыль от реализации проекта, млн. руб.	Простая норма прибыли (R), %	Простой срок окупаемости, лет	Индекс доходности, (PI)	Внутренняя норма рентабельности (IRR), %	Дисконтированный срок окупаемости ($DT_{ок}$), лет
Строительство молочной фермы на 100 гол. в СПК колхоз «Чернутаевский»	1	859,8	16,9	12,5	8,93	1,04	11,3	12,49
	2	6642,2	31,5	22,4	4,52	1,36	16,3	7,1
Строительство молочной фермы на 200 гол. в СПК «Вашка»	1	6660,1	28,8	11,2	9,16	1,19	11,6	11,25
	2	4688,5	48,7	18,4	5,26	1,13	11,4	7,38

1. При существующей господдержке.
2. При поддержке доходов, обеспечивающих оптимальный уровень рентабельности.

Для активизации модернизации на инновационной основе отрасли потребуется существенное повышение гарантированных цен на мясо крупного рогатого скота и молоко, а также долгосрочного кредита. Льготный кредит на строительство и модернизацию животноводческих помещений в условиях Севера следует предоставлять на 20–25 лет, а на приобретение техники и оборудования – на 6–8 лет.

Для подъема рентабельности и увеличения инвестиционных возможностей для модернизации аграрного сектора северных территорий, особенно периферийных сельских районов, требуется значительное увеличение прямой государственной поддержки. Без поддержки доходов товаропроизводителей через субсидирование цен на производимую продукцию эффективность инвестиций будет крайне низкой, они могут даже не окупиться [8].

Проведенный анализ модернизации сельского хозяйства периферийных сельских районов на примере Республики Коми позволяет сделать следующие выводы.

1. Важность модернизации сельского хозяйства обусловлена приостановлением спада производства, обеспечением населения свежими биологически полноценными продуктами питания, рациональным использованием природного и человеческого капитала, повышением уровня и качества жизни крестьян.

2. Сельское хозяйство на Севере в силу его особенностей без помощи государства и усиления его роли не сможет осуществлять переход к развитию модернизации на инновационной основе для преодоления затянувшегося кризиса без создания «благоприятных условий» в аграрном секторе.

3. Периферийные сельские районы Республика Коми для технико-технологического и социально-экономического развития аграрной сферы имеют предпосылки: наличие трудовых ресурсов, естественной кормовой базы (крупных массивов пойменных лугов), возможность производства органической продукции, спрос на свежие молочно-мясные продукты; главными сдерживающими факторами модернизации и инновационного развития – остаются низкая инвестиционная привлекательность отрасли, ограниченность собственных финансовых ресурсов у хозяйствующих субъектов, недостаточные размеры господдержки аграрной

сферы, нехватка квалифицированных кадров, низкий уровень заработной платы, слабое развитие производственной и рыночной инфраструктуры, ухудшение социальной сферы села.

Литература

1. Дмитриева Т.Е. Методологический конспект пространственного развития северного региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2009. № 1 (38). С. 22–29.

2. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.

3. Константиныди Х.А., Константиныди Э.В. Маркетинг территорий как инструмент формирования инвестиционной привлекательности региона: опыт, проблемы, перспективы (на примере Краснодарского края). Проблемы достижения экономической эффективности и социальной сбалансированности: императивы, правовые и хозяйственные механизмы (сб. статей международной науч.-практ. конференции) / под общ. ред. Э.В. Соболева, С.И. Берлина, В.В. Сорокожердьева. – Краснодар, 2014. – С. 97–101.

4. Константиныди Х.А., Сутаева П.А. Развитие субрегиональных систем в Южном макрорегионе России // Terra Economicus. – 2008. – Т. 6. – № 3–2. – С. 279–282.

5. Обеспечение развития сферы образовательных услуг на основе использования рыночных инструментов: Коллективная монография / под общ. ред. к.э.н., доцента Поповой А.С. – Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2013. – 264с.

6. Пациорковский В.В. Семейные хозяйства и воспроизводство населения в инновационном и технологическом развитии регионов // Регионы России: Стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития. Тр. Седьмой междунар. науч.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2011. – Ч. 1. – С. 498–505.

7. Попова А.С., Новоселова Н.Н. Совершенствование государственного регулирования развития аграрной сферы – «Вестник ИРГСХА». – 2013. – Т. 2. – № 4. – Ч. 1. – С. 108–116.

8. Рубин А.Г. Комплексный подход к методам оценки рисков предприятия в условиях нестабильности деловой среды // Экономика: теория и практика. – 2009. – № 2 (18). – С. 62–64.

9. Система ведения сельского хозяйства АПК Коми ССР на 1991–1995 гг. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – 208 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА

*Пишова Е.Н., к.ю.н., доцент
Адыгейский государственный университет*

В теории уголовного права существуют различные определения квалификации преступления. По мнению А.А. Герцензона, квалификацию преступлений следует рассматривать как «установление соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [1]. Квалификация преступлений И.Я. Козаченко определяется как «установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [15, с. 125]. Аналогичное мнение высказывают Б.А. Куринов [11, с. 11] и В.Н. Кудрявцев [10, с. 4].

А.В. Наумов и А.С. Новиченко, считают, что «при квалификации устанавливается «тождество» между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, а не «соответствие» этих признаков». В обоснование своего мнения они указывают на то, что при квалификации происходит «накладывание» признаков совершенного деяния на признаки, сформулированные в правовой норме, а не сравнение этих признаков, которое приводит к их соответствию. Если все признаки при таком «накладывании» совпадут, то на лицо будет тождество, которое необходимо для квалификации [13, с. 10–12].

Анализируя идеи указанных и иных авторов, В.Б. Шакин считает, что «квалификация преступлений – это установление точного соответствия (тождества) между фактическими признаками рассматриваемого общественно опасного деяния и признаками того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом, а также юридическое закрепление в соответствующих процессуальных актах данного соответствия, в случае установления его наличия» [16, с. 65].

Все признаки составов преступлений с точки зрения их использования при квалификации преступлений можно разделить на

постоянные или конкретные (содержание которых остается одинаковым, пока в неизменном виде существует соответствующая норма уголовного закона) и переменные, к которым относят оценочные и бланкетные признаки. Такое разделение имеет непосредственное отношение к преступлениям против трудовых прав граждан, так как диспозиция ст. 143 – бланкетная, а ч. 2 ст. 145¹ – оценочная.

С учетом вышеизложенного, рассмотрим наиболее сложные вопросы квалификации преступных нарушений правил охраны труда.

В судебной и следственной практике часто возникают затруднения при квалификации преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ. Одна из трудностей связана с тем, что данная норма бланкетная и для признания факта нарушения правил техники безопасности или иных правил охраны труда необходимо обратиться к соответствующим правилам с обязательным указанием конкретного пункта, причем, надо учесть множественность таких правил.

Преступление в области охраны труда обычно не ограничивается нарушением какого-либо одного правила техники безопасности или промышленной санитарии, а представляет собой совокупность нарушений указанных правил.

Типичным примером служит несчастный случай на производстве с тяжелым исходом, происшедшим 10.11.13г. с электро-монтажником ОАО фирмы «Адыгпромстрой», Б. 10.04.13 на строительном объекте « № 45 кв. жилой дом» работала бригада штукатуров. Во время обеденного перерыва, когда прораба на строительной площадке не было, штукатур С. проводил обслуживание штукатурного насоса. По завершению обслуживания работ, он решил проверить работу насоса и включил его, не установив на место снятое ограждение шестеренчатой передачи. В это время мимо насоса к водопроводному крану проходил электро-монтажник Б.. На нем был надет расстегнутый личный рабочий хлопчатобумажный халат. По пути полу халата Б. затянуло в шестеренчатую передачу насоса, он упал на землю и ударил о насос ногу.

Согласно акту № 2 о несчастном случае на производстве, его причиной явилось нарушение ряда правил: а) отсутствие ограждения движущейся части оборудования, а именно – штука-

турного насоса, являющегося источником повышенной опасности; б) допуск к работе по обслуживанию штукатурного насоса работника, не прошедшего инструктаж, чем нарушены пункты 7.3.4 и 4.12 СНиП 12.03 02001 «Безопасность труда в строительстве»; в) необеспечение электромонтажников необходимыми видами спецодежды, чем нарушены требования ст. 212 ТК РФ [6].

Данный вид преступлений характеризуется наличием сложной причинной связи между нарушением правил безопасности труда и наступившими в результате этого последствиями. Допущенные нарушения неизбежно влекут за собой возникновение разнообразных факторов, обуславливающих, в свою очередь, наступление вредных последствий. В зависимости от характера допущенных нарушений такие факторы могут относиться к технической или организационной стороне производственного процесса либо к промышленной санитарии. В соответствии с этим причины несчастных случаев принято подразделять на организационные, санитарно – гигиенические и технические.

В практике причины технического характера (ненадлежащая эксплуатация оборудования, скрытые дефекты деталей машин, конструктивные недостатки механизмов и агрегатов) очень распространены. Так, 22.04.02 г. С., станочница деревообрабатывающего цеха ПБОЮЛ «Кадацкий» в г. Майкопе, получила травму грудной клетки и живота в результате взрыва воздухоборника компрессорной установки, что привело к ее смерти. Причиной данного несчастного случая явилось непроведение своевременного гидравлического испытания на прочность элементов воздухоборника и некачественного изготовления оборудования – брак сварных соединений воздухоборника [5].

Эксплуатация технически неисправного оборудования и непрохождение пострадавшим инструктажа по охране труда явились причинами несчастного случая на производстве со смертельным исходом, происшедшего 02.01.2001 г. с трактористом КДХ «Заря» Кошехабльского района Х., который погиб при запуске двигателя трактора Т-150 с неисправной системой блокировки запуска двигателя трактора при включенной передаче. После запуска двигателя трактор начал движение и переехал колесами Хвостикова, стоявшего перед передними колесами [3].

Неудовлетворительная организация производственных процессов в целом или отдельных технологических операций, рабочих мест, нерациональное размещение оборудования, ненадлежащая расстановка работников и т. п. составляют организационные причины.

К санитарно-гигиеническим причинам относятся следующие опасные и вредные факторы: повышенная запыленность и загазованность воздуха рабочей зоны; повышенная или пониженная температура воздуха рабочей зоны или поверхностей оборудования; повышенный уровень шума, вибрации, различных электромагнитных излучений; недостаточная освещенность рабочей зоны и т.д.

Наступившие вредные последствия обуславливаются действием как одной, так и комплексом разнородных причин. Так, например, неисправность вентиляционного оборудования ввиду некачественного ремонта (техническая причина) влечет за собой загазованность производственного помещения (санитарно-гигиеническая причина), что при отсутствии у работников индивидуальных средств защиты (организационная причина) приводит к несчастному случаю. Так, 03.09.2002 г. по заданию прораба Е. выполняла малярные работы наружной части строящегося здания, находясь на металлических лесах заводского изготовления на уровне 4 этажа. Леса были вплотную придвинуты и закреплены к стене здания. Однако на месте производства работ имелось неогражденное пространство между деревянным настилом лесов, окном и импостом здания. При выполнении работ Е. потеряла равновесие и упала в неогражденный проем. Основной причиной несчастного случая явилось неприменение пострадавшей предохранительного пояса [4].

Некоторые сложности возникают при определении круга лиц, могущих нести ответственность за преступное нарушение правил охраны труда. В связи с этим вернемся к диспозиции ст. 143 УК. В ней указано следующее: «нарушение правил техники безопасности или иных правил охраны труда, совершенное лицом, на котором лежали обязанности по соблюдению этих правил...». Обратившись к трудовому законодательству, так как ст. 143 УК бланкетная, мы можем выяснить, на кого возлагаются указанные

обязанности. Согласно ст. 21 Трудового кодекса РФ обязанность соблюдать требования по охране труда и обеспечению безопасности труда возлагается на работника, то есть на всех лиц, выполняющих трудовую функцию по трудовому договору. Законодательство об охране труда предусматривает обязанность работника соблюдать нормы, правила и инструкции по охране труда, устанавливающие правила выполнения работ и поведения в производственных помещениях и на строительных площадках, использовать и правильно применять коллективные и индивидуальные средства защиты. Если правила по охране труда предусматривают, что обязательным условием допуска к данной работе является специальное обучение и сдача экзаменов по технике безопасности, работник обязан проходить такое обучение в рабочее время.

Соблюдать или строго придерживаться [14, с. 729] правил техники безопасности, иных правил охраны труда работник будет в состоянии только в том случае, если ему обеспечат эту возможность. Обязанность обеспечить, т.е. сделать реально исполнимыми [14, с.418] для работника все эти мероприятия, возлагается на работодателя. Требования об обеспечении здоровых и безопасных условий труда для работников, предъявляемые к работодателю, предусмотрены ст.ст.22, 212, 220–233 ТК РФ, а также Едиными межотраслевыми и отраслевыми правилами по технике безопасности и производственной санитарии [1].

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод, что понятия соблюдать и обеспечить соблюдение правил техники безопасности или иных правил охраны труда далеко не идентичны. Кроме того, соблюдать правила охраны труда обязаны все работники, а вот обеспечить соблюдение данных правил обязана определенная категория работников, наделенная специальными полномочиями в области безопасных условий труда.

Возникает вопрос: кто же все – таки должен нести ответственность по ст. 143 УК за преступное нарушение правил охраны труда? По смыслу данной статьи, уголовной ответственности подлежит любая категория работников, в том числе и рядовые. Однако, согласно существующей теории и практики, субъектом преступного нарушения правил охраны труда признается определенная категория работников, обязанная обеспечить соблюдение

техники безопасности и иных правил охраны труда. Конкретные обязанности по обеспечению охраны труда работодатель возлагает на руководителей структурных подразделений (иных лиц в силу функциональных обязанностей) и закрепляет в должностных инструкциях или утверждает приказом по организации, доводит до соответствующего должностного лица под расписку при приеме на работу.

Выявленные противоречия устранить несложно. Для этого в ст. 143 УКРФ необходимо внести дополнение, которое устранил противоречия уголовного и трудового законодательства, и изложить в следующей редакции: «Нарушение правил техники безопасности или иных правил охраны труда, совершенное лицом, на котором лежали обязанности по **обеспечению** соблюдения этих правил, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека...»

При всем этом остается открытым вопрос: должны ли нести уголовную ответственность рядовые работники, нарушающие правила охраны труда. Поскольку указанные в ст. 143 УК общественно опасные последствия могут наступать вследствие действия целого ряда причин (нарушение правил охраны труда со стороны ответственных за технику безопасности лиц; нарушение техники безопасности самим потерпевшим и т.п.), необходимо всесторонне исследовать наличие причинной связи между указанными в данной норме нарушениями правил охраны труда и наступившими вредными последствиями, учитывая также роль потерпевшего. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 постановления от 23 апреля 1991 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и безопасности горных, строительных и иных работ», если будет установлено, что несчастный случай на производстве произошел вследствие небрежности потерпевшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным – учитывать при назначении наказания факт небрежности, допущенной самим потерпевшим» [2, с. 406].

Такая трактовка уместна, если по своей же вине работник сам себе причинил вред. Но, как показывает практика, нередко нару-

шение правил охраны труда рядовыми работниками причиняет ущерб другим работникам, иногда и со смертельным исходом.

Проблема квалификации преступных посягательств рядовых работников, направленных на безопасные условия труда, поднималась в юридической литературе неоднократно. Как показывает практика, преступные нарушения правил охраны труда совершаются рядовыми работниками, но, как правило, органы следствия и суды оставляют без внимания факты вины рядовых работников в несчастных случаях с людьми, ограничиваясь вынесением представлений по факту общего низкого уровня трудовой дисциплины.

Определяя свое отношение к данной проблеме, пленум Верховного Суда РФ в п. 3 Постановления от 23 апреля 1991 г. разъяснил, что если нарушение правил и норм охраны труда допущено работником, не являвшимся лицом, указанным в статье УК о нарушении правил охраны труда, и повлекло последствия, перечисленные в этой статье, содеянное должно рассматриваться как преступление против личности независимо от того, имеет ли потерпевший отношение к данному производству или нет [2, с. 406].

Некоторые ученые также рекомендуют привлекать в таких случаях рядовых работников к уголовной ответственности по статьям о преступлениях против личности. Так Я.Л.Киселев пишет: «Рядовые работники (например, крановщик), виновные в преступном нарушении правил по технике безопасности, если последнее повлекло за собой несчастный случай с другим рабочим или служащим, могут быть привлечены к судебной ответственности по статьям Уголовного кодекса о преступлениях против личности...» [9, с. 106].

Хотя данная позиция стала доминирующей, с ней согласны не все ученые. Обращаясь к истории вопроса, приведем мнение И.П. Лановенко считающего, что «нарушение правил техники безопасности рядовым работником (как и должностным лицом), если последовала смерть человека, по объекту посягательства существенно отличается от убийства. Квалификация преступных посягательств рядовых работников, направленных на безопасные условия труда, как за убийство – юридически идентична, а в условиях отказа от аналогии просто недопустима. Квалификация преступления как за убийство может наступить лишь в том слу-

чае, когда нарушение правил техники безопасности явилось бесспорным способом (средством) совершения убийства» [12, с. 92].

При привлечении рядовых работников к уголовной ответственности за нарушение правил техники безопасности по нормам УК о преступлениях против личности (например, по статье об ответственности за убийство по неосторожности) они практически могут понести более строгое наказание и ставит их в более тяжелое положение по сравнению с должностным лицом, которое совершило аналогичное деяние.

Смысл данных высказываний сводится к тому, что квалификация преступного нарушения правил техники безопасности рядовым работником как преступления против личности, если это нарушение не служило способом нанесения телесных повреждений или причинения смерти, противоречит установившейся практике борьбы с преступлениями против личности и не соответствует содержанию закона.

Делая выводы из вышеизложенного, мы считаем, что необходимо устранить данный пробел в действующем уголовном законодательстве, приняв дополнительную правовую норму ст. 143.1 УК, устанавливающую ответственность рядового работника. Данная норма предусматривала бы уголовную ответственность за нарушение правил техники безопасности и иных правил охраны труда в отношении лица, на котором лежали обязанности по соблюдению этих правил, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1) или, если тоже деяние повлекло по неосторожности смерть человека (ч. 2).

Есть еще одна проблема, на которой хотелось бы остановиться. Последнее время многие организации, находящиеся в трудном финансовом положении, экономят свои средства за счет уменьшения расходов на охрану труда, сокращения штата должностных работников, в том числе специалистов по охране труда. В таких организациях, как правило, не разработаны функциональные обязанности по охране труда должностных лиц, приказами не назначены лица, ответственные за объекты повышенной опасности, отсутствуют специалисты по охране труда. Следствием этого являются несчастные случаи на производстве. И нередко следователи и суды необоснованно прекращают уголов-

ные дела о причинении увечий рабочим таких производств, ссылаясь на отсутствие лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Примером может служить несчастный случай со смертельным исходом, происшедший в совместном многоотраслевом малом предприятии «Кошехабль», где при численности работающих 115 человек отсутствовала должность специалиста по охране труда, а после сокращения должности гл. инженера, руководство предприятием осуществляли два человека – директор и его заместитель. Они же формально исполняли обязанности всех сокращенных специалистов.

В результате на предприятии отсутствовал контроль за соблюдением работниками требований правил и инструкций по охране труда, что и явилось причиной несчастного случая, когда водитель Б. по заданию зам. директора, производя компрессором подкачку спущенного колеса на автомашине Урал-375, со смещенным запорным кольцом, не воспользовался имеющимся специальным ограждением или другим приспособлением, предохраняющим от срыва замочного кольца, как того требует инструкция по охране труда. В результате при срыве замочного кольца Б. получил смертельную травму [7].

В подобных случаях необходимо иметь в виду не только вышеприведенные правила и нормы об охране труда, но, прежде всего, ст. 212 ТК РФ, где говорится, что обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда в организации возлагаются на работодателя. Таким образом, ответственность по ст. 143 УК РФ в рассматриваемой ситуации должен нести руководитель организации.

Однако это не значит, что руководитель организации всегда и во всех случаях несет ответственность по данному основанию. По этому поводу В.А. Широков справедливо отмечает, что «обеспечение безопасных условий труда является одним из элементов трудовой деятельности соответствующих должностных лиц и разграничение ответственности между ними необходимо для того, чтобы не оставлять безнаказанными лиц, которые непосредственно должны были обеспечить безопасные условия труда на определенном участке и не допускать случаев привлечения к

ответственности за всякое нарушение правил об охране труда вышестоящего руководителя только на том основании, что он всегда несет ответственность за состояние охраны труда на вверенном предприятии...» [17, с. 29].

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что первопричиной возникновения проблем при квалификации преступных нарушений правил охраны труда являются нечеткие и двусмысленные формулировки нормы, несогласованность с трудовым законодательством, что допускает различное истолкование правоприменителями в процессе квалификации указанного преступления.

Литература

1. Межотраслевые правила по охране труда при производстве ацетилена, кислорода, в процессе напыления и газопламенной обработки металла, утвержденные постановлением Минтруда России от 14 февраля 2002 г. № 11 // Российская газета. – 2002. – 20 мая.

2. О судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и безопасности горных строительных и иных работ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. № 1: ред. 21.12.93 // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. – М., 2000. – С. 406.

3. Архив прокуратуры г. Майкопа. Отк. Матер. 97/ 01.

4. Архив прокуратуры г. Майкопа. Отк. Мат. № 277/ 02.

5. Архив прокуратуры г. Майкопа. У/д № 1027136/ 02.

6. Архив прокуратуры г. Майкопа. Отк. мат. 187/ 03.

7. Архив Государственной инспекции труда по Республике Адыгея.

8. Герцензон, А.А. Квалификация преступления / А.А. Герцензон. – М., 1974. – С. 4.

9. Киселев, Я.Л. Законодательство об охране труда и технике безопасности / Я.Л. Киселев. – М., 1960. – С. 106.

10. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М., 2001. – С. 4.

11. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений / Б.А. Куринов. – М., 1984. – С. 11.

12. Лановенко, И.П. Уголовно- правовая охрана трудовых прав граждан / И.П. Лановенко, Г.И. Чангули. – Киев: Наук. Думка, 1989. – С. 92–93.

13. Наумов, А.В. Законы логики при квалификации преступлений / А.В. Наумов, А.С. Новиченко. – М., 1978. – С. 10–12.

14. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1996. – С. 729.

15. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. проф. И.Я. Козаченко, проф. З.А. Незнамова. – М.: Норма, 2004. – С. 125.

16. Шакин, В.Б. Квалификация преступлений и конкуренция уголовно-правовых норм / В.Б. Шакин // Сибирский Юридический Вестник. – 2002. – № 1.

17. Широков, В.А. Преступные нарушения правил охраны труда: учеб. пособие / В.А. Широков. – М., 1981. – С. 29.

ПОВЫШЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Саакян М.В., к.соц.н., доцент

Адыгейский государственный университет

Современное российское общество переживает глубокий нравственный, эстетический и духовный кризис, вызванный социально-экономическими переменами в стране. Кризис наблюдается и в правовом сознании граждан: правовой нигилизм, юридический беспредел, правовое бескультурье стали процветающими в современном обществе явлениями.

К сожалению, в наши дни нельзя говорить не только о высоком, но даже и о среднем уровне правовой культуры российского общества. Кризис современного правосознания во многом определяется именно низким уровнем правовой культуры. Повысить ее способны тщательно продуманная правовая пропаганда в средствах массовой информации, широкий доступ к нормативно-правовой базе, разработка и внедрение действенных форм вовлечения граждан в правотворческую и правоохранительную деятельность. Для распространения знаний о праве и правопорядке государство должно использовать все имеющиеся в его распоряжении средства: литературу, искусство, школу, церковь, печать,

радио, телевидение, специальные юридические учебные заведения. Основным элементом целенаправленного воздействия на развитие личности является правовое воспитание. Его необходимо выстраивать как многоуровневое и непрерывное. Оно должно начинаться в школе и продолжаться всю жизнь. Особенно необходимо уделить внимание правовому воспитанию молодежи, ведь от того, насколько будет образован и воспитан молодой человек, зависит будущее России. На сегодняшний день обращают на себя внимание данные социологического исследования отношения молодежи к помощи правоохранительным органам, по данным социологических исследований, респонденты в возрасте от:

16–20 лет – 3,7 % осуществляют помощь правоохранительным органам;

20–25 лет – 25,1 % осуществляют помощь правоохранительным органам;

старше 25 лет – 19,5 % осуществляют помощь правоохранительным органам.

А в свою очередь 64% молодежи считают, что правоохранительные органы не только не защищают их интересы, но напротив, выступают их врагом. Наблюдается явное противоречие в осознании права и закона, когда последний часто ассоциируется с насилием. В последнее время наблюдается заметное увеличение количества правонарушений, совершенных несовершеннолетними [1]. В формировании правосознания молодежи должны участвовать разные социальные институты – семья, учебные заведения, органы государственной власти, правоохранительные органы, общественные организации, учреждения культуры. Их усилия должны быть объединенными и системными, их действия и работа должны регламентироваться законодательно [менталитет] Правовой менталитет как социальный феномен // Вестник АГУ. – 2013. – Вып. 4. – С. 132–136.

Что касается взрослого населения России, здесь также в первую очередь возникает проблема «правового минимума» – обязательного уровня знания права, которым должен обладать каждый гражданин независимо от его социального статуса. Исследования показывают, что примерно часть россиян не ориентируются в нормах законодательства, знание которых диктуется повседневно-

ными жизненными потребностями. Многие из них подвержены правовому нигилизму. Все это снижает предупредительную силу закона, затрудняет справедливое и своевременное решение вопросов, возникающих у граждан в социальной сфере и процессе их хозяйственной деятельности, отрицательно сказывается на эффективности пользования конституционными правами и свободами, а также на состоянии общественного порядка и преступности.

К сожалению, государственные органы, призванные решать эту проблему, действуют разобщенно. В настоящее время практически не ведется последовательная пропаганда действующего законодательства. Правовоспитательные мероприятия проводятся, как правило, бессистемно, без учета состояния законности и правопорядка, а также потребности населения в тех или иных юридических знаниях. Средства массовой информации зачастую демонстрируют пренебрежительное отношение к праву, правовым принципам, законодательным нормам, во многих публикациях и выступлениях бросается в глаза низкий правовой уровень журналистов. Некоторые государственные и политические деятели нередко допускают в своих высказываниях примиренческое отношение к фактам нарушения законности, существования организованной преступности и коррупции.

На протяжении длительного времени для общества в целом была и остаётся актуальной задача по искоренению преступности, по воспитанию человека, соблюдающего порядок, правила поведения в обществе. Человека воспитывает семья, школа, ВУЗ, общество. Способность семьи эффективно функционировать считается решающей в предупреждении правонарушений. Детское непослушание, нечестность и другие формы антиобщественного поведения являются важными указателями последующих правонарушений. Но не только в семье закладываются основы поведения человека. Положение семьи в обществе зависит от политики государства – это политика в области здравоохранения, политика, связанная с ликвидацией безработицы и созданием рабочих мест, молодёжная политика. Ресурсы государства должны быть направлены на особые группы риска в местах их проживания, особенно в районах с низким уровнем развития, высокой преступности и безработицы. Ресурсы должны концентрироваться на осо-

бых категориях молодых людей, на особых проблемах, связанных с молодёжью, таких как наркомания, проституция, бездомность. Но, в конце концов, какие бы субъективные причины ни приводились, в преступлении, которое совершает человек, виноват он сам. А почему? Потому, наверное, что плохо знает право, не уважает законы, нечестен, завистлив, плохо воспитан. Поэтому необходима деятельность по правовому просвещению, по правовому воспитанию людей, по ликвидации юридической безграмотности. Для непосредственной борьбы с правонарушениями, для обеспечения законности и правопорядка государство создало правоохранительные органы – суд, прокуратуру, органы юстиции, внутренних дел, службу безопасности. Предупреждение правонарушений – главное направление в борьбе за укрепление законности и правопорядка.

Необходимо отметить, что состояние правовой культуры общества во многом определяется степенью участия профессионалов-юристов в работе по формированию правосознания граждан, а также их собственный уровень культуры. Правовое воспитание и пропаганда должны стать неотъемлемой частью профессиональной деятельности юристов, ведь именно их профессия основана на совершенном владении правовыми средствами.

В советские времена, в годы перестройки в России немало делалось для правового информирования граждан, повышения их правовой культуры: велась активная лекционная и издательская деятельность с привлечением ученых-правоведов, практиков из числа правоохранительных органов, юрисконсультов. Сегодня участие юристов в правовом воспитании практически и правовой пропаганде практически не рассматриваются как их служебная обязанность. А между тем имеет смысл вернуться к разъяснению действующего законодательства, к правовой пропаганде и правовому воспитанию с непосредственным участием в них юристов путем консультирования, чтения лекций, выступления в печати, по телевидению и радио.

Успешное решение задач правового воспитания неразрывно связано с активной научной разработкой проблем правовой культуры и правового просвещения граждан, внедрением рекомендаций юридической науки в повседневную практику правовоспита-

тельной работы. Юристов-ученых должны интересовать не только практические модели правовоспитательной деятельности, но и теоретические основы проблемы. Так в последние годы научному исследованию подвергались проблемы взаимодействия правового воспитания и правовой культуры общества, изучались различные аспекты деформации правосознания граждан и др.

Научная значимость проблемы подчеркивает необходимость проведения специальных исследований по проблемам правовой культуры, правосознания, правового воспитания и юридического образования. Важное место среди них должно быть отведено конкретно-социологическим исследованиям правовой культуры молодежи и других категорий граждан как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах. Представляется, что проведение таких исследований могло бы предусматриваться в деятельности центральных юридических ведомств, Министерства образования и науки РФ, а также их научно-исследовательских учреждений. Активное участие в их реализации могут принять юридические и педагогические институты, занимающиеся повышением квалификации кадров.

Вместе с тем нельзя забывать, что не меньшее, а может быть и большее воспитательное значение имеет и вся повседневная практическая деятельность юридических органов и учреждений. Представления, взгляды, отношение граждан к действующей правовой системе формируется не только в результате ознакомления с законодательством и другими нормативными актами, но в значительной мере в зависимости от информации о работе правоохранительных органов и учреждений. Сегодня становится очевидным, что совершенствование деятельности юридических органов невозможно без существенного повышения общей и правовой культуры самих юристов.

Важнейшим признаком правового государства является высокий уровень правовой культуры населения, профессиональной культуры работников правоохранительных органов и других должностных лиц.

К сожалению, в последние годы престиж правоохранительных органов заметно упал. Так, например, согласно опросам общественного мнения, лишь 21% населения России доверяет ми-

лиции, а на вопрос: «Можете ли Вы или ваши близкие пострадать от произвола правоохранительных органов?», 68,5% россиян отвечают, что «это вполне может случиться» [1]. Отрицательное отношение к правоохранительным органам складывается под влиянием фильмов, в которых героями являются авторитеты преступного мира, а милиционеров, которые должны выступать защитниками и помощникам в борьбе с ними, называют «ментами», публикаций в периодических изданиях, телепередач о неправомерных действиях стражей порядка.

При повышении уровня правовой культуры общества особое внимание необходимо уделить средствам массовой информации. В современных условиях они оказывают огромное влияние на сознание людей. Бросается в глаза низкий уровень правовой культуры, несформированность и деформированность правосознания журналистов. Во многих публикациях и выступлениях усматриваются различные проявления антикультуры СМИ. Дело не только и не столько в юридических знаниях, вернее, в их отсутствии, сколько в отношении к праву, правовым принципам, законодательным нормам. Очень часто СМИ наглядно демонстрируют пренебрежение к правовым требованиям вплоть до полного отрицания всех запретов. В журналистской практике представлена вся палитра отношений: от правового инфантилизма (юридическая беспечность) через правовой нигилизм (пренебрежение к праву) к правовому негативизму (отвержение права). В этом усматривается основная проблема, создающая угрозу формирования отрицательного отношения к праву.

В настоящее время существует масса проблем в процессе формирования правовой культуры. В первую очередь, это правовая безграмотность населения, сложный процесс правотворчества, нередкое противоречие нормативно-правовых актов реальной действительности, а также не развитая идеология сильного правового государства и, как следствие, правовой нигилизм, отрицание нравственных принципов. Для разрешения этих и других проблем необходима целенаправленная политика государства направленная на повышение уровня правовой культуры общества через правотворчество, законодательный процесс, а также средства массовой информации, художественную литературу, кино и искусство. Формирование позитивного отношения к закону, пра-

ву, знание гражданами своих прав и обязанностей перед государством и обществом является основными задачами в процессе формирования правовой культуры.

Только тщательно продуманная и эффективная система правовой пропаганды сможет повысить правовую культуру общества и будет способствовать повышению уровня правосознания граждан.

Литература

1. Саакян, М.В. Правовое воспитание и обучение как средство формирования правовой культуры / М.В. Саакян // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2009. – Вып. 3. – С. 122–126.
2. Социокультурные основы формирования правовой культуры в обществе / М.В. Саакян // Молодые голоса в науке. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – С. 48–60.
3. Саакян, М.В. Менталитет как социальный феномен // Вестник АГУ. – 2013. – Вып.4. – С. 132–136.

СТАНОВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

*Солонина С.В., к.э.н., доцент
Краснодарский филиал Финуниверситета
при Правительстве РФ*

Россия в настоящий момент переживает особенно тяжелый период своей новейшей истории, связанный с введением против нее масштабных санкций со стороны развитых стран. Поэтапно вводимые с марта 2014 г. первоначально предусматривали замораживание активов и введение визовых ограничений для лиц, включённых в специальные списки, а также запрет компаниям стран, наложивших санкции, поддерживать деловые отношения с лицами и организациями, включёнными в списки. Помимо указанных ограничений, было также предпринято сворачивание контактов и сотрудничества с Россией и российскими организациями

в различных сферах. Прекратили поставки оборудования в Россию, прекратили сотрудничество с российскими банками и компаниям, прекратили обслуживание карт, выпущенных российскими банками, прекратили культурное сотрудничество, и, самое ощутимое – прекратили кредитование ряду российских банков и компаний. В настоящее время происходит расширение перечня санкций, которые все более тяжело отражаются на российской экономике. Экономика страны оказалась в трудной ситуации, так как нехватка ресурсов отражается на всех сферах деятельности субъектов экономических отношений.

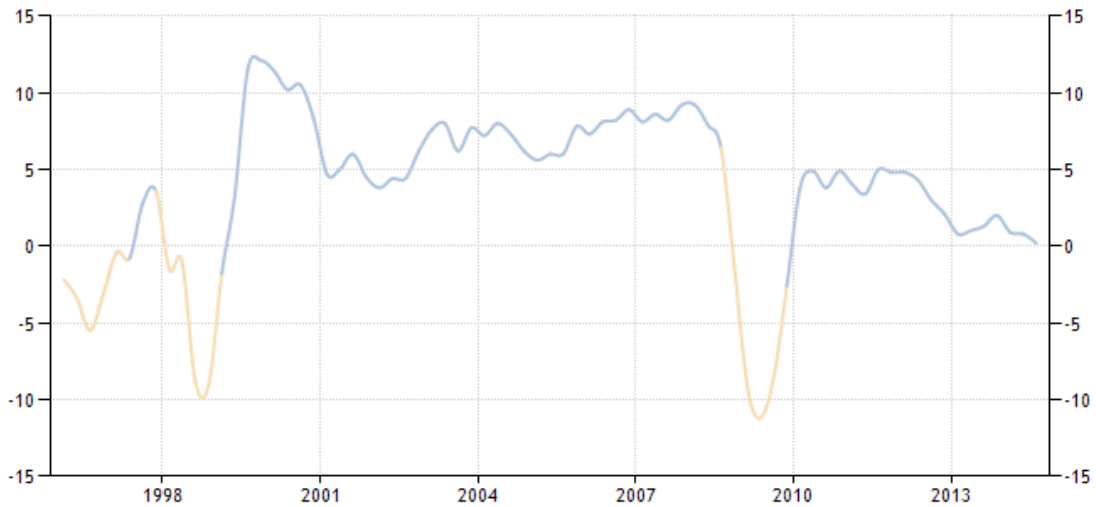
Посмотрим на сложившуюся ситуацию под другим углом. Кризис – это не сиюминутное действие. Кризис прорывается под воздействием какого либо индикатора, (в данном случае санкции), но созревает довольно долго.

В 2013 году сложились значительные предпосылки для кризиса в России, главными из которых стали бизнес на откатах и падение конкуренции, коррупция и неэффективность госуправления, госпроекты и инвестиции только для госкомпаний и т.д. Серьезным бременем оказалась подготовка к Олимпиаде, расходы на которую побили все мыслимые рекорды. Рост военных расходов за период 2000–2014 г. составил 2000%. Экономика прекратила расти естественными методами. На графике ВВП России хорошо видно, что это назревало достаточно долго, а не есть результат одних санкций.

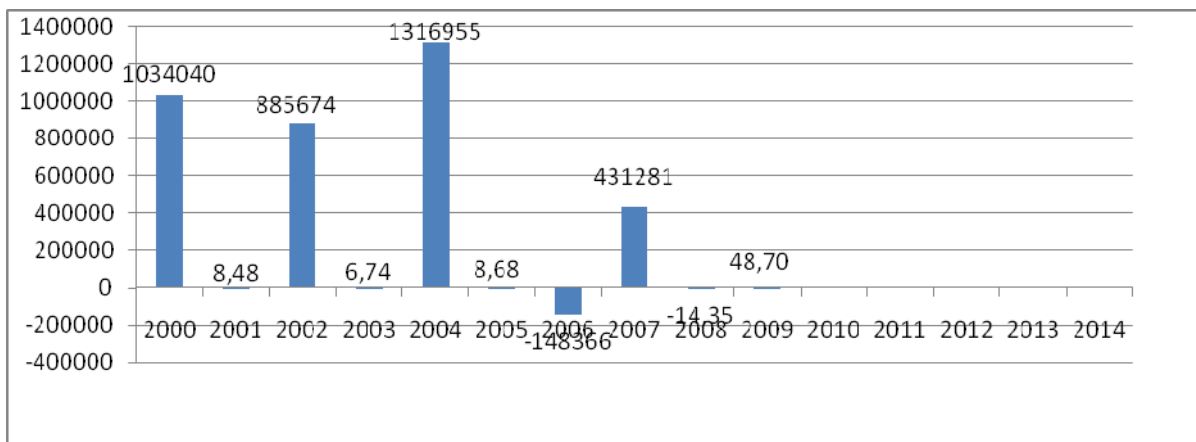
Мы привыкли искать причину в следствии, что приводит к нежеланию видеть истинные истоки проблем и учиться на ошибках прошлого. Снижение стоимости нефти на мировом рынке не является столь сильным негативным фактором, как отток капитала, рост инфляции, неэффективное госуправление.

Это можно увидеть на примере Малайзии, у которой 50% доходов бюджета составляет продажа нефти (как и в России), но у нее, однако, со снижением стоимости нефти курс остается стабильным.

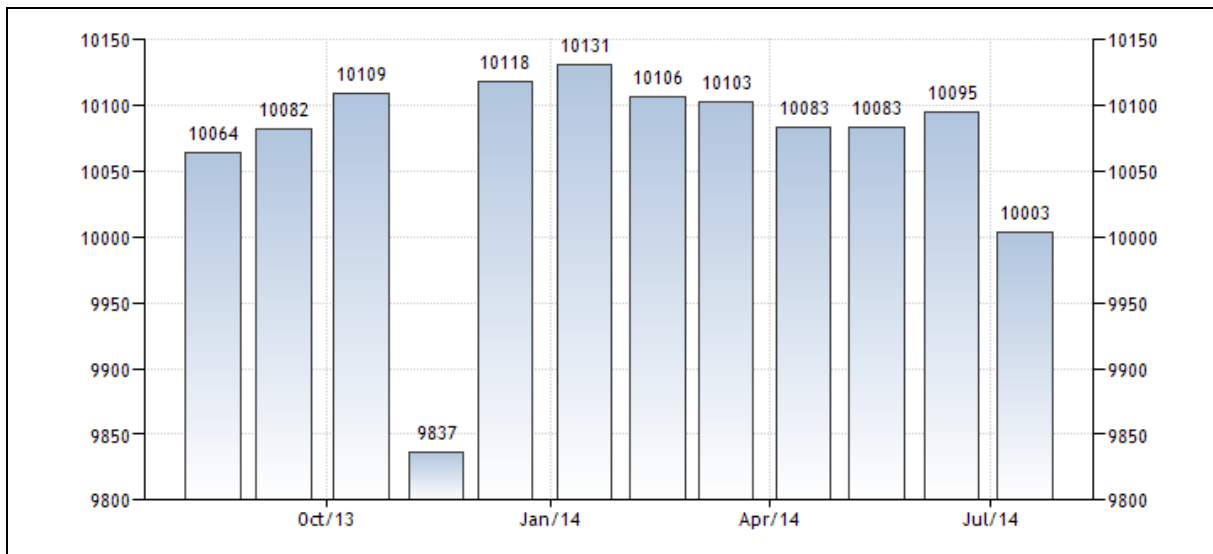
Проклятие ресурсов – явление в экономике, связанное с тем, что страны, обладающие значительными природными ресурсами, являются, как часто считается, менее экономически развитыми, нежели страны с небольшими их запасами или с запасами, которые отсутствуют вовсе.

Темп роста ВВП России

Динамика стоимости нефти (долл. США/баррель)

Добыча сырой нефти (баррелей)

Основными возможными причинами этого могут являться:

- снижение конкурентоспособности других секторов экономики, вызванное увеличением реального обменного курса, связанным с притоком в страну доходов от ресурсов;
- высокая изменчивость доходов от продажи ресурсов на мировом рынке;
- ошибки в государственном регулировании или развитие коррупции, связанные с притоком «лёгких» денег в экономику;
- отсутствие настоящей мотивации и реальной необходимости развития реального производственного сектора, так как сырьевые доходы позволяют относительно неплохо жить и при текущей экономической ситуации (застой и стагнация) [1].

Необходимы ресурсы для решения финансово-экономических проблем. Правительство предприняло (и предполагает принять дополнительно) ряд противоречивых мер, среди которых:

1. Направление, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.08.2014 № 839 214 млрд руб. на приобретение привилегированных акций банка ВТБ в целях рефинансирования задолженности.

2. Выделение «Роснефти» из средств ФНБ 1,5 триллиона рублей в течение нескольких лет. Данная мера может быть оправданной, так как эти инвестиции окупятся со временем, как полагает премьер-министр РФ Дмитрий Медведев.

3. Прекращение или приостановка выдачи материнского капитала. В Минэкономразвития отмечают, что предоставление материнского капитала не увеличивает число детей, а лишь «сдвигает календарь рождений»: семьи просто решаются на рождение еще одного ребенка раньше, чем планировали. Тем самым, в Минэкономразвития полагают, что прекратив выдачу материнского капитала, государство сэкономит до 300 миллиардов рублей в год.

4. Повышение ставки налогов. С 2015 г. планируется увеличить НДС до 20%, ввести налог с продаж, увеличить акцизы.

5. Введение нового механизма рефинансирования кредитных организаций – валютных РЕПО на 12 месяцев.

Оптимистические заявления властей о возможности пусть незначительного, но все-таки роста российской экономики не встречают понимания у экспертов. Так, согласно опубликован-

ным данным Всемирного банка, темп роста ВВП страны упал до рекордно низких размеров – до 0 % в 2014 г.

Мнения экспертов на ситуацию в экономике России с 2008-по 2014 гг. и реакцию Банка России озвучивали реальные причины, которые, к сожалению, не были услышаны Правительством. Приведем некоторые из них.

По оценке Г. Фетисова, чл.-корр. РАН, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, в период кризиса ЦБ явно запаздывал с принятием мер, адекватных новым, все более сильным внешним и внутренним шокам.

На фоне снижающихся, несмотря на ускорение роста цен, ставок рефинансирования в развитых странах спорной выглядит позиция ЦБ России, который с 19 июня 2007 г. сохранял ставку рефинансирования в 10%, а с 4 февраля по 14 июля 2008 г. четыре раза ее повышал на четверть процентного пункта. Нормативы обязательных резервов, установленные с 1 июля 2007 г. в размере 4–4,5% (что вдвое выше, чем в еврозоне), в 2008 г. также четырежды повышались – до 5,5–8,5% 1 сентября. И лишь коллапс российских фондового и межбанковского рынков в сентябре–октябре вынудил ЦБ снизить эти нормативы до 1,5–4,5% 18 сентября и 0,5% – с 15 октября. Здесь свою роль сыграли значительный отток капитала в августе–октябре и вызванная этим «долларовая» деэмиссия. Не обращая внимания на значительное снижение ставок рефинансирования ФРС, Банк России продолжает предоставлять кредиты по ставке рефинансирования, в несколько раз более высокой.

Вызывает недоумение и концентрация потоков средств, вливаемых в финансовый сектор, в небольшой части банков. Это все равно не обеспечивает оживления межбанковского рынка. Непонятна эффективность размещения бюджетных средств на депозитах в избранных банках, которые, в свою очередь, должны кредитовать малые и средние банки. Фактически создается трехуровневая банковская система.

Она очевидно неэффективна по сравнению с двухуровневой, в которой ЦБ – не просто контора в Москве. Он имеет разветвленную систему территориальных подразделений, хорошо информированных о финансовом состоянии банков, и развитую

платежную систему. Гораздо проще и надежнее было бы увеличить в аналогичных масштабах рефинансирование Банком России коммерческих банков.

Еще одна проблема – использование при выдаче кредитов рейтингов трех западных рейтинговых агентств. Присвоение ими рейтинга предприятию – услуга дорогая. Важно, чтобы антикризисные меры были временными, а требования к тем, кто берет в долг у всей страны, были по-прежнему высокими». Таким образом, четко сформулировано, что размещение Минфином бюджетных средств на депозитах в коммерческих банках должно рассматриваться как временная мера.

Тезисы выступления на расширенном заседании коллегии Минфина России 8 апр. 2008 г.

По словам Набиуллиной Э.С. в бытность министра экономического развития, мы пока уверенно идем по инерционному пути развития, который ведет нас в тупик, а экономика серьезно недофинансирована, в то время как все содержательные действия по реализации приоритетов мы вынуждены планировать, фактически начиная с 2011 года, что неприемлемо.

Сведение монетарной политики до подавления инфляции – это серьезная методологическая ошибка. Целью монетарной политики должно быть достижение высших целей общества: максимальной реализации конституционных прав граждан в сфере экономики, обеспечения нормальных уровней занятости и реальных доходов граждан (среднего и по группам), обороноспособности страны и макроэкономической стабильности.

Подмена основного критерия успешности социально-экономического развития инструментальной целью (снижение темпов инфляции) практически исключает проведение экономической политики в соответствии с нормами Конституции и законов России. Поэтому перед правительством и ЦБ не стоит выбор: «борьба с инфляцией или экономическое развитие». Доморощенный, крайне упрощенный вариант монетаризма ЦБ и Минфина удобен только простотой его применения. Заявляя в научной печати о безусловной приоритетности цели борьбы с инфляцией, руководители ЦБ и Минфина упорно защищают догматические принципы монетарной и финансовой политики. По-видимому,

эти руководители не очень верят в эффективность инвестирования «нефтегазовых» доходов государства в развитие национальной экономики. Но главное – они не понимают, что в условиях глобализации непригодны ни кейнсианские, ни монетаристские рецепты регулирования национальных экономик.

Крис Уифер (2010 г.) Издание «Spiegel», отмечает, что рост российской экономики в последнее время существенно замедляется. Более того, многие всерьез опасаются процесса стагнации, который может растянуться на несколько десятилетий. Эксперт сообщил, что по итогам ушедшего года, рост российской экономики составил всего 1,3%. «Всего», потому что рост прогнозировался на уровне не менее 3,7%. И если в минувшие годы рост экономики страны достигался, в основном, за счет продажи сырья, постоянно увеличивая его добычу и расходы потребителей, то в нынешней ситуации для дальнейшего роста этих факторов мало. Поскольку нефтяной бум движется к своему завершению, это значит, что экономике России необходим новый стимул, который бы стал своеобразным «локомотивом» экономики. Уифер убежден, что 2014 год может стать переломным в истории России.

8 октября Госдума благодаря голосам партии «Единая Россия» приняла в первом чтении законопроект о выплате компенсаций россиянам, зарубежное имущество которых было арестовано из-за западных санкций. Правительство сначала выдало отрицательный отзыв на инициативу, но впоследствии изменило его на положительный. Глава Минэкономразвития Алексей Улюкаев, в свою очередь, раскритиковал законопроект, заявив, что он фактически поощряет вывоз капитала из страны.

Данный законопроект был внесен Госдуме представителем партии «Единая Россия» Владимиром Поневежским. Некоторые СМИ связали данный проект закона с бизнесменом Аркадием Ротенбергом, который попал под западные санкции, из-за чего его активы в Италии стоимостью €30 млн были арестованы. Верховный суд (ВС) России выступил против принятия так называемого закона Ротенберга – о выплате компенсаций из федерального бюджета гражданам и компаниям, пострадавшим от западных санкций.

По мнению Г. Явлинского, решение о запрете на ввоз продуктов принято в условиях, когда российская экономика уже с осени

минувшего года резко тормозит, а по итогам первой половины этого года вошла в рецессию, т. е. начался экономический спад (стагнация). В сочетании с ростом цен это – начало опасной экономической болезни, которая называется стагфляция (стагнация + растущая инфляция). Это означает одновременно три процесса: а). доходы у людей будут падать; б). начнется скрытая безработица (т.е. работа за мизерную зарплату); в). цены в магазинах будут расти.

Стагфляция разрушает экономику очень глубоко: невозможно ничего планировать, инвестиции стремятся к нулю, все пытаются решать только мелкие сиюминутные задачи. Например, ищут деньги на Крым – отбирают пенсионные накопления и повышают налоги. Деньги для отправки в Крым (будет ли от них там польза – это еще отдельный вопрос) найдут, но навсегда угробят накопительную пенсионную систему и еще сильнее придавят предпринимателей налогами и граждан ценами.

По данным Bloomberg, расходы федерального бюджета на Крым могут составить 260 млрд руб. Расчетов пока нет, уверяет высокопоставленный чиновник Минфина. По его словам, Минфин хотел бы уложиться в 243 млрд руб. – это деньги, сэкономленные на замораживании накопительных пенсионных взносов в 2014 г. Они были зарезервированы федеральным бюджетом на возможные экстренные антикризисные меры, но президент Владимир Путин разрешил потратить их на Крым, как отмечают чиновники в правительстве.

По мнению А. Кудрина, который принял участие в инвестиционном форуме в Сочи, контроль цен на продовольствие не позволит монетарным властям увидеть реальную картину инфляционных рисков. А значит и правильно принять решения.

С точки зрения ряда аналитиков, в т.ч. М. Крылова, в России, как и в других богатых природными ресурсами странах часто наиболее простым способом удержания власти является перераспределение богатств в пользу определенных привилегированных секторов, нежели проведение ориентированной на рост, сбалансированной экономической политики и формирование четких правил игры. Гигантские доходы от природных ресурсов подпитывают эту политическую коррупцию. Правительство в этой ситуации испытывает меньшую необходимость в формировании

институциональной структуры, регулирующей экономику страны вне добывающего сектора, в результате чего остальные сектора начинают существенно отставать в развитии.

Существенную роль в формировании нынешней предкризисной ситуации играет экономический эффект от Олимпиады в Сочи. Борьба с кризисом отняла у экономики России часть стимула, которая вернется с прекращением заморозки тарифов на услуги ЖКХ и зарплаты бюджетников. В результате, при переходе на новую модель экономического развития придется наращивать внешний долг.

Пережить Сочи для России – это вызов вдвойне, потому что Олимпиада имеет ярко выраженную географическую привязку к Краснодарскому краю. Никто не спорит с тем, что поначалу Игры позитивно повлияют на структуру населения и его доходы, но после них местному населению придется вернуться к прежним структуре и уровню благосостояния. Возможно, кризис 2014 года будет сопровождаться закупками иностранной валюты и продажами рубля. Это грозит подорвать стабильность валютной системы, сильно поднять себестоимость бизнеса, закупающего импортную технику. Можно прогнозировать усиление кризисных тенденций в промышленности и замедление роста ВВП России до 1%, несмотря на Олимпиаду.

В результате принятого сценария «ручного» управления, принимается набор правильных по отдельности, но вместе – абсолютно парадоксальных решений. Например, для снижения инфляции укрепляется рубль, одновременно с этим для сохранения бюджетных резервов ограничивается дефицит бюджета, но, в то же время, в рамках социального контракта в бюджет-2010 закладывается 40-процентный рост пенсий, в 2013 г. рост заработных плат государственным служащим и бюджетникам на 20–50% в зависимости от отрасли, запланировано существенное повышение заработной платы в 2013 г. работникам судебных исполнительных органов – примерно на 80–100%.

Рост выплат населению, несомненно, приведет к разогреву инфляции, что поставит под вопрос целесообразность жесткой бюджетной политики. Сами власти в своих прогнозах пока сообщают о падении ВВП в текущем году и в периоде до 2016 г.

В результате происходящей трансформации экономики изменились пристрастия в отношении наиболее предпочтительных для инвестиций российских отраслей. Доля высокотехнологичных отраслей, СМИ и сферы коммуникации уменьшилась с 27% до 12%, сектора финансовых услуг – с 18% до 13%, здравоохранения и фармацевтики – с 18% до 11%.

Сегодня вложение капитала в экономику нашей страны тесно связано с определением различного рода рисков – политических, экономических, валютных. Так, по мнению представителя Всемирного Банка в России к их числу можно отнести нехватку квалифицированных управленческих кадров, проблему коррупции и низкий кредит доверия к российской судебной системе, ряд других аспектов. В результате, анализ уже поступающих в Россию прямых иностранных инвестиций свидетельствует о том, что иностранные инвесторы предпочитают вкладывать свои средства в отрасли и регионы с низким интегральным инвестиционным риском, а из всех видов частных потенциалов предпочитают высокий уровень финансовой отдачи от вложенных средств.

Серьезной проблемой, на мой взгляд, является «прощение» долгов странам, которые таким образом продают свою лояльность по отношению к России в связи со сложившейся сложной ситуацией на мировом политическом поле. Усугубляет ситуацию заключение соглашений с Кореей и Китаем на строительство и поставку газа, по цене ниже рентабельности, что не является экономически приемлемым для России, стране которой предстоят тяжелые времена с удорожанием продуктов, снижением уровня жизни населения, обесценения сбережений и полная неизвестность в будущем.

Ключевая роль Банка России в стимулировании спекуляций на валютном рынке, путем вливаний средств коммерческим банкам, которые непосредственно эти спекуляции осуществляли является парадоксальной. Как мегарегулятор экономики, финансового и валютного рынков Банк России не справился с возложенной на него задачей.

Литература

1. Damania, R., Bulte, E. Resources for Sale: Corruption, Democracy and the Natural Resource Curse / Univ. of Adelaide – 2003.

2. Economy.Krasnodar.ru – Сайт Министерства экономики Краснодарского края «О результатах прогнозной кампании на 2014 год и на плановый период до 2016 года»

КОНКРЕТИЗАЦИЯ СУДЕБНЫХ ДЕФИНИЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Стародубцев А.В., преподаватель
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»*

Конкретизация правовой нормы представляет собой особую разновидность толкования правовой нормы, в том числе содержащей правовую дефиницию. По мнению Н.А. Гредескула (со слов А.Ф. Черданцева), интерпретация есть толкование, процесс познания нормы права. Однако толкование имеет место в случае познания «темного, неясного закона». Конкретизация же – «интеллектуальный распознавательный процесс, который связан с любой нормой права [3,12]. Проблеме конкретизации в праве всегда уделялось внимание, предопределяя тем самым актуальность данного процесса интеллектуальной деятельности [4,11,14]. Анализ мнений и позиций по этой проблематике позволяет признать, что конкретизация, несомненно, – свойство правового регулирования, свойство объективное, без которого оно вряд ли может быть не только эффективным регулятором общественных отношений, но и функционировать и развиваться вообще. Природа правовой конкретизации – в неопределенной природе права, его норм [3, с. 60]. Таким образом, конкретизация – объективное свойство правового регулирования, заключающееся в переходе от неопределенности юридического предписания к его определенности, а также неопределенности нормы права в связи с появлением юридического факта к его качеству определенного правового (индивидуального) регулятора. В первом случае речь идет о собственном развитии права, о переходе от общих юридических правил к более конкретным; во втором – плоскость совершенно иная – правореализационная. Абст-

рактная юридическая норма из «статуса» для всех становится регламентатором определенных отношений.

Итак, пути конкретизации наиболее точно показал А.Ф. Черданцев. Прежде всего, это логическая конкретизация, которая вызвана «незаконченностью правового регламентирования тех или иных отношений, в ситуации, когда издается одна или ряд норм, регулирующих те или иные отношения, но юридическое регламентирование с их помощью не закончено. Многие стороны, – подчеркивает автор, – сознательно не регламентированы. Их регулирование отнесено к компетенции других органов или другим органам делегировано...» [12, с. 22]. Во втором случае логическую конкретизацию А.Ф. Черданцев связывает с природой «общих и абстрактных норм, реализация которых без определенной конкретизации (детализации) затруднена» [12, с. 22].

Как видно, движение от неопределенности к определенности в содержании правовых предписаний осуществляется двумя путями: *логическим* и *предметным*. Логическая форма предполагает развитие норм, их комплекса с целью завершеного правового регулирования. Эта цепочка может быть построена, начиная с конституционных правил, получивших развитие в федеральных законах, законах субъектов РФ и т.д. Либо иметь другой поворот – федеральные законы и ведомственное правотворчество, юридическая практика, в том числе, судебная, о которой далее и пойдет речь. Очевидно, что общая норма, хотя и обладает всеми признаками юридического регулятора, но реально может только определить вид, тип, сторону фактического отношения, подпадающего под правовую регламентацию. Это чрезвычайно важно, но это еще не правовое регулирование в собственном смысле слова.

Другая конкретизация содержания права получила название предметной [12, с. 58]. Речь идет о дополнительном регламентировании, когда устанавливаются новые нормы, связанные с нормами первоначального нормативного правового акта, целью и контурами предмета регулирования. Другими словами, содержание и цель регламентирования так называемых дополнительных норм предопределены общим предметом регулирования, либо вариантами нормирования правотворческих органов [12, с. 58–59].

Все эти процессы называют правоконкретизационными и они происходят не только внутри собственной правовой материи, но и вовне. Оно обладает качеством абстрактности и в силу этого способно быть «равным масштабom» к неодинаковым фактическим обстоятельствам. Конкретизация охватывает право-реализационный процесс полностью. Использование, исполнение и соблюдение юридических норм есть не что иное, как сфера нормирования, где субъект наделяется персонально-субъективными правами и обязанностями. Юридические нормы носят общий характер, и в результате интерпретации происходит некая, образно говоря, «примерка» правового предписания, которое в результате умозрительных суждений превращается в индивидуальное правило.

Конкретизация норм права правоприменительной деятельности выливается в суждения о юридической квалификации – выборе юридического факта при помощи анализа его атрибутивных признаков и установлении индивидуального правового регулятора. Суть правоприменительной конкретизации в связи фактов, охваченных суждением. Здесь нормы права, их содержание конкретизированы относительно обособленного фактического отношения. Это достаточно принципиальная схема конкретизации или перехода права из состояния неопределенности в состояние определенности – правового урегулирования фактического отношения. Однако процесс конкретизации имеет особенности. Они могут быть «запрограммированными», заранее заданными нормоустановителем, например, в случаях применения оценочных понятий. Таким образом, правотворческий орган формулирует их преднамеренно, чтобы с помощью правовых абстракций более полно охватить регулированием те или иные фактические ситуации и отношения и учесть возможность их изменения и развития в будущем. Оценочные понятия предоставляют субъектам правоприменения определенную свободу в толковании нормы посредством возможности изменения оценочных определений в зависимости от существующих условий. Использование оценочных положений есть проявление динамики права, условие его приспособляемости к изменяющимся условиям и ситуациям.

Цель интерпретации оценочной терминологии в *замещении определенных терминов понятийными конструкциями, охватывающими эмпирические свойства явлений и предметов* [6, с. 9].

Трудно переоценить значение оценочных понятий в судебном правоприменении. Они выполняют функцию привязки юридического формализма к конкретным условиям жизни. Судебная практика, прежде всего официальная, выполняет функцию *конкретизации*, уточнения оценочных понятий. Подчеркнем, это проявление важнейшего свойства правового регулирования – гибкости, эластичности.

Судебная практика нередко идет по пути развития легальных дефиниций посредством включения дополнительных признаков и уточнений, причем достаточно самостоятельных, т.е. осуществляет конкретизацию легальных законодательных дефиниций. Такое случилось с понятием «преступное сообщество» (преступная группа), закрепленное в ст. 35 УК РФ (совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)). В ч. 4 ст. 35 УК РФ преступное сообщество характеризуется как сплоченная организованная группа, созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданных в тех же целях. Пленум Верховного Суда российской Федерации в Постановлении от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) дал следующую дефиницию «Под преступным сообществом (преступной организацией) следует понимать структурно оформленную преступную группу, которая помимо присущих организованной группе признаков (часть 3 статьи 35 УК РФ), характеризуется сплоченностью и создана для совершения одного или нескольких тяжких и особо тяжких преступлений, либо объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, созданное в тех же целях. В качестве организаторов (руководителей) преступного сообщества (преступной организации) и входящих в него структурных подразделений может выступать одно или несколько лиц» (п. 2). как видно, Пленум ВС РФ существен-

но «усилил» с точки зрения содержательных признаков понятие преступного сообщества, например, ввел такой термин, как «сплоченность» [12] и др.

Конкретизация легальных дефиниций нередко связана с недостаточным их качеством. К сожалению, нормоустановитель не всегда формулирует эффективные дефиниции, способные повышать уровень эффективности правоприменения. Поэтому, безусловно, отсутствие качества дефиниций, данных в законе, не может не сказаться по эффективности реализации определенных юридических норм, их групп, о чем нередко отмечается в специальных исследованиях. Так, О.Г. Ершов пишет: «анализ судебных споров, вытекающих из подобного рода договоров, указывает на проблемы в правовом регулировании. Одной из причин, по которым возникают гражданско-правовые споры, является то, что стороны договора участия в долевом строительстве уделяют недостаточно внимания формированию существенных условий. Это обусловлено тем, что с одной стороны остается дискуссионным вопрос о понятии условий договора вообще, а с другой – неточность дефиниций закона порождает сложности правоприменения и отсутствие единства судебной практики» [6.].

В ряде случаев встречается иное. Законодатель дает дефиницию понятию, однако признаков, перечисленных в нем юридической практике недостает. В этом случае, как отмечалось, компетентная судебная инстанция такие определения развивает и дополняет. Например, Пленум Верховного Суда РФ, наряду с законодательным органом, дает следующее определение мошенничеству – «есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребление доверием, признаются оконченным с момента, когда указанное имущество поступившего в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению». В УК РФ, в ч. 1 ст. 159, сказано лишь следующие: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Судебная дефиниция этого понятию сформулирована по принципу введения дополнительных признаков

(«незаконное владение», «потребительские свойства имущества», «пользование или распоряжение по своему усмотрению»). Как видно, во многом цель и задача судебной дефиниции сводятся к указанию дополнительных существенных признаков, необходимых юридической практике. Приведем еще аналогичный пример.

Верховный Суд РФ расширяет понятие «дезертирство, совершенное группой лиц». В своем постановлении «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» вначале воспроизводится дефиниция, данная в УК РФ (ч. 1 и 2 ст. 338). Там сказано, что дезертирство есть самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу. Далее в ч. 2 этой же статьи сказано о дезертирстве с оружием в руках, а равно совершенное группой лиц по предварительному сговору, т.е. речь идет о квалифицирующем признаке. Пленум Верховного Суда РФ в названном постановлении воспроизводит дефиниции УК РФ и далее говорит, что об устойчивости организованной группы свидетельствуют дополнительные признаки. Воспроизведем сказанное Пленумом Верховного Суда РФ: «Дезертирство признается совершенным организованной группой в случаях, когда в нем участвовала устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения дезертирства. Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как наличие в ее составе организатора (руководителя), наличие заранее разработанного плана совместного совершения дезертирства, предварительная подготовка (например, изготовление документов, приобретение гражданской одежды, определение места пребывания или работы), распределение функций между членами группы, длительность подготовки данного преступления»[2.]. С нашей точки зрения здесь речь идет о конкретизации правовых норм судебной практикой.

Итак, судебные дефиниции могут иметь целью уточнение признаков общественных отношений, подпадающих под правовую регламентацию. Известно, что право – явление достаточно абстрактное, общее. С.С. Алексеев в этой связи пишет, что право, его нормы – «критерий, «определитель», основание для оценки и

решения: она существует для того, чтобы определять, является ли данное поведение правомерно-дозволенным или юридически недозволенным, и на этом основании определять обязательные юридические последствия, связанные с решением данной жизненной ситуации»[1.С.58]. Юридическая практика призвана выработать положения, «привязывающие» общие установления к конкретным жизненным обстоятельствам. Судебная практика, судебная деятельность это призвана делать в числе первых. В этой связи, так называемые конкретизированные судебные дефиниции – закономерное явление.

Литература

1. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 6.
3. Власенко Н.А. Конкретизация в праве; природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной и правоприменительной практики. – Н. Новгород, 2008.
4. Власенко Н.А., Гринева А.В. Судебные правовые позиции. Основы теории. – М., 2009.
5. Вопленко Н.Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. Вып. 2. – Саратов, 1971.
6. Ершов О.Г. О существенных условиях договора участия в долевом строительстве // Право и экономика, 2007. – № 3.
7. Игнатенко В.В. Оценочные понятия в законодательстве об административной ответственности. Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1989.
8. Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной и правоприменительной практики. Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2008.
9. Кубов Р.Х. Проблемы квалификации организации преступного сообщества (преступной организации) // Российский следователь, 2009. – № 1.
10. Ноздрачев А.Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами СССР // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 12. – М., 1968.

11. Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: Сборник статей. – Свердловск, 1974.

12. Черданцев А.Ф. Системность норм права // Сб. ученых трудов. Свердловский юридический институт. – Свердловск, 1970.

КРИТЕРИИ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ТАМОЖЕННОГО ПРАВА

*Стародубцев С.В., преподаватель
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»*

В настоящее время практически отсутствуют специальные исследования проблем системы и структуры современного таможенного права, особенно вопросы системы и структуры таможенного права не изучались в процессе таможенно-экономической интеграции государств-участников Евразийского экономического союза (России, Белоруссии, Казахстана, Армении). Приведенный аспект приведенного нормативного комплекса преимущественно рассматривался в рамках учебных работ подготовленных для изучения таможенного права. В этой связи следует проанализировать существующие подходы на систему таможенного права.

В.Г. Дроганов и М.М. Рассолов в учебнике по таможенному праву отмечают, что «система таможенного права представляет собой относительно систематизированный порядок таможенно-правовых норм» [6, 25]. Таможенное право, как комплексная отрасль российского права, по мнению указанных ученых, состоит из норм таможенного права, институтов таможенного права, которые распределяются по Общей и Особенной частям [6, 26–27].

В учебнике «Таможенное право», подготовленном О.Ю. Бакаевой и Г.В. Матвиенко, таможенное право понимается как «комплексная отрасль российского законодательства, представляющая собой систему правовых норм различной отраслевой принадлежности, которые устанавливаются государством и предназначены для регулирования общественных отношений, связан-

ных с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу РФ» [1, 27]. По их мнению, система таможенного права складывается из Общей и Особенной части, которые объединяет в себе отраслевые и межотраслевые институты. «Так, институт таможенного оформления является отраслевым, а институт валютного контроля носит смешанный (межотраслевой) характер, так как состоит из норм таможенного и банковского права» [1, 29]. Приведенные авторы исходят из классического подхода к систематике данного нормативного комплекса. Вместе с тем они путают систему таможенного законодательства и систему таможенного права [1, 27–29], что недопустимо. Данный подход к системе таможенного права высказывают и другие ученые [4, 16].

Немного отличную точку зрения на систему таможенного права высказали К.А. Бекашев и Е.Г. Моисеев, которые выделяют Общую, Особенную и Специальную ее части, состоящую из институтов таможенного [2, 8–9]. Специальная часть, по их мнению, складывается из международного таможенного права, сотрудничество Российской Федерации с государствами-участниками СНГ по таможенным вопросам [2, 9]. Хотя данные авторы путают элементы системы таможенного права и элементы структуры учебного курса, вместе с тем идея о выделении в таможенном праве норм о международном таможенном сотрудничестве представляет определенный интерес. Сходную позицию высказывают и другие ученые [7, 43–45].

Все приведенные подходы к системе таможенного права не отвечают современному состоянию данного нормативного комплекса. В этой связи вопрос о системе данного нормативного комплекса может быть решен лишь с определением сущности современного таможенного права. Причем это можно осуществить лишь при учете активных интеграционных процессов в таможенной сфере, обусловленных принятием целого ряда международных договоров. Это обстоятельство требует исследовать вопросы места данного нормативного образования в системе действующего российского права. Рассмотреть проблемы места таможенного права в системе права необходимо с учетом положений, которые нашли выражение в Договоре от 29 мая 2014 г. о Евразийском

экономическом союзе. Нормы указанного международного договора позволяют выделить следующие положения, свидетельствующие о *дуализме современного таможенного права* и определяющие место данного нормативного комплекса в системе права. *Во-первых*, указанный договор во второй части сохраняет такое интеграционное объединение как Таможенный союз, принципы функционирования которого определены в ст. 25 договора. *Во-вторых*, ст. 29 договора предоставляет право государствам-членам союза при осуществлении взаимной торговле товарами применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для: 1) охраны жизни и здоровья человека; 2) защиты общественной морали и правопорядка; 3) охраны окружающей среды; 4) охраны животных и растений, культурных ценностей; 5) выполнения международных обязательств; 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена. Это положение свидетельствует о том, что государства-члены союза наделяются правом самостоятельного таможенно-правового регулирования отношений по перемещению товаров и транспортных в рамках единой таможенной территории союза, которое необходимо для обеспечения «публичного порядка» на территории государства-члена таможенного объединения. Это свидетельствует о формировании в рамках национальной правовой системе нормативного комплекса, регулирующего таможенно-правовые отношения. *В-третьих*, основной правовой акт таможенной интеграции Таможенный кодекс Таможенного союза (далее – ТК ТС), являясь международно-правовым актом и выполняя функцию связующего звена между правовыми системами государств-членов союза, трансформируется в национальную правовую систему государств посредством акта ратификации, приобретая, таким образом, форму национального закона. В Российской Федерации нормы ТК ТС являются нормами кодифицированного федерального закона в соответствии с Федеральным законом от 2 июня 2010 г. № 114-ФЗ «О ратификации Договора о Таможенном кодексе таможенного союза». *В-четвертых*, таможенное право является интеграционным нормативным комплексом, объединяющим в себе нормы национального и международного права и

регулирующими таможенно-правовые отношения в рамках Экономического союза. Данная интеграционная специфика таможенного права не делает его исключительно составной частью международного права, так как его нормы имплементируются в национальную правовую систему, становясь при этом нормами национального права. *В-пятых*, нами ранее отмечалось, что таможенное право характеризуется административно-правовой природой, являясь подотраслью таможенное право Таможенного союза Экономического союза [5, 126–138]. Это научное утверждение (высказанная гипотеза) может быть обоснована следующими аргументами: а) обязательной стороной таможенно-правового отношения является таможенный орган государств-участников Таможенного союза, либо лицо, включенное в реестр таможенного органа государств-участников Таможенного союза и осуществляющее деятельность в сфере таможенного дела (гл. 3 ТК ТС); б) таможенно-правовые отношения носят государственно-властный характер, в котором таможенный орган государства-участника Таможенного союза обладает властной управленческой компетенцией (ст. 6 и 7 ТК ТС); в) в соответствии со ст. 6 ТК ТС на таможенные органы государств-участников Таможенного союза возлагаются задачи по управлению перемещением товаров и транспортных средств через единую таможенную границу и совершением иных управленческих действий связанных с указанным перемещением; г) на таможенные органы государств-участников Таможенного союза возлагаются функции, присущие исключительно органам государственного управления, они входят в единую систему органов исполнительной власти государств-участников Евразийского экономического союза; д) применяемые таможенными органами методы воздействия на управляемых субъектов по своей правовой природе являются методами административно-правовыми (власти и подчинения, убеждения и принуждения); е) правовыми формами деятельности таможенных органов государств-участников Таможенного союза являются административные формы управленческой деятельности (правовые акты управления (подзаконные нормативно-правовые и правоприменительные), административный договор, непосредственные организационные действия и материально-технические операции). Все эти доводы свидетельствуют о

том, что таможенное право Таможенного союза Евразийского экономического союза представляет собой подотрасль российского административного права, регулирующего таможенно-правовые отношения по перемещению товаров и транспортных средств через таможенную границу Таможенного союза и обладающая приведенными выше особенностями, как нормативного и интеграционного права.

Специфическими особенностями подотрасли таможенного права в этой связи являются: 1) специальная цель правового регулирования общественных отношений, которая в настоящее время определяется не только п. 1 ст. 1 ТК ТС, но и ст. 4 Договора от 29 мая 2014 г. о Евразийском экономическом союзе; 2) таможенные отношения, возникающие в процессе осуществления перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу Таможенного союза, являются властеотношения (т.е. отношения власти и подчинения); 3) особенности структуры таможенно-правового отношения; 4) данная подотрасль формируется за счет правовых норм законодательства Таможенного союза, а в части не урегулированном указанным законодательством – законодательством государств-членов Таможенного союза (п. 2 ст. 1 ТК ТС); 5) характеризуется дуализмом нормативного содержания, что влияет на особенности системы данной подотрасли; 6) спецификой источников подотрасли таможенного права, которые являются международно-правовыми и национальными правовыми актами; 7) подотрасль таможенного права интегрируется с административным правом государств-участников Таможенного союза, что свидетельствует о национально-правовой природе данной подотрасли; 8) специфика процесса формирования подотрасли таможенного права, которая характеризуется имплементацией норм международного права в национальное административное право.

Приведенные положения об особенностях подотрасли таможенного права позволяют признать, что система данного нормативно-правового комплекса должна учитывать приведенные обстоятельства. Т.В. Кашанина, исследуя соотношение «системы» и «структуры», отмечает, что «понятие «структура» включает в себя понятие «система» и является более широким по объему. Это

предполагает необходимым в исследовании структуры права одновременно затрагивать и вопросы, касающиеся системы права, т.е. того, какие элементы ее составляют, но, конечно, основной упор при этом делать на характер взаимоотношений между элементами» [3, 9]. Подобный подход к пониманию «системы» и «структуры» права представляется обоснованным и с точки зрения философского понимания этих категорий. Так, в философском словаре категория «структура» понимается как «строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей» [8, 462]. В свою очередь категория «система» понимается как «совокупность элементов, находящихся в отношениях связи между собой и образующих определенную целостность, единство» [8, 427]. Основными признаками, характеризующими категорию «система», является, во-первых, внутреннее строение определенного явления, как некоего целого. Во-вторых, многоэлементность системы. В-третьих, четкое определение места элементов в едином целом. В свою очередь категория «структура» характеризуется как: а) совокупность устойчивых связей некоего целого; б) форма организации системы; в) обеспечение тождественности и целостности элементов системы некоему целому. Данные обстоятельства свидетельствуют, что система подотрасли таможенного права позволяет судить о целостности данного нормативного комплекса, состоящего из определенной совокупности взаимодействующих элементов, наполнение которых нормативным материалом позволяет судить о его структуре. В этой связи традиционно система подотрасли таможенного права складывается из уже известных элементов: первичным является таможенно-правовая норма; объединение норм образует институт таможенного права; конечными элементами подотрасли являются ее части (Общую и Особенную и даже Специальную). Представляется необходимым отметить, что выделение частей в системе подотрасли таможенного права является малообоснованным, так как эти элементы скорее являются элементами учебного курса таможенного права, что целесообразно с точки зрения преподавания данной учебной дисциплины. Подотрасль таможенного права состоит исключительно из системы институтов, которые могут быть подот-

раслевыми и межотраслевыми, т.е. формирующиеся в рамках подотрасли таможенного права или на стыке таможенного права и иных отраслей российского права (например, финансового, налогового или гражданского права). Традиционно в административно-правовой науке институт права выделяется по предметному признаку и определяется как совокупность правовых норм, «регулирующих однородные общественные отношения и обеспечивающее целостное и относительно законченное правовое регулирование» [7, 44]. Приведенный критерий выделения институтов таможенного права, как элементов данной подотрасли права, приводит к «размыванию» системных элементов, что не может быть признано нормальным. Нам представляется, что в основе выделения институтов подотрасли таможенного права должен лежать иной критерий их выделения. Этим критерием, по нашему мнению, должна стать цель таможенно-правового регулирования общественных отношений. Характеристика целевого предназначения совокупности норм таможенного права не может быть в полной мере осуществлена без учета структуры рассматриваемой подотрасли права и субъектного состава лиц, участвующих в реализации той или иной цели правового регулирования таможенных отношений. Как видно из нормы п. 1 ст. 1 ТК ТС целями таможенного регулирования являются: а) правовое регулирование отношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза; б) отношения по перевозке по единой таможенной территории Таможенного союза под таможенным контролем; в) отношения по временному хранению товаров; г) отношения по декларированию товаров и транспортных средств; д) отношения по выпуску и использованию товаров и транспортных средств в соответствии с таможенной процедурой; е) отношения по осуществлению таможенного контроля; ж) отношения по уплате таможенных платежей; з) властные отношения между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и распоряжения товарами, перемещаемыми через таможенную границу Таможенного союза. В рамках приведенных целевых блоков основных таможенно-правовых институтов следует выделять субинституты таможенного права, выделяемые по признаку субъектного состава участников таможенно-правовых отношений.

Приведенные предложения, направленные на совершенствование системы таможенного права, не являются бесспорными и нуждаются в дальнейшем развитии, что может стать предметом последующих исследований указанной проблемы.

Литература

1. Бакаева О.Ю., Матвиенко Г.В. Таможенное право / отв. ред. Н.И. Химичева. – М.: Юристъ, 2003.
2. Бекяшев К.А., Моисеев Е.Г. Таможенное право: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2003.
3. Кашанина Т.В. Структура права // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 2.
4. Малиновская В.М. Таможенное право России / В.М. Малиновская // Учебник по публичному и частному праву: в 2-х т. Т. 1: Публичное право. – М.: Статут, 2008.
5. Стародубцев С.В. Система права Таможенного союза Евр-АзЭС и место в нем таможенного права // Экономика, социология и право в современном мире: проблемы и поиски решений. Статьи и тезисы докладов 17-й Международной научно-практической конференции. Ч. 2. – Пятигорск, 2013.
6. Таможенное право: учебник / под ред. В.Г. Драганова, М.М. Рассолова / отв. ред. Н.Д. Эриашвили. – М.: Закон и право, 2001.
7. Тимошенко И.В. таможенное право России. Общая и Особенная часть. – М.: Приор, 2002.
8. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. Изд. 5-е. – М.: Политическая литература, 1987.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ ОТРАСЛЕВЫХ СУДЕБНЫХ ДЕФИНИЦИЙ

*Стародубцев А.В., преподаватель
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»*

Развитие нормативно-правового регулирования общественных отношений с безусловностью влечет закрепление в действующем законодательстве большого количества различных де-

финиций. Особенно это характерно для развития как основных отраслей российского права, так и комплексных их разновидностей. Вместе с тем толкование отраслевых дефиниций, осуществляемых действующим законодательством, порой бывает недостаточным, что восполняется актами толкования судебной практики, принимаемыми высшими судебными инстанциями Российской Федерации. Как справедливо отмечает Л.Ф. Апт «определения, содержащиеся в законодательстве, и соответствующие разъяснения понятий в актах судебной власти должны находиться в неразрывной связи, представляя собой единый понятийный аппарат отечественной правовой системы» [1, 153].

Судебная дефиниция может быть отраслевой, и вытекать из нескольких отраслевых законов, причем быть по характеру усложненной, т.е. не носить явного характера. Обратимся к примерам. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6] речь идет о юридических лицах как авторах произведений. Анализируется ГК РФ (ст. 1281, 1318, 1327, 1331), Федеральный закон от 20 июля 2004 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» и др. И делается следующий вывод: «руководствуясь данными законоположениями, судам следует учитывать: указание на то, что для целей применения правил части четвертой Кодекса юридические лица считаются авторами произведений, не означает признания соответствующих юридических лиц авторами, обладающими всем комплексом интеллектуальных прав на произведение, которые могут принадлежать авторам – физическим лицам, – а именно личными неимущественными правами» [6]. Другими словами, под юридическими лицами, как авторами произведений, не признается весь комплекс интеллектуальных прав на произведение, которые принадлежат физическим лицам. Определение конкретизируется через ограничение. Заметим, что такой логический прием применяется редко и специалистами не рекомендуется [7, 147]. Исключением является юриспруденция, ибо ее природа, т.е. природа правового регулирования, нередко

предполагает что-то определить через ограничение, установлению пределов действия.

В этой связи можно привести еще пример общеотраслевой дефиниции из Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ. Речь идет об «объекте авторского права», под которым следует понимать «результат творческого труда» [6].

Иногда действие дефиниции сужают, например, до пределов главы. В приведенном Постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ сказано (п. 57): «Положения главы 75 ГК РФ определяют порядок правовой охраны секретов производства (ноу-хау), то есть сведений любого характера (производственных, технических, экономических, организационных и других), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведений о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны (ст. 1465 Кодекса)» [6]. Надо сказать, что Пленумы Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ не ограничиваются положениями главы 75 ГК РФ, т.е. в полной мере так думать было бы неверно. Дело в том, что далее Пленумы Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ дополняют: «При этом судам следует учитывать, что режим коммерческой тайны, перечень не подлежащих охране сведений и порядок предоставления составляющей коммерческую тайну информации определяются в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [6].

Кроме применения широкого подхода к интерпретации отраслевой дефиниции, высшие судебные органы применяют прием определения дефиниции через выделения родовых и видовых отличий понятия. К примеру, можно привести следующее судебное определение «деловые качества работника», данное в Постановлении Плену Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. №2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса

Российской Федерации»[2]: «способность физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, квалификации), личных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли)». Как видно из приведенного определения, судебный орган с одной стороны выделяет видовые качественные характеристики профессиональной и личной компетентности лица на занятие определенного вида профессиональной деятельностью. Нам представляется, что данный подход наиболее адекватно отражает содержание определяемого судебным органом понятия (дефиниции).

Следует заметить, что в ряде случаев дефиниции помещены или находятся в сфере определений отрасли права, но по характеру, по содержанию информации носят техническое и другое значение. Это говорит о богатстве судебных дефиниций. В этой связи следует привести ряд примеров подобного рода дефиниций. Так, Гражданский кодекс РФ (ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина») оперирует понятием «съемка, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения». Об этом речь идет и в Федеральном законе «О введении в действие части четвертой ГК РФ (ст. 17). Однако понятие «съемка» в ГК РФ и вводном законе отсутствует. Этот пробел восполняет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 марта 2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой ГК РФ». Там, в п. 7 сказано следующее: «Под съемкой, проводимой в местах, открытых для свободного помещения, понимается в том числе кино- и фотосъемка, видеозапись, осуществляемая в ходе проведения открытых судебных заседаний» [6]. Заметим, что под съемкой Пленум Верховного Суда РФ понимает кино, фото и видеозапись. Однако сказано это в связи с судебными заседаниями, вообще важным для общественности случаем, но достаточно частным. В этой связи можно предположить, что Пленум ориентировался на так называемое не явное определение съемки, о чем шла речь выше. Иначе говоря, кино, видео и фотографирование являются обязательными признаками съемки, но не исчер-

пывающими. Такие дефиниции имеют место в судебной практике, но значительно реже. На взгляд, это объясняется сложностью понятия «съемка» и ее техническим многообразием, что и справедливо учитывает судебная практика.

Одной из проблем современных отраслевых дефиниций является то обстоятельство, что они далеко не всегда раскрывают в достаточной мере содержание этих правовых понятий. Причем следует признать, что их уточнение не всегда имеет место в актах высших судебных органов Российской Федерации. Так, например, термин «инновационная инфраструктура» в постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 20 июля 2007 г. № 881 «Об основах инновационной политики в Санкт-Петербурге на 2008–2011 годы» определяется как «совокупность субъектов инновационной деятельности (научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, наукограды, технологические парки, парки информационных технологий, особые экономические зоны, фонду венчурных инвестиций, центры коллективного пользования и другие специализированные организации)». В другом документе, под названием Республиканская целевая программа «Развитие инновационной деятельности в Удмуртской Республике на 2005–2009 годы, утвержденной постановлением Государственного Совета Удмуртской Республики от 22 июня 2004 г. № 250 термин «инновационная инфраструктура» определяется как «комплекс взаимосвязанных структур (инновационно-внедренческие предприятия, технопарки и т.п.), обслуживающих и обеспечивающих реализацию инновационной деятельности». Как видно из приведенных примеров приведенные дефиниции определяются весьма неопределенно, вызывая тем самым больше вопросов, чем ответов. Вместе с тем высшие судебные органы не предпринимали попыток дать толкование указанных понятий, что обусловлено тем обстоятельством, что в поле зрения судебных органов данные термины не попадают. В этой связи является обоснованным предложение высказанное Л.Ф. Апт о том, что при формировании Федерального регистра правовых актов субъектов Российской Федерации следовало бы «предусмотреть специальное информационное поле, где помещались бы данные о соответствии региональ-

ных определений нормам федерального законодательства» [1, 153]. Представляется, что в настоящее время возникает насущная потребность более серьезного научного обеспечения законотворческого процесса в субъектах Российской Федерации.

В большей мере собственные дефиниции можно найти в уголовном и административном праве, при чем они могут иметь статус собственных, что, наш взгляд, означает стремление данной отрасли к специфической формализации. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» впервые дает собственное определение оценочному понятию, имеющему место в УК РФ, в ст. 338. Речь идет о таком понятии как «стечение тяжелых обстоятельств», позволяющему освободить военнослужащего от уголовного наказания за дезертирство [8, 702–703]. Под стечением тяжелых обстоятельств Пленум Верховного Суда РФ понимает «объективно существовавшие на момент самовольного оставления части (места службы) неблагоприятные жизненные ситуации личного, семейного или служебного характера, воспринимавшиеся военнослужащим как негативные обстоятельства, под воздействием которых он принял решение совершить преступление. К ним могут относиться, в частности, такие жизненные обстоятельства, которые обуславливают необходимость незамедлительного прибытия военнослужащего к месту нахождения близких родственников (тяжелое состояние здоровья отца, матери или других близких родственников, похороны указанных лиц и др.) либо существенно затрудняют его пребывание в части (в месте службы) в силу различных причин (например, из-за неуставных действий в отношении военнослужащего, невозможности получить медицинскую помощь)»[4]. Надо сказать, что здесь не только имеет место так называемая собственная дефиниция, но и разъяснения к ней, проиллюстрируемые отдельными ситуациями, могущими иметь место в правоприменительной практике. Другой пример, где осуществляется толкование специального административно-правового понятия «малозначительное административное правонарушение». В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых во-

просах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [3] дается следующее определение приведенной дефиниции: «Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений» [3]. Как видно из приведенного положения, следует признать, что высшая судебная инстанция, давая определение «малозначительного административного правонарушения», использует ряд оценочных понятий, которые сами по себе вызывают сложности при их толковании по конкретному делу: «характер совершенного правонарушения», «роль правонарушителя», «размер вреда и тяжести наступивших последствий». Приведенные обстоятельства, так же свидетельствует о необходимости серьезного повышения профессионального качества разрабатываемых высшими судебными инстанциями актов толкования права, обратив при этом внимание на конкретизацию отраслевых дефиниций с учетом нормативно-правового отраслевого регулирования общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования той или иной отрасли российского права.

К так называемым собственным дефинициям можно отнести определение Верховного Суда РФ, данное такому оценочному понятию как «недоброкачественный ремонт транспортных средств» (ст. 266 УК РФ «Недобросовестный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями»). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ сказано, что под доброкачественным ремонтом транспортного средства следует понимать неустранение всех неисправностей в соответствии с технологическими правилами и нормативами либо установку доброкачественных или нестандартных запасных частей (например, узлов и деталей, обеспечивающих безопасную эксплуатацию транспортного средства) [5]. Как видно, судебная практика исходит в определении данного понятия отступлениями от технических нормативов и использование доброкачественных и нестандартных

запасных частей, что представляется, по нашему мнению, не достаточным для полноценного определения указанной дефиниции.

Статья 79 УК РФ (Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания) оперирует термином «злостное уклонение от выполнения обязанностей». Однако, что понимать под этим термином до последнего было не совсем ясно, что не могло не влиять на единообразие судебной практики. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» указал следующее (п. 23): «Под злостным уклонением от выполнения обязанностей, возложенных на осужденного, предусмотренным пунктом «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ, следует понимать повторное невыполнение таких обязанностей после вынесения органом, контролирующим поведение осужденного, письменного предупреждения о возможности отмены условно-досрочного освобождения». Такую дефиницию можно охарактеризовать как собственную уголовно-правовую и имеющую ярко выраженный отраслевой характер. Она представляет собой достаточно удачный образец толкования, так как весьма точно конкретизирует содержание, определяемой дефиниции.

Таким образом, следует отметить, что отраслевые судебные дефиниции достаточно распространены в современной судебной правоприменительной практике, выполняющие позитивную роль в процесс правоприменительной деятельности судебных органов. Вместе с тем следует отметить и отдельные недостатки толкования применяемых законодательством терминов, что характерно при толковании технических терминов, а также терминов применяемых законодательством субъектов Российской Федерации.

Литература

1. Апт Л.Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике / под ред. В.М. Сырых. – М.: РАП, 2010.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 6.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 6.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 6.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 2.

6. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 6.
7. Ивлев Ю.В. Логика для юристов. – М., 2001.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В.М. Лебедева. Изд. 2-е. – М., 2009.

СТРУКТУРА ТАМОЖЕННОГО ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

*Стародубцев С.В., преподаватель
Северо-Кавказский филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»*

Данная статья является логическим продолжением нашей статьи, опубликованной в настоящем сборнике под названием «Критерии построения системы таможенного права». В основе, предложенной в указанной статье идеи, лежит *целевой и субъектно-объектный критерий* выделения институтов системы таможенного права. Данные критерии позволяют осуществить структурирование рассматриваемой подотрасли административного права. В философской науке под структурой понимается «строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей» [4, 462]. Это означает, что структура системы права характеризуется следующими признаками и свойствами: а) она представляет собой совокупность устойчивых связей отдельных элементов некоего целого; б) представляет собой форму организации системы; в) является необходимым условием обеспечения тождественности и целостности элементов системы некоему целому; г) структура системы позволяет предопределить многообразие элементов системы, отразить ее сущностное содержание. Структура системы, как внутренняя организация явления (в нашем случае подотрасли административного права – таможенного права), должна строиться с учетом критериев систематизации данной подотрасли права.

Для полного представления о системе современного таможенного права следует более детально рассмотреть два приве-

денных критерия структурирования рассматриваемой подотрасли административного права: цель правового регулирования и субъектно-объектный состав таможенно-правовых отношений.

Цель правового регулирования, как критерий структурирования таможенного права. Любой нормативно-правовой комплекс создается для достижения определенной социально-полезной цели, как предвосхищения итогового результата государственно-управленческой деятельности. Причем эти цели могут быть основными (перспективными) и производными (ближайшими). Основной (перспективной) целью таможенно-правового регулирования общественных отношений являются положения, закрепленные в ст. 4 Договора от 29 мая 2014 г. о Евразийском экономическом союзе. В приведенной норме предусматриваются цели Экономического союза, которые достигаются, в том числе, посредством таможенно-правового регулирования общественных отношений: а) создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; б) стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; в) всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Производная (ближайшая) цель таможенно-правового регулирования сформулированы в ст. 25 Договора от 29 мая 2014 г. о Евразийском экономическом союзе, где устанавливается, что для целей функционирования Таможенного союза необходимо обеспечить правовое регулирование функционирования: 1) внутреннего рынка товаров; 2) Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза и иных единых мер регулирования внешней торговли товарами с третьими сторонами; 3) единого режима торговли товарами в отношениях с третьими сторонами; 4) единого таможенного регулирования; 5) осуществление свободного перемещения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного).

Реализация нормативно-правового регулирования указанных целей позволит сформировать внутреннюю структуру системы со-

временного таможенного права Таможенного союза, как межгосударственного экономического интеграционного объединения.

Приведенная система целей правового регулирования таможенных отношений в государствах-участниках Таможенного союза детализируется в рамках действующего в настоящее время Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС). Анализ положений п. 1 ст. 1 ТК ТС по целевому признаку, позволяет выделить следующие группы таможенно-правовых отношений, образующих самостоятельные блоки, направленные на реализацию приведенных целей таможенного регулирования общественных отношений в рамках Таможенного союза:

а) правовое регулирование отношений по обеспечению перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу ТС;

б) правовое регулирование отношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза;

в) отношения по перевозке по единой таможенной территории Таможенного союза под таможенным контролем;

г) отношения по хранению товаров в таможенных целях;

д) отношения по выпуску и использованию товаров и транспортных средств в соответствии с таможенной процедурой;

е) отношения по осуществлению таможенного контроля;

ж) отношения по уплате таможенных платежей;

Приведенная система целевых блоков основных таможенно-правовых отношений, подлежащих правовому регулированию, может быть объединена в систему институтов таможенного права, которые следует определить как основные подотраслевые институты таможенного права Таможенного союза. Кроме указанных институтов в системе таможенного права могут быть выделены комплексные и субинституты. Первые представляют собой институты, формирующиеся на стыке подотрасли таможенного права с иными основными или комплексными отраслями российского права (например, институт таможенной пошлины является не только институтом таможенного права, но и институтом налогового и финансового права; институт временного хранения товаров формируется во взаимодействии с гражданским правом). Субинституты формируются в рамках основных подотраслевых инсти-

тутов таможенного права, выделяясь в указанной системе по субъектному признаку. Так, в рамках основного института правового регулирования отношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, можно по субъектному критерию выделить субинституты: таможенного представителя; таможенного перевозчика, владельца склада временного хранения, владельца таможенного склада, владельца магазина беспошлинной торговли, уполномоченного экономического оператора, таможенной статистики и т.п. Приведенный подход лишь позволяет нам выделить элементы системы таможенного права, показать потребность их вычленения как самостоятельных элементов данной системы: основные подотраслевые институты таможенного права, комплексные институты и субинституты таможенного права. Однако видовое многообразие указанных элементов, отражающих структуру подотрасли таможенного права, следует определять по иным критериям. В науке чаще всего таким критерием опять же является предмет правового регулирования [1,2], который может быть дифференцирован практически до бесконечности, тем самым «размывая» структуры рассматриваемого нормативного комплекса. Приведенное обстоятельство не может быть признано удовлетворительным. Данное обстоятельство наводит на мысль о необходимости определения неких новых объективных критериев структурирования подотрасли таможенного права в рамках основной отрасли российского административного права. Их, по нашему мнению, может быть несколько.

Субъектно-объектный критерий структурирования подотрасли таможенного права Таможенного союза Евразийского экономического союза позволяет формировать комплексные институты и субинституты таможенного права Таможенного союза. Необходимость выделения подобного рода критериев обосновывает А.Н. Жеребцов. Он пишет: «а) *статусно-субъектный критерий* систематики отрасли под которым понимается объединение норм административного права в рамках которого формируется специальный административно-правовой статус лица и механизм его осуществления; б) *инструментальный критерий* характеризуется совокупностью специфических правовых средств (норм административного права) посредством которых достига-

ется реализация задач и функций исполнительной власти; в) *объектный критерий* заключается в объединении норм административного права, закрепляющих особенности объекта управленческого воздействия на управляемую подсистему» [3, с. 98–99]. Приведенные три критерия могут в полной мере решать задачи структурирования таможенного права на комплексные институты и субинституты. Мы их считаем необходимыми объединить в рамках одного критерия – субъектно-объектного. По указанным критериям можно выделить в структуре следующие виды комплексных институтов и субинститутов:

1) основной институт таможенного права: институт правового регулирования отношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза – данный институт формируется из субинститутов, формируемых по институциональному и объектному критериям: субинститут общих условий перемещения товаров через таможенную границу; прибытия товаров на таможенную территорию Таможенного союза; убытия товаров с таможенной территории Таможенного союза;

2) основной институт таможенного права: институт перевозки по единой таможенной территории Таможенного союза под таможенным контролем – по субъектному признаку выделяется субинститут административно-правового статуса таможенного перевозчика; по инструментальному критерию следует выделить субинститут перевозки товаров под таможенным контролем;

3) основной институт таможенного права: институт хранения товаров в таможенных целях – в рамках данного института необходимо выделить по инструментальному критерию комплексные институты временного хранения товаров и таможенного хранения товаров;

4) основной институт таможенного права: институт выпуска и использования товаров и транспортных средств в соответствии с таможенной процедурой – в рамках данного института следует по инструментальному критерию выделить субинституты, выделяемые по видам таможенных процедур (раздел 6 ТК ТС): субинститут выпуска для внутреннего потребления, экспорта, таможенного транзита, таможенного склада, реэкспорта, реимпорта, временного ввоза и т.п.

5) основной институт таможенного права: институт осуществления таможенного контроля – по инструментальному критерию данный институт может структурирован на субинституты: общих принципов таможенного контроля; форм таможенного контроля; процедур таможенного контроля; управления таможенными рисками; административной помощи таможенных органов; таможенной проверки; таможенной экспертизы; таможенно-правового принуждения;

6) основной институт таможенного права: институт таможенных платежей – позволяет по субъектному критерию выделить комплексные институты тарифного и нетарифного регулирования; по объектному критерию выделяется комплексный институт таможенных налогов; по объектному критерию следует выделить субинституты декларирования товаров, таможенных пошлин; по инструментальному критерию следует выделить субинституты исчисления таможенных платежей и субинститут уплаты таможенных платежей;

7) основной институт таможенного права: институт правового регулирования отношений по обеспечению перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу ТС – позволяет выделить по субъектному критерию субинституты: информирования и консультирования; институт взаимодействия таможенных органов с участниками внешнеэкономической деятельности и лицами, осуществляющими деятельность в сфере таможенного дела; по инструментальному критерию выделяются комплексные институты: таможенной стоимости товаров; таможенной статистики; комплексный институт информационных систем и информационных технологий; субинститут страны происхождения товаров; субинститут общих начал правового регулирования таможенного права.

Предложенная структура подотрасли таможенного права может в последствии находить дальнейшее развитие, что может повлечь формирования новых комплексный институтов и субинститутов данного нормативного комплекса. Предложенная структура не является бесспорной, однако она, по нашему мнению, позволяет по-новому взглянуть на систему и структура подотрасли таможенного права, предложить пути дальнейшего совершенствования.

ования порядка перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу ТС.

Литература

1. Бакаева О.Ю., Матвиенко Г.В. Таможенное право / отв. ред. Н.И. Химичева. – М.: Юристъ, 2003.
2. Бекашев К.А., Моисеев Е.Г. Таможенное право: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2003.
3. Жеребцов А.Н. Система административного права России. – Краснодар: КрУ МВД России, 2014.
4. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. Изд. 5-е. – М.: Политическая литература, 1987.

ВУЗЫ И НИИ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

*Томилко Ю.В., к.э.н., доцент
Кубанский государственный
технологический университет*

Инновации могут возникать в рамках различных по форме и содержанию организационных структурах. Однако, по мнению автора, для создания, продвижения и коммерциализации инноваций наиболее эффективны отраслевые инновационные кластеры, поскольку благодаря разнообразию элементов, входящих в их состав, нововведения реализовываются наиболее успешно. При этом ВУЗы и НИИ являются одним из ключевых, системообразующих элементов отраслевых инновационных кластеров, поскольку большинство инноваций генерируются именно в научно-образовательном секторе.

В соответствии со Стратегией инновационного развития России на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р, приоритетом в области исследований и разработок является создание инновационных центров компетенции на базе национальных исследовательских центров, выведение на мировой уровень конкурентоспособности веду-

щих университетов и ведущих научных организаций [1]. В качестве центров компетенции можно рассматривать возникающие в регионах инновационные кластеры. Кластеры эффективно обеспечивают кооперацию между предприятиями, способствуют развитию технологий и распространению значимой для производства информации. Эти связи очень важны в конкурентной борьбе, которая зависит от правильного выбора направлений развития бизнеса, скорости внедрения инноваций, темпов повышения производительности труда и т.д. Инновационные кластеры положительно воздействуют на всех их участников еще и потому, что обслуживают разные сегменты отрасли и являются элементами единой производственной цепочки.

Инновационные кластеры представляют собой гибкие сетевые структуры и могут формироваться путем заключения соглашений между ВУЗами, научными организациями, предприятиями, инновационными фирмами и являются эффективной формой интеграции науки, образования и бизнеса. Государственная поддержка инновационных кластеров должна быть сосредоточена на следующих направлениях:

- разработка правовой базы, которая обеспечит эффективное функционирование различных форм интеграции науки, образования и бизнеса;

- институциональное развитие кластерных структур, включая создание инновационных консорциумов, с последующим формированием на этой основе наукоёмких кластеров.

Генри Ицковиц (*H. Etzkowitz*) (Стэнфордский университет, США) является автором модели тройной спирали (*triple helix model*) – экономического механизма функционирования инновационной системы. По мнению Ицковица, в национальной инновационной системе присутствие государства ощущается везде: «Именно там, где институциональные сферы частично перекрывают друг друга, встречаются люди, генерируются новые идеи: так появляются инновации» [2, с. 38–45]. Следует отметить, что признаки так называемой «сбалансированной модели тройной спирали» (рис. 1) наблюдаются во многих созданных в России региональных инновационных кластерах: Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, республика Татарстан, Новосибирская область и других регионах.

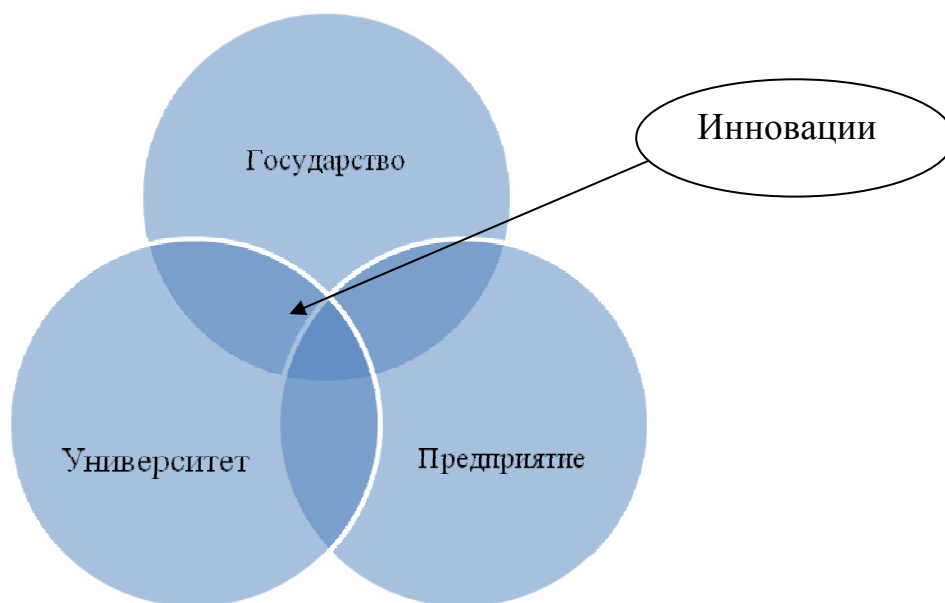

Рис.1. Модель сбалансированной тройной спирали по Г. Ицковицу

Одним из наиболее успешных примеров использования модели тройной спирали на практике является Томская область, где создан кластер фармацевтики, медицинской техники и информационных технологий. Кластер характеризуется наличием научно-производственных цепочек и проработанным механизмом кооперации участников кластера. Инновационная составляющая кластера опирается на развитую научную и образовательную базу Томских университетов и проекты кооперации между ВУЗами и компаниями. Кластер имеет высокий уровень развития организационной структуры, обладает значительным потенциалом в научно-образовательном, инфраструктурном и производственном аспектах. Профессор Генри Ицковиц считает, что Томск самостоятельно реализовал его модель тройной спирали на практике и университеты становятся центром инноваций, то есть «движком» экономики [3, 27–29].

Следует отметить, что Краснодарский край считается одним из лидеров экономического развития среди регионов России. 13 декабря 2013 года «Эксперт РА» опубликовал 18-й ежегодный Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2013 года. Краснодарский край (наряду с Московской областью, Москвой и Республикой Татарстан) вошел в группу лидеров, сочетающих минимальные риски для инвесторов с максимальным

потенциалом для капиталовложений [4]. Федеральная служба государственной статистики также отмечает, что Кубань является лидером в Южном федеральном округе по объему инвестиций – доля региона в общем объеме инвестиций по ЮФО составила 64,4%, а в целом по России – 7,4%.

В то же время показатели, характеризующие инновационную деятельность в Краснодарском крае, не столь оптимистичны. Согласно исследованию академика Г. Клейнера, Краснодарский край занимает 10 место в России по доле валового регионального продукта в валовом внутреннем продукте [5, 460], однако по размерам инновационного ядра регион находится всего лишь на 66 месте [5, 461]. Тем не менее, М. Щепакин, В. Боровиков, А. Маштаков, исследуя типологию регионального развития по фактору «мотивированность на развитие», относят Краснодарский край к регионам инновационного типа регионального развития [6, 86].

Следует отметить, что управление инновационными процессами и координацию деятельности предприятий инновационного сектора Краснодарского края существенно затрудняет их различная подчиненность по уровням власти. Для обеспечения устойчивого развития необходимо разработать механизм взаимодействия и обмена информацией между организациями, находящимися в подчинении Министерства образования и науки (Научно-исследовательские институты, ВУЗы) и предприятиями реального сектора экономики Кубани.

В соответствии с законом Краснодарского края от 29.04.2008 № 1465-КЗ «О стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года», основу производительных сил Краснодарского края составляют промышленный, строительный, топливно-энергетический комплексы, область информационных и коммуникационных технологий, а также агропромышленный, транспортный, курортно-рекреационный и туристский комплексы [7]. После завершения Олимпийского проекта ключевым фактором обеспечения гармоничного, устойчивого развития Краснодарского края в долгосрочной перспективе является активизация инновационной деятельности в основных отраслях экономики. Для этого необходимо обеспечить тиражирование успешного опыта функционирования инновационной ин-

фраструктуры. В крае запланировано создание и развитие сети промышленных парков с различной специализацией – от производства сельскохозяйственной и строительной техники до предприятий, обеспечивающих полный цикл переработки сельхозпродукции [8]. По мнению автора, решение вопроса о повышении эффективности экономики Краснодарского края может быть найдено за счет продвижения инновационных идей и созданных на их основе бизнес-процессов, путем развития инновационных отраслевых (промышленных и агропромышленных) кластеров. Развитие инновационной инфраструктуры должно осуществляться во всех отраслях экономики Краснодарского края, и важную роль в этом процессе играют ВУЗы и НИИ.

Следует отметить, что из 60 научных организаций, работающих в Краснодарском крае, 25 занимаются исследованиями в области сельского хозяйства, причем 18 из них – в сфере растениеводства, 5 – в сфере животноводства, 2 – в сфере создания инновационной сельхозтехники. Существенную роль в инновационной деятельности агропромышленного сектора традиционно играет Кубанский государственный аграрный университет. По уровню изобретательской активности университет, согласно рейтингу Роспатента, в 2011–2013 годах вошел в первую тройку крупнейших патентообладателей страны, по количеству полученных патентов занимает первое место среди аграрных вузов. В университете к настоящему времени существуют восемь малых инновационных предприятий – четыре из которых функционируют и получают прибыль (ООО МИП «Кубанские агротехнологии», «Электротехнология», «Кормовые концентраты», «Экспериментальная биофабрика»).

Кроме того, в соответствии с законом Краснодарского края от 04.06.2012 № 2501-КЗ «О технопарках (агротехнопарках) Краснодарского края» [9] и постановлениями Законодательного собрания Краснодарского края, статус технопарков присвоен 18 организациям, осуществляющим инновационную деятельность в области сельскохозяйственного производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Как было сказано выше, организации агропромышленного комплекса обеспечивают существенную долю ВРП Краснодарского края, а значит, можно гово-

речь о наличии спроса на инновации в этом секторе экономики. Таким образом, можно сделать вывод о наличии предпосылок для формирования на территории Краснодарского края инновационного агропромышленного кластера с использованием сбалансированной модели тройной спирали Г. Ишковица (рис. 2)

Рис. 2. Структура инновационного агропромышленного кластера Краснодарского края с использованием модели тройной спирали

Помимо этого, в целях повышения уровня развития энергетической базы и снижения энергетической зависимости Кубани от других регионов, по мнению автора, необходимо формирование инновационного кластера в сфере альтернативной энергетики и энергосбережения. Создание в Краснодарском крае инновационного кластера распределенной энергетики. Планируется, что в его деятельности примут участие ряд объектов генерации, работающих на нетрадиционных возобновляемых источниках энергии (НВИЭ). Идея о создании инновационного энергетиче-

ского кластера в Краснодарском крае прозвучала в мае 2014 г. в Сочи на форуме «Энергоэффективность и инновации». По мнению Минэнерго РФ, объем генерации на основе возобновляемых источников энергии в топливно-энергетическом балансе России за ближайшие 6 лет вырастет в 2,5 раза (до 6 ГВт), при этом существенная доля мощности придется на Юг России (вследствие высокого уровня инсоляции и протяженной зоны высокого давления, обеспечивающая безоблачную погоду). В Краснодарском крае для НВИЭ есть сразу три стихии – солнце, ветер и вода (геотермальные и гидрологические источники), а также опыт создания объектов с применением НВИЭ [10]. По расчетам Л.Гришиной, директора краевого Центра энергосбережения и новых технологий, за счет реализации потенциала НВИЭ в Краснодарском крае можно получать до 2200 МВт тепловой и 1300 МВт электрической энергии взамен добываемой на традиционных углеводородных топливах, совокупный потенциал возобновляемой энергетики в крае достигает 2,5 млн. тонн условного топлива в год. «Широкомасштабное вовлечение НВИЭ в топливно-энергетический баланс края является радикальным и перспективным решением проблем энергетической безопасности, улучшения экологической обстановки и повышения уровня жизни в регионе» – считает Гришина [10].

Помимо нетрадиционных возобновляемых источников энергии, в Краснодарском крае имеется потенциал роста и научно-производственный потенциал в традиционных отраслях энергетики. ОАО «НИПИгазпереработка» является одним из ведущих проектных институтов России с развитой научно-технической и интеллектуальной базой, разработчиком более 50 инновационных проектов по повышению эффективности и использования нефтяного и природного газа. В настоящее время при поддержке ОАО НИПИпереработка в Краснодарском крае создается технопарк в сфере энергетики.

При этом в ВУЗах Краснодарского края (Кубанском государственном технологическом университете и Кубанском государственном аграрном университете) имеется значительный научный потенциал и перспективные разработки для использования в сфере энергетики. Таким образом, используя модель тройной спира-

ли Ишковица, возможно формирование в Краснодарском крае инновационного кластера в сфере энергетики и ТЭК (рис. 3).

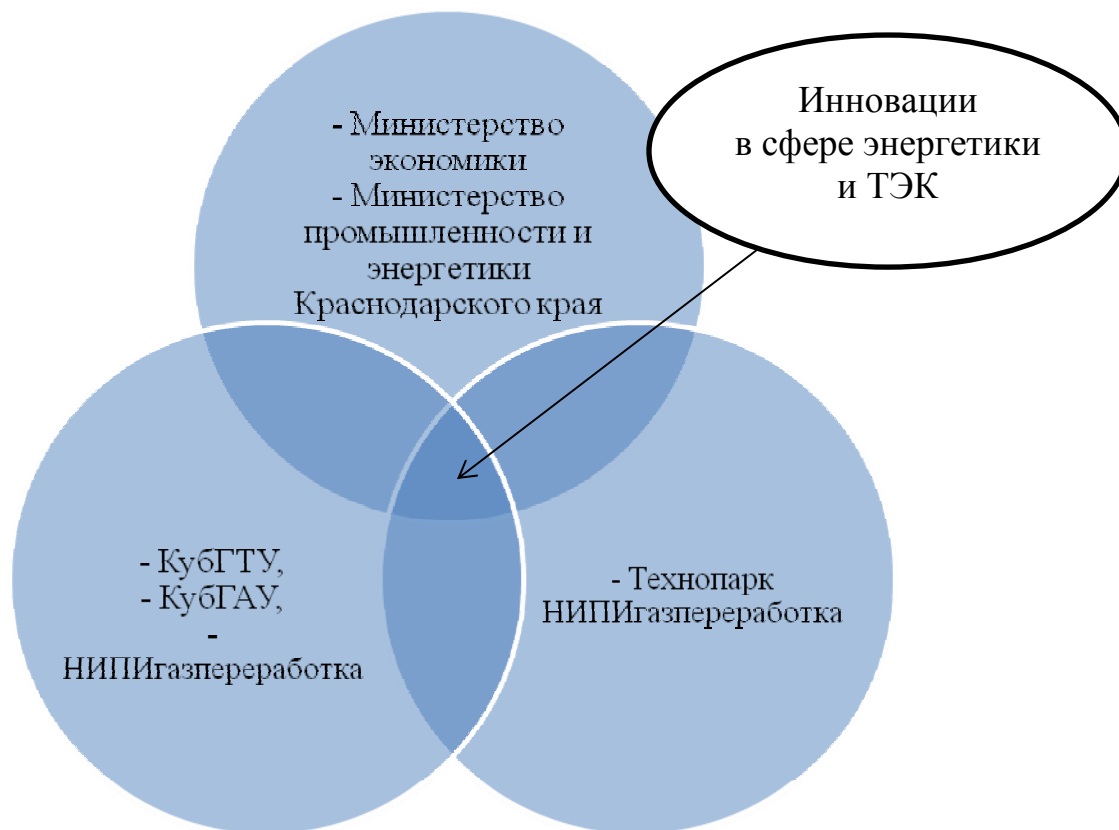

Рис. 3. Структура инновационного кластера в сфере энергетики и ТЭК Краснодарского края с использованием модели тройной спирали

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в Краснодарском крае имеется научно-образовательный потенциал для формирования отраслевых инновационных кластеров в стратегических отраслях экономики с использованием сбалансированной модели тройной спирали, которая обладает следующими преимуществами:

- обеспечивает координацию инновационных процессов со стратегическими направлениями развития региона;
- позволяет интегрировать органы исполнительной власти в процесс выбора направлений инновационной деятельности для обеспечения эффективной государственной поддержки инноваций;
- решает вопрос формирования спроса на инновации, генерируемые научно-образовательным комплексом.

Литература

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р
2. Ицковиц, Г. Модель тройной спирали / Г.Ицковиц // Инновации. – 2011. – № 4. – С. 38–45.
3. Владислав Михайлов/ Вихри тройной спирали/ «Эксперт Сибирь» № 41–42 (430).
4. <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2013/att1/att1-1/>
5. Мезоэкономика развития/ под. ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера; Центральный экономико-математический ин-т РАН. – М.: Наука, 2011. – 805 с. (Экономическая наука современной России).
6. Методологические и методические аспекты выбора стратегии развития депрессивного региона: монография / М.Б. Щепакин, В.Г. Боровиков, А.И.Маштаков. – Благовещенск: ДальГАУ, 2012. – 170 с.
7. Закон Краснодарского края от 29.04.2008 № 1465-КЗ «О стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года».
8. Закон Краснодарского края от 04.06.2012 № 2503-КЗ «О промышленных парках Краснодарского края».
9. Закон Краснодарского края от 04.06.2012 № 2501-КЗ «О технопарках (агротехнопарках) Краснодарского края».
10. Кисин С. Слияние трёх стихий // Эксперт Юг. – № 25–26 (315).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ОБОСНОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ ПРЕДПРИЯТИЙ МОЛОЧНОЙ ОТРАСЛИ

*Турлий С.И., к.э.н., доцент
Кубанский государственный аграрный университет*

С позиций системного подхода предприятие по переработке молока можно представить как систему, состоящую из различных взаимодействующих элементов, составляющих внешнюю и внутреннюю среду.

Внешняя среда включает все силы и организации с которыми предприятие сталкивается в своей повседневной деятельно-

сти. Внешняя среда подразделяется на среду косвенного воздействия (макроокружение, макросреда) и среду непосредственного окружения (микроокружение, микросреда) [9].

К макроокружению относятся: органы государственной власти и действующие законодательные акты, уровень и распределение доходов, расходов и сбережений населения, покупательная способность отдельных слоев населения, уровень безработицы, уровень налогообложения, инфляция, доступность ресурсов, а также комплекс социальных явлений и процессов. К макросфере относятся также достижения научно-технического прогресса, новые информационные системы, открывающие перед организациями новые широкие перспективы [8].

Субъекты и условия внешней среды макроокружения не поддаются непосредственному воздействию организации. К этим условиям организация должна адаптироваться, приспособиться.

Микросферу предприятия образуют группы фирм, организаций и лиц, имеющих с ней непосредственные связи или прямое отношение к ее деятельности. К ним относятся потребители, конкуренты, поставщики контактные аудитории.

Потребители обычно имеют свои предпочтения и выбирают товары известных фирм. Потребитель независим в своем выборе, но можно повлиять и на его мотивацию и на поведение, если предлагаемая продукция рассчитана на удовлетворение его нужд и ожиданий. Предприятие может воздействовать на потребителей, предлагая им более совершенную по сравнению с конкурентами продукцию по более низким ценам [1].

Товары, предлагаемые фирмой, сталкиваются на рынке с аналогичными товарами, предлагаемые другими фирмами, с которыми необходимо конкурировать. Поэтому стратегия фирмы должна быть подкреплена соответствующими ресурсами.

На рынке сырья фирма взаимодействует с поставщиками, в качестве которых выступают предприятия, обеспечивающие фирму материальными ресурсами, необходимыми для осуществления производственных процессов и производства продукции. Для установления с поставщиками долгосрочных и взаимовыгодных отношений предприятия по переработке молока должны также располагать ресурсами, необходимыми для осуществления реализуемых стратегий [7].

Посредники, обеспечивают связь производителя с конечным потребителем. Они формируют канал распределения, призванный обеспечить передачу права собственности на товар от производителя к потребителю.

Для управления каналом сбыта предприятие проводит отбор посредников, осуществляют их мотивацию, и оценивает их работу. Посредники оказывают непосредственное влияние на результаты деятельности предприятия [2].

Чем меньше у предприятия возможности влиять на посредников, тем слабее его конкурентные позиции.

К контактными аудиториям относятся средства массовой информации, государственные учреждения, общественные организации, местные органы власти, которые не являются прямыми партнерами по бизнесу, однако могут оказывать влияние на имидж фирмы и ее успех в конкурентной борьбе.

Одной из важных функций управления, является планирование, которое должно обеспечить достижение целей, сформулированных на стадии формирования стратегии.

По определению А.А Томпсона стратегия это управленческий план, направленный на укрепление позиций организации, удовлетворение потребностей ее клиентов и достижение отдельных результатов деятельности.

Высокие финансовые результаты необходимы для выживания и роста предприятий, поэтому максимальная прибыль, определяемая как разность суммы выручки и издержек, служит критерием для оценки и выбора наилучших решений из возможных альтернатив [3].

Цель выступает как идеальный результат деятельности, а сама деятельность как процесс достижения цели. В управленческой практике цель не отождествляется со средствами ее достижения. Достижение цели осуществляется на основе выполнения соответствующих действий. Для обоснования этих действий необходимо обосновать значение параметров, обеспечивающих достижение цели. Также как и параметры среды, цель должна получить требуемое количественное оформление, поэтому она должна быть измерима и формализуема.

Цели владельцев и руководителей предприятий, несмотря на их различные отношения к собственности, имеют финансовое со-

держание, которое позволяет использовать такой универсальный показатель, как прибыль, определяющий их положение в обществе и в отрасли [10].

При моделировании необходимо отразить стратегию, определяющую поведение и взаимодействие предприятия с элементами внешней среды, поставщиками молока и других ресурсов и потребителями конечной продукции.

В связи с тем, что формулировка стратегии и ее реализация тесно взаимосвязаны, модель должна обеспечивать возможность внесения корректив, как в формулировку стратегии, так и в действие по ее реализации. Это даст возможность, не прибегая к реальному осуществлению стратегии предсказать результаты ее реализации.

Для реализации стратегических планов, направленных на достижение сформулированных целей необходимы соответствующие ресурсы, получаемые предприятием из внешней среды [5]. К таким ресурсам относятся: сырье, доступность ресурсов, поступающей из внешней среды, зависит от отношений с поставщиками стоимости сырья. Ресурсы внешней среды не безграничны, на них претендуют и другие предприятия, находящиеся в этой же среде, поэтому за получение ресурсов из внешней среды происходит конкурентная борьба. Размер ресурсов сырья является фактором, ограничивающим возможности предприятия по увеличению объемов производства и прибыли.

К конкретным результатам приводят не сами сформулированные цели, а процесс их достижения с помощью определенных ресурсов и действий. Ступенями к достижению долгосрочных целей является деятельность, направленная на достижение текущих целей. Совокупность целей, действий и результатов находит отражение в бизнес-планах. Центральным разделом бизнес-плана является производственная программа.

Наиболее эффективным методом расчета производственной программы является экономико-математическое моделирование с использованием ЭВМ [3]. Для моделирования можно использовать линейную оптимизационную модель, в которой нужно отразить все наиболее существенные внешние и внутренние взаимосвязи производственной программы.

Общая постановка задачи оптимизации производственной программы формируется следующим образом.

Основу производственной деятельности молочного предприятия составляют производственные процессы, в ходе которых, молочное сырье подвергается переработке до превращения их в готовый продукт. Каждый производственный процесс состоит из отдельных операций, выполняемых на оборудовании, составляющем технологические линии. Каждая технологическая линия позволяет переработать определенное количество сырья в готовые продукты при сохранении ценных качеств молока. Поэтому, в математической модели должны быть отражены условия по производительности технологических линий, которые могут измеряться по количеству переработанного сырья или по количеству выработанной продукции [10].

Предприятие по переработке молока для осуществления своей деятельности несет затраты, которые не зависят от объема и ассортимента производимой продукции и поэтому называются условно постоянными. Сумма условно постоянных затрат определяется на основании сметы и является величиной известной. Затраты, величина которых зависит от объема и ассортимента продукции, определяются в ходе формирования оптимальной производственной программы.

Постановку задачи можно сформулировать следующим образом: определить оптимальную производственную программу, которое при существующих организационно-экономических условиях обеспечивает максимум прибыли.

Внешние и внутренние взаимосвязи производственной программы предприятия по переработке молока объединяются в следующие группы:

1. Условия по сырьевым ресурсам:

- объем перерабатываемого молока ограничивается по минимуму и максимуму исходя из условий сырьевой зоны и мощности молокоперерабатывающего завода;
- объемы молока, направляемого на выработку отдельных групп молочных продуктов должны равняться общему количеству поступающего молока;

– расход молока на выработку отдельных групп молочных продуктов не должен превышать объемов молока, выделенного на эти цели;

– расход вторичного сырья (используемых отходов) на производство отдельных видов продукции не может превышать объем его выхода.

2. Условия по ресурсам технологических линий:

– затраты ресурсов технологических линий на производство всех видов продукции соответствующей группы не могут превышать их мощности.

3. Условия по объемам производства отдельных видов товарной продукции:

– объемы производства отдельных видов продукции каждой технологической группы ограничиваются по минимуму и максимуму. Минимальный объем устанавливается на основе маркетинговых исследований и должен обеспечивать поддержание имиджа соответствующего бренда. Максимальные объемы производства продукции устанавливаются на основе маркетинговых исследований спроса и возможностей сбытовой сети.

4. Условия по сумме и расчету стоимостных показателей, формирующих прибыль (денежная выручка, стоимость сырья, прочие прямые затраты и условно постоянные расходы):

– стоимостные показатели, формирующие прибыль, зависящие от ассортимента продукции рассчитываются в ходе решения задачи;

– стоимостные показатели, рассчитанные на основании смет, вводятся в модель, как заданные величины.

Структурная математическая модель служит основной для сбора информации, характеризующей конкретный объект. На основе этой информации формируется постановка и разрабатывается числовая математическая модель конкретной задачи.

Изменчивые условия внешней среды требуют постоянной корректировки стратегий и текущих действий, направленных на достижение целей молокоперерабатывающего предприятия. Поэтому корректировка стратегического плана – неотъемлемая часть стратегического управления [6].

Особенностью данной модели является разделение множества переменных на подмножества: переменные, обозначающие

объемы основного сырья, переменные, обозначающие объемы вторичного сырья, переменные, обозначающие объемы производства продукции и переменные, обозначающие стоимостные показатели, формирующие прибыль с разделением затрат на четыре группы, что отсутствует в опубликованных моделях.

В модели условия по объемам производства учитывают конъюнктуру рынка, спрос и предложение, в то время, как в ранее опубликованных моделях, эти ограничения формировались на основе плановых заданий по объему производства продукции.

Структура модели отражает возможности расчета оптимальной производственной программы при разных закупочных ценах на молоко и ценах реализации готовой продукции.

В модели отражаются условия по выходу вторичного сырья при производстве отдельных видов продукции и условия по его использованию при производстве продукции основного ассортимента, что обеспечивает полное использование всех ценных и полезных компонентов молока.

Так как производство предприятий по переработке молока характеризуется широким ассортиментом, то формирование ассортимента и объемов производства, обеспечивающих по выбранному критерию получение наилучшего результата при эффективном использовании дефицитных ресурсов предприятия, и максимальной адаптации к требованиям рынка, является основным требованием к производственной программе.

Предлагаемая модель позволяет рассчитать оптимальную производственную программу на любой календарный период с учетом прогнозируемых параметров внешней и внутренней среды. Чем короче период, тем точнее прогнозируемые параметры для расчета производственной программы. Это дает возможность планировать реализацию стратегии на год и уточнять ее в процессе реализации, разрабатывая мероприятия на сезон, месяц и даже более короткие периоды.

Литература

1. Бурда А.Г. Методика рейтинговой оценки использования плодового потенциала и его экономической эффективности в хозяй-

ствах Краснодарского края / А.Г. Бурда, С.Н. Косников // Тр. Кубан. гос. аграр. ун-та. – 2009. – № 16. – С. 7–12.

2. Васильева Л.Ф., Васильев С.К., Уфимцев Г.С. Оценка инвестиционной привлекательности пищевых предприятий. Проблемы, противоречия и перспективы развития России в современном мире: экономико-правовые аспекты. Сборник статей международной науч.-практ. конференции. Ч. 1 / под общ. ред. Э.В. Соболева, С.И. Берлина, В.В. Сорокожердьева. – Краснодар, 2014. – С. 60–61.

3. Затонская И.В. Модель организованного управления инновационным развитием аграрного предприятия. Российская экономическая модель – 2: динамика и контексты сб. материалов Межд. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2013.

4. Мироненко Л.А., Турлий С.И. Экономические интересы в системе молочно-продуктового подкомплекса АПК. Российская экономическая модель – 2: динамика и контексты сб. материалов Межд. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2013.

5. Параметризация, моделирование и оптимизация конкурентоспособного АПК : монография / А.И. Трубилин, А.Г. Бурда, Г.П. Бурда, И.М. Блаживский, С.Н. Косников, В.В. Кочетов, Е.А. Метельская, С.И. Турлий, О.Ю. Франциско; под руководством и ред. академика РАСХН, доктора экономических наук, профессора И.Т. Трубилина – Краснодар: КубГАУ, 2012. – 630 с.

6. Попова А.С., Новоселова Н.Н. Совершенствование государственного регулирования развития аграрной сферы // Вестник ИрГСХА. – 2013. – Т. 2.- № 4. – Ч. 1. – С. 108–116.

7. Попова А.С. Экономические особенности функционирования молочно-продуктового подкомплекса Ставропольского края // Журнал-книга Предпринимательство. – М.: Изд-во «DigitalPrintGroup», 2006. – С. 98–102.

8. Сорокожердьев В.В., Хашева З.М., Константиныди Х.А. Измерения стратегии модернизации России // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 143–146.

9. Сорокожердьев В.В., Константиныди Х.А. Формирование конкурентной стратегии предприятия в современных условиях // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 5 / Материалы Пятнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 15–16 апреля 2014 г. / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – С. 172–174.

10. Спирина С.Г. Комплексный финансовый риск: сущность и взаимосвязь с финансовой устойчивостью хозяйствующих субъектов // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 3. – С. 252–254.

11. Турлий С.И. Эффективность и оптимизация стратегии переработки молока. Монография – Краснодар: КубГАУ, 2007. – 216 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Удычак Ф.Н., к.ю.н., доцент

Адыгейский государственный университет

Реалии современного мира со стремительно меняющимися устоями общества актуализируют вопросы и проблемы права как в целом, так и частности, учитывая возрастающую конвергенцию системы права и ее отдельных отраслей и институтов. В связи с этим в настоящее время снижается эффективность большинства механизмов, посредством которых действует право. Новый формат и усложнение государственных, общественных и личностных отношений, появление определенно новых комплексных отраслей законодательства свидетельствуют о необходимости оптимизации старого и поиска существенно нового комплекса методологических приемов, инструментов и подходов, которые позволили бы исследовать совокупность норм, обеспечивающие эффективность форм действия права на современном этапе.

В первую очередь необходимо определиться с пониманием методологии в науке и в юриспруденции, в частности. Под методологией понимается философское учение о методах познания и преобразования действительности, применении принципов мировоззрения к процессу познания, духовному творчеству и практике. Соответственно методология как понятие связана с методами и средствами научного исследования, с тем инструментарием, с помощью которого приобретаются, добываются, присоединяются к старым знаниям новые по какой-либо отрасли науки.

Наука о методах возникла и развивалась как аспект философского осмысления мира под углом зрения критического ис-

следования методов познания – как общефилософских, так и конкретно-научных. При этом философы не только разрабатывали определенные методы на основе обобщения развития науки и творчества в целом, но и теоретически их обосновывали, выявляли их место в системе средств познания, взаимосвязь методов различных наук [10, с. 397].

Методология юриспруденции, представляя собой систему подходов, методов и способов научного познания государства и права, позволяет «отграничить» правовую науку от других социогуманитарных наук. Например, только юридическим наукам присущ специальный формально-юридический (или догматический) метод, суть которого – в исследовании юридических фактов и юридических текстов, их природы и толковании с использованием специальных юридических терминов и конструкций. Этот метод предполагает изучение права как такового вне связи с экономическими, политическими и другими социальными явлениями. При помощи его формулируются категории и понятия юриспруденции, например, государство, законодательство, правосубъектность, норма права, правоотношение, юридическая ответственность, санкция, правопорядок и др.

Отметим, что как в философии, так и в юриспруденции имеют место различные мнения относительно понятия «методология». Отдельные авторы рассматривают методологию как всеобщий метод исследования, другие – как совокупность методов познания, третьи рассматривают понятия «метод» и «методология» как синонимы. Авторы трудов о методах познания – в философии Г.А. Подкорытов, в юриспруденции Д.А. Керимов – определяют методологию: 1) как учение о методах познания; 2) как совокупность методов и приемов познания [3, с. 71; 6, с. 56]. Правильным представляется содержание рассматриваемого понятия как соотношение целого и части, общего и отдельного, равнозначного соотношению методологии и метода.

По мнению В.М. Сырых, все многообразие методов познания права можно разделить на четыре вида: метод материалистической диалектики, общие приемы (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, сравнение и др.), специальный (статистический, математический, кибернетический, феноменологический,

системно-информационный и др.) и частноправовой (формально-логический и сравнительно-правовой) метод [8, с. 368]. Все методы выполняют различную роль в познавательных процессах, но все они взаимопроникают и взаимодействуют, входят в одну систему, представляя одно собирательное целое – метод юридической науки.

Осмысливая методологию права, подчеркнем также, что она есть в первую очередь не метод и не сумма методов, а учение, теория, наука о методах познания, их видах и особенностях. С этой точки зрения методология права как наука превращает методы научного исследования в предмет исследования. Она их осмысливает, изучает, оттачивает для познавательных операций. «Методология или учение о (логических) методах, – справедливо писал известный русский логик Н.Н. Ланге, – имеет задачей показать, какими путями мы, исходя из данного состояния наших знаний... можем достигать цели, которую ставит нам наука, т.е. истинного, полного и связного знания» [4, с. 168].

Нельзя забывать, что методология – это не только совокупность методов научного анализа какого-либо явления или категории, но и специфическое выражение субъективной позиции исследователя по той или иной проблеме. От изначально ориентированной методологической установки автора зависит построение «каркаса», содержание и выводы научного исследования.

К примеру, в науке международного права ведется непрерывающийся диспут о взаимосвязи, взаимозависимости и соотношении международного публичного права и международного частного права. Признание целостности и единства системы международного общения, обеспечиваемого международным правом, включающее в себя как частноправовые, так и публично-правовые отношения, позволяет причислять к субъектам международного права не только государства и международные организации, но и физических и юридических лиц. «Классическая» концепция, определяющая предмет регулирования международного права как отношения межгосударственные, межвластные, межправительственные и публично-правовые, предполагает введение в состав субъектов международного права государств, международных организаций, народов и наций, борющихся за самоопре-

деление и государствовподобных образований. И это не единственная иллюстрация теоретических расхождений, обусловленных различной методологической позицией исследователей.

В связи с этим интересен пример юридического анализа государства как социально-политического организма управления и организации общества. Учитывая исходную методологическую посылку, предполагается, что в данном исследовании будет произведена оценка совокупности институтов государства, его признание и защита прав и свобод человека, его властных структур, формы правления, политического режима и государственно-территориального устройства. Если же к государству подойти с культурологической и социологической точки зрения, то перед ученым откроется совершенно иная картина. В данном случае можно говорить об изучении государства как результата эволюции цивилизации, как ценности, как средства достижения благополучия и процветания народа.

Направленность познания на какой-либо предмет или объект придает методам научного исследования объективный характер. Они самостоятельны и независимы от учения о них, хотя этим учением охватываются и осмысливаются. Вместе с тем вопрос о методах – это вопрос о знании, мышлении, памяти и воображении субъекта познания, т.е. вопрос о качествах, которые определяют субъективный характер методов познания и не всегда поддаются логической регламентации. Отсюда возникают трудности при стремлении сформулировать точное, относительно постоянное и объемное определение метода познания права.

Аккумулируя понятие методологии, посредством метода познания права, согласимся с мнением К.С. Бельского [1, с. 23], который определил его как мыслительный процесс, реализуемый в научно-исследовательской форме и направленный на правовой предмет или объект исследования в целях приобретения и выработки новых правовых знаний как в общетеоретическом, так и в отраслевом ракурсе, присоединения этих знаний к уже накопленным, их обоснованности, обобщению, а также ясного и отчетливого изложения в научных трудах.

Тем не менее, при наличии общеизвестно определенной методологии и выработке специальных методов познания права,

его эффективного действия, современной действительности, по-прежнему возникают проблемы с получением, адаптированием и реализацией новых знаний в сфере правового пространства. Определенно, что среди плавно развивающегося непрерывного накопления новых фактов, идей и теорий, возникают и фундаментальные теоретические сдвиги, которые приводят к тому, что юристы-теоретики обязаны воспринять и изменить привычную общую картину правового мира, перестраивая свою деятельность на базе принципиально иных мировоззренческих установок. Логику неспешной эволюции права как науки сменяет логика научных революций и катастроф. Одной из основных проблем в этом плане становится нахождение необходимого инструментария в познании права.

Научный анализ любого явления, процесса, события, факта, а в нашем случае эффективности действия права, предполагает использование определенной системы инструментов, правил, приемов познавательной деятельности. Следовательно, инструментальный подход, подразумевает исследование правовых явлений с позиции их целесообразности, рациональности, функциональной пригодности для использования в процессе правовой деятельности человека, общества, государства для достижения ими собственных правовых целей. Единственным мерилom необходимости существования того или иного правового явления выступает его полезность для человека. Заметим, что критерий полезности был сформулирован еще в XIX в. М.М. Сперанским, задолго до появления инструментализма в юриспруденции, в следующей формуле: «Закон должен быть полезен человеку» [7, с. 36]. Все иные правовые явления в тех случаях, когда они не являются правовыми средствами или не обеспечивают действие правовых средств, избыточны и нуждаются в элиминировании из соответствующей сферы правовой деятельности.

Возвращаясь к методологическим основаниям анализа смысла права, его эффективности действия, заметим, что особое мировоззренческое значение здесь имеет вопрос о соотношении относительно новой методологии его анализа, такой, как концептология, и традиционно – диалектики. Сразу оговорим, что данный вопрос ставится именно в такой плоскости, как соотношение двух методо-

логических подходов, один из которых, концептологический, требует утверждения и обоснования в качестве применимого для анализа правовой реальности, а помочь в этом обосновании может как раз диалектика. Где диалектика работает идеально и преимущественно в сфере логико-теоретического мышления, а право является исходным концептом, нуждающимся для понимания его смысла в дальнейших процедурах конкретизации, объяснения, толкования, реализации, систематизации, оценки и апробации.

Если мы посмотрим на практику конституционного правосудия в современной России, организующей и своеобразно императивно регламентирующей всю систему общественных отношений в Российской Федерации, то она не укладывается целиком в диалектическую схему, а осуществляется во многих случаях как раз с помощью концептологического метода. Это происходит потому, что Конституционный Суд РФ обладает высоким статусом и юридическими полномочиями, дающими право судить и оценивать смысл права многосторонне, с широких позиций. Ему предоставлено право опираться на ценностные основания социального бытия, руководствоваться не только нормативным единством взаимосвязанных между собой юридических предписаний, но и их идейным содержанием и идейно-смысловой направленностью, что в сочетании друг с другом формирует достаточно широкую меру и вариативную степень смыслового наполнения права. Именно этому высшему судебному органу государственной власти предназначено нередко настолько существенно «развивать» смысловое ядро права и действующего законодательства, что принципы данной деятельности имеют самостоятельную смысловую ценность, не сводимую к диалектическим принципам [2, с. 1178]. Что дает основания нам понимать концептологический метод как современно не освоенный, не широко исследованный, но остро необходимый для грамотного и обоснованного понимания права и эффективности его действия.

Очевидно, изначально проблема коренится в том, что в современных условиях, отличающихся существенной трансформацией системы общественных отношений, усложнением задач, решаемых правом, эффективность почти всех механизмов, посредством которых действует право, в определенной мере снижа-

ется. Проблема неэффективности средств и методов познания, а как следствие – и проблема неэффективного действия права возникает во многом в силу того, что при построении правовой системы не всегда принимается во внимание, какой именно механизм действия и какой именно инструментарий для какого типа права, находящего оформление в конкретной отрасли, характерен. Вместо того чтобы учитывать, какие средства и инструменты для какой сферы регулирования объективно подходят, стимулировать и обеспечивать действие механизмов, обусловленных самой природой адекватных для базовых отраслей типов права, фактически в качестве способа решения проблемы недостаточной эффективности правового регулирования государством избирается способ, суть которого заключается в юридическом стимулировании действия организующего механизма, связанного с целенаправленным властно-волевым упорядочением.

Ситуация осложняется тем, что целенаправленное стимулирование действия организующего механизма неизбежно приводит к усилению юридического компонента в праве.

Представляется, что в существующих условиях обеспечение эффективного действия права возможно только при условии обнаружения принципиально новых подходов к его организации, исключающих его избыточную стандартность, привычность, формализацию и учитывающих объективно существующее разнообразие методологических механизмов действия права. Очевидно, что выработка таковых – сложная проблема, требующая самостоятельного теоретического осмысления. Вместе с тем полагаем возможным уже сейчас указать на некоторые важные, на наш взгляд, обстоятельства.

Прежде всего, обеспечить более успешное решение задач, связанных с увеличением эффективности действия права, способное применение в юридическом регулировании принципа, предполагающего выбор из логически допустимых вариантов юридического стимулирования функционирования механизмов действия права, а не их корректировку. Суть идеи в данном случае состоит в том, чтобы стремиться в первую очередь установить те юридические средства и способы, применение которых является абстрактно возможным для той или иной сферы отрас-

левого регулирования права, и лишь потом выбирать из них те, использование которых является наиболее целесообразным.

Также при выборе юридического инструментария следует учитывать, что в процессе осуществления юридического регулирования государством могут использоваться две стратегии, предложенные Г.М. Лановой [4, с. 66]. Первая – предугадывать, прогнозировать дальнейшее развитие общественных отношений, предвосхищать могущие возникнуть в будущем потребности в обеспечении эффективного функционирования механизмов, по своей природе связанных с различными типами права, и заранее направить усилия на то, чтобы еще до возникновения проблем обеспечить их решение. Иными словами, речь идет о том, чтобы предопределять направления развития права определенным образом до того, как его система сама среагирует на происходящие изменения. Данная стратегия, характерная для современного государства, эффективна с той точки зрения, что позволяет сделать огромный рывок, если ожидания в последующем оказываются оправданными. Такая стратегия имеет право на существования, но не лишена недостатков, касающихся позитивных результатов, которые могут быть утрачены из-за ее направления на достижение максимального эффекта, а не на ограничение потерь.

Вторая стратегия – следить за развитием общественных отношений, за тем, как право реагирует на их изменения, и «поддерживать» такие изменения. Государство осуществляет юридическое регулирование максимально осторожно, и это, не позволяя достигнуть сверхвыдающихся результатов, дает возможность сохранить то, что накоплено и выгодно приумножить. Очевидно, что с этой точки зрения именно реализацией данной стратегии на сегодняшний день можно, по крайней мере, в определенной степени обеспечить решение проблемы недостаточной эффективности действия права.

Применение описанной стратегии в той степени, в какой это является возможным в современных условиях, является желательным и в связи с тем, что ее реализация органично сочетается с действием права любого типа.

Современный этап развития правовой науки требует уделять особое внимание фундаментальным проблемам методологиче-

ского характера как исходным условиям достоверности научных знаний, проблемам, связанным с расширением методов научного исследования правовых явлений, совершенствованием их познавательного инструментария, а также с определением специфических путей познания и способов получения результатов исследований. Задача методологии – не только осуществить сам процесс познания, но и спрогнозировать варианты будущего развития исследуемого феномена. Теоретические исследования в области эффективности действия права являются необходимым теоретическим фундаментом всех других исследований в данной сфере, поскольку они «отражают закономерные и необходимые связи между нормами и институтами какой бы то ни было отрасли права, раскрывают сущностные, устойчивые признаки, свойства регулируемых общественных отношений, механизм реализации норм права, причины и закономерности функционирования и развития предмета этой отрасли права» [8, с. 116].

В завершении хотелось бы отметить, что развитие концептологического метода, а также поиск и оптимизация новых инструментариев, позволят улучшить эффективность действия права на современном этапе и в его дальнейшей перспективе, основываясь на точных и простых правилах, соблюдение которых оправдают увеличение знаний о праве и его предназначении.

Литература

1. Бельский, К.С., Зайцева, Л.А. Методология и метод познания в праве (общетеоретические аспекты) / К.С. Бельский, Л.А. Зайцева // Юридическое образование и наука. – 2010. – № 3. – С. 11–17.
2. Гаврилова, Ю.А. Методологические проблемы изучения смыслового поля права / Ю.А. Гаврилова // Lex russica. – 2013. – № 11. – С. 1176–1183.
3. Керимов, Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права: Монография / Д.А. Керимов. – М: Аванта+, 2001. – 559 с.
4. Лановая, Г.М. Выбор средств и методов юридического регулирования как условие эффективного действия права: постановка проблемы / Г.М. Лановая // Юридический мир. – 2012. – № 5. – С. 64–66.
5. Лонге, Н.Н. Учебник логики / Н.Н. Лонге. – СПб., 1898. – 237 с.

6. Подкорытов, Г.А. Историзм как метод научного познания / Г.А. Подкорытов. – Л., 1967. – 537 с.

7. Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов (цит. по: Харбиева, Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход / Т.Я. Харбиева // Журнал российского права. – 2010. – № 12 – С. 33-45.)

8. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. / В.М. Сырых. – М., 2001. – 488 с.

9. Филиппова, С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. / С.Ю. Филиппова. – М.: Статут, 2013. – 350 с.

10. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М., 1960–1970.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

*Хейгетова С.Е., к.ю.н., доцент
РАНХ и ГС Ростовского института –
филиала при Президенте РФ*

Транспортный комплекс представляет собой обширный сектор народного хозяйства, обеспечивающий потребности экономики страны и населения в перевозках различными видами транспорта. Согласно материалам Европейской экономической комиссии ООН « производство и распределение товаров, внутренняя и внешняя торговля зависят от эффективности работы транспортных сетей» [6, с. 47]. Тенденции развития экономики и социальной сферы современной России, ее стратегические интересы являются базой определения перспектив и динамики развития транспортной системы страны, что в свою очередь требует надлежащего правового регулирования данного вида деятельности [12, с. 92–94].

Следует подчеркнуть, что в деятельности по совершенствованию транспортного законодательства уже многие годы четко прослеживается тенденция сохранения в неизменности его моздкой системы, в основе которой лежит принцип: перевозка

каждым видом транспорта должна регулироваться «своим» законодательством, т.е. превалирует сугубо ведомственный подход. При этом решение проблем правового регулирования транспортной деятельности представляет интерес для различных отраслей права – гражданского, предпринимательского, административного, трудового.

Как известно, транспортное законодательство является комплексным и характеризуется наличием множества кодифицированных актов- транспортных уставов и кодексов, которые содержат нормы различной отраслевой принадлежности. Данный факт, по мнению В.Ф.Попондопуло, не позволяет транспортные кодексы считать кодифицированными и поэтому предлагается именовать их обычными федеральными законами[8, с. 33–34]. С данной позицией трудно согласиться, поскольку понятия «кодекс» и «кодифицированный акт» не тождественны. Первое относится к заголовку нормативно-правового акта, а второе характеризует нормативный правовой акт в системе отрасли законодательства. Кодифицированность рассматривается как качественная характеристика нормативных актов и соответственно, основание их классификации. Поэтому, безусловно, заголовок кодекса может иметь только кодифицированный акт, хотя не каждый кодифицированный акт следует именовать кодексом.

Более того, принято считать, что кодификация – это способ систематизации нормативного материала, и она же представляет собой особый вид правотворчества. Между тем в абстрактном плане это взаимоисключающие понятия. Кроме того, кодекс как систематизация норм – это научная абстракция. Любой закон уже представляет собой систематизацию нормативного материала. Если же говорить о систематизации нормативных актов то это кодификация. В этом плане кодификация – это инкорпорация.

Понятно, что правотворческий субъект самостоятелен в формулировке заголовка. Между тем юридическая наука и практика придерживаются правила, согласно которого заголовок должен максимально точно отражать сферу правового регулирования нормативного акта. Поэтому в научной доктрине высказывается мнение о необоснованности называть кодексами комплексные транспортные нормативные акты.

Исходя из того что кодификация нормативных актов должна осуществляться по сферам правового регулирования, объектом кодификации становится отрасль законодательства. В идеальном варианте в рамках одной отрасли законодательства должно быть не более одного кодифицированного акта. Действующие транспортные кодексы не образуют самостоятельно отраслевой юридической системы и подлинные функции кодекса не выполняют.

Однако, с данной точкой зрения согласиться в полной мере нельзя. Во-первых, при таком подходе игнорируется существование комплексных кодексов. Во-вторых, более обоснованной представляется точка зрения В.А. Тархова, который полагал, что кодифицированными могут быть не только законы, но и подзаконные нормативные правовые акты [11, с. 80–85].

Еще одной проблемой, обсуждаемой в юридической литературе, является возможность принятия единого транспортного кодекса. На целесообразность данного действия указывают В.Г. Баукин [2, с. 82], В.Н. Гречуха [4, с. 33] и др. Отдельные авторы, напротив, полагают, что вопрос принятия единого транспортного кодекса является не просто преждевременным, но и в целом бесперспективным [10.С.97]. Более того, заметим, что дифференцированный подход к видам транспорта, выверен временем и подтвержден опытом не только Российского государства, но и развитых стран мира, следовательно, не стоит от него отказываться.

В качестве альтернативы единого транспортного кодекса некоторые авторы предлагают также создать транспортный свод, объединив в одном нормативном акте все транспортные уставы и кодексы, с целью удобства пользования каждым из них [9, с. 32].

Но, тот же В.Н.Гречуха, подчеркивает, что в стремлении минимизировать количественный состав системы транспортного законодательства таится опасность создания абсурдной ситуации, при которой система не будет «работать». Чтобы этого не случилось, необходимо в полной мере учитывать назначение системы транспортного законодательства, каждого входящего в нее вида нормативно-правового акта, ее роль в обеспечении эффективного регулирования транспортных отношений [4, с. 33].

Некоторые ученые считают, что динамика общественных процессов требует появления новых кодификационных техноло-

гий, которые должны опираться на развитие справочных правовых систем и предлагают проводить «киберкодификацию» и создавать «киберкодексы», позволяющие регулировать общественные отношения в режиме реального времени [1].

В качестве недостатка транспортного регулирования отмечается наличие неоправданного множества видов и разновидностей подзаконных нормативных актов, издаваемых различными транспортными федеральными ведомствами. При этом практически невозможно определить, на основании каких критериев одни вопросы организации и осуществления перевозок отнесены к регулированию правилами, другие регулируются инструкциями, а третьи – руководствами. Следует заметить, что ни в теории, ни в практике нормотворчества нет четкого различия между перечисленными видами нормативных актов, более того, в некоторых нормативных источниках правила, руководства, инструкции объединены одним определением.

В связи с этим положительным, на наш взгляд является предложение о разработке типовой структуры [4] Правил перевозки пассажиров, багажа и грузов, которая может стать базовой для разработки каждым федеральным органом исполнительной власти в области соответствующего вида транспорта своих Правил перевозок пассажиров, багажа и грузов.

В России традиционно широко развит общественный пассажирский транспорт, и его состояние оказывает существенное влияние на социальный климат в субъектах Федерации.

В настоящее время, правовые основы городского общественного пассажирского транспорта значительно отстают от нынешнего уровня экономических преобразований. Формально можно говорить об отдельных статьях Гражданского кодекса и об уставе автомобильного транспорта. На самом же деле система держится не на законах, а на договоренностях между транспортными предприятиями, администрациями населенных пунктов и надзорными органами. Причем этот весьма неустойчивый баланс то и дело нарушается.

Главной особенностью перевозки пассажиров является то, что она, как правило, осуществляется транспортом общего пользования, который обязан осуществлять перевозку за одинаковую

плату, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом допускается предоставление льгот для отдельных категорий граждан. Кроме того, такой перевозчик должен быть включен в особый перечень лиц, обязанных осуществлять перевозки транспортом общего пользования, который подлежит обязательному опубликованию. Предусмотренный п.1 ст. 789 ГК РФ перечень таких организаций до настоящего времени не опубликован. Не установлен еще и порядок этого опубликования. Однако, как отмечает Т.Е. Абова, признание транспортной организации в качестве транспорта общего пользования зависит не от наличия или отсутствия такого перечня, а от характера деятельности организации [7].

Это утверждение нашло отражение в судебной практике (Постановление кассационной инстанции Федерального Арбитражного суда Уральского округа №Ф09-4019 / 04-ГК от 06.12.2004 г., Постановление ФАС СКО от 17.04.2007 № Ф08-1827/2007-770А от 17.04.2007 г. // СПС Консультант Плюс). Верховный Суд России также признал маршрутные такси транспортом общего пользования [3].

Однако данное решение суда вступает в противоречие с п.7 ст.149 Налогового кодекса РФ, в соответствии с которым не подлежат налогообложению услуги по перевозке пассажиров городским пассажирским транспортом общего пользования (за исключением такси, в том числе маршрутного). При этом, к услугам по перевозке пассажиров городским пассажирским транспортом общего пользования НК РФ относит услуги по перевозке пассажиров по единым условиям перевозок пассажиров по единым тарифам за проезд, установленным органами местного самоуправления.

Таким образом, Решение Верховного Суда ставит в неравное положение субъектов предпринимательской деятельности и противоречит нормам ГК РФ, Закону РСФСР от 22.03.1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», Федеральному закону от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Как показывает хозяйственная практика, в современных экономических условиях, городской пассажирский транспорт

следует признать сектором с особыми условиями правового регулирования, в котором на принципы свободной конкуренции должны быть наложены разумные ограничения.

И мировой, а сегодня уже и отечественный опыт показывает, что местные органы власти должны полностью контролировать доступ на регулярные городские маршруты, в том числе и на те, на которые не распространяется муниципальный заказ. При этом конкуренция на самом маршруте при необходимости должна заменяться конкуренцией на конкурсе за право работать на этом маршруте. Город должен получить возможность заключать с перевозчиками долгосрочные контракты на выполнение перевозок. При этом перевозчики, не имеющие такого контракта, на маршруты допускаться не должны. Это позволит гарантировать пассажирам обеспечение льготного проезда, социально приемлемые тарифы, выполнение расписаний и перевозки комфортабельными автобусами на полноценной маршрутной сети. Перевозчики смогут планировать свою деятельность и развитие на среднесрочный период, заключать кредитные и лизинговые соглашения, не рискуя быть внезапно вытесненными с маршрута конкурентами.

В ряде регионов администрации субъектов Российской Федерации и местные органы власти пытаются упорядочить на подобной основе организацию городских и пригородных перевозок. Однако их действия не имеют сегодня правовых оснований. Органы антимонопольного регулирования, опираясь на положения федерального законодательства, абсолютно обоснованно опротестовывают подобные решения как ограничение конкуренции.

На самом деле эта проблема является, быть может, ключевой. Если городской транспорт не получит правовых основ, адекватных особенностям этого сектора экономики, то бессмысленной будет и компенсация льгот, и финансовая поддержка. И мы неизбежно скатимся к массовому использованию в городах микроавтобусов, которые легко окупаются за год, без всякого лизинга при отсутствии каких бы то ни было социальных гарантий для пассажиров, что мы можем наблюдать в настоящее время в большинстве городов России.

В принципе, так жить можно. Именно так живут десятки развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но

мы полагаем, что для России подобная модель неприемлема. Большинство специалистов городского транспорта, в центре и в регионах, убеждены, что с принятием специального федерального закона об основах государственного регулирования городского пассажирского общественного транспорта позволит нам достигнуть хотя бы минимального уровня качества транспортного обслуживания и услуг, приближающегося к стандартам, принятым в развитых зарубежных странах.

Проводимая в стране реструктуризация транспортной системы, способствовала тому, что в результате реорганизации и акционирования государственных транспортных предприятий монополистов создаются конкурирующие друг с другом частные юридические лица. При этом административно-правовые методы регулирования данного сектора социально-экономических отношений уступают место соответствующим гражданско-правовым методам.

По нашему мнению наиболее важной и реально достижимой на практике задачей оптимизации транспортного законодательства в настоящее время является устранение коллизий между нормами транспортных уставов и кодексов, различных федеральных законов в сфере транспорта и нормами гражданского законодательства. Следует сделать акцент на дальнейшем совершенствовании различных аспектов правовой регламентации перевозочной деятельности на каждом виде транспорта в отдельности с учетом специфики деятельности, а не на механическом укрупнении правового регулирования общественных отношений по перевозке. А также необходимо установление четкого разграничения нормотворческой компетенции между Российской Федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением в регулировании перевозок пассажиров.

Литература

1. Баранов В.М., Толстик В.А. Кодификационный процесс и результат (Международная научно-практическая конференция «Кодификация законодательства: теория, практика, техника», Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) // Журнал российского права. – 2009. – № 4.

2. Баукин В.Г. Источники правового регулирования деятельности железнодорожного транспорта // Правоведение. – 2004. – № 2. – С. 82.
3. Ведомости Верховного Суда РФ. – 2002. – № 11.
4. Гречуха В.Н. Транспортное право Российской Федерации: учеб. пособие. – Ч. 1. – М.: МГИУ, 2002. – С. 33.
5. Гречуха В.Н. Унификация транспортного законодательства // Сборник научных трудов (межвузовский). Т. IV. Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук / под ред. Г.К. Овчинникова. – М.: МГИУ, 2000. – 205 с.
6. Европейская экономическая комиссия. Европейская экономическая комиссия в эпоху перемен // ООН. – Нью-Йорк; Женева, 1988. E/ECE/1357.114с. – С. 47.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – М.: Юрайт, 2004.
8. Попондопуло В.Ф. Проблемы единства и дифференциации российского права и законодательства // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 33–34.
9. Систематизация законодательства как способ его развития / под ред. А.С. Пиголкина. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 32.
10. Стрельникова Г.И. Проблемы правового регулирования транспортной деятельности // Современное право. – 2012. – № 1. – С. 97.
11. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть: Курс лекций. – Чебоксары, 1997. – С. 80–85.
12. Хейгетова С.Е. Качество государственного управления транспортной деятельностью России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 9. Ч. 2./ РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2014. – 706 с. – С. 92–94.

АДАПТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ДЕФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

*Ходзинская А.Б., преподаватель кафедры управления
Институт имени К.В. Россинского, г. Краснодар*

Адаптивность развития социально-экономической системы региона приобретает актуальность в рамках современной деформации объективных экономических тенденций России¹. Механизм адаптивного управления ориентирован на перманентный поиск, формирование и оптимизацию способов и методов влияния на социально-экономические процессы, которые обеспечивают достижение совокупной устойчивости социально-экономического положения региона.

В качестве объекта регионального адаптивного управления следует рассматривать субъекты и процедуры, преобразовываемые путем управленческих методов различных уровней – экзогенные и эндогенные факторы, вызывающие разбалансированность существования экономики субъекта, особенно в условиях внешних и внутренних возмущений. В качестве внутренних факторов разбалансированности функционирования экономики территории следует назвать производственные, инвестиционные, финансовые, организационно-управленческие. В свою очередь, макроэкономические, геополитические, рыночные, социальные, экологические и другие входят в группу внешних факторов.

Приведенный перечень факторов экономической дестабилизации позволяет в качестве ключевого направления адаптивного управления региональной экономикой выделить формализацию предпринимаемых мер, направленных на устранение действия неблагоприятных факторов, вызывающих кризисное состояние экономики субъекта.

¹ Современная деформация объективных экономических тенденций рассматривается как результат обострения глобальных противоречий и противостояния экономических интересов.

Управленческие решения, реализуемые на первоначальных стадиях проявления кризисных явлений в развитии региональной экономики, должны учитывать потенциальный риск развития более глубоких стагнационных явлений и быть направлены на преодоление частных территориальных проблем. Различные пути сбалансирования и стабилизации процессов, предопределенные субъективной спецификой регионального управления, формируют многообразие стратегических предпочтений.

Уточнение ключевых функций адаптивного управления региональной экономикой с учетом экономического потенциала позволяет сделать вывод о том, что само по себе управление может быть охарактеризовано как непрерывная конструктивная деятельность, осуществляемая институтами государственной власти, предполагающая оценку воздействия специфических факторов на возникающие проблемы регионального развития и основанная на единых принципах государственного управления для интеграции федеральных, региональных и муниципальных властей, региональной инфраструктуры, бизнеса, населения и институциональных структур общества.

Взаимодействие субъекта и объекта в процессе адаптации экономического развития отличается высокими темпами изменений. Сложность решения этой проблемы состоит в отсутствии необходимой оперативности в тактике и стратегии достижения устойчивости, обеспечивающей результат лишь на первоначальных этапах проявления дестабилизирующих факторов [1]. Учитывая сложившуюся практику управления региональной экономикой, целесообразно выделить как минимум два типа реагирования на состояние региональной неустойчивости и разбалансированности:

- 1) реагирование, нацеленное на активные процессы, вызванные модернизацией основных производственных фондов, использованием инновационных технологий, изменением ценовой политики, расширением рынков сбыта товаров и услуг, обновлением маркетинговых и менеджменттехнологий и др.;

- 2) реагирование, ориентированное на минимизацию издержек и реструктуризацию производства, реализацию товаров по демпинговым ценам, снижение ассортимента продукции и др.

Первый тип реагирования может быть охарактеризован как атакующий, а второй тип – как защитный.

Ключевой целью адаптивного управления региональной экономикой в условиях протекающих пространственно-экономических возмущений становится поддержание устойчивости и сбалансированности развития регионального хозяйственного комплекса. Устойчивость текущего положения региона представляет собой его способность противодействовать негативным вызовам внутренней и внешней среды различного характера, обеспечивать оперативный возврат в базовое состояние в ситуации нарушения либо снижения уровня своего развития, сохранять постоянное повышение качества жизни граждан на основе непрерывного расширенного воспроизводства территориально-хозяйственной системы на фоне экономической турбулентности.

В рамках реализации модели адаптивного управления социально-экономическим развитием территориального образования должен быть сделан акцент на укреплении таких важных свойств региональной системы, как ее экономичность (реализация конкурентных преимуществ); инновационность (соответствие современным технологическим укладам); гибкость (адаптация к трансформирующимся условиям); гуманистичность (повышение культурно-интеллектуального потенциала населения), экологичность (способность не наносить вреда окружающей природе).

Обобщая сказанное, следует выделить следующие ключевые направления регионального механизма адаптивного управления устойчивостью экономики территории:

- разработка государственных направлений поддержки развития высокотехнологичных и конкурентоспособных ключевых производств и отраслей экономики, обуславливающих повышение устойчивого развития территории;
- осуществление институциональных изменений, способствующих согласованности действий общественных институтов по достижению сбалансированного развития региона;
- поддержка развития инвестиционной активности региона;
- достижение более рационального использования ресурсов региона;

- организация обучения персонала современным подходам к анализу хозяйственной деятельности организации и принятию управленческих решений по устойчивому развитию хозяйствующих субъектов;
- осуществление структурной трансформации экономики, соответствующей развитию системы управления сбалансированным развитием территории согласно требованиям ВТО, делающей возможным увеличение производства конкурентоспособной продукции;
- создание благоприятного инвестиционного климата, обеспечивающего получение зарубежных инвестиций;
- активная социальная политика, ориентированная на уменьшение имущественной дифференциации граждан региона;
- развитие регионального фондового рынка.

Литература

1. Жуков Б.М., Осин А.А. Роль государства в регулировании социально-экономических процессов в регионе: теоретический аспект // Экономика и предпринимательство. – 2012. – № 2. – С. 36–40.
2. Мельникова Л. Долгосрочные стратегии регионального развития: перспективы роста и ограничения // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 1.
3. Кузнецова О.В. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. – 2013. – № 2.
4. Завьялов А. Инновационная адаптация региональной социально-экономической системы: влияние межуровневых взаимодействий // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 4.
5. Джаримов А.А., Попов Р.А. Развитие производительных сил в условиях ужесточения конкуренции: региональный срез проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Экономика. – 2013. – Вып. 2.
6. Жуков Б.М. Инновационное обеспечение гибкого управления предприятием (теория, инструментарий, реализация): Монография. – Краснодар, 2010. – 394 с.
7. Жуков Б.М., Верменникова Л.В. Совершенствование системы адаптивного управления предприятиями сферы услуг как основа повышения их конкурентоспособности // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2011. – №12(15). – С. 389–393.

8. Жуков Б.М. Управленческая гибкость как фактор поддержания инновационной активности предприятия // Бизнес в законе. – 2012. – № 1. – С.304–307.

9. Жуков Б.М. Концепция обеспечения гибкого развития организации в целях повышения ее конкурентоспособности и инновационности // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 8 (37). – С. 500–503.

10. Жуков Б.М., Маницкая Л.Н. Модернизация предприятий сферы услуг: концептуальная модель, гибкое управление, инструментальные средства: Монография. – М.: Изд-во «Ваш полиграфический партнер», 2014. – 208 с. (Серия: Библиотека журнала «Экономика и предпринимательство»).

11. Жуков Б.М., Дианова В.А., Ходзинская А.Б. Стратегические ориентиры повышения эффективности использования ресурсного потенциала и устранения ограничений развития локально-пространственных систем региона // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 10 (51). – С. 432–438.

ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ К ИЗМЕНЕНИЯМ УСЛОВИЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

*Ходзинская А.Б., преподаватель кафедры управления
институт имени К.В. Россинского, г. Краснодар*

Адаптивное управление развитием, в отличие от традиционного управления с обратной связью, предполагает более сложный механизм выработки управляющих воздействий, что требует разработки научно обоснованной концепции адаптивного управления развитием региона.

На основе высказываний Брижко А.В. можно сделать вывод, что в настоящее время для российских регионов традиционен функциональный подход к управлению, заключающийся в распределении функций между властными структурами. Недостатками такого подхода являются отсутствие у исполнителей отдельных функций общего видения результатов своей работы; сложность взаимодействия между исполнителями смежных

функций; конфликты интересов между различными подразделениями, что требует разработки концепции адаптивного управления развитием.

Процесс адаптации непосредственно происходит в конкретных объективных условиях. Всякое изменение и развитие региона происходит в результате постоянного взаимодействия факторов внешней и внутренней среды. Конкретные ситуации делают возможным, а иногда просто необходимым сам процесс адаптации, создавая определенные условия и выступая необходимым материалом адаптации.

При этом имеет право на существование и термин «адаптивное управление». В словосочетании «адаптивное управление», слово «адаптивное» является качественным прилагательным, отсюда, естественно предположить, что адаптивное управление имеет своей целью управление с адаптивным качеством.

Адаптивное управление – это процесс изменения объекта управления и (или) его деятельности, обеспечивающий эффективное функционирование и способствующий адекватной и своевременной реакции на изменения во внешней и внутренней среде и ставящий своей целью слаженное взаимодействие.

В настоящее время к числу основных направлений адаптации регионального развития к сложившимся условиям можно отнести такие, как:

- отраслевая реорганизация, которая может проходить в виде слияний и поглощений, организации совместных предприятий и т.д.;
- изменение системы управления регионом;
- совершенствование управленческих технологий, таких, как: внедрение бюджетного управления, стратегическое управление на основе системы сбалансированных показателей, процессно-ориентированное управление и другие;
- внедрение технологических инноваций, направленных на ресурсосбережение и повышение энергоэффективности работы;
- совершенствование региональной маркетинговой и сбытовой политики;
- формирование устойчивой сырьевой базы;
- техническое переоснащение предприятия;

– разработка новых технологий использования традиционных в пространстве и во времени.

Все управленческие системы характеризуются наличием некоторых характеристик, к которым можно отнести следующие: целостность; неаддитивность; эмерджентность; синергизм; обособленность; совместимость; адаптивность.

Проанализируем представленные свойства системы управления, характеризующие каждый регион с учетом изменений в пространстве и во времени.

Целостность. Целостность экономики региона определяется перечнем свойств и закономерностей. Разносторонность данной характеристики определяется с помощью достижения единой цели, дифференциации деятельности, интеграции, симметрии, асимметрии. Процесс дифференцирования деятельности связан с разделением единого целого на составные части с учетом выделенных различий. Антонимом данного понятия является интеграция, которая характеризуется обратным процессом, т.е. объединением различных частей в единое целое. Симметрия и асимметрия – два понятия, характеризующих различные связи системы управления в пространстве и во времени. Регион перестает быть целостной системой при отсутствии хотя бы одной из указанных характеристик. Для эффективной работы необходимо обладать свойством целостности, в противном случае становятся невозможными достижение целей, формирование и реализация стратегии, а главное, своевременная реакция на изменение внешнего окружения.

Неаддитивность. Данное свойство регионального развития связано с объединением разрозненных частей в единое целое. Другими словами, итог результатов деятельности самостоятельных частей экономики не равен результату функционирования ее в целом. Результат работы всей экономики больше, чем итог результатов частей. Данная характеристика основывается на том, что при делении региональной экономики на части происходит разрушение взаимосвязи и взаимообусловленности различных элементов и в результате уменьшается качество работы. В данной ситуации происходит снижение эффекта от деятельности за счет разрыва системы связей внутри региона. В рамках экономики региона данное качество проявляется через построение организаци-

онной структуры управления, которая позволяет обеспечить слаженную работу всех отраслей.

Эмерджентность. Данное свойство характеризуется наличием определенных характеристик региона, которыми не обладают его составные части. Эмерджентность основывается на использовании принципов диалектики в управленческой деятельности, при этом она может приобретать различные формы и представления. Например, на уровне среды косвенного воздействия на регион эмерджентность можно характеризовать через имидж, социальный статус региона, осуществление крупных проектов развития или некоторых разработок.

Синергизм. Данная характеристика связана с увеличением результата экономической деятельности, обусловленным взаимосвязью различных элементов. При осуществлении деятельности отдельных отраслей или отдельных личностей результат имеет одно значение, а при объединении данных элементов или личностей он в несколько раз больше. Данное свойство экономики или объединения людей можно назвать эффектом мультипликатора, что означает объединение результатов, происходящее не через сложение, а через умножение, т.е. в несколько раз больше.

Обособленность. Данное свойство предполагает, что система имеет определенную характеристику, связанную с правилами функционирования самой системы и ее взаимосвязями с другими системами. Эта характеристика основывается на принципах принятия управленческих решений, касающихся только данного региона и никакого другого. Например, на обособленном пространстве любого государства могут приниматься законы, противоречащие интересам другого государства в целом, или в любом регионе принимаются решения, касающиеся управления именно данным регионом.

Совместимость. Это одно из самых важных свойств экономического развития как системы управления, которое предполагает наличие четкой связи всех составных частей одной системы с частями других систем, находящихся вокруг.

Адаптивность. Как уже было сказано выше, данное свойство предполагает наличие возможностей для изучения и приспособления ко всем изменениям, происходящим как внутри региона, так и вокруг. Регион имеет непосредственную связь с определе-

нием «саморегулирование», характеризующего совершенствование его деятельности на основе данных анализа внешнего окружения. Это самое главное свойство регионального развития как системы, поскольку оно должно сохранять устойчивость.

Процедура управленческой деятельности предполагает реализацию ранее согласованных управленческих решений, обеспечивающих достижение целей и стратегии развития. Для осуществления адаптивного управления должен существовать специальный механизм.

В настоящее время в составе адаптивного управления выделяют следующие подсистемы: структура управления; техника управления; функции управления; методология управления.

Надо отметить, что систему адаптивного управления можно рассматривать как с позиции статики, т.е. как некий механизм (организацию), так и с позиции динамики – как управленческую деятельность.

Основной целью системы является ориентация управленческого процесса на достижение стратегических и оперативных целей региона.

Среда функционирования экономики региона подвержена частому влиянию и постоянному изменению. На первый план выходят, конечно же, негативные факторы внешней среды, поскольку регион обязан уметь противостоять данным условиям. Это объясняет использование в управленческой деятельности специальной функции менеджмента, которая называется «адаптация».

Для обеспечения устойчивого развития экономики региона, необходимо сформировать адаптационный механизм управления, сущность которого определяется реакцией на происходящие изменения во внутренней и внешней среде.

Под адаптивностью управленческой системы нами понимается такое ее состояние, которое характеризуется возможностью быстрого изменения деятельности системы в соответствии с изменениями внешних факторов. Данный критерий является основным для оценки эффективности и конкурентоспособности системы управления, с учетом использования которого в регионе возникает возможность формирования и реализации адаптационных стратегий развития.

Экономические изменения предполагают прохождение нескольких стадий. Чем раньше в регионе смогут выявить негативные тенденции и перестроить свою деятельность, тем эффективнее будет функционировать экономика региона. Систему можно назвать адаптированной, если она в состоянии своевременно выявлять и реагировать на внешние вызовы, быстро вносить изменения в управление на ранних стадиях. Следовательно, чем выше уровень адаптивности, тем эффективнее региональное развитие, тем больше у него возможностей для реализации имеющегося потенциала. Важным фактором является сам процесс выявления негативных тенденций и определения способов их устранения или сокращения их влияния на экономику региона.

Способность к адаптации основывается на уровне точности и своевременности определения негативных тенденций и эффективности принимаемых управленческих решений для устранения этих явлений.

На основании выше сказанного можно сделать вывод, что именно активный тип изменений потенциала региона сопряжен с реакцией внутренних изменений на изменения во внешней среде.

Брижко А.В. выделяет две основных модели развития систем управления: эволюционную и бифуркационную. Эволюционная модель связана с прогнозируемыми линейными преобразованиями. Бифуркационное развитие имеет принципиально непредсказуемый характер.

Достижение свойства адаптированности системы управления подкреплено реализацией всей взаимосвязанной системы стратегий региона: маркетинговой, финансовой, технологической, инновационной и др. Данный комплекс стратегий позволяет быстро адаптироваться к изменениям внешней и внутренней экономической среды.

Таким образом, основной задачей группы функциональных стратегий является адаптация потенциала региона к изменяющимся факторам внешней и внутренней среды. Различные сочетания функциональных стратегий создают возможность реализации определенных конкурентных и базовых стратегий развития, приспособление региональной экономической системы к деформации внешних условий.

Процесс адаптации как приспособление региональной экономической системы и ее элементов к изменениям условий внешней среды представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Процесс адаптации региональной экономической системы и ее компонентов к изменениям внешней среды

Адаптация региональной экономической системы и ее элементов к внешним изменениям предполагает процесс взаимного влияния следующих компонентов внешней среды: в сфере экономических условий – степень доступности внешних для региона финансовых источников инноваций; в институциональной сфере – состояние и уровень институциональной среды; в сфере научно-технических условий – степень развитости инновационной инфраструктуры; в сфере трудовых ресурсов – наличие/отсутствие кадров, способных реализовать инновационный процесс; в сфере техники и технологии – наличие или отсутствие современных технологий, необходимого технологического оборудования для осуществления инновации. Указанные факторы будут определять параметры адаптации в условиях деформации экономического развития региона.

Литература

1. Бабич, О.В. Адаптация деятельности промышленного предприятия путем формирования эффективной стратегии: монография / О.В. Бабич. – Брянск: БГТУ, 2014. – 187 с.
2. Брижко, А.В. Оценка эффективности реструктуризации предприятия / А.В. Брижко // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2012. – № 2. – С. 24–31.
3. Жуков Б.М. Инновационное обеспечение гибкого управления предприятием (теория, инструментарий, реализация): Монография. – Краснодар, 2010. – 394 с.
4. Жуков Б.М., Верменникова Л. В. Совершенствование системы адаптивного управления предприятиями сферы услуг как основа повышения их конкурентоспособности // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). – 2011. – № 12(15). С. 389–393.
5. Жуков Б.М. Управленческая гибкость как фактор поддержания инновационной активности предприятия // *Бизнес в законе*. – 2012. – № 1. – С. 304–307.
6. Зюзя С.Ю. Адаптивное управление инновационными процессами в региональной экономической системе: автореф. дис. ... канд. экон. наук: специальность 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством по отраслям и сферам деятельности / С.Ю. Зюзя. – Казань: 2012. – 23 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СФЕРЫ (АПС) И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ

*Цхададзе Н.В., д.э.н., профессор
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации*

Государственная внешнеэкономическая политика России направлена на интенсификацию развития агропродовольственной сферы (АПС), обеспечение продовольственной безопасности страны.

До принятия «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» в 2010 г. изучению социальных и экономических аспектов продовольственного снабжения, продовольственной безопасности страны не придавалось большого значения. Поэтому исследование продовольственной безопасности предусматривает интеграцию различных научных направлений с целью обеспечения продовольственной безопасности населения не только количественно, но и качественно, сбалансировано, своевременно, доступно.

Если ранее проблемы несбалансированного питания были в основном предметом медицины и отдельных разделов социальных наук, то сегодня это предмет серьезного экономического анализа. Потому в понятие продовольственная безопасность входят разнообразные системы, начиная от поддержки малообеспеченных семей до государственного регулирования экспорта-импорта продовольствия, развития систем производства, хранения и транспортировки продовольствия и других фундаментальных и прикладных исследований развития АПС. В этой связи обоснованы научные рекомендации для институционального, экономического и социального обеспечения продовольственной безопасности в России с учетом развития межстрановых отношений по экспорту и импорту продовольствия, по разработке и реализации международных инновационных проектов развития сельского хозяйства, перерабаты-

вающей промышленности, производственной и социальной инфраструктуры.

Вынужденное сокращение Россией квот на продовольственный импорт, расширенная интерпретация правилами ВТО мер государственной поддержки, не вошедших в «зеленую корзину» может привести к дальнейшему повышению зависимости продовольственного обеспечения в РФ от импорта [10].

Новое звучание приобретает задача импортозамещения на аграрном рынке России в связи с украинским кризисом 2014 г. Основным результатом преодоления кризиса должно стать ускорение развития агропродовольственной сферы России, повышение ее конкурентоспособности, обеспечение продовольственной независимости и безопасности страны. Стоит напомнить, что в 2013 г. продовольственный импорт России достигал 46 млрд долл., экспорт составил всего 16 млрд долл., отрицательное торговое сальдо 30 млрд долл. [15]. Такие соотношения должны быть существенно изменены в результате эффективного импортозамещения. Это в свою очередь требует проведения большой аналитической и прогнозной работы на период до 2030 года. Научные исследования и рекомендации, обобщающие опыт различных стран, позволят создавать надежный институциональный фундамент правового и организационного воздействия государства на решение проблем продовольственной независимости России.

Продовольственную безопасность можно считать самым важным интегральным критерием развития агропродовольственной сферы (АПС) как сложной многофункциональной структуры. Продовольственная безопасность – важнейшая качественная характеристика социально-экономической системы любой страны и мира в целом, неотъемлемая составная часть национальной и международной безопасности. Обеспечение продовольственной безопасности в современном мире, по сути является сложной многофункциональной проблемой, охватывающей политические, социальные, экономические, демографические, экологические и иные аспекты общественной жизни [7].

Термин «продовольственная безопасность» был введен в международную практику после сильнейшего зернового кризиса 1972–1973 гг. экспертами Международной продовольственной и

сельскохозяйственной организации (ФАО) и означает гарантию обеспечения доступа всех жителей и в любое время к продовольствию в количестве, необходимой для активной и здоровой жизни.

В последние два десятилетия начали формироваться институциональные основы международной системы продовольственной безопасности человечества. В 1996 г. главы государств и правительств, представленные в ООН, приняли «Римскую декларацию о всемирной продовольственной безопасности» и «План действий Всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия». В декларации заявлено «...об обязанности любого государства обеспечить право каждого человека на доступ к безопасным для здоровья и полноценным продуктам питания в соответствии с правом на адекватное питание и правом на свободу от голода» [3]. В данном документе впервые дана развернутая трактовка сущности продовольственной безопасности и признаков ее достижения отдельными государствами и регионами мира.

Основными составляющими продовольственной безопасности в соответствии с Римской декларацией являются:

1. Физическая доступность достаточной в количественном отношении, безопасной и питательной пищи;
2. Экономическая доступность к продовольствию должного объема и качества всех социальных групп населения;
3. Автономность и экономическая самостоятельность национальной продовольственной системы (продовольственная независимость);
4. Надежность, то есть способность национальной продовольственной системы минимизировать влияние сезонных, погодных и иных колебаний на снабжение продовольствием всех регионов страны;
5. Устойчивость, означающая, что национальная продовольственная система развивается в режиме расширенного воспроизводства.

Первые два положения относятся ко всем социальным группам -потребителям продовольствия: они должны иметь физическую и экономическую доступность к продовольствию, достаточного объема, хорошего качества и безопасности потребляемых продуктов питания.

Остальные положения относятся к продовольственной системе, которая должна быть автономной и экономически самостоятельной, надежной и устойчивой. Это относится ко всем стадиям производства – от сырья до готовой продукции, то есть предусматривается цепочка доведения продукции до конечного потребителя, создания запасов и резервов продукции. Кроме того, предусматривается создание нормальных социальных условий развития села, сохранение и повышение почвенного плодородия и нормального водоснабжения сельских территорий [8].

В России в 2010 г. была принята «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации», в которой дано следующее определение: «Продовольственная безопасность – состояние экономики РФ, при котором обеспечивается продовольственная независимость, гарантируется физическая и экономическая доступность для населения страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям технических регламентов, в объеме, не ниже рациональных норм потребления, необходимых для активного, здорового образа жизни» [2].

Российский вариант трактовки продовольственной безопасности увязывает гарантию качества продукции с техническими регламентами, а необходимый уровень душевого потребления с его рациональными нормами по основным видам продовольствия. Критерии обеспечения продовольственной безопасности и независимости увязываются с показателями удельного веса отечественной продукции в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка. Реально только по зерну и хлебопродуктам, картофелю Россия достигла достаточного уровня самообеспечения потребностей. Импортная зависимость сильнее всего проявляется на рынке мяса, мясной и молочной продукции, а также овощей и фруктов.

Целевые показатели Доктрины продовольственной безопасности РФ и Государственные программы-2020 по обеспечению потребления за счет собственного производства не являются исчерпывающими. Уровень суточного потребления продовольствия на одного человека (килокалории) – весьма существенный показатель питания населения и продовольственной безопасности страны. Значимым индикатором выступает структура питания по соотношению основных видов продовольствия в потреблении

групп населения с различным уровнем дохода (децильные группы). Важнейшие характеристики продовольственной безопасности – оценки качества и доступности продуктов питания, степень их дифференциации по регионам страны.

В «Декларации тысячелетия», принятой ООН в 2000 г., определена стратегическая цель – к 2015г. сократить вдвое долю населения, страдающего от крайней нищеты и голода [1]. Однако это задача вряд ли будет выполнена, поскольку кризисное, неустойчивое состояние мировой экономики продолжается уже пять лет без признаков радикального выхода из кризиса даже в развитых странах мира и особенно Европы.

Вероятность обострения продовольственного кризиса, несомненно, возросла в связи с глобальным финансовым кризисом, а экстремальные погодные условия 2010 и 2012 гг. во многих регионах мира еще более осложнили ситуацию на продовольственных рынках.

Политические и социальные потрясения в государствах африканского континента в начале 2011 г. привели к новому витку продовольственного кризиса: возникновению дефицита продукции во многих странах, росту цен, сбоям в организации международной помощи.

Наиболее вероятными и опасными следует признать риски: природные, погодные и техногенные; экономические и производственные; инновационные. Сильное воздействие на агропромышленный комплекс оказывают макроэкономические риски, в том числе связанные с конъюнктурой мирового рынка, а также политические риски национального и мирового масштаба.

Угрозы для достижения продовольственной безопасности сопряжены с низким уровнем доходов значительной части населения, неразвитостью инфраструктуры, износом основных производственных фондов, дефицитом кадров в сельском хозяйстве, неэффективной системой управления и др [9].

Одним из основных критериев продовольственной безопасности является уровень самообеспечения продуктами питания вне зависимости от внешних и внутренних угроз. Их объем, качество и ассортимент должны быть достаточными для физического и социального развития личности, обеспечивать здоровье и рас-

ширенное воспроизводство населения. Как правило, каждая страна стремится достичь максимально возможного уровня самообеспеченности продовольствием, зачастую даже на основе всемерного развития крайне затратного в данных природно-климатических условиях собственного сельского хозяйства.

Достижение устойчивой продовольственной безопасности, как правило, предполагает решение трех взаимосвязанных задач: динамичного развития сельского хозяйства и сопутствующих ему отраслей; рационального регулирования экспортно-импортных потоков агропродовольственной продукции, запасов и ресурсов для нужд АПК; обеспечение экономической и физической доступности продовольствия для всех слоев населения путем развития рыночной инфраструктуры; сбалансированного роста доходов; сближения условий и качества жизни в городах и сельской местности.

При этом, по мнению ряда исследователей, проблема голода и нехватки продовольствия в современном мире связана не столько с недостаточным ростом мирового сельскохозяйственного производства, сколько с расхождением интересов богатых и бедных стран. Одни из которых не имеют стартового капитала для экономического развития, а другие все в большей мере расходуют продовольственные ресурсы на энергетические и иные нужды, проводят политику сокращения посевов для поддержания высокого уровня цен на продукты питания и т.д. И если в целом, мировой аграрный потенциал в настоящее время достаточен для продовольственного обеспечения в расчете на душу населения на уровне 2500 ккал в сутки, то это далеко нельзя сказать об отдельных странах и регионах, прежде всего, беднейших государствах Африки, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Именно в этой связи при сложившихся темпах и тенденциях экономического развития в обозримой перспективе не просматривается пока еще реальных предпосылок для кардинального повышения уровня общемировой продовольственной безопасности.

Согласно методике ФАО, уровень международной продовольственной безопасности оценивается оп следующим показателям: объему переходящих до следующего урожая запасов зерна и величине его производства на душу населения. Первый крите-

рий, как правило, определяется в процентах от годового потребления. Безопасным признается уровень переходящих запасов, равный 60 дням мирового потребления зерна или 17% его годовой потребности. Сокращение запасов ниже этого уровня свидетельствует о неустойчивости мировой продовольственной системы. Как правило, оно сопровождается существенным ростом цен на зерно и другие продукты питания. Вторым критерий – уровень и динамика среднечеловеческого производства зерна – позволяет оценить перспективы развития продовольственной ситуации в мире в целом, а также в отдельных регионах странах.

Характерной тенденцией последних лет стала все более жесткая привязка продовольственных цен к стоимости энергетических ресурсов, что сопровождается непрерывным расширением площадей сельскохозяйственных культур, отводимых для производства биотоплива в ущерб продовольственному обеспечению населения. В результате цены на продукты питания растут вслед за нефтяными, а два миллиарда человек беднейшего населения планеты голодают или недоедают, затрачивая на еду 50–60 и более процентов своих доходов.

Только за последние 5 лет число голодающего населения увеличилось в мире почти на 70 млн чел. В этой связи задачу, поставленную Всемирным продовольственным саммитом, – вдвое сократить к 2015 году численность голодающих и недоедающих – видимо, не удастся выполнить в срок [4]. Кроме того, все это происходит на фоне недостаточного роста или даже снижения инвестиций в мировое сельское хозяйство, хотя именно за счет инвестиционной активности в период «зеленой революции» 80-х годов прошлого века удалось предотвратить реальную угрозу голода для многих миллионов жителей планеты.

В этих условиях, как никогда ранее, возрастает значение выработки и реализации согласованных решений всего мирового сообщества по совместному регулированию продовольственных потоков и запасов, оказанию помощи наиболее нуждающимся странам и поддержанию, на этой основе, глобальной продовольственной безопасности.

Между тем, формирование мировых продовольственных ресурсов в последние годы осуществляется в условиях растущей

международной нестабильности, системного кризиса и роста цен глобального аграрного рынка. Это вынуждает правительства многих стран осуществлять дополнительные протекционистские меры для обеспечения продуктами питания своего населения, а международные организации еще более внимательно и ответственно подходить к вопросам создания и управления мировыми резервами продовольствия [12].

В условиях нестабильности и глобализации особенно актуальной и значимой становится многофункциональная роль сельского хозяйства, его многогранное и всевозрастающее воздействие на весь ход общемирового социально-экономического развития.

Между тем, в мировом аграрном секторе сохраняются значительные резервы и возможности роста продукции без усиления антропогенного давления на окружающую среду. Они связаны, в первую очередь, с сокращением необоснованных потерь на всех стадиях производства, переработки, хранения, торговли и потребления продовольствия; внедрением инновационных ресурсосберегающих технологий, включая современные биотехнологии, генную инженерию, методы органического сельского хозяйства; а также с возрастанием регулирующей и упреждающей роли государственных и международных организаций, направленной на сохранение окружающей среды и производство экологически безопасных продуктов питания.

Все более активное вовлечение России в процессы глобализации и регионализации мировой экономики обострили проблемы обеспечения продовольственной безопасности, вывели их на международный уровень. В частности, если за последние годы средний рост отечественного сельскохозяйственного производства составлял 4%, то увеличение поставок импортной продовольственной продукции – почти 15%. В результате, на закупку продовольствия наша страна ежегодно тратила от 16 до 25 и более млрд долл, а на поддержку собственного аграрного сектора – лишь около 3 млрд долл и то большей частью в виде косвенных субсидий, снижения ставок по кредитам и др. [5]. В результате население страны пока еще далеко не в полной мере обеспечивается полноценным питанием.

Ключевые тенденции в отечественной экономической жизни последних лет – вступлении в нашу страну во Всемирную торговую организацию, а также начало реального функционирования таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, формирование Единого экономического пространства на постсоветской территории – безусловно, не могли не отразиться и на развитии агропродовольственного сектора.

Присоединение Российской Федерации к Всемирной торговой организации (ВТО) многократно актуализирует проблему государственной поддержки аграрной отрасли в целях сохранения и укрепления ее конкурентоспособности как на внутреннем, так и на глобальном мировом продовольственных рынках. При этом все большее практическое значение приобретают вопросы повышения эффективности такой поддержки, а также обеспечения эквивалентности межотраслевого обмена и ценового паритета на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

В ходе переговоров по вступлению в ВТО Россия дала согласие на снижение средней ставки импортных пошлин на сельскохозяйственную продукцию с нынешних 23,2 до 10,8%. Ставки по продуктам будут составлять, например, 14,9% на молочные продукты против нынешних 19,8%, 10% на зерно против нынешних 15,1%, 7,1% на масло и жиры, против нынешних 9,0%. Заметное снижение импортных пошлин произойдет и на мясную продукцию. Уровень государственной поддержки на 2012–2013 гг. определен в объеме 9 млрд долл., при условии последующего сокращения до 4,4 млрд долл к 2018 г. [4]. Все это, естественно вызовет дополнительные трудности в обеспечении продовольственной безопасности страны. К их решению необходимо своевременно подготовиться, оставаясь при этом в рамках достигнутых договоренностей, существующих норм и правил ВТО.

В частности, для сохранения приоритетного финансирования аграрной отрасли в новых условиях необходимо будут внести соответствующие поправки в Закон о сельском хозяйстве. Предполагается, что целый ряд российских регионов может быть объективно с полным основанием отнесен к так называемым проблемным территориям, неблагоприятным для ведения аграрного про-

изводства и, в соответствии с правилами ВТО, не иметь общепринятых ограничений по государственной поддержке [13].

Другая важная защитная мера – продление на неограниченный срок действия нулевой ставки по налогам на прибыль для сельских производителей. По оценке Министерства сельского хозяйства РФ, это позволит им ежегодно получать дополнительные доходы в размере 14–18 млрд руб. [16].

Первостепенное значение в новых условиях придается также своевременному и полному финансовому обеспечению всех мероприятий Государственной программы по развитию сельского хозяйства на 2013–2020 гг., других программных и плановых документов, как со стороны федерального Правительства, так и со стороны региональных органов власти.

Однако уже сейчас несомненную тревогу вызывает то обстоятельство, что если, согласно той же Государственной программе по развитию сельского хозяйства, производство продукции с 2011 по 2020 г. должно составить (в сопоставимых ценах 2010 г.) 670 млрд руб., то объем государственной поддержки отрасли предполагается увеличить только на 44 млрд руб. (без расходов на фундаментальную науку, выполнение государственных услуг и социальное развитие села), причем почти половина этих средств будет приходиться на новую программу мелиорации земель. [11]. В результате к моменту завершения действия Государственной программы поддержка отечественных производителей в расчете на рубль валовой продукции может составить лишь 6,5 коп., что является одним из наиболее низких показателей в мире.

Кроме того Министерство экономического развития России планирует на этот же период более высокие темпы роста издержек в аграрном секторе по сравнению с ростом цен реализации сельскохозяйственной продукции. При этом уровень рентабельности к 2020 г. может составить с учетом субсидий менее 10%, а без них – лишь 2–3%. [6]. Основной причиной этого, как и раньше, является опережающий рост тарифов и цен на ресурсы для села.

Большое беспокойство вызывает также хроническое недофинансирование мероприятий по устойчивому развитию сельских территорий, основы социального развития села. Начиная с 2009 г. оно снизилось в 3 раза по сравнению с предусмотренными ранее

размерами. С 2001 по 2010 г. численность сельского населения сократилась на 1,7 млн чел. Российское село утратило 2,2 тыс. населенных пунктов. Уровень безработицы на селе в 2011 (10% против 5,7%) [16]. В этих условиях абсолютно необходимо, как минимум, сохранить в полном объеме те размеры поддержки сельских территорий, которые предусмотрены Государственной программой по развитию сельского хозяйства на 2013–2020 гг.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что устойчивое развитие отечественного агропродовольственного комплекса в условиях глобализации может быть достигнуто лишь путем динамичного роста его конкурентоспособности на основе, главным образом, инновационных факторов. Инновационная стратегия становится определяющим фактором поступательного движения, стержнем всех прогнозно-аналитических и программно-целевых разработок в области продовольственной безопасности и развития аграрного сектора российской экономики.

Литература

1. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. ООН, 2000, http://www.un/org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
2. Доктрина Продовольственной безопасности РФ. Минсельхоз, 2010, http://msx.ru/documents/document/v7_show/14857/19/htm
3. Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности. ООН, 1996, <http://www.g20civil/com/ru/documents/205/577/>
4. Алтухов А.И. Эффективному функционированию АПК – научное обоснование // Экономика сельского хозяйства России. – 2013. – № 6.
5. Дюмулен М. ВТО и АПК России – вызовы, риски, надежды // АПК: экономика, управление. – 2013. – № 7.
6. Крылатых Э.Н. Аграрные аспекты присоединения России к ВТО // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. – № 5.
7. Кильчукова А.Л. Социальная политика как основа обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2012. – № 5 (49). С. 126–129.
8. Константиныди Х.А. Стратегия симметричной интеграции развития Южного макрорегиона России. // Вестник Адыгейского го-

сударственного университета. Серия 5: Экономика. – 2013. – № 2 (120) . – С. 51–57.

9. Кузнецов Э.А., Сорокожердьев В.В. Конкурентная стратегия России: проблемы и перспективы реформирования // Современная конкуренция. – М., 2011. – № 4. – С. 53–61.

10. Маркарян В.Р., Заема Е.М. Внешнеэкономическая политика Российской Федерации в период глобального кризиса и ее влияние на состояние платежного баланса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 31. – С. 44–50.

11. Национальная экономика: обеспечение продовольственной безопасности в условиях интеграции и глобализации: Монография / под ред. акад. Э.Н. Крылатых, проф. В.З. Мазлоева. – М.: Инфра-М, 2015. – 240 с.

12. Новоселова Н.Н., Попова А.С. Разработка направлений рационального использования результатов экономического процветания развитых стран в сочетании с функционированием международного продовольственного рынка // Вестник ИрГСХА. – 2013. – Т. 2. – № 4. – Ч. 1. – С. 96–108.

13. Спирина С.Г. Финансовая устойчивость экономики региона в призме мировых финансовых кризисов // Вестник Института дружбы народов Кавказа Теория экономики и управления народным хозяйством. – 2014. – № 1 (29) . – С. 19.

14. www.gks.ru

15. www.fedstat.ru

16. www.msx.ru

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСМОТРЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНО- РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

*Чабан Е.А., к.ю.н., преподаватель
Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВПО
«Российская академия правосудия»*

Современное муниципальное законодательство предусматривает в системе органов местного самоуправления исполнительно-распорядительные органы, наделяя их соответствующей

компетенцией. Так, ч. 1 ст. 37 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с изм. и доп.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральным законом о местном самоуправлении) предусматривает, что местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования) наделяется уставом муниципального образования полномочиями по решению вопросов местного значения и полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ. Кроме этого ч. 7 и 8 указанной статьи закрепляет, что местная администрация обладает правами юридического лица, ее структура утверждается представительным органом муниципального образования по представлению главы местной администрации. В структуру местной администрации могут входить отраслевые (функциональные) и территориальные органы местной администрации. Приведенные законодательные положения предусматривают правовые основы функционирования указанных органов в системе органов местного самоуправления. Наделение местных администраций исполнительно-распорядительными полномочиями свидетельствуют, что данные органы, в процессе решения вопросов местного значения и переданных им отдельных государственных полномочий, осуществляют управленческую деятельность. В муниципально-правовой науке высказывается мнение, что данное управление по своей правовой природе является муниципальным управлением [2, с. 6–7]. При всей специфике муниципального управления, как особого вида социального управления, осуществляемого в интересах местного сообщества при решении вопросов местного значения, установленных Конституцией РФ и Федеральным законом о местном самоуправлении, оно осуществляется по всем тем закономерностям, которые присущи процессу государственного управления. В.А. Юсупов в этой связи пишет: «Организационные и регулятивные отношения складываются в процессе реализации функций советского государственного управления. Поэтому их правовое опосредствование органически связывается с основными направлениями исполнительно-распорядительной деятельности. Особен-

ности взаимодействия права на общественные отношения в процессе реализации той или иной функции определяются спецификой этой функции советского государственного управления» [3, с. 296]. В современной административно-правовой науке в последнее время высказывается широкий подход к определению содержания государственного управления, понимая его как административно-публичную деятельность, в содержание которой включается и деятельность по управлению вопросами местного значения. Административно-публичная деятельность характеризуется «масштабностью и всеобщностью государственного управления» [4, с. 28], оно осуществляется в важнейших сферах жизнедеятельности государства и общества, распространяется как на государственные объекты управления, так и негосударственные объекты в отношении которого «имеет место государственное регулирование посредством управленческих регулятивных и контрольно-надзорных процедур» [4, с. 28]. Данная специфическая особенность административно-публичной деятельности выражается в непрерывной, постоянной, планомерной и законной деятельности уполномоченных органов управления. Приведенный признак, характеризующий особенности административно-публичной деятельности, имеет важное качественное и пространственное значение. Данная особенность показывает, что административно-публичная деятельность является весьма важной исполнительно-распорядительной и подзаконной деятельностью управляющих субъектов, воздействующих на весьма широкую сферу объектов управления, осуществляемая непрерывно, постоянно, планомерно и на основе принципа законности. В этой связи административное усмотрение также возникает с обязательным участием управляющих субъектов в процессе их непрерывного, постоянного и планомерного воздействия на объект управления в соответствии с предписаниями закона. Здесь следует признать, что между административным усмотрением и принципом законности противоречий нет, что весьма обоснованно доказал Д.В. Бойко [5]. Данный автор отмечает, что «усмотрение же, проявляясь в составе режима законности, характеризует особенности правоприменения, точнее в рамках законной правовой процедуры выбор варианта поведения, т. е. по прямому поручению закона

или в ситуации отсутствия или неясности нормы, но в рамках общего законодательства. Поэтому не законность входит в содержание усмотрения, а усмотрение может рассматриваться как особенность режима законности в некоторых нетипичных ситуациях правоприменения» [5, с. 23].

Процесс любого вида социального управления имманентно связан с социальным усмотрением, как движением от осознанной субъектом действительности к осуществлению многообразных возможностей, обусловленных необходимостью изменения действительности, основанной на закономерностях развития общественных процессов и воплощенная в волевое поведение субъекта базирующимся на избранном варианте возможного. Данное положение свидетельствует, что правовое усмотрение неизбежно присуще и муниципальному управлению, как виду административно-публичной деятельности исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления (местной администрации).

Административно-правовое (административное) усмотрение, как вид правоприменительного усмотрения, осуществляется в процессе административно-публичной деятельности исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления, в том числе муниципальных служащих, муниципальных учреждений, иных уполномоченных действовать от имени муниципального образования, организаций и физических лиц по осуществлению на основе соответствующих законов и подзаконных нормативно-правовых актов в специальных правовых формах и с использованием специальных методов властно-публичного регулирования, охраны и защиты отношений, возникающих в сфере внутренней организации и функционирования публичной муниципальной власти и в сфере внешнего взаимодействия ее с обществом.

В процессе административно-публичной деятельности с помощью административного усмотрения может осуществляться принятие управленческого решения по вопросам отнесенным к вопросам местного значения или переданных местному сообществу отдельных государственных полномочий. Управленческая исполнительно-распорядительная деятельность местной администрации заключается в целях, задачах, функциях, специальных административно-правовых методах и формах деятельности, упол-

номоченных органов и должностных лиц муниципального образования по осуществлению административно-публичной деятельности, осуществляемых в административно-регулятивных, административно-организационных и административно-охранительных правоотношениях по решению вопросов местного значения.

Административное усмотрение в процессе управленческой деятельности исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления и его должностных лиц осуществляется по всем правилам и основывается на правовых источниках, присущих любому виду правоприменительного усмотрения с учетом особенностей административного усмотрения, осуществляемого в процессе государственно-управленческой деятельности. Правовыми источниками административного усмотрения, осуществляемого исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления и муниципальными служащими, являются диспозитивные нормы муниципального права, абстрактные (относительно-определенные) нормы и оценочные понятия, неопределенности правового регулирования муниципальных правоотношений, предусмотренные в муниципальном законодательстве, аналогия закона и аналогия права, коллизии нормативно-правового регулирования муниципальных правоотношений.

Важной особенностью административного усмотрения в деятельности местных администраций и их муниципальных служащих является высокая степень дискреционности предоставленных им полномочий, установленных Федеральным законом о местном самоуправлении, законами о местном самоуправлении субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований. Это позволяет признать, что в основной массе правовых источников административного усмотрения преимущественное значение приобретают диспозитивные, относительно-определенные нормы указанных нормативно-правовых актов, оценочные понятия, используемые действующим муниципальным законодательством.

Таким образом, административное усмотрение неизбежно сопутствует в деятельности исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления и муниципальных служащих, являясь объективно необходимым элементом процесса муниципального управления по решению вопросов местного значения.

Литература

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ (с изм. и доп.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
2. Павлов Н.В. Правовое регулирование муниципального управления: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – С. 6–7.
3. Юсупов В.А. Право и советское государственное управление // Юсупов В.А. Труды по административному праву: в 3-х т. Т. 1. – М., 2011. – С. 296.
4. Общее административное право: учебник / под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 28.
5. Бойко Д.В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2011; Бойко Д.В. Правоприменительное усмотрение: законность и произвол // Общество и право, 2009. – № 3. – С. 16–20.

ПОВЫШЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ПУТЕМ ЭФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И РАЦИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Шевченко О.П., к.э.н., доцент

*Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова, Краснодарский филиал*

Под организацией труда понимают «приведение трудовой деятельности в определенную систему, характеризующуюся внутренней упорядоченностью, согласованностью и направленностью взаимодействия людей для реализации совместной программы или цели». Организация труда на предприятии – совокупность мероприятий, обеспечивающих необходимую пропорциональность в расстановке работающих и рациональное использование рабочей силы при данной степени механизации работ и совершенства технологии в целях повышения производительности труда и создания условий для всестороннего развития трудящихся [3, с. 146]. В соответствии с Трудовым Кодексом Российской Федерации среди основных задач трудового законодатель-

ства одной из первых названа организация труда и управления трудом работника [1, ст. 1].

Роль управления и организации труда характеризуется потенциальными возможностями повышения эффективности экономики государства в целом и конкретного производства с точки зрения социально-экономических результатов функционирования рабочей силы и технико-технологических средств производства [6]. Эффективно организованный труд служит ведущим фактором роста производительности труда и снижения издержек производства. Для выявления основных проблем эффективной организации труда, стоящих перед российским государством, необходимо проанализировать показатели производительности труда.

От развитых экономик Россия отстает по уровню производительности труда в 4 раза. Это значит, коэффициент полезного использования нашей экономики составляет 25 %.

Условия для роста производительности труда для России благоприятные (около 40% мировых природных богатств) принадлежат РФ.

В 2013 году государством была сформулирована следующая задача: «За предстоящее десятилетие надо увеличить производительность труда в ключевых отраслях российской экономики – в 3–4 раза». Это значит, что рост ВВП должен составлять не менее 10–12 % в год (рис. 1) [7].

Таким образом, производительность труда в России остается крайне низкой по сравнению с развитыми и развивающимися странами. Среди стран БРИК (Бразилия, Индия, Китай) Россия оказалась на четвертом месте. По данным, приведенным в таблице 1 видно, что в 2013 году производительность труда в целом в экономике страны выросла на 7,1%. В тоже время такой показатель в среднем по миру вырос на 3,3%. В 2012 году ВВП страны сократился, а рост безработицы сдерживался. В результате произошло заметное снижение производительности труда. Если бы сокращение занятости не сдерживалось, то динамика производительности труда была бы лучше.

Любые изменения производительности связаны с «отмиранием» малопродуктивных компаний и заменой их компаниями с более высокой производительностью. Чем быстрее будет

происходить этот процесс, тем быстрее будет расти экономика России [7].

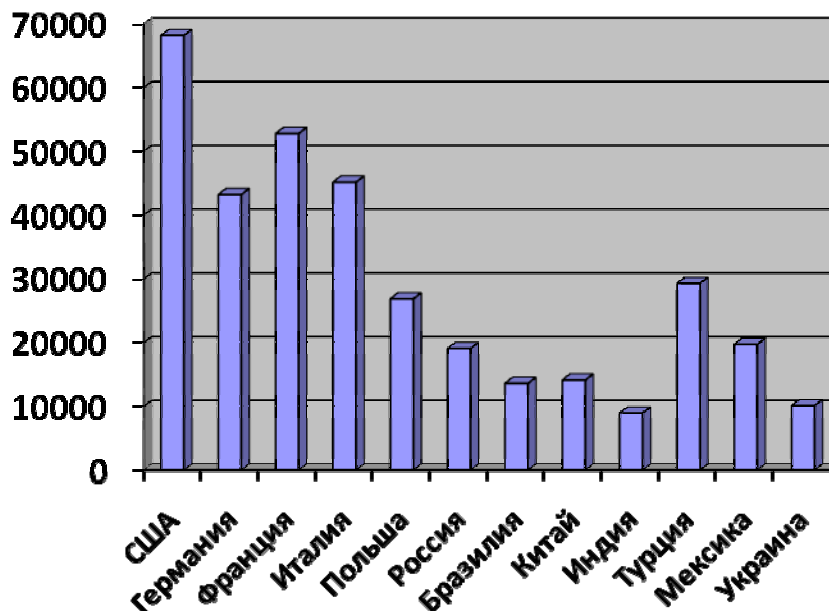

Рис. 1. Производительность труда по паритету покупательной способности, \$/чел., 2013 г.

Таблица 1

Динамика производительности труда в РФ

	2009	2010	2011	2012	2013
В целом по экономике	107,5	107,5	104,8	95,9	03,0
из нее:					
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	104,3	105,0	110,0	104,6	0,0
Рыболовство	101,6	103,2	95,4	106,3	76,4
Добыча полезных ископаемых	103,3	103,1	100,9	108,5	100,6
Обрабатывающие производства	108,5	108,4	102,6	95,9	08,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	101,9	97,5	102,1	6,3	9,0
Строительство	115,8	112,8	109,1	4,4	8,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт	110,8	104,8	108,1	9,0	8,8
Гостиницы и рестораны	109,2	108,0	109,2	6,7	4,5
Транспорт и связь	110,7	107,5	106,4	5,4	02,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	106,2	117,1	107,5	7,5	9,4

Сегодня Россия отстает от стран «большой семерки» по производительности труда в 2,5 раза, а по энергоэффективности – в три раза. Рассчитанный по паритету покупательной способности уровень ВВП на душу населения в России составляет \$19 000 на человека. Это самый высокий показатель в странах BRIC, но нельзя забывать о большей численности населения остальных трех этих стран. Ориентиром должен быть среднеевропейский уровень, равняющийся порядка \$30 000 и, чтобы достичь его, необходимо приложить серьезные усилия со стороны государства, бизнеса и каждого гражданина. Правительство поставило цель достичь этого показателя до 2020 г.

Чтобы реализовать задуманное, темпы роста этого показателя должны держаться на уровне 7–8% в год. Даже с учетом демографического спада они не должны быть меньше, чем 5–6% в год. При достижении таких темпов роста производительности труда можно будет констатировать значительное улучшение инвестиционного и делового климата, увеличение конкурентоспособности и значительный прогресс в импортозамещении [5].

Приемы минимизации потерь и усиления ориентированности в производственных процессах на потребителя хорошо отражены в концепции «бережливого производства» – философии менеджмента Toyota. Эта концепция достаточно популярна и в России: она используется или находится на стадии внедрения приблизительно в 30–50% крупных компаний. Этот подход актуален для всех без исключения отраслей экономики, сфер производства, торговли и услуг.

Производительность труда и эффективность производства можно повысить и с помощью социально-психологических методов, таких как правильная мотивация персонала, грамотная корпоративная культура, предоставление сотрудникам социальных гарантий, обеспечение карьерного роста и множества других инструментов.

Однако наиболее действенным инструментом, с помощью которого можно кардинально повысить как производительность труда, так и эффективность производства, надо признать модернизацию. Под ней следует понимать не только обновление основных средств, но и процесс заимствования технологий, повы-

шение квалификации сотрудников, инновационную деятельность, использование более совершенных сырьевых материалов и т.д. Это комплексный процесс, который должен финансироваться всеми возможными средствами, начиная от государственных субвенций и заканчивая инвестированием, самофинансированием и, конечно же, банковским кредитованием [2].

Сегодня российские кредитные организации способны предложить услуги под различные задачи компаний. Для закупки оборудования за рубежом можно использовать международное торговое финансирование, что значительно снижает стоимость покупки (например, с 13–15% годовых при традиционном рублевом кредитовании до 5–7% годовых при аккредитивах). Для более крупных инвестпроектов существует проектное финансирование.

Благодаря эффективной организации труда и рациональному управлению персоналом можно достичь высоких показателей производительности труда. Именно за счет рациональной организации труда предприятие получает экономию трудовых затрат, а значит выявляются резервы экономии фонда заработной платы и отчисления от него. Правильно организованный труд обеспечивает лучшее использование сырья, материалов, оборудования, энергетических затрат и тем самым влияет на снижение себестоимости продукции.

Для решения проблем в области нашего исследования, обозначим следующие направления мероприятий по усовершенствованию элементов управления и организации труда:

1. совершенствование разделения и кооперации труда;
2. совершенствование условий труда работников, оказывающих непосредственное влияние на здоровье и работоспособность человека, удовлетворенность работой;
3. совершенствование организации рабочих мест;
4. повышение эффективности труда путем увеличения производительности труда.

Таким образом, организация труда – постоянный фактор эффективности производства и вообще любой деятельности. Организованный на научной основе труд является ведущим фактором роста его производительности и снижении издержек производства – основы обеспечения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов рыночной экономики.

Литература

1. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197 (ред. от 23.04.2012) // Российская газета. – № 256.
2. Васильева Л.Ф., Васильев С.К., Успенская С.Н. Основные аспекты анализа потенциала энергосбережения в промышленности. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – Краснодар, 2012 – № 77 – С. 895–904.
3. Мухаметлатыпов Р.Ф., Мухаметлатыпов Ф.У. Труд и капитал: концептуальная модель, проблемы развития и управления: Научное издание. – Уфа: Уфимская государственная академия экономики и сервиса, 2013. – 340 с.
4. Кокин Ю.П. Экономика труда. Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Магистр, 2013. – 686 с.
5. Попова А.С., Пахомова А.Ю. Исследование инструментов интеграции образовательных услуг и маркетинга – Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: реальные императивы динамичного социохозяйственного развития: Сборник статей международной научно-практической конференции / под. ред. Г.Б. Клейнера, В.В. Сорокожердьева, Э.В. Соболева, З.М. Хашевой. – Краснодар: Изд-во: ЮИМ, 2014. – С. 244–254.
6. Сорокожердьев В.В., Константиныди Х.А. Формирование конкурентной стратегии предприятия в современных условиях // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 5 / Материалы Пятнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 15–16 апреля 2014 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – С. 172–174.
7. The Conference Board, расчеты – банк «Хованский». http://www.vedomosti.ru/finance/analytics/28821/gde_vzyat_sily_povysit_proizvoditelnost_truda#ixzz2uVpRNjRJ
8. Динамика производительности труда в РФ // www.gks.ru
9. Жуков А. Аудит организации труда // www.hr-portal.ru
10. Производительность труда в России ниже других стран БРИК // www.news.ru

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПОНЯТИЯ «КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ»

*Щепакин М.Б., д.э.н., профессор,
декан факультета экономики, управления и бизнеса,
зав. кафедрой маркетинга управления предприятием
Кривошеева Е.В., ст. преподаватель
кафедры маркетинга управления предприятием
Кубанский государственный технологический университет*

В современных условиях хозяйствования под влиянием меняющихся факторов рыночной среды (ускорении темпов научно-технического прогресса, ужесточении конкуренции на рынке, изменении внешнеполитической обстановки) многим предприятиям приходится задумываться о стабильном и устойчивом развитии. Многообразие факторов актуализируют сегодня проблему обретения эффективных конкурентных преимуществ за счет выявления сильных и слабых сторон предприятия с целью повышения их конкурентоспособности. Как следствие, руководителям предприятий следует иметь представление об экономической сущности конкурентоспособности и природе тех процессов, которые обеспечивают её рост с учетом отраслевых условий. Для раскрытия сущности понятия «конкурентоспособность предприятия» рассмотрим известные подходы к её пониманию (табл. 1), исследуя полученные научные результаты представленных ниже ученых.

Таблица 1

Содержательные аспекты конкурентоспособности предприятия

№	Содержание определения	Автор
1	2	3
1	Конкурентоспособность фирмы – «реальная и потенциальная способность предприятия с учетом имеющихся у него для этого возможностей проектировать, изготавливать и реализовывать в конкретных условиях товары, которые по своим потребительским и стоимостным характеристикам в комплексе более привлекательны для потребителей, чем товары конкурентов».	Багиев Г.А. [1, с. 254]

Продолжение табл. 1

1	2	3
2	Конкурентоспособность предприятия – «это обладание свойствами, создающими преимущества для субъекта экономического соревнования».	Бекетов Н.В. [2, с. 83-86]
3	Конкурентоспособность предприятия – «способность организации выживать и успешно развиваться в условиях конкурентной борьбы». Конкурентоспособность определяется потенциалом организации и уровнем его использования.	Голубков Е.П. [3, с. 62]
4	Конкурентоспособность предприятия – «это свойство объекта, имеющего определенную долю рынка, которое характеризует степень соответствия технико-функциональных, экономических, организационных и других характеристик».	Портер М. [4, с. 25]
5	Конкурентоспособность – «это способность конкурировать с аналогичными объектами на конкретном рынке, используя конкурентные преимущества для достижения поставленных целей».	Прахова Т.С. [5, с. 17-20]
6	Конкурентоспособность предприятия – «это относительная характеристика, которая выражает отличия развития данной фирмы от степени удовлетворения своими товарами потребности людей и по эффективности производственной деятельности конкурентоспособность предприятия характеризует возможности и динамику приспособления к условиям рыночной конкуренции».	Мескон М.Х. [6, с. 199]
7	Конкурентоспособность компании – «это мера реальной силы организации в каждом сегменте, объективная оценка способности компании удовлетворить потребности каждого сегмента в сравнении с конкурентами».	Макдоналд М., Данбар Я. [7, с. 28]
8	Конкурентоспособность фирмы – «это ее способность удовлетворять нужды потребителей лучше, чем это делают ее конкуренты».	Ламбен Ж-Ж [8, с. 36]
9	Конкурентоспособность фирмы означает быть способным к конкуренции. Конкурентоспособность фирм в основном определяется конкурентоспособностью предложенных ими товаров.	Магомедов Ш.Ш. [9, с. 18]
10	Конкурентоспособность объекта – «это свойство объекта, характеризующееся степенью удовлетворения потребности по сравнению с аналогичными объектами, представленными на данном рынке». Конкурентоспособность определяет способность выдерживать конкуренцию в сравнении с аналогичными объектами на данном (внутреннем или внешнем) рынке.	Фатхутдинов Р.А. [10, с. 356]

Окончание табл. 1

1	2	3
11	Конкурентоспособность предприятия – «возможность эффективной хозяйственной деятельности и ее практической прибыльной реализации в условиях конкурентного рынка». Это обобщающий показатель жизнестойкости предприятия, его умения эффективно использовать свой финансовый, производственный, научно-технический и трудовой потенциалы.	Перцовский Н.И. [11, с. 65]
12	Конкурентоспособность организации – «это способность успешно оперировать на конкретном рынке (регионе сбыта) в данный период времени путем выпуска и реализации конкурентоспособных изделий и услуг».	Хруцкий В.Е., Корнеева И.В. [12, с. 67]
13	Конкурентоспособность предприятия – это та особая зона, в которой в известных пределах интересы производителей и потребителей сходятся.	Фасхиев А.Х. [13, с. 5–6.]
14	Конкурентоспособность предприятия – «это комплекс потребительских и стоимостных характеристик товара, определяющих его успех на рынке, т.е. преимущество именно этого товара над другими товарами в условиях широкого предложения конкурирующих товаров».	Ноздрева Р.Б. [14, с. 113]
15	Конкурентоспособность предприятия – «это способность товара или предприятия успешно конкурировать со своими аналогами на избранном рынке».	Шер М.Л. [15, с. 56]
16	Конкурентоспособность предприятия (корпорации) – «это оцененная в данный момент времени реальная и потенциальная способность предприятия (корпорации и ее субъектов) без нарушения действующего законодательства и в соответствии с принятой бизнес-этикой эффективнее конкурентов: а) адаптироваться к условиям динамично развивающейся внешней среды по различным направлениям деятельности корпорации; б) интегрироваться в единое пространство участников рыночных отношений; в) реализовывать свой совокупный потенциал».	Хандамова Э.Ф., Хараджян Л.В. [16, с. 613]

Обзор представленных выше определений позволяет говорить о том, что всем трактовкам конкурентоспособности предприятия характерна различная экономическая природа. И наличие такого разнообразия приводит к необходимости построения классификации всех определений, разграничивающих представление о конкурентоспособности предприятия с точки зрения выделения ключевых подходов.

1. Товарно-производственный подход предусматривает учет товарной составляющей конкурентоспособности (уровень качества традиционных свойств товаров определенной группы, наличие у них особых свойств и т.д.). Авторы (Багиев Г.А., Магомедов Ш.Ш., Фатхутдинов Р.А., Хруцкий В.Е., Корнеева И.В., Ноздрева Р.Б.) отождествляют оценку конкурентоспособности предприятия и конкурентоспособности товара.

2. Коммуникационный подход (Фасхиев А.Х., Хандамова Э.Ф.) основывается на построении сбалансированных коммуникационных отношений между участниками рыночного взаимодействия: потребителем и посредником, потребителем и рыночным агентом, производителем и государством и т.д. на основании которых формируются отношения потребителей к самому товару и к его производителям (известность торговой марки, имидж товаров и организации, бренд).

3. Ресурсный подход рассматривает конкурентоспособность предприятия с точки зрения использования различных видов ресурсов (материальных, трудовых, производственных, научно-технических и др.). Авторы (Голубков Е.П., Портер М., Перцовский Н.И., Бекетов Н.В.) акцентируют внимание на состоянии внутренних ресурсов предприятия, за счет которых оно может обеспечить желаемый уровень конкурентоспособности

4. Маркетинговый подход определяет конкурентоспособность предприятия как степень удовлетворения потребностей потребителя в продуктах конкретного производителя, соответствию той или иной марке, тому или иному виду дизайна, определенного имиджа и т.д. (Ламбен Ж–Ж).

5. Рыночный подход рассматривает конкурентоспособность предприятия в зависимости от структуры рынка, интенсивности конкуренции на нем, доли рынка, емкости рынка, сегмента рынка, конкретной отрасли (Портер М., Мескон М.Х., Прахова Т.С., Макдоналд М., Шер М.Л., Данбар Я).

Обозначенные подходы свидетельствуют о том, что каждый из них в определенной мере характеризует различные грани конкурентоспособности предприятия и несет в себе смысловую нагрузку, касающуюся различных сторон проявления экономической природы конкурентоспособности предприятия. Проведен-

ный анализ различных представлений экономической сущности конкурентоспособности предприятия позволяет нам сформулировать следующие выводы.

1. В рамках выше представленных определений конкурентоспособность предприятия имеет дуалистический характер восприятия. С одной стороны, это «способность» предприятия или какого-либо субъекта хозяйствования успешно функционировать на рынке, используя имеющиеся у него конкурентные преимущества (Багиев Г.А., Голубков Е.П., Прахова Т.С., Макдональд М. и Данбар Я., Магомедов Ш.Ш., Ламбен Ж-Ж., Хруцкий В.Е. и Корнеева И.В., Шер М.Л.). С другой стороны, под конкурентоспособностью предприятия понимается «свойство» субъекта, которое ему присуще и создает ему преимущества в отличие от производителей аналогичных товаров и услуг (Бекетов Н.В., Портер М., Фатхутдинов Р.А.). С теоретической точки зрения такие взгляды не в полной мере раскрывают сущность понятия «конкурентоспособность предприятия», поскольку они не соотносят между собой способность достигать того или иного уровня конкурентоспособности предприятия и свойства, которые присущи, но не раскрыты и не находят должного воплощения в реальной практике построения эффективности бизнес-процессов.

2. В научной литературе (Ноздрева Р.Б., Магомедов Ш.Ш., Багиев Г.А., Фатхутдинов Р.А., Хруцкий В.Е. и Корнеева И.В.) отождествляется конкурентоспособность предприятия и конкурентоспособность товара. Но конкурентоспособность товара можно определить только сравнивая товары конкурентов между собой. Такая позиция не раскрывает в полной мере понятие конкурентоспособности предприятия, потому что авторы не учитывают в достаточной мере влияние таких факторов, как экономические, финансовые, инвестиционно-инновационные, маркетинговые, коммуникационные, а также региональные факторы. Все сводится только к одному общему показателю – товару и его составляющим (уровень качества, особые свойства, упаковка, внешний вид и т.д.).

3. Конкурентоспособность предприятия является динамичным состоянием, изменение которого зависит как от внешних, так и от внутренних факторов, что не отражено ни в одном из определений. Внешние факторы непосредственно влияют на конку-

рентоспособность предприятия и на ее изменение, а внутренние – формируют её изнутри. Так, ряд авторов (Голубков Е.П., Портер М., Перцовский Н.И., Бекетов Н.В.) рассматривают конкурентоспособность предприятия с точки зрения использования только внутренних ресурсов предприятия. Но они не рассматривают макроэкономический уровень обеспечения конкурентоспособности (факторы внешней среды предприятия), который формирует основные условия функционирования хозяйствующего субъекта.

4. Большинство авторов, кроме Портера М., Мескона М.Х., Праховой Т.С., Шер М.Л., Макдоналда М. и Данбар Я. придерживаются рыночного подхода к установлению экономической сущности конкурентоспособности предприятия. Рыночный подход рассматривает конкурентоспособность только со стороны структуры рынка, интенсивности конкуренции на нем, доли рынка, емкости рынка, сегмента рынка, конкретной отрасли. Следует отметить, что такой подход не учитывает состояние внутренних ресурсов предприятия, которые также формируют его конкурентные преимущества.

5. Исследователи, занимающиеся проблемами в области конкурентоспособности предприятия, не рассматривают её как инструмент, с помощью которого оно может адаптироваться к условиям рынка. Следует отметить, что инструмент в общей его трактовке представляет собой способ или средство управления, регулирования процессами и отношениями, что напрямую относится к управлению конкурентоспособностью. То есть нам представляется, что по своей сущности, конкурентоспособность предприятия обретает свойство инструмента внешней адаптации и внутренней интеграции имеющихся ресурсов.

В свою очередь под внешней адаптацией понимается реакция организации, предприятия, фирмы на требования внешней среды. Поэтому хозяйствующим субъектам, чтобы быть более конкурентоспособными, необходимо формировать и реализовывать имеющиеся потенциальные конкурентные преимущества, адаптируясь к интересам потребителей, конкурентов, рыночных агентов (властных структур и общественных организаций, контактных аудиторий, посредников, поставщиков) и других участников рыночного пространства. Внешняя адаптация должна нести в себе какие-либо

характеристики маркетинговой адаптации. Так, внешняя адаптация формирует положительный имидж предприятия, узнаваемость бренда, создает деловую репутацию за счет удовлетворения потребностей потребителя в продуктах, производителе, товарной марке и т.д., что и отражено у Ламбена Ж–Ж. в маркетинговом подходе к установлению экономической сущности конкурентоспособности предприятия. Внешняя адаптация ориентирует различных участников взаимодействия (потребителя и посредника, потребителя и рыночных агентов, производителя и государство и т.д.) на построение эффективных коммуникаций между ними, на создание позитивных образов товара в сознании потребителя, на рациональное потребительское поведение клиентов, на благожелательное восприятие производителя.

Под внутренней интеграцией понимается процесс установления рациональных взаимосвязей между различными структурными подразделениями и работниками разного уровня для создания эффективной команды единомышленников, ориентированных на достижение общих целей при сбалансированном соотношении интересов между ними. Кроме того, внутренняя интеграция предусматривает выработку единого корпоративного духа сотрудников, создание положительной атмосферы, повышение степени мотивации групп работников. Все это является залогом эффективного управления технологическими, экономическими, финансовыми, маркетинговыми, конкурентными, научно-техническими и другими ресурсами предприятия. Необходимо отметить, что ни в одном из определений не указывается, кто же управляет этими ресурсами. Авторы не рассматривают в достаточной мере, то обстоятельство, что повышению конкурентоспособности во многом способствует такой ресурс предприятия как человеческий, работающий во благо общей организационно-экономической цели. Ранее все усилия были направлены на обеспечение качества предлагаемых товаров и установление низких на них цен. Руководители считали, что их продукция вполне соответствует запросам покупателей и имеет достаточно приемлемую цену, поэтому внутри предприятия нарушался баланс интересов работников и работодателей. В современных условиях роста конкуренции на рынке предприятиям необходимо построение

сбалансированных коммуникационных отношений между индивидами, которые обретают статусы и роли, формируемые ими в организационно-экономической, коммерческой и иной деятельности предприятия [17, с. 36–42].

В рамках уже выделенных подходов к экономической сущности конкурентоспособности предприятия авторами предлагается новый интеграционноцентричный подход, который предусматривает эффективное использование человеческого ресурса, включенного практически во все бизнес-процессы, предусматривающие управление ресурсами, коммуникациями, качеством товара через установление отношений с потребителем и иными агентами в условиях реальной рыночной среды. Интеграционноцентричный подход вбирает в себя позитивные стороны известных подходов и может обеспечить переход на качественно новый уровень рассмотрения конкурентоспособности предприятия, если в центр этого подхода включить человека как носителя интересов работников различных профессиональных уровней взаимодействующих в рамках конкретного хозяйствующего субъекта. Все они должны быть нацелены на достижение как единых организационно-экономических, социальных целей предприятия, так и на удовлетворение личных потребностей и притязаний персонала. Кроме того, предлагаемый подход предусматривает интеграцию различных составляющих конкурентоспособности предприятия, таких как экономическое и финансовое состояние предприятия, менеджмент и маркетинг, инвестиционно-инновационная способность, внешнее окружение.

На основании вышепредставленных доводов авторами предлагается следующая трактовка понятия конкурентоспособности предприятия: «это инструмент хозяйствующего субъекта, маркетингово-адаптирующий его к изменениям внешней среды за счет полного и эффективного использования человеческого ресурса, создаваемого в процессе вовлечения, включения, приобретения различных видов ресурсов и реализации имеющегося и наращиваемого инновационного потенциала работниками в интересах построения эффективных бизнес-процессов, определяющих предпосылки устойчивого роста и завоевания конкурентных позиций предприятием на отраслевом рынке».

В рамках предлагаемого определения авторами представлен набор факторов, определяющих конкурентоспособность предприятия. Одни факторы влияют значительно при определенных условиях рынка, другие слабо себя проявляют в действии при меняющихся обстоятельствах, поэтому следует уточнить эти факторы. Нам представляется целесообразным выделить внутренние и внешние факторы, определяющие конкурентоспособность предприятий применительно к той отрасли, в которой действует субъект хозяйствования [18, с. 219–229].

Внутренние факторы представляют собой совокупность параметров, оказывающих регулирующее воздействие на деятельность субъекта, функционирующего в экономических, трудовых, организационных и коммуникационных взаимоотношениях. К внутренним факторам относится экономическая и финансовая деятельность предприятия; трудовой потенциал, трудовой ресурс; система управления предприятием; конкурентные преимущества продукции; маркетинговая и коммуникационная деятельность; инвестиционная способность и инновационная способность персонала, а также инвестиционная активность и привлекательность предприятия.

Внешние факторы – набор не поддающихся влиянию условий и сил, требующих систематического адаптационно-коммуникационного приспособления к ним всех участников рыночного пространства. Выделены следующие факторы, которые характеризуют наступление риска, макроэкономическое состояние отрасли, инвестиционное состояние отрасли, природно-климатическое состояние, рыночное состояние, коммуникационную деятельность между участниками рыночного взаимодействия и урбанизацию.

Таким образом, имея представление об экономической природе конкурентоспособности предприятия и набору факторов определяющих её, появляется возможность для выработки рациональных управленческих решений, направленных на эффективное и развитое функционирование субъектов рынка. Как следствие представляется возможным разработка методического подхода к управлению конкурентоспособностью предприятия в целях построения рациональных бизнес-процессов в условиях изменчивых факторов рыночной среды.

Литература

1. Багиев Г.А. Маркетинг. – СПб.: Питер, 2008. – 718 с.
2. Бекетов Н.В. Понятие конкурентоспособности и его эволюция // Маркетинг в России и за рубежом. – 2007. – № 6. – С. 83–86.
3. Голубков Е.П. Основы маркетинга: учебник. – 2-е изд. – М.: «Финпресс», 2003. – 688 с.
4. Портер М.Е. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость; пер. с англ. Е. Калинина. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 714 с.
5. Прахова Т.С. Понятие и сущность конкурентоспособности. Сборник научных трудов СевКавГТУ. – Серия «Экономика», 2005. – № 2 – С. 17–20.
6. Мескон М.Х. Основы менеджмента. – М.: Дело, 1993. – 704 с.
7. Макдоналд М., Данбар Я. Сегментирование рынка. – М.: Дело и Сервис, 2012. – 288 с.
8. Ламбен Ж-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок. – СПб.: Питер, 2011. – 720 с.
9. Магомедов Ш.Ш. Маркетинговые исследования товаров и услуг. – М.: Дашков и К°, 2007. – 296 с.
10. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент. – М.: Эксмо, 2002. – 892 с.
11. Перцовский Н.И. Маркетинг. Краткий толковый словарь основных маркетинговых понятий и современных терминов. – М.: Дашков и К°, 2008. – 140 с.
12. Хруцкий В.Е., Корнеева И.В. Современный маркетинг. Настольная книга по исследованию рынка. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 560 с.
13. Фасхиев А.Х. «Как измерить конкурентоспособность предприятия?» // Маркетинг в России и за рубежом, 2003. – № 4. – С. 5–6.
14. Ноздрева Р.Б. Маркетинг: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Проспект, 2005. – 231 с.
15. Шер М.Л. Основы повышения конкурентоспособности российских предприятий сферы товаров и услуг в современных условиях. – Ставрополь: Известия Вузов, 2005. – 256 с.
16. Хандамова Э.Ф., Хараджян Л.В. Экономическая природа конкуренции и конкурентоспособности предприятия (корпорации) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – № 08(082). – С. 589–614.

17. Хандамова Э.Ф. Маркетинговое коммуникационное поле предприятия: формирование и развитие: монография. – Краснодар: Изд. дом – Юг, 2013. – 460 с.

18. Щепакин М.Б., Попова Л.В., Каменецкая Е.В. Классификационный подход к оценке факторов, определяющих конкурентоспособность предприятий (на примере хлебопекарной отрасли) // Научно-технические ведомости СПбГПУ: «Экономические науки». – СПб: Изд. Политехнического университета. – 2011. – № 2 (119). – С. 219–229.

ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ОТРАСЛЕВОГО РЫНКА НЕФТЕПРОДУКТОВ

*Щепакин М.Б., доктор экономических наук,
профессор, заведующий кафедрой
маркетинга и управления предприятием,
Солкина А.А., соискатель
Кубанский государственный
технологический университет*

В процессе анализа состояния любого объекта определяются те его характеристики, которые позволяют наиболее полно охарактеризовать этот объект, его взаимосвязь с внешней средой, выявить тенденции его развития. Такие характеристики традиционно называют индикаторами (от лат. *indicator* – указатель). Экономический словарь определяет индикатор, как доступную наблюдению и измерению характеристику изучаемого объекта, позволяющую судить о других его свойствах, недоступных непосредственному исследованию.

Рыночная система хозяйствования традиционно описывалась такими характеристиками, как уровень спроса, предложения и цена товара. Именно на изучении этих индикаторов рынка и анализе статистических данных базировалась вся исследовательская база экономики. С признанием доминанты смешанных экономических моделей, т.е. включающих частную, корпоративную, общественную и государственную собственность на средства производства и определяющих государство, как важнейшего эко-

номического агента, усложнилось и представление о «качестве» экономики. Сегодня для оценки ее состояния, помимо традиционных индикаторов, таких, как индексы промышленных и розничных цен, уровень безработицы, средняя заработная плата (цена трудовых ресурсов), широко используются и иные показатели: экспертные оценки, «consumer confidence» (индекс доверия потребителей) и др. [7].

В этой связи международными организациями и отдельными странами и регионами активно ведется разработка критериев и индикаторов оценки состояния рынков, нередко содержащих весьма сложную систему показателей [4]. Разработка индикаторов является комплексной и дорогостоящей процедурой, требующей большого количества информации. Обобщая имеющийся мировой опыт в этой области, можно выделить два подхода:

- построение интегрального, агрегированного индикатора, на основе которого можно судить об общем состоянии рынка и тенденциях его развития;

- построение системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты состояния рынка. Чаще всего в рамках общей системы выделяются следующие подсистемы показателей: экономические, социальные, институциональные. В последнее время ее все чаще дополняют экологическими критериями.

Таким образом, любая система индикаторов должна формироваться так, как это показано на рисунке 1.

Рис. 1. Выбор индикаторов состояния объекта

Представленная схема показывает, что индикаторы состояния объекта выступают не только как констатирующий параметр. Их выбор основан на определении целей и задач регулиро-

вания, с одной стороны, и позволяет корректировать указанные цели – с другой.

В предлагаемой схеме задачи формулируются следующим образом [2]:

- достижение баланса интересов органов власти и поставщиков;
- достижение баланса интересов потребителей и поставщиков нефтепродуктов;
- сохранение экосистемы региона и предотвращение экологических угроз.

Решение первой задачи достигается путем организации контроля за деятельностью предприятий отрасли. Основными контролирующими органами на федеральном уровне выступают Министерство энергетики российской Федерации, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная налоговая служба РФ, а на региональном уровне – Департамент финансово-бюджетного надзора, Департамент по вопросам топливно-энергетического комплекса.

Основными индикаторами выступают вклад отрасли в ВРП, процент и размер поступлений в бюджеты всех уровней в стоимостной оценке [5].

Для того, чтобы оценить «качество» обозначенных показателей, необходимо иметь их нормативные значения. Наиболее объективной представляется оценка показателей в соответствии с плановыми показателями и порядком уплаты налоговых платежей.

Одной из наиболее емких представляется вторая задача – достижение баланса интересов потребителей и поставщиков нефтепродуктов. Ее решение напрямую зависит от уровня цен на рынке, состояния конкурентной среды и, наконец, от степени удовлетворенности потребителей, на которую могут влиять самые разные факторы (качество оказываемых услуг, состояние инфраструктуры рынка, поведение фирм поставщиков на рынке и т.п.).

Регулирование регионального отраслевого рынка нефтепродуктов должно включать соответственно три компоненты контроля за порядком ценообразования – регулирующий федеральный орган Федеральная антимонопольная служба, в регионе – отдел ФАМС по Краснодарскому краю, Региональная энергетическая комиссия департамента цен и тарифов.

В состав контролируемых параметров должны включаться: уровень оптовых и розничных цен, отклонение цены нефтепродуктов от приведенной цены мирового рынка, порядок расчета которого широко обсуждается различными структурами. В то же время, представляется, что соответствие цены нефтепродукта общемировой рыночной цене, формируемой на биржах, не в полной мере соответствует объекту исследования. Внутрорегиональные различия в ценах на нефтепродукты в России чрезвычайно велики и эта разница далеко не во всех случаях объяснима масштабами страны, проблемами транспортировки нефтепродуктов и другими объективными факторами [6]. С этой целью считаем необходимым проводить расчет отклонения оптовых и розничных цен на региональном рынке от среднероссийского показателя. При этом для каждого региона должен использоваться поправочный коэффициент на логистику. В таком случае можно будет оценить именно межрегиональные различия:

$$\Delta P = \frac{Pr}{Ps} k * 100\%, \quad (1)$$

где ΔP – отклонение региональной цены от среднероссийской, %
 Pr – средняя цена в регионе;
 Ps – среднероссийская цена;
 k – поправочный коэффициент.

Важное место в общей системе показателей, описывающих состояние рынка, занимает оценка конкурентной среды. С этой целью предлагается расчет уровня рыночной концентрации (CR) или отношения объема реализации одноименных товаров некоторым числом субъектов предпринимательских структур, обладающих наиболее крупными размерами финансовых активов, к общему объему реализации этих товаров в течение фиксированного периода времени [3]. В зависимости от числа крупнейших компаний, представленных на рынке для разных регионов может подсчитываться показатели CR 2, CR 3 или CR 4. Расчет коэффициента SR ведется по формуле:

$$CR = \frac{S_1 + S_2}{S} * 100\%, \quad (2)$$

где S – выраженные в процентах доли продаж фирм в отрасли, определяемые как отношение объема продаж фирмы к объему всех продаж отрасли.

Индекс Герфиндаля-Хиршмана (ННІ) демонстрирует степень монополизации отрасли. Чем меньше коэффициент ННІ, тем слабее конкурентная позиция отдельных субъектов предпринимательства. На олигополистическом рынке, каким является рынок нефтепродуктов, значение этого коэффициента стремится к 10000. Расчет коэффициента должен осуществляться по формуле:

$$ННІ = \sum_{i=1}^n S_i^2 * 100\%. \quad (3)$$

Эти показатели широко используются антимонопольной службой для оценки конкурентной среды рынка. Дополнить оценку уровня рыночной концентрации мы рекомендуем коэффициентом энтропии, показывающим среднюю долю субъектов предпринимательского бизнеса, действующих на рынке одноименных товаров, взвешенную по натуральному логарифму обратной ей величины:

$$E = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n S_i \ln \frac{1}{S_i}, \quad (4)$$

где E – коэффициент энтропии;
 S_i – доля продаж товаров i -й фирмой на рассматриваемом секторе товарного рынка;
 n – число субъектов бизнеса, действующих на данном секторе рынка.

Чем больше значение E , тем ниже вероятность формирования монополии на рынке

По данным показателям определяется тип концентрации рынка и выбирается модель оценки:

I тип – высококонцентрированные рынки: при $70\% < CR < 100\%$; $2000 < ННІ < 10000$

II тип – умеренноконцентрированные рынки: при $45\% < CR < 70\%$; $1000 < ННІ < 2000$

III тип – низкоконцентрированные рынки: при $CR < 45\%$; $HHI < 1000$.

Расчет количественных показателей необходимо дополнить оценкой удовлетворенности потребителей состоянием рынка, в частности ценами и качеством продукции и услуг. С этой целью необходимо проводить регулярный независимый мониторинг восприятия рынка нефтепродуктов потребителями по случайной выборке. Степень удовлетворенности следует оценивать в процентах от числа опрошенных. Принимается 10-балльная шкала для опроса потребителей. Все оценки ниже 5 баллов следует оценивать как нулевые. Соответственно индекс удовлетворенности может быть рассчитан по формуле:

$$I = \frac{Kn}{K} * 100\%, \quad (5)$$

где I – индекс удовлетворенности,

Kn – число потребителей, оценивших исследуемый показатель от 5 до 10 баллов по 10-балльной шкале,

K – общее число опрошенных.

Предлагается проводить оценку качества регулирования в сфере экологии. Сохранение экосистемы региона и предотвращение экологических угроз становятся в наше время одной из наиболее актуальных задач, в том числе и на региональном уровне. Можно с уверенностью предположить, что в ближайшее время важность контроля именно в этой сфере будет стабильно возрастать [3]. Понимают это и ведущие компании производители, уделяющие серьезное внимание природоохранным мероприятиям, совершенствующие технологические процессы производства. Именно поэтому в число индикаторов качества регулирования в сфере экологии нами предложен такой параметр, как степень саморегулирования предприятий-производителей. Кроме того, необходимо проводить оценку таких параметров, как:

- степень экологической безопасности отраслевого рынка;
- степень использования отходов;
- уделенные нормы потребления природных и энергетических ресурсов предприятиями отрасли;

– доля нефтепродуктов, соответствующих стандартам «ЕВРО» в общем объеме производства и структуре потребления в регионе;

– доля предприятий отрасли имеющих сертификат соответствия ISO 14000;

– доля нефтепродуктов, реализуемых на региональном рынке и соответствующих экологическим стандартам (концентрация свинца, серы, смолы, сероводорода, зольность).

Таким образом, предлагается 22 показателя, которые позволяют оценивать состояние регионального рынка в более полном объеме, а также выявлять межрегиональные отличия и корректировать те параметры рынка, которые поддаются регулируемому воздействию. Проведение такой оценки достаточно трудоемко, требует сбора большого объема статистической информации. По этой причине предлагается на базе указанных показателей сформировать интегральный показатель оценки состояния регионального рынка нефтепродуктов, что представляется чрезвычайно важным с точки зрения учета множественности факторов развития региональных рынков и степени их влияния на устойчивое развитие экономики региона.

При разработке интегрального показателя предлагается учитывать числовые значения рассматриваемых индикаторов, единицы их измерения и диапазон измерения при различных условиях состояния конкурентного рынка. Обязательным условием для разработки интегрального показателя эффективности регулирования рынка является сопоставимость единиц измерения.

Для расчета интегрального показателя предлагается использовать частные показатели, информацию по которым можно получить в органах государственной статистики, отраслевых ведомствах, ФАМС РФ, ФНС РФ и др. Предлагается использовать следующие 6 показателей (частных индикаторов):

1) исполнение налоговых обязательств производителей и поставщиков нефтепродуктов, %;

2) степень отклонения цены нефтепродуктов от среднероссийского показателя (с учетом поправочного коэффициента на логистику), %;

3) уровень рыночной концентрации, %;

- 4) коэффициент Лернера, %
 5) индекс удовлетворенности потребителей, %;
 6) доля предприятий отрасли имеющих сертификат соответствия ISO 14000, %.

Выявлены оптимальные значения каждого из частных индикаторов, т.е. те значения, по соответствию которым можно судить о степени регулирования рынка нефтепродуктов. Считаем, что по критериям «1»; «5» и «6» оптимальным показателем будет 100%.

Для перехода к интегральной оценке проведен сбор исходных данных по частным индикаторам оценки состояния регионального отраслевого рынка нефтепродуктов (табл. 1), где представлены порядок расчета частных индикаторов оценки состояния рынка нефтепродуктов по отдельным направлениям его регулирования и процедура их приведения к единой размерности.

Таблица 1

**Определение частных индикаторов оценки состояния
 регионального отраслевого рынка нефтепродуктов
 по направлениям его регулирования**

Инструменты решения поставленных задач	Наименование индикатора оценки	Порядок расчета показателя; нормативное значение оценочного показателя
1	2	3
Цель: <i>Соблюдение баланса интересов всех субъектов отраслевого рынка и обеспечение устойчивого и социально-ориентированного экономического роста региона</i>		
Задача: Достижение баланса интересов органов власти и поставщиков		
Контроль за деятельностью предприятий отрасли	– вклад отрасли в ВРП, %; – размер поступлений в бюджеты всех уровней, млн.руб.; – степень исполнения налоговых обязательств, %	Рассчитывается в процентах. Устанавливается в зависимости от роли отрасли в регионе. Нормативы определяются по степени соответствия плановым показателям и соблюдения налогового законодательства
Задача: Достижение баланса интересов потребителей и поставщиков нефтепродуктов		

Продолжение табл. 1

1	2	3
Контроль за порядком ценообразования и уровнем цен на рынке нефтепродуктов	– оптовая цена; – розничная цена; – степень отклонения цены нефтепродуктов от приведенной цены мирового рынка; – степень отклонения цены нефтепродуктов от среднероссийского показателя (с учетом поправочного коэффициента на логистику, который должен определяться для каждого конкретного региона, в зависимости от места его удаленности от центров добычи и переработки)	Ценообразование – ключевой элемент состояния рынка. Основой расчета соответствующих индикаторов предлагается принять уровень отклонения от усредненных показателей, %, а также соблюдение нормативно установленных правил расчета цены на нефтепродукты
Контроль за состоянием конкурентной среды	Оценка конкурентной среды, в том числе: – уровень рыночной концентрации (CR) (отношение объема реализации одноименных товаров некоторым числом субъектов предпринимательского бизнеса, обладающих наиболее крупными размерами финансовых активов, к общему объему реализации этих товаров в течение фиксированного периода времени, в зависимости от типа региона определяются CR 3 или CR 4; – индекс Герфиндаля-Хиршмана (НИ) – показывает степень монополизации отрасли. Чем меньше коэффициент НИ, тем, слабее конкурентная позиция отдельных субъектов предпринимательского бизнеса. На олигополистическом рынке, каким является рынок нефтепродуктов, значение коэффициента стремится к 10000;	$CR = \frac{S_1 + S_2}{S} * 100\%;$ $НИ = \sum_{i=1}^n S_i^2 * 100\%,$ где S – выраженные в процентах доли продаж фирм в отрасли, определяемые как отношение объема продаж фирмы к объему всех продаж отрасли По данным показателям определяется тип концентрации рынка: I тип – высококонцентрированные рынки: при $70\% < CR < 100\%$; $2000 < НИ < 10000$ II тип – умеренноконцентрированные рынки: при $45\% < CR < 70\%$; $1000 < НИ < 2000$ III тип – низкоконцентрированные рынки: при $CR < 45\%$; $НИ < 1000$ $E = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n S_i \ln \frac{1}{S_i},$ где E – коэффициент энтропии; S_i – доля продаж товаров

Продолжение табл. 1

1	2	3
	– коэффициент энтропии E, показывает среднюю долю субъектов предпринимательского бизнеса, действующих на рынке одноименных товаров, взвешенную по натуральному логарифму обратной ей величины; – коэффициент относительной концентрации ($K_{от}$); – коэффициент Лернера (L)	i-й фирмой на рассматриваемом секторе товарного рынка; $N_{\text{б}}$ – число субъектов бизнеса, действующих на данном секторе рынка. Чем больше значение E, тем ниже вероятность формирования монополии или олигополии на рынке $K_{от} = (20 + 3\beta) / \alpha$, где α – доля числа крупнейших предприятий рынка в общей численности предприятий, β – доля продаж данных предприятий в общем объеме реализуемой продукции. Характеризует соотношение числа крупнейших предприятий на рынке. При $K = 1$ – рынок конкурентный, при $K = 1, 1/30$ часть фирм выпускает 30% продукции, а $1/10$ – 50%, при $K < 1$, на рынке наблюдается высокая степень концентрации; $L = [P - MC] / P$, где P – цена товара, MC – предельные издержки Показывает отклонение цены от предельных затрат. Для рынка монополистической конкуренции коэффициент меньше 0,5; для олигополии 0,6–0,8. для монополии – 0,9–1.
Исследование степени удовлетворенности потребителей	– индекс удовлетворенности потребителей ценами; – индекс удовлетворенности потребителей качеством продукции и услуг; – индекс потребительского оптимизма	– доля от общего числа потребителей нефтепродуктов; – доля от общего числа жителей региона $I = \frac{K_n}{K} * 100\%$, где I – индекс удовлетворенности, K_n – число потребителей, оценивших исследуемый показатель от 5 до 10 баллов по 10-балльной шкале, K – общее число опрошенных

Окончание табл. 1

1	2	3
Задача: Сохранение экосистемы региона, предотвращение экологических угроз		
Контроль за соответствием требований законодательства в области охраны окружающей среды	– степень саморегулирования предприятий-производителей; – степень экологической безопасности отраслевого рынка; – степень использования отходов; – уделенные нормы потребления природных и энергетических ресурсов предприятиями отрасли; – доля нефтепродуктов, соответствующий стандартам «ЕВРО» в общем объеме производства; – доля нефтепродуктов, соответствующих стандартам «ЕВРО» в общей структуре потребления в регионе; – доля предприятий отрасли имеющих сертификат соответствия ISO 14000; – доля нефтепродуктов на региональном рынке, соответствующей экологическим стандартам (концентрация свинца, серы, смолы, сероводорода, зольность)	Качественные показатели рекомендуется рассчитывать по экспертным оценкам; Количественные показатели экологической группы, следует рассчитывать в процентах.

Представленный порядок определения отдельных индикаторов оценки регионального отраслевого рынка нефтепродуктов позволяет проводить расчет интегрального показателя оценки состояния регионального отраслевого рынка нефтепродуктов и соотносить отдельные индикаторы с аналогичными среднеотраслевыми показателями.

Литература

1. Губин В.А., Щепакин М.Б., Губин Г.В. Управление реструктуризацией экономики региона: подходы, приоритеты, механизмы:

монография. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2014.

2. Молчан А.С. Воспроизводство и капитализация экономического потенциала региональных социально-экономических систем: монография. – Краснодар: В.В. Арнаутов, 2011.

3. Молчан А.С., Тринка Л.И., Тернавченко К.О. Управление системой стратегических приоритетов развития производственного потенциала региона // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. – № 65. – С. 212-225.

4. Хашева З.М., Молчан А.С. Стратегии и инструменты управления устойчивым развитием региональных социально-экономических систем: монография. – Краснодар: ЮИМ, 2014.

5. Щепакин М.Б., Боровиков В.Г., Маштаков А.И. Методологические и организационно-экономические аспекты обеспечения устойчивого развития депрессивного региона: монография. – Благовещенск: Дальневосточный гос. аграрный ун-т, 2011.

6. Щепакин М.Б., Солкина А.А. Классификационные аспекты регулирования региональных отраслевых рынков и факторы, определяющие условия их эффективного функционирования // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 101. – С. 126–135.

7. Щепакин М.Б., Хандамова Э.Ф., Фицурина М.С. Управление производственным предприятием в условиях его адаптации к требованиям рынка: монография. – Ростов н/Д, 2008.

СПОСОБЫ ТОРМОЖЕНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ, СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКИХ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК

*Тупиха Н.А., к.э.н., доцент
Кубанский государственный
технологический университет*

Доходное участие бюрократии в распределении финансовых результатов бизнеса образует одно из важнейших направлений тормозящего воздействия бюрократических трансакционных издержек на эволюцию национальной экономики современной Рос-

сии. Инвестиционно-финансовые ресурсы развития через посредство указанных издержек превращаются в ресурсы обеспечения частных потребностей чиновников, то есть, становятся ресурсами паразитического потребления.

Однако это лишь одна из ветвей сложного и многообразного процесса торможения развития национальной экономики России, обусловленного формированием и реализацией бюрократических транзакционных издержек. Раскроем способы торможения экономики России, складывающиеся на основе развития бюрократических транзакционных издержек:

1. Искусственное усложнение и внесение двусмысленных положений в нормы права и иные параметры институциональной среды. Многие кодексы и федеральные законы изменяются ежегодно, причем вносимые в них коррективы направлены не на адаптацию законодательства к потребностям развития бизнеса и общества, а представляют собой искусственное усложнение действующих норм права с целью формирования «мутной» правовой среды, приспособленной для разрастания бюрократических транзакционных издержек. Характерны примеры с Налоговым кодексом, Административным кодексом. Естественно, что такая среда тормозит развитие национальной экономики.

2. Формирование высоких административных барьеров на пути развития бизнеса. Административные барьеры должны возникать на пути нелегитимного бизнеса и на пути развития монопольных тенденций в развитии рынка. Однако отечественная бюрократия прекрасно приспособилась к использованию ложных административных барьеров в своих интересах.

В их оценке необходимо исходить из того, что административные барьеры представляют собой формальные обязательные правила ведения деятельности на рынках товаров и услуг, устанавливаемые органами государственной власти и местного самоуправления, связанные с социальными и частными издержками хозяйствующих субъектов, попадающих под указанные правила. Однако такие барьеры часто служат инструментами для извлечения «невидимых» бюрократических доходов.

3. Установление контроля над «теневым» сектором. Бюрократия использует в данном случае простой алгоритм:

- сначала «загоняет» участников рынка в «теневой» сектор;
- затем вводит режим имущественной зависимости.

4. Подрыв механизмов защиты прав собственности. Чем менее защищены данные права, тем ниже инвестиционная привлекательность.

5. Обеспечение информационной непрозрачности процесса развития национальной экономики, отчуждающее от высоких технологий.

Механизм воздействия институциональной среды на развитие экономики России отображен на рисунке 1.

Рис. 1. Институциональная среда и развитие экономики

Основные виды административных барьеров, складывающихся на пути развития бизнеса в современной России, схематически отображены на рисунке 2.

Рис. 2. Виды административных барьеров на пути развития бизнеса

Любой барьер создается в расчете на получение необходимого социального результата (социальной выгоды). В то же время он вызывает дополнительные затраты (транзакционные издержки) у тех субъектов бизнеса, которых затрагивают вводимые с помощью данного барьера ограничения.

Эффективные административные барьеры отвечают критерию превышения социальных выгод над дополнительными частными издержками, а неэффективные барьеры – не отвечают данному критерию. Отметим, что в составе дополнительных частных издержек необходимо учитывать «невидимую» составляющую, в

которой больше всего заинтересована бюрократия, поскольку именно эта составляющая выступает в качестве объекта «торга» между действующими в «теневом» секторе участниками рынка и чиновниками.

Преодоление указанных способов торможения предполагает формирование специального механизма дебюрократизации экономики России, который следует отнести к числу институциональных механизмов. Создавая его, необходимо учитывать парадоксальность ситуации в стране – проблема состоит в том, что бюрократизация стала системным элементом государства, то есть, стала нормой, институционализировалась. И парадокс состоит в том, что без развития бюрократизации вся российская система может прекратить действовать.

Соотнесем предлагаемый механизм дебюрократизации с административной реформой, проводимой в современной России.

Во-первых, необходимо признать, что государство, начав административную реформу, признало свою неэффективность в нынешнем виде. В чем заключается указанная неэффективность? Представляется, что в ее основании лежит морально устаревшая патерналистская модель взаимодействия государства, бизнеса и некоммерческих общественных организаций. Именно в этой модели – глубокие корни бюрократизации российской экономики. Благодаря ей начался и продолжается процесс ребюрократизации, который обуславливает разрастание бюрократических транзакционных издержек.

Представляется, что российское государство на всех уровнях своих отношений должно перейти от патерналистской модели, когда государство бралось за все и, соответственно, за все отвечало, к субсидиарной модели взаимодействия с бизнесом и некоммерческими общественными организациями [8]. Государство в рамках субсидиарной модели не занимается тем, что люди могут сделать самостоятельно. Власть, построенная по субсидиарному принципу, выполняет:

- либо те функции, которые, кроме нее, никто не должен выполнять;
- либо те функции, которые никто не хочет выполнять, а потребность в них есть.

Отметим, что федеральной исполнительной властью обозначены 6 основных направлений реформирования своей деятельности:

1. Управление по результатам. Качество работы органа власти и чиновника при этом оценивается не по интенсивности управленческого процесса, а по эффективности воздействия на общество.

2. Стандартизация и регламентация деятельности государственных структур. В их рамках должны быть разработаны и внедрены стандарты государственных услуг, административных регламентов, а также совершенствование имеющихся и создание новых эффективных механизмов досудебного обжалования действий и решений органов исполнительной власти и их должностных лиц. Стандарты оказания услуг определяют обязательства и ответственность чиновника за качество своей работы [5].

3. Оптимизация функций органов исполнительной власти и борьба с коррупцией. В проекты решений и в уже действующие документы заложена идея сокращения вмешательства власти в экономику и гражданское общество. Государство не должно контролировать все общественные процессы и командовать развитием общества.

4. Следующее направление административной реформы – повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и общества. В рамках данного направления должны быть разработаны и внедрены механизмы:

- раскрытия информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- проведение публичных обсуждений подготавливаемых решений;
- проведения общественной экспертизы социально значимых решений органов исполнительной власти;
- включения представителей гражданского общества в коллегии надзорных органов и другие структуры по подготовке правовых актов и иных затрагивающих права и законные интересы граждан;
- определения рейтингов органов исполнительной власти и местного самоуправления по критерию открытости.

Необходимо подчеркнуть, что сама по себе административная реформа не направлена ни на формальную демократизацию, ни на развитие формальной авторитарности власти в России. Ре-

форма призвана сделать власть более эффективной. Именно ради повышения эффективности в мероприятиях реформы заложено усиление влияния общественности на власть. У гражданского общества и власти в России, наконец, появился общий интерес: власть будет заинтересована в сотрудничестве хотя бы потому, что за это придется отсчитываться.

5. Модернизация системы информационного обеспечения органов исполнительной власти. Оно предполагает создание условий для обеспечения открытости власти.

6. Обеспечение эффективности самой реформы. Важнейший компонент этого блока – обучение. Власти нужны менеджеры, имеющие опыт проектной деятельности. Общеизвестно, что во власти таких специалистов недостаточно.

По результатам первых лет можно определить, чего не хватает для эффективного выполнения задач административной реформы: времени, опыта и специалистов. Вместе с тем следует избежать ошибок рыночных реформаторов, сделавших ставку на импорт институтов, опыта и специалистов.

Известно, что существует три основные стратегии отношения к новшеству:

- игнорирование;
- реальное внедрение;
- имитация.

Можно предположить, что игнорирования административной реформы не допустит федеральный центр. Вместе с тем, для внедрения ее в установленные сроки может не хватить времени. Таким образом, наиболее реальной становится угроза бюрократической имитации реформы. Выделим поддерживающие данную угрозу факторы:

- нехватка знаний, потому, что ничего похожего в современной истории России не было;
- слабая информационная поддержка административной реформы;
- низкое качество соответствующих целевых программ (как федеральных, так и региональных).

Выше нами была предложена идея формирования специального механизма дебюрократизации. Она состоит в длительном и

масштабном институциональном реформировании, которое выходит далеко за пределы предложенной правительством административной реформы.

Социальная опора и движущая сила процесса де бюрократизации – структуры гражданского общества и инновационного бизнеса, по своему социальному статусу заинтересованные в либерализации социально-экономических отношений. При этом речь идет не о том, чтобы искоренить бюрократизм как таковой (такая задача абсолютно нереальна), а о том, чтобы осуществить перелом в негативном и тормозящем эволюцию страны процессе самовозрастания «статусного» бюрократического капитала, лишаящего национальную экономику ресурсов развития, инвестиционной привлекательности и глобальных конкурентных преимуществ.

Рис. 3. Принципы де бюрократизации социально-экономических отношений в современной России

В основании указанного механизма лежат следующие принципы (рис. 3):

- развития институтов гражданского общества, позволяющих опосредствовать взаимодействие субъектов рыночных отношений и субъектов государственного управления инструментами общественного участия и контроля с целью снижения его бюрократического и коррупционного потенциала;
- преодоления институциональной асимметрии между вертикалью государственной власти и горизонтальными связями между субъектами рынка, обуславливающей развитие процессе ре бюрократизации;

– преодоления рентной ориентации социально-экономического развития, поскольку она придает как субъектам рыночных отношений, так и субъектам государственного управления формы экономического поведения, нацеленные на извлечение ренты, а также отчуждает их от инновационного развития.

Литература

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Анатомия бюрократизма. – М.: Экономика, 1988.
2. Бьюкенен Дж. Избранные труды: Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. – М.: Таурис Альфа, 1997.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.
4. Ермоленко А.А., Зыза В.П., Лазовский В.Ф. Бюрократизм в коллективном производстве. – Воронеж: ВГУ, 1989.
5. Константиниди Х.А. Маркетинговый потенциал региона. Подходы к формированию региональной экономической политики // Проблемы формирования эффективной социально ориентированной модели хозяйственного развития России / под ред. Г.Б. Клейнера, С.И. Берлина, Х.А. Константиниди. – Краснодар, 2014. – С. 201–227.
6. Мамедов О.Ю. Ребюрократизация – главный враг юного российского рынка // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Т. 3. – № 1.
7. Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
8. Сорокожердьев В.В., Пименов Г.Г., Солонина С.В. Содержание, принципы и цели осуществления государственной экономической политики в современных условиях // Проблемы формирования эффективной социально ориентированной модели хозяйственного развития России / под ред. Г.Б. Клейнера, С.И. Берлина, Х.А. Константиниди. – Краснодар, 2014. – С. 58–97.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

*Васильева Л.Ф., д.э.н., профессор,
Васильев С.К., ст. преподаватель*

Кубанский государственный технологический университет

Рыночные отношения поставили коммерческие предприятия перед необходимостью работать в условиях неопределенности и повышенного риска. От эффективности использования трудовых ресурсов зависят себестоимость, прибыль и другие экономические показатели. Проведение анализа производительности труда позволяет руководству предприятия определить эффективность использования трудовых ресурсов. Основной задачей данного анализа является выявление и использование резервов роста производительности труда на предприятии. Процесс выявления резервов и путей повышения производительности труда должен основываться на комплексном технико-экономическом анализе деятельности предприятия. Таким образом, актуальность темы является очевидной.

Термин «производительность труда» был введен в 1766 г. Адамом Смитом, который в своей книге «Исследования о природе и причинах богатства народов» ввел понятия производительного и непроизводительного труда, а также выделил факторы, оказывающие непосредственное влияние на уровень производительности труда. Важнейшими из данных факторов он считал долю населения, которая занята производительным трудом, и уровень производительности труда.

В дальнейшем проблема производительности труда рассматривалась многими учеными. Так, например, по мнению Карла Маркса, уровень производительности труда находит своё отражение в относительной величине средств производства, которые рабочие превращают в продукт в течение определённого времени при неизменном напряжении рабочей силы.

Согласно классику советской школы экономики труда С.Г. Струмилину, производительность труда в самом общем и, в то же

время, точном смысле этого слова, определяется количеством продукта, создаваемого работником в единицу рабочего времени. Количество создаваемого продукта зависит от множества объективных и субъективных факторов.

Основные направления анализа и планирования производительности труда следующие: установление причин отклонения фактических ее показателей от плановых; выявление возможностей сокращения затрат труда; оценка трудовых показателей предприятия и его отдельных подразделений; разработка организационно-технических мероприятий по использованию резервов и определение их экономической эффективности; разработка плановых заданий по росту производительности труда.

Факторы производительности труда являются предметом пристального внимания работников науки, практики, поскольку они выступают в качестве первопричины, определяющих его уровень и динамику. Исследуемые в анализе финансовой отчетности факторы могут быть классифицированы по разным признакам. Исходя из сущности труда как процесса потребления рабочей силы и средств производства, все множество факторов, определяющих производительность труда, целесообразно объединить в две группы: 1) материально-технические, обусловленные уровнем развития и использования средств производства, в первую очередь техники; 2) социально-экономические, характеризующие степень использования рабочей силы.

Анализ влияния факторов на производительность труда проводится на основании данных предприятия ОАО «Центр «Омега». Полное фирменное наименование акционерного общества на русском языке – открытое акционерное общества «Центр передачи технологий строительного комплекса Краснодарского края «Омега» (далее – ОАО «Центр «Омега»). Основной вид деятельности: деятельность в области архитектуры, инженерно-техническое проектирование в промышленности и строительстве.

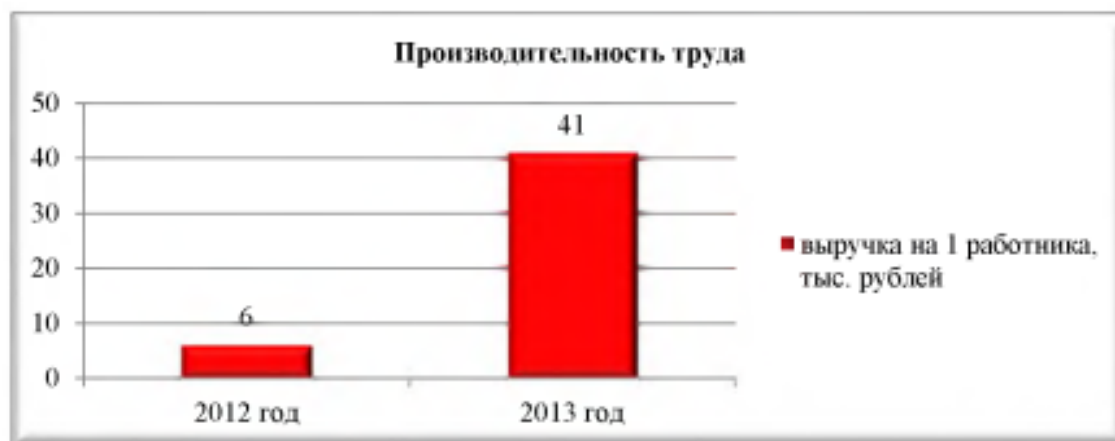
В 2013 году ОАО «Центр «Омега» завершено строительство и введены в эксплуатацию олимпийские объекты, находящиеся в зоне ответственности ОАО «Центр «Омега», а также продолжено строительство объекта: Трасса для проведения шоссейно-кольцевых автомобильных гонок серии «Формула-1».

Деятельность ОАО «Центр «Омега» неразрывно была связана с проведением XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр в городе Сочи в 2014 году.

Путем анализа и синтеза информации раскрыты исследуемые проблемы, а именно факторы, влияющие на производительность труда.

Эффективность использования трудовых ресурсов характеризует показатель производительности труда. Ниже на графике представлена динамика данного показателя за 2012 г. – 2013 г., рассчитанного как отношение выручки от реализации за год к средней численности работников (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Производительность труда за два года выросла с 6 тыс. руб./чел. до 41 тыс. руб./чел. (в 6,8 раза).

В целях повышения эффективности деятельности Общества путем применения современных методов управления в ОАО «Центр «Омега» разработана и внедрена интегрированная система менеджмента (ИСМ), включающая в себя систему менеджмента качества (СМК) и систему экологического менеджмента (СЭМ), соответствующие требованиям ГОСТ Р ИСО 9001-2008, ГОСТ Р ИСО 14001-2007.

В современных условиях особое внимание необходимо уделять совершенствованию организации труда и повышению его производительности, так как они являются единственным источником реального экономического роста и прогресса.

Сложившаяся ситуация требует кардинальных мер, направленных на повышение производительности труда как со стороны работников предприятия, так и со стороны государственных органов. Поэтому вопросы производительности труда, и влияние факторов на производительность труда являются значимыми.

Под резервами роста производительности труда следует понимать имеющиеся, но еще неиспользованные возможности экономии затрат общественного труда за счет наилучшего использования всех факторов роста производительности труда; иными словами, это разница между достигнутым и максимально возможным уровнем производительности труда.

Резервы роста производительности труда имеют вполне определенный, конкретный характер и как таковые различаются по времени и месту их возникновения. Резервы обусловлены действием всей совокупности взаимосвязанных факторов производительности труда на предприятии, где они выявляются и реализуются.

Основные направления поиска резервов роста производительности вытекают из формулы расчета ее уровня:

$$ЧВ = ВП / Т,$$

согласно которой добиться повышения производительности труда можно путем:

а) увеличение выпуска продукции за счет более полного использования производственной мощности предприятия, так как при наращивании объемов производства увеличивается только переменная часть затрат рабочего времени, а постоянная остается без изменения. В результате затраты времени на выпуск единицы продукции уменьшаются.

б) сокращения затрат труда на ее производство путем интенсификации производства, повышения качества продукции, внедрения комплексной механизации и автоматизации производства, более совершенной техники и технологии производства, сокращения потерь рабочего времени за счет улучшения организации производства, материально-технического снабжения и других факторов в соответствии с планом организационно-технических мероприятий.

Резервы увеличения среднечасовой выработки определяются следующим образом:

$$\begin{aligned} R\uparrow\text{ЧВ} &= \text{ЧВ}_в - \text{ЧВ}_{\text{факт}} = \\ &= (\text{ВП}_{\text{факт}} + R\uparrow\text{ВП}) / (\text{T}_{\text{факт}} - R\downarrow\text{T} + \text{T}_д) - (\text{ВП}_ф / \text{T}_ф). \end{aligned}$$

где $R\uparrow\text{ЧВ}$ – резерв увеличения среднечасовой выработки;
 $\text{ЧВ}_в$ и $\text{ЧВ}_ф$ – соответственно возможный и фактический уровень среднечасовой выработки;
 $R\uparrow\text{ВП}$ – резерв увеличения валовой продукции за счет внедрения мероприятий НТП;
 $\text{T}_ф$ – фактические затраты рабочего времени на выпуск фактического объема продукции;
 $R\downarrow\text{T}$ – резерв сокращения рабочего времени за счет механизации и автоматизации производственных процессов, улучшения организации труда, повышения уровня квалификации работников и т.д.;
 $\text{T}_д$ – дополнительные затраты труда, связанные с увеличением выпуска продукции, которые определяются по каждому источнику резервов увеличения производства продукции с учетом дополнительного объема работ, необходимого для освоения этого резерва, и норм выработки.

Умножив резерв роста среднечасовой выработки на плановую продолжительность рабочего дня, получим резерв роста среднедневной выработки. Если же этот резерв умножим на планируемый фонд рабочего времени одного рабочего, то узнаем резерв роста среднегодовой выработки рабочих.

Резерв роста валовой продукции за счет повышения производительности труда можно увидеть из расчета таблицы 1.

Определяем возможную среднегодовую выработку за счет сокращения численности рабочих на 2%:

$$\begin{aligned} \text{ГВ}\phi \text{ возм} &= 4349 \text{ млн. руб.} / (55 \text{ чел.} - (55 \text{ чел.} * 0,02)) = \\ &= 80,5 \text{ млн. руб.} \end{aligned}$$

Таблица 1

**Определение резервов роста валовой продукции
за счет повышения производительности труда**

Показатель	Факт 2013 год	План на 2014 год	Резерв
Валовая продукция, млн. руб.	4273	4349	76
Среднесписочная численность рабочих (ЧР)	55	54	
Отработано дней одним рабочим за год (Д)	283	278	
Средняя продолжительность рабочего дня (П), ч.	9,9	9,7	
Общее количество отработанного времени одним рабочим (Т ϕ), чел-ч	2802	2697	
Среднедневная выработка рабочего (ДВ ϕ), тыс. руб.	274,6	289,7	15,1
Среднечасовая выработка рабочего (ЧВ ϕ), тыс. руб.	27,7	29,9	2,2
Снижение потребности в рабочих, %		2	

Определяем рост среднегодовой выработки:

$$\begin{aligned}
 P \text{ ГВ}\phi &= \text{ГВ}\phi - \text{ГВ факт} = 80,5 \text{ млн.руб.} - 77,7 \text{ млн. руб.} = \\
 &= 2,8 \text{ млн. руб.}
 \end{aligned}$$

Определяем возможную среднедневную выработку за счет сокращения численности рабочих и уменьшения отработанных дней:

$$\begin{aligned}
 \text{ДВ}\phi_{\text{возм}} &= 4349 \text{ млн. руб.} * 1000 / (54 \text{ чел.} * 278 \text{ д.}) = \\
 &= 289,7 \text{ тыс. руб.}
 \end{aligned}$$

Определяем рост среднедневной выработки:

$$\begin{aligned}
 P \text{ ДВ}\phi &= \text{ДВ}\phi_{\text{возм}} - \text{ДВ}\phi_{\text{факт}} = \\
 &= 289,7 \text{ тыс. руб.} - 274,6 \text{ тыс. руб.} = 15,1 \text{ тыс. р.}
 \end{aligned}$$

Определяем возможную среднечасовую выработку за счет сокращения численности рабочих, уменьшения отработанных дней и уменьшения рабочего дня:

$$\begin{aligned}
 \text{ЧВ}\phi_{\text{возм}} &= 4349 \text{ млн. руб.} * 1000 / (54 \text{ чел.} * 278 \text{ д.} * 9,7 \text{ ч.}) = \\
 &= 29,9 \text{ тыс. руб.}
 \end{aligned}$$

Определяем рост среднечасовой выработки:

$$P \text{ ЧВ}\phi = \text{ЧВ}\phi \text{ возм} - \text{ЧВ}\phi \text{ факт} =$$

$$= 29,9 \text{ тыс. руб.} - 27,7 \text{ тыс.руб.} = 2,2 \text{ тыс. р.}$$

Для определения резерва увеличения выпуска продукции необходимо возможный прирост среднечасовой выработки умножить на планируемый фонд рабочего времени всех рабочих:

$$P \text{ ВП} = P \text{ ЧВ} * T_{\text{в}}$$

Снижение трудоемкости изготовления продукции является важнейшим и неисчерпаемым резервом повышения производительности труда, связанным комплексной механизацией и автоматизацией производства, внедрением новой и модернизацией действующей техники, совершенствованием технологических процессов, совершенствованием организации производства, внедрением научной организации труда.

Между трудоемкостью продукции и уровнем производительности труда существует обратно пропорциональная зависимость. Поэтому общая удельная трудоемкость продукции зависит от тех же факторов, что и среднечасовая выработка рабочих.

Поэтому следует определить резервы снижения удельной трудоемкости продукции по отдельным видам продукции и в целом по предприятию (табл. 2).

Таблица 2

Определение резервов снижения трудоемкости продукции

Показатель	Факт 2013 год	План на 2014 год	Резерв
Товарная продукция, млн. руб.	4273	4349	
Отработано, чел.-час .	154000	145616	
Удельная трудоемкость на 1 млн. руб., ч.	36,0	33,5	-2,5

Резерв снижения трудоемкости существует, так как по расчетам видно, что фактические затраты труда на единицу произведенной продукции составили 36,0 чел.-часов, а за счет сокращения численности рабочих, уменьшения отработанных дней и продол-

жительности рабочего дня трудоемкость составит 33,5 чел.-часов, в следствие этого планируемые затраты труда уменьшатся на 2,5 чел.-часа, а валовая продукция увеличится на 76 млн. руб.

Во всех экономических системах главной производительной силой является человек, персонал организации. Своим трудом он создает материальные и духовные ценности. Чем выше человеческий капитал во всякой организации или фирме, тем лучше она работает. Люди, персонал служат на предприятии одновременно экономическими ресурсами и основными факторами производства. Без взаимодействия людей, работников нет ни производства, ни потребления, ни рынка.

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы. В рыночных отношениях между процессами производства продукции и использования трудовых ресурсов, рабочей силы, персонала предприятия существует такое же равновесие, как между спросом и предложением, затратами и результатами, доходами предприятия и уровнем жизни работников. Всякая деятельность персонала предприятия в полной мере должна соответствовать существующему механизму рыночных трудовых отношений в современном производстве и обеспечивать высокий рост производительности труда.

Целью статьи являлось рассмотрение влияния факторов на производительность труда и анализ трудовых ресурсов на основе данных ОАО «Центр «Омега». Для достижения цели рассмотрены теоретические аспекты проведения оценки экономического состояния трудовых ресурсов предприятия, изложены различные методики и модели экономического анализа. Организация ОАО «Центр «Омега» проанализирована с таких точек зрения, как: обеспеченность трудовых ресурсов, движение рабочей силы, использование рабочего времени, производительность труда.

Одной из наиболее важных задач анализа на любом предприятии является поиск и своевременное использование резервов. Решение этой задачи невозможно без учета всех факторов, влияющих на производительность труда. При определении факторов необходимо четко и осознанно выбирать методику их расчета, и в дальнейшем, для проведения анализа полученных результатов, придерживаться выбранной политики.

Перед организацией встает необходимость жесткого планирования всех факторов и тщательного их анализа для выявления их влияния на производительность труда.

В настоящее время значительно возрастает роль анализа финансовой отчетности в деятельности предприятия, выявляющего положительное и отрицательное влияние факторов на производительность труда. Основная цель анализа - обнаружение и устранение недостатков в деятельности предприятия, поиск и вовлечение в производство неиспользуемых резервов.

Анализ финансовой отчетности служит орудием контроля над работой организации и средством выявления влияния факторов на производительность труда.

Возможными направлениями дальнейших исследований, согласно которым можно добиться повышения производительности труда, могут быть:

а) увеличение выпуска продукции за счет более полного использования производственных мощностей предприятия, поскольку при наращивании объемов производства продукции на тех же мощностях, увеличивается только и переменная часть затрат рабочего времени, а постоянная остается без изменений. Вследствие этого затраты времени на выпуск единицы продукции уменьшаются;

б) сокращение затрат труда на ее производство путем интенсификации производства, внедрения комплексной механизации и автоматизации, более совершенной техники и технологий производства, сокращения потерь рабочего времени за счет улучшения организации труда, материально-технического снабжения и других факторов в соответствии с планом организационно-технических и инновационных мероприятий.

При этом возможны следующие варианты соотношения изменений объема выпуска продукции и затрат труда, которые необходимо учитывать, выбирая управленческую стратегию для обеспечения роста производительности труда за счет существующих в данный момент экономических условий:

а) увеличивается объем выпуска продукции при снижении затрат труда на ее производство;

б) объем продукции растет быстрее, чем затраты труда;

- в) объем продукции растет при неизменных затратах труда;
- г) объем продукции остается неизменным при снижении затрат труда;
- д) объем продукции снижается более медленными темпами, чем затраты труда

Литература

1. Васильев С.К., Васильева Л.Ф., Успенская С.Н. Анализ и пути повышения энергоэффективности производства // Региональный научный журнал: Экономика устойчивого развития. Краснодар, 2012. № 9. С. 48–53.

2. Васильева Л.Ф., Васильев С.К., Уфимцев Г.С. Оценка инвестиционной привлекательности пищевых предприятий // Проблемы, противоречия и перспективы развития России в современном мире: экономико-правовые аспекты: сб. статей Междунар. науч.-практ. конференции. Краснодарский университет МВД России и др.; под общ. ред. Э.В. Соболева, С.И. Берлина, В.В. Сорокожердьева. 2014. С. 60–62.

3. Васильева Л.Ф., Васильев С.К., Успенская С.Н. Основные аспекты анализа потенциала энергосбережения в промышленности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2012. № 77. С. 895–904.

4. Зиновьева Л.В., Васильева Л.Ф. Технология обработки учетных задач с использованием пакетов «мини-бухгалтерия» // Проблемы, противоречия и перспективы развития России в современном мире: экономико-правовые аспекты: сб. статей Междунар. науч.-практ. конференции. Краснодарский университет МВД России и др.; под общ. ред. Э.В. Соболева, С.И. Берлина, В.В. Сорокожердьева. Краснодар, 2014. С. 115–117.

5. Уфимцев Г.С., Васильева Л.Ф., Васильев С.К.. Основные аспекты анализа инвестиций для промышленных инновационных проектов // Региональный научный журнал: Экономика устойчивого развития. Краснодар, 2012. № 9. С. 201–205.

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ

*Максименко Л.С., д.э.н., проф.,
Музаев И.Р., аспирант
Северо-Кавказский Федеральный университет*

Основой инновационной деятельности хозяйствующего субъекта и ключевым элементом его инновационной политики является инновационная стратегия.

Инновационная стратегия представляет собой совокупность осознанных взаимосвязанных действий, правил и принципов, обеспечивающих лидерство организации посредством разумного распределения и перераспределения ресурсов между перспективными направлениями инновационного развития в процессе непрерывного поиска, разработки, внедрения и коммерциализации новшеств. Посредством особых методов и приемов работы с новшествами она обеспечивает увеличение концентрации инноваций и инновационных продуктов как на рынке, так и на предприятии.

Многообразие инновационного инструментария достижения корпоративных и деловых целей, используемого в зависимости от состояния внешней среды и характера взаимодействия организации с ней, предопределяет существование всевозможных видов инновационных стратегий, классификация которых в научной литературе достаточно вариативна.

Исследователи инновационной сферы предлагают следующие направления классификации инновационных стратегий организаций, представленные в соответствии с таблицей 1.

Таблица 1

Направления классификации инновационных стратегий организаций

Автор(ы) подхода	Авторский классификационный признак	Виды стратегий	Сущностные характеристики
1	2	3	4
Б. Твисс [12]	-	Наступательная	Ее избирают только мелкие предприятия, концентрирующие усилия на одном или нескольких инновационных проектах
		Защитная	Используется при наличии значительной доли рынка, не занятой конкурентами, возможностью получения прибыли, в том числе за счет относительно низкого уровня издержек
		Лицензионная	Характеризуется необходимостью проведения собственных НИОКР для последующего более точного выбора лицензий для покупки
		Промежуточная	Основывается на маркетинговых исследованиях, требует высокой творческой активности персонала маркетинговых служб
		Разбойничья	Предполагает резкое вторжение производителя на рынок, способное привести к его сокращению
		Стратегия создания нового рынка	Предполагает, что в данный период организацией является единственным производителем нового продукта

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Б. Санто [10]	-	Традиционная	Реализуется в стабильных производственно-хозяйственных условиях при традиционной номенклатуре производства и относительно низком уровне конкуренции с целью повышения качества
		Оппортунистическая	Обеспечивает монополию на рынке посредством реализации такого изделия, которое позволяет получить экономиию на НИОКР
		Имитационная	Ориентирована на приобретение у организаций-разработчиков новых технических идей, технологий, способных обеспечить быстрое освоение рынка на основе выпуска лицензионных продуктов
		Оборонительная	Предполагает следование за конкурентами в избранной области, выпускаемая уже апробированные на рынке продукты.
		Зависимая	Характеризуется передачей крупными производителями новых разработок средним и малым предприятиям для дальнейшего их распространения
		Наступательная	Производитель стремится занять ведущие позиции на рынке, быстро реагируя на возникновение технологических разрывов

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
А.М. Мухамедьяров [8], С.А. Агарков, Е.С. Кузнецова, М.О. Грязнова [1]	В зависимости от модели инновационного поведения и отношения компании к новшествам	Наступательная Защитная (оборонительная) Промежуточная Поглощающая (лицензирование) Имитационная Разбойничья	Включает разработку и вывод на рынок продуктов, относящихся к радикальным, а в некоторых случаях и к подрывным инновациям. Требует активных действий для удержания завоеванной доли рынка посредством реализации набора действий, связанных с поддержанием высокого уровня продукции (услуг) и проведением комплекса маркетинговых мероприятий. инкрементальные инновации. Ориентирована на охват наименее конкурентных сегментов существующих рынков за счет использования слабых сторон конкурентов и сильных сторон предприятия Предполагает приобретение прав и использование разработок, выполненных другими организациями. Характеризуется повторением решений, созданных другими компаниями, с некоторым усовершенствованием и модернизацией. Предполагает создание продуктов, основывающихся на таких инкрементальных инновациях, которые существенно улучшают технико-эксплуатационные характеристики продукта (например, срок службы или производительность) и за счет этого уменьшающих объем рынка в целом

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Л. Водачек, О. Водачкова [4]	-	Активно наступательная Умеренно наступательная Оборонительная Остаточная Виолентная Патиентная Коммутантная Эксплерентная	Используется производителями, стремящимися быть первыми на рынке конкретного нововведения и обладающими высоким инновационным потенциалом, а также научно-техническим заделом в сфере производства нового продукта, сильной маркетинговой службой и т.д. Позволяет предприятию стать вторым производителем и удерживать эту позицию путем проведения собственных НИОКР очень высокого уровня по существу более широкому спектру изделий Используется средними предприятиями, стремящимися сохранить свои позиции, либо теми, кто не имеет проблем со сбытом из-за отсутствия конкуренции Предполагает, что производитель остается на уже освоенном рынке с традиционными или даже морально устаревшими продуктами после ухода с этого рынка ведущего производителя. Предполагает снижение издержек производства за счет организации массового выпуска сравнительно недорогих, но вполне доброкачественных товаров Предполагает выпуск ограниченного количества узкоспециализированной продукции самого высокого качества, реализуемой по очень высокой цене Предполагает максимально гибкое удовлетворение не больших по объему (локальных) потребностей рынка Ориентирована на радикальные нововведения
А.Ю. Юданов [16]	В зависимости от конкурентной позиции на рынке		

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
З.П. Румянцева, Н.А. Саломатин [12]	По реакции на внешнюю и внутреннюю среду предприятия	Стратегия технологического лидера (наступательная, пионерная) Стратегия следования за лидером (оборонительная)	Характеризуется постоянной разработкой технологических (продукт- и процесс-) инноваций. Включает инновационное развитие реакции характера – реакция на изменения во внешней среде, в частности на инновации конкурентов
Л. М. Гельман, М. И. Левин; Р.А. [3] Фатхутдинов [14]; О.М. Хотяшева [15]	В зависимости от модели поведения компании в новых рыночных условиях; в зависимости от объекта инноваций	Активные (технологические): - лидерства; - имитации. Пассивные (маркетинговые): - качественная дифференциация; - социальный маркетинг; - стратегическая сегментация; - 3р-инновации.	Представляют собой реагирование на происходящие и возможные изменения во внешней среде путем проведения постоянных технологических инноваций Связаны с фокусированием внимания фирмы на постоянных маркетинговых инновациях
В.М. Аньшин, В.А. Колоколов, А.А. Дагаев, Л.Г. Кудинов[6]	-	Стратегии НИОКР: - лицензионная; - исследовательского лидерства; - следования жизненному циклу; - параллельной разработки; - опережающей наукоемкости.	Связаны с проведением предприятием исследований и разработок

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
А. В. Кульбаков [9], О.М. Хотяшева [15]	В зависимости от освоения выпуска новых изделий (диверсификации)	Стратегии внедрения и адаптации нововведений: - поддержки продуктового ряда; - ретро-нововведений; - сохранения технологических позиций; - продуктовой и процессной имитации; - стадийного преодоления; - технологического трансферта; - технологической связанности; - следования за рынком; - вертикального заимствования; - радикального опережения; - выжидания лидера.	Относятся к системе обновления производства, вывода продуктов на рынки, использования технологических преимуществ
		Горизонтальная (или ровная) Вертикальная Интеграционная	Расширение масштабов деятельности за счет выпуска новых товаров или услуг в рамках одной отрасли Предполагает охват различных этапов производственного цикла Фирменная номенклатура расширяется за счет товаров различных отраслей.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
О.М. Хотяшева [15]	По методу разработки стратегий и их принятию	Запланированная стратегия	На основе предвидения будущих изменений последовательно разрабатываются стратегии адаптации к этим изменениям
	В зависимости от конкурентного поведения	Эмерджентная стратегия	Разрабатывается в момент, когда изменение во внешней среде уже произошло и нужна продуманная комплексная реакция, определяющая последующие позиционирование фирмы на рынке
И.В. Конев [7]		Стратегия блокирования	Предполагает защиту инноваций от конкурентов
		Стратегия кооперации	Предполагает, что компания, выходя на рынок новый продукт, заинтересована в том, чтобы как можно большее количество конкурентов перешли на выпуск аналогичной продукции, т.е. скопировали новинку
		Стратегия опережения	Сфокусирована на создании такой базы R&D, которая позволяет компании быть постоянно на шаг впереди в предложении рынку первичных инноваций.
		Директивная	Нововведения инициируются вышестоящими управленческими инстанциями и задаются нижестоящим в виде директивы, подлежащей обязательному исполнению
		Составительная	Ориентирует инноваторов на взаимные результаты, успехи и побуждает их к тому, чтобы сделать «лучше других» или, по крайней мере, «не хуже других».

Окончание табл. 1

1	2	3	4
		«Самодостаточная» Альтернативная «Косметическая» Рациональная (проблемно-ориентированная)	Нововведение выступает самоцелью. Направлена на введение таких новшеств, которые непременно должны отличаться от того, что делалось в прошлом или что делают другие. Предполагает ориентацию на мелкие, незнатительные нововведения при сохранении традиционного существа дела. Ориентируется на решение возникающих проблем. Нововведение – не самоцель, а средство решения проблемы и условие обеспечения эффективного функционирования системы (личности, организации, общества).

Кроме вышеперечисленных подходов в литературе по стратегическому и инновационному менеджменту можно встретить разнообразные вариации классификации инновационных стратегий [2, 5, 9]. В определенной степени они вторят перечисленным нами способам. Проведенный контент-анализ научных подходов к типологизации инновационных стратегий организаций свидетельствует об отсутствии четкой формализации алгоритма классификации. Можно выделить ряд упущений, осложняющих систематизацию инновационных стратегий:

1) многими исследователями не идентифицированы классификационные признаки;

2) некоторые авторы используют тождественные стратегии с различными наименованиями, например, наравне с термином «оборонительная» используются понятия «адаптационная», «пассивная», а синонимами термина «наступательная» служат понятия «активная», «острая», «творческая» и др. [11];

3) в рамках выделенных укрупнено стратегических групп предлагаются дополнительные подгруппы стратегий, которые могут реализованы не только в рамках группы, например, лицензирование может применяться в любой инновационной стратегии;

4) исследователями даются разной степени детализации описания инновационных стратегий, не позволяющие четко проследить их отличительные особенности.

Предложенные в научной литературе классификации не отражают всех возможных инновационных стратегий. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего уточнения, упорядочения и приведения к единообразию существующих классификационных подходов в направлении развития цельной, эмпирически проверенной, четко формализованной типологии инновационных стратегий организаций, соответствующей современным тенденциям инновационного развития и удобной для анализа их инновационного поведения.

Литература

1. Агарков, С.А. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика / А.С. Агарков, Е.С. Кузнецова, М.О. Грязнова. – М.: «Академия Естествознания», 2011.

2. Анискин. Ю. А. Инновационное развитие на основе организационного потенциала компании / Ю.А. Анискин // Проблемы теории и практики управления. – 2006. – № 7. – С. 73–83.
3. Водачек, Л. Стратегия управления инновациями на предприятии / Л. Водачек, О. Водачкова. – М.: Экономика, 1989.
4. Гельман. Л.М. Модели инновационных процессов (обзор зарубежной литературы) / Л.М. Гельман, М.И. Левин // Экономика и математические методы. – 1989. – № 6.
5. Инновационный менеджмент / под ред. Ильенковой С.Д. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: 2007. – 335 с.
6. Инновационный менеджмент: Концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития: учеб. пособие / под ред. В.М. Аньшина, А.А. Дагаева. 3-е изд., перераб., доп. – М.: Дело, 2007. – 584 с.
7. Конев. И.В. Социальное управление организационными инновациями в развивающейся корпорации: монография / И.В. Конев. – Белгород: изд-во ГП «Белгородская областная типография», 2004. – С. 65–71.
8. Мухамедьяров, А.М. Инновационный менеджмент: учеб. пособие / А.М. Мухамедьяров. – 2-е изд. – М.: Инфра-М, 2008. – 176 с.
9. Порецкова, К.В. Классификация инновационных стратегий промышленных предприятий / К.В. Порецкова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2; URL: www.science-education.ru/108-9031.
10. Санто, Б. Инновация как средство экономического развития / Б. Санто. – М.: Прогресс, 1991.
11. Сковородко, А.А. Подходы к классификации инновационных стратегий развития предприятия / А.А. Сковородко // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2006. – № 1 (9); URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-291056.html>
12. Твисс, Б. Управление нововведениями / Б. Твисс. – М.: Экономика, 2009. – 272 с.
13. Управление организацией: учебник / под ред. А.Г. Поршнева, З.П. Румянцевой, Н.А. Саломатина. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 669 с.
14. Фатхутдинов, Р.А. Инновационный менеджмент / Р.А. Фатхутдинов. 6-е изд. – СПб.: Питер, 2012. – 448 с.
15. Хотяшева, О.М. Стратегическое управление инновациями в современных компаниях / О.М. Хотяшева // Инициативы XXI века. – 2009. – № 2. – С. 48–55.
16. Юданов, А.Ю. Конкуренция: теория и практика: учеб.-практ. пособие / А.Ю. Юданов. – М.: Гном и Д, 1998. – 304 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абесалашвили М.З., Шадже А.М.</i> Проблемы применения постановлений пленумов ВАС РФ и ВС РФ на современном этапе в свете судебной реформы	3
<i>Алексеев А.Г., Зыза В.П.</i> Рынок слияний и поглощений как сегмент рынка корпоративного контроля.....	9
<i>Арженовский С.В., Бахтеев А.В.</i> Оценка риска искажений при аудите	16
<i>Аскеров Н.С.</i> Неформальные механизмы регулирования общественных отношений на Северном Кавказе	22
<i>Аутлева Р.В.</i> Общие правила компетенции арбитражных судов по рассмотрению дел с иностранным элементом	30
<i>Бабаян Л.Э., Седых Н.В.</i> Перспективы замены транспортного налога.....	36
<i>Барановская Т.П., Познышева Н.О.</i> Обоснование выбора методов прогнозирования урожайности подсолнечника.....	41
<i>Бархатов В.И., Дьяченко О.В.</i> Фактор креативности персонала в устойчивом и успешном развитии современной компании	48
<i>Барчо А.А., Дьякова Т.Ю.</i> Об условности использования категории «мажоритарная избирательная система абсолютного большинства» в современной избирательной практике России	55
<i>Буркова Л.Н.</i> Отчуждение недвижимого имущества путем выкупа в связи с изъятием земельного участка.....	61
<i>Гайдарева И.Н.</i> Административная реформа: сравнительно-правовой анализ	70
<i>Горобенко Т.В.</i> Стратегии социально-экономического развития регионов: теория и практика	77

<i>Григорьева И.Ю., Швецова Е.А.</i> Государственная инновационная политика как механизм поддержки приоритетных инновационных программ и проектов	85
<i>Григорян К.Г.</i> Возможности развития экономических отношений между Российской Федерацией и Республикой Армения.....	92
<i>Демидова Г.С.</i> Динамика положений наследственного права как результат социально-экономического развития общества	100
<i>Иващенко К.Ю., Седых Н.В.</i> Маркетинговая поддержка и продвижение финансовых услуг кредитной организации в социальных сетях и сети Интернет	108
<i>Иншакова А.О.</i> Особенности современного проявления и развития основополагающих и специальных принципов МЧП	112
<i>Каджебаши Н.Н., Шевченко Е.В.</i> Универсальная электронная карта в системе предоставления государственных и муниципальных услуг	119
<i>Казарян Э.С., Алексанян В.С.</i> Особенности и тенденции развития сельского хозяйства Республики Армения.....	126
<i>Казаченок С.Ю.</i> Сокращение пределов участия государства в регулировании спорных внешнеэкономических отношений	132
<i>Калашников С.А., Геворгян А.С.</i> Развитие инфраструктуры и логистическое обеспечение рынка молочной продукции	138
<i>Кизим А.А., Ленетухина М.В.</i> Проблемный характер международных внешнеторговых операций.....	145
<i>Кильчукова А.Л.</i> Российский рынок труда: тенденции развития и актуальные вопросы	153

<i>Колтырин В.И., Иншакова А.О.</i> Правовая природа и характерные особенности договора об инновационном исследовании	161
<i>Кортиаев Т.Ю.</i> Взаимодействие институтов государства и гражданского общества как условие экономической и политической стабильности	165
<i>Кясов Т.А.</i> Вопросы модернизации аграрного сектора российской экономики	176
<i>Макаревич О.А.</i> Управление корпоративными интегрированными структурами в агропромышленном секторе экономики	182
<i>Маркарян В.Р.</i> Институциональные аспекты глобализации российского экономического пространства.....	192
<i>Маркова-Мурашова С.А.</i> Концепция человеческого капитала: экономический подход к образованию	201
<i>Мирзоян Р.Э.</i> Особенности валютного регулирования в странах СНГ	209
<i>Молчан А.С., Крецу С.И.</i> Устойчивое развитие региональных экономических систем: факторы, условия, стратегические приоритеты	216
<i>Осадчук Л.М.</i> Актуальные аспекты налогового регулирования внешнеэкономической деятельности в новых экономических условиях.....	224
<i>Пономарева А.С.</i> Модернизация как основа развития аграрного сектора сельской периферии северного региона	230
<i>Пишизова Е.Н.</i> Некоторые проблемы квалификации преступных нарушений правил охраны труда.....	242
<i>Саакян М.В.</i> Повышение правовой культуры как основа консолидации российского общества.....	252
<i>Солонина С.В.</i> Становление инновационной политики в условиях модернизации российской экономики	258

<i>Стародубцев А.В.</i> Конкретизация судебных дефиниций: проблемы и перспективы.....	268
<i>Стародубцев С.В.</i> Критерии построения системы таможенного права	275
<i>Стародубцев А.В.</i> Некоторые проблемы содержания отраслевых судебных дефиниций.....	282
<i>Стародубцев С.В.</i> Структура таможенного права евразийского экономического союза.....	290
<i>Томилко Ю.В.</i> Вузы и НИИ как элемент структуры региональных инновационных кластеров	296
<i>Турлий С.И.</i> Информационные модели обоснования оптимальных параметров предприятий молочной отрасли ..	304
<i>Удычак Ф.Н.</i> Методологические проблемы эффективности действия права на современном этапе	312
<i>Хейгетова С.Е.</i> Совершенствование и развитие транспортного законодательства России в современных экономических условиях.....	321
<i>Ходзинская А.Б.</i> Адаптивное управление экономикой региона в условиях деформации экономического развития..	329
<i>Ходзинская А.Б.</i> Процесс адаптации региональной экономической системы к изменениям условий внешней среды.....	333
<i>Цхададзе Н.В.</i> Государственное внешнеэкономическое регулирование агропродовольственной сферы (АПС) и продовольственная безопасность страны	341
<i>Чабан Е.А.</i> Административное усмотрение в деятельности исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления	352
<i>Шевченко О.П.</i> Повышение показателей производительности труда путем эффективной организации труда и рационального управления персоналом	357

<i>Щепакин М.Б., Кривошеева Е.В.</i> Об экономической природе понятия «конкурентоспособность предприятия».....	363
<i>Щепакин М.Б., Солкина А.А.</i> Индикаторы оценки состояния регионального отраслевого рынка нефтепродуктов	373
<i>Тупиха Н.А.</i> Способы торможения экономики России, складывающиеся на основе развития бюрократических трансакционных издержек.....	384
<i>Васильева Л.Ф., Васильев С.К.</i> Оценка влияния факторов на производительность труда на основе анализа финансовой отчетности	393
<i>Максименко Л.С., Музаев И.Р.</i> Проблемы классификации инновационных стратегий организаций.....	403

ПОИСК МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ:
ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник статей международной научно-практической конференции

*под редакцией Г.Б. Клейнера, Э.В. Соболева,
В.В. Сорокожердьева*

*Статьи, представленные в сборнике, даны в авторской редакции.
Редакционный совет не несет ответственности за сведения, изложенные
авторами*

Подписано в печать 16.03.2015.
Формат бум. 60x84 1/16. Тираж 500 экз.

Типография ООО «Граф Колесник»
350015, г. Краснодар, ул. Северная, 400